

А.Н. ЦАМУТАЛИ

БОРЬБА
ТЕЧЕНИЙ
В РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
СССР

Ленинградское
отделение

А. Н. ЦАМУТАЛИ

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ
В РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1977

Развитие исторической науки в России во второй половине XIX века рассматривается в монографии в свете борьбы двух лагерей — революционно-демократического, с одной стороны, и официально-охранительного, славянофильского и либерального направлений — с другой. Исследуются возникновение и развитие государственной школы, первые работы славянофилов Д. Валуева и Ю. Самарина, предшествовавшие более известным трудам К. Аксакова. Эволюция либерального направления (в частности, развитие взглядов К. Кавелина, С. Соловьева, Б. Чичерина) рассмотрена на основе ленинских высказываний о сущности русского либерализма. В книге наряду с трудами историков широко использованы рецензии, газетная и журнальная публицистика, а также архивные материалы.

Издание рассчитано на историков, философов и на более широкие круги читателей, интересующихся историей русской общественной мысли.

Ответственный редактор

Б. В. АНАНЬИЧ

Алексей Николаевич
Ц а м у т а л и

**БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ
В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА**

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. П. Сидоренко*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Э. В. Коваленко* и *К. С. Фридлянд*

Сдано в набор 26/IV 1977 г. Подписано к печати 1/XII 1977 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 3. Печ. л. 16 = 16 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.44. Изд. № 6475. Тип. зак. № 300. М-24340. Тираж 3500.
Цена 1 р. 80 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская
линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XIX в. — время крупнейших сдвигов в истории России. Отмена крепостного права, проведение других буржуазных реформ 60-х—начала 70-х гг. свидетельствовали о том, что новая капиталистическая общественно-экономическая формация развивалась и утверждалась, несмотря на многочисленные преграды и феодальные пережитки. Менялся общий экономический облик страны. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка», — писал В. И. Ленин.¹

В конце 50-х—начале 60-х гг. возникла первая революционная ситуация. В. И. Ленин следующим образом характеризовал обстановку в стране в этот период: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России „Колокола“, могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых „очень часто“ приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять „Положение“, обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять *такое* „Положение“, студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной».²

Во главе революционного лагеря в 50—60-е гг. XIX в. стояли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Важное значение в революционной пропаганде имел и лондонский центр русской эмиграции, возглавлявшийся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. «Герцен, — писал В. И. Ленин, — создал вольную русскую прессу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597—598.

² Там же, т. 5, с. 29—30.

за границей — в этом его великая заслуга. „Полярная звезда“ подняла традицию декабристов. „Колокол“ (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено».³

Смерть Н. А. Добролюбова, арест и ссылка Н. Г. Чернышевского, последовавший спад революционной ситуации не приостановили развития освободительных идей. Происходившие во второй половине 60-х—начале 70-х гг. политические процессы свидетельствовали о том, что в демократических кругах, несмотря на неудачи, поражения и ошибки, не угасало стремление к борьбе против самодержавия. Однако в политических и тактических взглядах участников революционного движения произошли определенные изменения. Главное из них — оформление народничества, сыгравшего видную роль во всей общественно-политической жизни России второй половины XIX в.

Народничество в широком понимании этого слова охватывает период, начиная с Герцена и Чернышевского, которые выдвинули ряд важнейших положений, вошедших в состав народнической доктрины, и кончая началом XX в. О народничестве в более узком смысле можно говорить со второй половины 60-х—начала 70-х гг., когда окончательно оформляется народническая идеология. Социально-экономическая отсталость России, слабость делавшего первые шаги рабочего движения были причиной того, что народническая теория долго пользовалась большим влиянием в среде демократии.

В конце 70-х гг. XIX в. в России вновь сложилась революционная ситуация. Однако она не переросла в революцию. Силы реакции, воспользовавшись трусливым поведением либералов, перешли в наступление.

События общественно-политической жизни страны нашли широкое отражение в исторической литературе. Статьи, написанные на исторические темы Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, были одновременно и политической публицистикой и вкладом в развитие исторической науки с революционно-демократических позиций. Сочинения историков либерального направления, таких как К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, являлись своего рода историческим обоснованием необходимости проведения умеренных реформ, были проникнуты враждебностью к революционным преобразованиям. На страже незыблемости самодержавных и крепостнических порядков стояли историки-охранители М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов и другие.

Начало борьбе течений в русской историографии было положено полемикой, которая происходила вокруг исторических трудов в первой половине XIX в. Выход в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина стал важным событием в исторической науке начала века. Богатство фактического ма-

³ Там же, т. 21, с. 258—259.

териала, изложенного к тому же с несомненным литературным талантом, привлекло к ней всеобщее внимание. Но «История» Карамзина отнюдь не являлась ученым сочинением, далеким от злободневных проблем общественно-политической жизни. В советской историографической литературе дана четкая характеристика Карамзина, который был «наиболее ярким и последовательным выразителем дворянско-монархического взгляда на русскую историю», а его исторические труды — «проявлением дворянско-аристократической реакции в условиях кризиса крепостнического строя в России».⁴ Впервые обстоятельной критике исторические взгляды Карамзина подверглись со стороны декабристов. Причем всесторонний разбор «Истории» Карамзина, предпринятый Н. М. Муравьевым, и многочисленные высказывания других декабристов не только содержали критику карамзинской концепции. В них одновременно выдвигалось и обосновывалось требование изучать историю на основе поиска исторических закономерностей, писать историю народа, а не историю царей и князей.⁵ Поражение декабристов не остановило распространения их идей, и правительство, не полагаясь на одну цензуру, прилагало немалые усилия для того, чтобы противопоставить революционным идеям собственную систему общественно-политических взглядов. Основные положения этой системы в 1843 г. были сформулированы министром народного просвещения С. С. Уваровым и вошли в историю как «теория официальной народности». Но с той критикой, которой подвергли декабристы Карамзина, представители официальной историографии не считаться уже не могли.

Свидетельством того, что в России по-прежнему существуют люди, способные открыто высказать несогласие с правительственной идеологией, было выступление П. Я. Чаадаева. В 1836 г. в «Московском телеграфе» он напечатал свое «Философическое письмо» (первое из серии писем, полностью опубликованных лишь в советское время). При всей сложности и противоречивости философско-религиозных и исторических взглядов П. Я. Чаадаева его «Философические письма» и последовавшая за ними «Апология сумасшедшего» были решительным протестом против самодержавия и официальной идеологии. Вместе с тем в них содержалась смелая попытка пересмотра основных положений официальной историографии, философского осмысления русской истории.⁶

⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955, с. 277.

⁵ Историческим взглядам декабристов посвящена значительная литература. См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 51—52, 227—228, 255, 300, 390—391, 395. Следует выделить монографию С. С. Волка «Исторические взгляды декабристов» (М.—Л., 1958) и его же статью «На путях исторического познания» в сб. «Декабристы и русская культура» (Л., 1976).

⁶ См.: Цамутали А. Н. Идеи декабристов и русская историография XIX в. — Исторические записки, [т.] 96, М., 1975, с. 319—322.

Сомнения, посеянные декабристами, находили своеобразный отклик и у историков, далеких от революционных настроений, но признававших ограниченность положений официальной историографии и желавших умеренной эволюции монархии. К ним принадлежал Н. А. Полевой, который напечатал в 1829 г. в редактируемом им журнале «Московский телеграф» разбор «Истории» Карамзина. Он писал, что «История государства Российского» устарела, а ее автор — «литератор, философ, историк прошедшего века, прежнего, не нашего поколения», которому «истинная история недоступна». Упреки Карамзину в отсутствии философской идеи, которая должна пронизывать историческое сочинение и сущность которой Полевой усматривал в наличии единого всемирно-исторического процесса,⁷ перекликались с высказываниями Н. М. Муравьева об исторической закономерности.⁸ Эту аналогию не следует рассматривать упрощенно, тем не менее критический подход к Карамзину, начало которому положили декабристы, несомненно оказывал влияние на Полевого. По мнению А. Е. Шикло, автора одной из последних работ о Н. А. Полевом, в своей «Истории русского народа» он выступил «первым русским историком, создавшим единую, органическую концепцию исторического развития, теоретической основой которой явились идеи объективного идеализма».⁹ Как отмечает А. Е. Шикло, в этом шеститомном труде наибольший интерес представляет «обширное историческое введение, где автор ставил проблемы методологии и методики исторического исследования, пытался пересмотреть конкретный материал с точки зрения единого философского метода».¹⁰

С критикой Карамзина выступали представители «скептической школы» Н. С. Арцыбашев¹¹ и М. Т. Каченовский.¹² Политические идеалы М. Т. Каченовского не только не имели ничего общего с взглядами декабристов, но и были полностью им противоположны. Вместе с тем взгляды М. Т. Каченовского на историю России перекликались с некоторыми мыслями П. Я. Чаадаева. При всем различии их политических и религиозных убеждений и М. Т. Каченовский и П. Я. Чаадаев, обращаясь к древней русской истории, склонны были (пусть в разной степени) отрицать ее значение. Чаадаев считал, что Россия не имела «богатой истории» к моменту, когда Петр I начал свои реформы.

⁷ Полевой Н. А. История государства Российского, соч. Н. М. Карамзина. — Московский телеграф, 1829, № 12.

⁸ Муравьев Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. — Литературное наследство, т. 59, М.—Л., 1954, с. 584.

⁹ Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. — История СССР, 1971, № 5, с. 107.

¹⁰ Там же, с. 97.

¹¹ Арцыбашев Н. С. Замечания на «Историю государства Российского». — Московский вестник. 1828, ч. 11, с. 285—318; ч. 12, с. 254—285.

¹² Каченовский М. Т. История государства Российского. — Вестник Европы, 1829 (сентябрь—октябрь).

Каченовский называл ранний период истории Руси «баснословным», полагая, что об истории России можно говорить лишь начиная с XII—XIII вв. Но в критических выступлениях против Карамзина существенную роль играли не столько различия во взглядах их участников, сколько тот факт, что благодаря декабристам критика карамзинской концепции вообще воспринималась как удар по официально-охранительному направлению и подрыв устоев самодержавного строя.

С критики Карамзина начал свою научную деятельность и М. П. Погодин, ставший затем наиболее ярким проводником официально-охранительных идей в исторической науке. М. Н. Покровский в написанной еще до революции и предназначенной для Энциклопедического словаря братьев Гранат статье подметил ряд весьма важных периодов в научной деятельности Погодина. «Как историк Погодин дебютировал на крайне левом крыле. Быть „левым“ для тогдашнего историка значило прежде всего критически относиться к официальной историографии в лице Карамзина... Фактически его противником сделался, однако же, не Карамзин, а другой „левый“ профессор — Каченовский, глава „скептического“ направления и учитель Погодина по университету. Первоначальные мотивы расхождения ученика и учителя, если не считать личного соперничества, были научные; Погодин, с всегда выгодно отличавшим его как историка хорошим знанием источников и здравым смыслом, не мог помириться с некоторыми чересчур фантастическими утверждениями Каченовского, вроде происхождения „Руси“ от хазар. С этой именно стороны Погодин и атаковал Каченовского в своей магистерской диссертации „О происхождении Руси“, положившей начало его ученой известности (1823 г.). Но очень быстро сюда примешался политический момент. Начальство смотрело косо на Каченовского и „скептиков“, не без основания полагая, что последние при всех своих научных недочетах будят критическую мысль в студентах... В Погодине усмотрели „защитника исторического православия“, в этом качестве он и получил отнятую у Каченовского кафедру русской истории. Погодин весьма легко и быстро пошел навстречу начальству и печатно ставил русской истории цель: стать „охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия“. При таком полицейском взгляде на историческую науку не могло быть уже более и речи о критическом отношении к официальному пониманию истории, и Погодин скоро дошел до таких утверждений, что Карамзин являлся рядом с ним образцом объективности».¹³

Резкую характеристику, в которой много верных, точно схваченных черт, дал Погодину С. М. Соловьев. Вместе с тем эта резкость суждений мешала Соловьеву быть до конца объективным.

¹³ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.—Л., 1933, с. 44—45.

Н. Л. Рубинштейн справедливо замечал, что крайности во взгляде Соловьева на Погодина в значительной мере определены их личными взаимоотношениями.¹⁴ Наличие у Погодина как ученого своих достоинств отмечал ряд историков. В частности, С. Б. Веселовский считал, что Погодин — «большой любитель и знаток первоисточников, ученый острого, реалистического и трезвого ума, человек, лишенный (к счастью или несчастью для него) всякой фантазии».¹⁵ Не случайно, как отмечается в «Очерках истории исторической науки в СССР», Погодин «имел в университетских и академических кругах авторитет, державшийся в течение длительного времени».¹⁶

Среди работ Погодина наиболее значительной считается его диссертация о летописи Нестора, направленная против М. Т. Каченовского. Сумев подметить слабые стороны в построениях Каченовского, Погодин, казалось бы, вышел победителем. К тому же Каченовский умер в 1841 г., когда Погодин еще был полон сил. Однако к идеям Каченовского, стремившегося искать закономерности исторического развития, обратились молодые в то время историки К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Наряду с Каченовским они находились под большим влиянием работ профессора Дерптского университета Иоганна Филиппа Густава Эверса (1781—1830). Эверс был современником Карамзина. В 1816 г. он издал на немецком языке свое первое большое исследование «История руссов»,¹⁷ спустя 10 лет вышел его наиболее значительный труд «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии».¹⁸

Интерес к работам и взглядам Эверса среди русских историков возник не сразу. Если его первая книга осталась фактически незамеченной, то в годы, последовавшие за восстанием декабристов, отношение к его работам было иным. В 1827 г. М. П. Погодин напечатал в № 8 «Московского вестника» рецензию на русский перевод «Предварительных критических исследований для российской истории» Эверса. С еще большим интересом был встречен выход «Древнейшего права» в 1826 г. на немецком языке. В 1 и 2 номерах «Московского вестника» за 1827 г. напечатал свою рецензию на эту книгу М. П. Погодин, в № 16 «Московского телеграфа» за тот же год — Н. А. Полевой. В 1835 г. вышел осуществленный И. Платоновым русский перевод «Древнейшего права»,¹⁹ на который последовала рецензия П. И. Кепена в № 3 «Журнала Министерства народного просвещения».

¹⁴ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 255.

¹⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 20.

¹⁶ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, с. 318.

¹⁷ Ewers I. Ph. G. Geschichte der Russen. Dorpt, 1816.

¹⁸ Ewers I. Ph. G. Das alteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpt und Hamburg, 1826.

¹⁹ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. Пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835.

По своим политическим взглядам Эверс примыкал к реакционному дворянству. В лекциях о политике, прочитанных в 1826 г. и изданных в 1829 г., он утверждал, что революция является «одним из величайших и самых достойных наказания преступлений».²⁰ Однако в своих трудах Эверс выдвинул концепцию, отличную от карамзинской. Для апологии самодержавия он попытался привлечь философию Гегеля. Но обращение к гегелевской философии привело к постановке новых проблем, расширявших представления об истории России, к попыткам найти логическую связь между различными периодами русской истории. Эти идеи Эверса привлекли к себе внимание не его политических единомышленников из числа охранителей, а молодых в то время историков, находившихся под влиянием гегельянства и отрицательно относившихся к крайностям реакционного курса правительства Николая I. Не удовлетворенные официальной историографией такие историки, как К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев, попытались создать новое направление в русской исторической науке, постепенно оформившееся благодаря их усилиям в так называемую государственную школу.

Однако главным событием в развитии русской исторической мысли этого периода явилось возникновение революционно-демократического направления в русской историографии. Оно было представлено трудами В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Особенно велика роль В. Г. Белинского. Он разрабатывал вопросы исторического прогресса и его движущих сил, значения экономического фактора в истории, периодизации русской истории, исторической обусловленности реформ Петра I. Работы В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова составили эпоху в развитии русской исторической мысли.²¹

В борьбе революционно-демократического направления с охранителями и славянофилами значительное место принадлежит и историкам либерального толка, в трудах которых имелись определенные точки соприкосновения с выступлениями историков-демократов.

Споры между историками происходили на фоне широкой деятельности по разысканию и публикации исторических источников. Осмысление новых источников, особенно по истории России XVIII в., сочеталось в исторических трудах с резкой полемикой.

²⁰ Цит. по: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, с. 288.

²¹ Литературу, посвященную революционно-демократическому направлению в русской историографии, см. в кн.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография, с. 54—58. Особенно большое внимание этому вопросу уделено в трудах В. Е. Иллерицкого (Иллерицкий В. Е. 1) Исторические взгляды В. Г. Белинского. М., 1953; 2) История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; 3) главы в кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I и II; 4) главы в кн.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1971; 5) Революционная историческая мысль в России. М., 1974).

Особенно острые формы приобрела эта борьба во второй половине XIX в., когда столкновение мнений между представителями различных направлений вышло за рамки академических дискуссий, отражая сложные процессы, происходившие в экономической и политической жизни России. Борьбе некоторых течений в русской историографии этого периода и посвящена данная книга.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этих течений, следует сказать несколько слов об уже существующей историографической литературе.

Во второй половине XIX в., когда происходило становление русской историографии как самостоятельной дисциплины, на основе рецензий и обзоров возникают первые историографические труды. В 1882 г. К. Н. Бестужев-Рюмин выпустил книгу «Биографии и характеристики»,²² в которой, в частности, писал о трудах С. М. Соловьева. К этому же времени относятся работы, о которых можно говорить как о трудах, посвященных истории исторической науки этого периода. В 1884 г. М. О. Коялович опубликовал «Историю русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям».²³ Рассматривая широкий круг вопросов начиная с изучения русского летописания, он значительное внимание уделил и историкам второй половины XIX в. Славянофильские симпатии автора определили его отношение к представителям различных течений и придали книге тенденциозный характер. М. О. Коялович одобрительно пишет о М. П. Погодине и ополчается против К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, которых он упрекает в измене национальным принципам в изучении истории России. Отдельно он рассматривал С. М. Соловьева. С одной стороны, Коялович одобрял Соловьева, считал его последователем Н. М. Карамзина, с другой — осуждал его как приверженца идей немецких философов. Несмотря на тенденциозность, книга М. О. Кояловича как одна из первых сводных работ имела определенное значение. К тому же она послужила толчком к появлению историографического курса, подготовленного противником славянофильских идей П. Н. Милюковым. Продолжая традицию С. М. Соловьева, П. Н. Милюков выступил против трактовки русской историографии, предложенной Кояловичем. Он сделал попытку представить развитие историографии как борьбу различных теорий и философских направлений. Но и славянофил М. О. Коялович и либерал П. Н. Милюков оставались на позициях враждебного революции буржуазно-дворянского лагеря. Оба замалчивали существование революционно-демократического направления в русской историографии и его борьбу

²² Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882.

²³ Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

с официальными и либеральными историками. Основная часть историографического курса, опубликованная Милюковым в книге «Главные течения русской исторической мысли»,²⁴ была доведена до начала XIX в. Его продолжением явились статьи «Славянофильство», «Юридическая школа в русской историографии», «В. О. Ключевский».²⁵ Рассматривая развитие русской историографии как эволюцию сконструированной им условной логической схемы, «филиацию идей», Милюков отвлекался от конкретно-исторических условий, в которых рождалась и существовала историческая наука, от классового характера взглядов изучаемых авторов.

В конце XIX—начале XX в. появляются работы Д. А. Корсакова, посвященные К. Д. Кавелину. Главная заслуга Корсакова состояла в том, что он подготовил и издал сочинения Кавелина. Его статьи, опубликованные в этом издании, содержали сводку общих данных о биографии и научной деятельности историка. Им была присуща известная идеализация Кавелина, его научной и общественной деятельности.²⁶ Многотомный труд Н. П. Барсукова, посвященный М. П. Погодину, был выдержан в духе официальной историографии и представлял интерес главным образом благодаря обилию документов, включенных в него.²⁷

Таким образом, в дореволюционной буржуазной историографии велась работа в основном по публикации сочинений историков и материалов, относящихся к их деятельности. Выводы же были тенденциозны и не содержали серьезной разработки вопросов, обходили стороной классовую направленность исторических сочинений.

Советские историки осуществили глубокую разработку истории исторической науки. В своих работах они исходили из важнейших положений, содержащихся в трудах основоположников марксизма-ленинизма. В сочинениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина проанализированы главные направления в русской общественно-политической мысли. В ленинских работах дана четкая периодизация основных этапов русского освободительного движения, исследованы принципиальные вопросы истории революционного движения в России. В. И. Ленин вскрыл предательскую роль русского либерализма, показал глубокие противоречия, разделявшие сторонников демократического лагеря и либе-

²⁴ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3. СПб., 1913.

²⁵ Милюков П. Н. 1) Славянофильство. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 59-й полутом; 2) Юридическая школа в русской историографии. — Русская мысль, 1886, кн. 6; 3) В. О. Ключевский. — В кн.: Ключевский В. О. Характеристика и воспоминания. М., 1912.

²⁶ Корсаков Д. А. Жизнь и деятельность К. Д. Кавелина. — В кн.: Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1. СПб., 1904.

²⁷ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1—22. СПб., 1888—1910.

ралов, создал учение о двух культурах в каждой национальной культуре. Большое внимание В. И. Ленин уделил такому сложному историческому явлению, как русское народничество. Он раскрыл присущие народничеству противоречия, проследил эволюцию от революционного народничества к народничеству либеральному, подверг народническую концепцию уничтожающей критике.

Уже в первых трудах советских историков, среди которых особенно выделялись статьи и выступления М. Н. Покровского,²⁸ отчетливо проявилась тенденция рассматривать историю исторической науки прежде всего как выражение классовой борьбы. Наибольшее внимание М. Н. Покровский уделил работам В. О. Ключевского, которые считал итогом развития русской буржуазной исторической науки. Рассматривая предшественников Ключевского, он дал яркую характеристику русской историографии, основным ее направлениям и наиболее значительным историкам, таким как Погодин, Кавелин, Чичерин, Соловьев. Он указал на исторические труды Чернышевского, отражавшие идеи революционной демократии, выделил работы Щапова. Покровский противопоставлял их историкам буржуазного и дворянского направлений, указав также на различные оттенки внутри буржуазной исторической науки. В частности, он писал, что ранние работы Кавелина и Соловьева развивали историческую науку в противоположность трудам «маститого» Погодина. На основе докладов, прочитанных в семинаре Покровского, вышел в свет сборник статей «Русская историческая наука в классовом освещении».²⁹ В нем были статьи о славянофилах, С. М. Соловьеве, Б. Н. Чичерине, В. О. Ключевском, А. П. Щапове и других.

Работы М. Н. Покровского сыграли большую роль на первом этапе развития советской исторической науки, хотя некоторые его оценки впоследствии были пересмотрены. Шаг вперед по сравнению с работами 20-х гг. означала книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография».³⁰ На общем фоне развития исторической науки в России в ней была охарактеризована и русская историография второй половины XIX в., которая была показана в тесной связи с общественно-политической борьбой и развитием философской мысли. Дав очерк о Погодине, Кавелине, Чичерине, Соловьеве, Рубинштейн противопоставлял им представителей революционно-демократической мысли Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, историка-демократа А. П. Щапова.

Особенно большое внимание изучению революционно-демократического направления в русской историографии было уделено советскими историками в конце 40-х—начале 50-х гг. В отдель-

²⁸ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1—2. М.—Л., 1933.

²⁹ Русская историческая наука в классовом освещении. Сб. статей. Вып. 1. М., 1927.

³⁰ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

ных случаях стремление подчеркнуть значение работ революционных демократов приводило к тому, что недооценивалось значение трудов историков-профессионалов. Подобная тенденция была справедливо подвергнута критике на страницах журнала «Вопросы истории».³¹

Важным событием явился выход в свет «Очерков истории исторической науки в СССР».³² В I и II томах этого издания была дана общая картина русской историографии. В отдельной главе рассмотрена революционно-демократическая историография. В главах, посвященных буржуазно-дворянской историографии, разобраны труды представителей официально-охранительного и славянофильского направлений, государственной школы, охарактеризованы труды занявших особое место Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского. Большой интерес представляет и глава о народнической историографии, в которой указывается на связь между историческими взглядами «шестидесятников» и «семидесятников». Вслед за «Очерками» появилась и другая обобщающая работа — курс «Историография истории СССР».³³ Одновременно велось глубокое изучение трудов наиболее значительных русских историков второй половины XIX в.

Новое издание «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева в 1959—1966 гг. было снабжено статьями и комментариями, которые имели большое значение для изучения его взглядов. Вводная статья Л. В. Черепнина³⁴ содержала анализ места, которое занял Соловьев в русской исторической науке XIX в. Обстоятельные комментарии, подготовленные В. Т. Пашуто, С. М. Каштановым, С. М. Троицким и другими, освещали и некоторые стороны борьбы течений в русской историографии. Ценные наблюдения о роли С. М. Соловьева в русской исторической науке содержатся в статье А. М. Сахарова.³⁵ Ряд интересных работ посвящен трудам В. О. Ключевского.³⁶ Наиболее значительной среди них является капитальная монография М. В. Нечкиной.³⁷

³¹ Сахаров А. М. Об университетском курсе историографии истории СССР. — Вопросы истории, 1962, № 8.

³² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I, М., 1955; т. II, М., 1960.

³³ Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971.

³⁴ Черепнин Л. В. Соловьев как историк. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959, с. 5—51.

³⁵ Сахаров А. М. История России в трудах С. М. Соловьева. — Вестник Московского университета, 1971, № 3, с. 73—87.

³⁶ См.: комментарий А. В. Александрова и А. А. Зимина в кн.: Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. М., 1956—1959; Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. — Исторические записки, [т.] 69, М., 1961, с. 178—196; Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский — источниковед. М., 1970.

³⁷ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974.

В настоящей работе автор стремится продолжить изучение русской историографии второй половины XIX в., успешно ведущееся советскими историками, рассмотреть борьбу некоторых ее течений в тот период. В ней не ставится задача всестороннего исследования трудов какого-то одного ученого или отдельного направления. Главное внимание обращается на вопросы, которые могут помочь более отчетливо показать влияние происходивших дискуссий на развитие исторической мысли и вместе с тем не ставших еще предметом специального исследования: взаимное влияние К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева на раннем этапе формирования государственной школы, полемика К. Д. Кавелина с М. П. Погодиным, дискуссия между К. Д. Кавелиным и Ю. Ф. Самариным, позволяющие уточнить взаимоотношения между К. Д. Кавелиным и С. М. Соловьевым в период их сотрудничества в «Современнике» и «Отечественных записках», редактировавшихся В. Г. Белинским. Прослеживаются попытки А. Ф. Тюриня и П. В. Павлова более широко толковать родовую теорию и отношение к ним Кавелина. Освещается полемика вокруг труда Соловьева. Работы Костомарова рассматриваются как своеобразная попытка с либеральных позиций ответить революционно-демократической критике. Автор не рассматривает отдельно труды историков-демократов, так как это было предметом изучения ряда вышеназванных историков, а также его собственной работы.³⁸ Характеристика позиций историков государственной школы после спада первой революционной ситуации дополняется разбором эволюции вправо Кавелина и Чичерина, выступлений В. И. Сергеевича против историков либерального направления. В книге также ставятся общие вопросы эволюции демократической историографии от просветительства к народничеству, постепенного сближения официальной и либеральной историографии на почве их враждебности к революционному движению.

Кризисные явления, наметившиеся к концу XIX в. во взглядах историков либерального, официального и народнического направлений, особенно наглядны на фоне распространения марксизма в России. Общей характеристикой становления и развития марксистского направления, связанного с именами Г. В. Плеханова и особенно В. И. Ленина, и завершается книга.

³⁸ Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х гг. XIX в. Л., 1971.

1. Первые шаги историков государственной школы

Государственная школа в русской историографии сложилась в 40-е гг. XIX в. В рамках либерального направления эта школа сыграла важную роль в истории русской исторической науки. Естественно, поэтому ей посвящен целый ряд специальных работ как дореволюционных, так и советских исследователей.¹ В советской историографической литературе формирование и развитие государственной школы рассматриваются в тесной связи с историей общественно-политической мысли, а ее представители — как носители идей русского либерализма. В работах советских авторов показан продолжительный и сложный путь, который прошла государственная школа, отмечена ведущая роль К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева в ее создании и Б. Н. Чичерина в ее окончательном оформлении. Вместе с тем начальный период деятельности государственной школы следует рассмотреть более внимательно, так как это позволит получить более полное представление и об истории возникновения этого направления, и о столкновении различных взглядов в русской исторической науке, и об общем процессе ее развития.

¹ Дореволюционную литературу, посвященную государственной школе в русской историографии, см. в кн.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 53—54, 279—281, 378, 382—386, 415—417. Следует выделить две работы: Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории как науки. — Московское обозрение, 1859, кн. 1, с. 2—132; Милюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич). — Русская мысль, 1886, № 6, отд. 2, с. 80—92. Советская литература: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955, с. 338—366; т. II. М., 1960, с. 103—128; Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Изд. 2-е. М., 1971, с. 158—170, 257—270; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 289—342; Розенталь В. Н. Идеиные центры либерального движения в России накануне революционной ситуации. Московский кружок А. В. Станкевича в 1855—1857 гг. Петербургский кружок К. Д. Кавелина в 1855—1857 гг. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963, с. 372—398.

У истоков государственной школы стояли, как уже отмечалось, К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. К. Д. Кавелин с ранних лет был близок к выдающимся представителям тогдашней общественной мысли России. В. Г. Белинский был его домашним учителем. Кавелин впоследствии вспоминал: «Учил меня Белинский плохо, задавал по книжке, выслушивал рассеянно, без дополнений и пояснений, и наконец предоставил меня собственной судьбе, говоря, что я юноша умный и с учебником справлюсь сам. Но насколько он был плохой педагог, мало знающий предмет, которому учил, настолько он благотворно действовал на меня возбуждением умственной деятельности, умственных интересов, уважения и любви к знанию и нравственным принципам. Мы занимались с ним больше разговорами, в которых не было ничего педагогического в школьном смысле, и я только по счастливой случайности не провалился на экзамене; но эти разговоры оставили во мне гораздо больше, чем деятельное и аккуратное знание учебника и руководств... В чем собственно состояли наши разговоры, этого я решительно не помню. Вообще отрицательное отношение ко всей окружающей меня действительности — социальной, религиозной и политической, благодаря Белинскому, во мне засело, хотя в очень наивной, неопределенной и мечтательной форме».²

В августе 1835 г. Кавелин поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но уже в ноябре того же года перешел на юридический факультет. Решение переменить факультет было связано с тем, что именно на этом факультете преподавали последователи Гегеля — молодые профессора П. Г. Редкин и Н. И. Крылов. Первый был профессором энциклопедии и философии права, второй — профессором римского права. Д. А. Корсаков, биограф Кавелина, писал, что Редкин «способствовал дальнейшему развитию и систематизации природного, обобщающего, строго логического мышления Кавелина и сообщил ему научные приемы исследования вопросов философских и исторических, а Крылов передал точный, научный метод исследования правовых явлений, в особенности в области гражданского права».³ Будучи студентом второго курса, Кавелин входит в московский «салон» А. П. Елагиной, матери братьев П. В. и И. В. Киреевских и братьев В. А. и Н. А. Елагиных, своих товарищей по Университету. Своим человеком в семье Елагиных и Киреевских был и другой университетский товарищ Кавелина — Д. А. Валуев. Здесь же Кавелин сближается с А. С. Хомяковым и К. С. Аксаковым и на долгие годы становится близким другом этих основателей славянофильства. Юношеская близость с ними наложила отпечаток на воззрения Кавелина.

² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, СПб., 1897, стлб. XV—XVI.

³ Корсаков Д. А. Жизнь и деятельность К. Д. Кавелина. — В кн.: Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. XVI.

До середины 40-х гг. он, по собственному признанию, был «наполовину» славянофил. Следы славянофильских идей проскальзывали у него в более поздние годы.

После успешного окончания Московского университета Кавелин на протяжении трех лет живет в Москве, занимаясь научной деятельностью и находясь в гуще литературно-философских споров. Кроме елагинского салона, он посещает салоны П. Я. Чаадаева и А. С. Хомякова, представлявших противоположные друг другу западническое и славянофильское течения. Большое влияние в эти годы на Кавелина оказал Т. Н. Грановский, с которым они близко сошлись. В 1842 г. Кавелин едет в Петербург и поступает на службу в Министерство юстиции. В Петербурге он входит в кружок Белинского, который в эти годы оказывает на Кавелина несравненно большее влияние, чем в бытность свою его домашним учителем. Под влиянием настроений, царивших в кружке Белинского, Кавелин усердно занимается магистерской диссертацией, оставляет службу в министерстве и в конце 1843 г. возвращается в Москву. 24 февраля 1844 г. он защищает диссертацию, а затем получает место исправляющего должность адъюнкта при кафедре истории русского законодательства Московского университета.

Четыре года Кавелин читает студентам юридического факультета историю русского законодательства. Уже тогда в его лекциях со всей определенностью сказывается интерес к проблеме родовых отношений. Курс, прочитанный Кавелиным в 1844/45 гг., был доведен им до царствования Петра I, а курс 1845/46 гг. включал в себя и краткий очерк законодательства Петра I в области государственного права. Последний учебный курс 1847/48 гг. «был преимущественно монографический». Кавелин большую часть лекций посвятил «весьма подробному обозрению первоначального быта славян и исследованию происхождения древнейших славянских учреждений, причем пользовался данными из теперешнего быта славян и историческими письменными памятниками их древнейшей истории». Одновременно одну лекцию в неделю Кавелин посвящал древним памятникам русского законодательства. Начал он с «Русской Правды» и собирался разобрать все важнейшие русские юридические памятники, но, уйдя в 1848 г. из университета, не довел свой план до конца.⁴

Если сопоставить печатные работы Кавелина и С. М. Соловьева, то создается впечатление, что они общими усилиями, дополняя и уточняя друг друга, шаг за шагом обосновывают теорию развития родовых отношений и их постепенной смены отношениями государственными, теорию, которая стала основополагающей для государственной школы. С. М. Соловьев был не-

⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекшее столетие со дня учреждения. Ч. I. М., 1855, с. 365—366.

сколько моложе Кавелина. Он вырос в тянувшейся к знаниям духовной семье и не имел такого блестящего интеллектуального окружения. Но их формирование происходило в сходной атмосфере, и испытывали они одинаковые влияния.

Увлечения молодого С. М. Соловьева не отличались последовательностью. Одно время ему были близки славянофильские настроения. Сам он о своих ранних симпатиях к славянофильским идеям говорит довольно глухо. Рассказывая о семье «князя Г.» (графа Строганова, — А. Ц.), в которой ему пришлось жить в качестве домашнего учителя, Соловьев писал, что в ней никто не знал русского языка, и добавлял: «Понятно, какое сильное впечатление произвела на меня эта крайность и необходимо увлекла меня надолго, лет на шесть, в крайность противоположную, в славянофилизм, или, лучше сказать, руссофилизм».⁵ Гораздо охотнее вспоминает Соловьев о появившемся у него в студенческие годы интересе ко всеобщей истории, о сближении с молодыми профессорами Московского университета Д. Л. Крюковым и Т. Н. Грановским, о всеобщем увлечении гегелевскими идеями. Впрочем, он отмечал, что интерес к философии Гегеля был у него и его коллег довольно поверхностным, «очень немногие читали самого Гегеля, а пользовались им только из лекций молодых профессоров». Сам Соловьев также не пошел до конца по пути гегельянства. В его голове, как он рассказывает, столкнулись противоречивые настроения: «религиозное чувство коренилось в моей душе, и вот явилась во мне мысль — заниматься философией, чтобы ее средствами воспользоваться для утверждения религии, христианства, но отвлеченности были не по мне; я родился историком».⁶ Соловьев признается, что в начале научного пути у него не было последовательности во взглядах: «В изучении историческом я бросался в разные стороны, читал Гиббона, Вико, Сисмонди».

Именно в это время Соловьев познакомился с книгой, которая произвела на него большое впечатление и в дальнейшем в значительной степени определила важнейшие черты его исторической концепции. «Не помню, когда именно попалось мне в руки Эверсово „Древнейшее право Руссов“, эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, — писал Соловьев, — ибо у Карамзина я набирал только факты, Карамзин только ударял на мои чувства, Эверс ударил на мысль; он заставил меня думать над русской историей». Знакомство с Эверсом предопределило, как утверждает Соловьев, и его критическое отношение к лекциям М. П. Погодина: «С большим запасом фактов от Карамзина и с роем мыслей в голове, возбужденных Гегелем, Вико, Эверсом, я вступил на четвертый курс и стал слушать Погодина. Понятно,

⁵ Соловьев С. М. Записки Серг. Мих. Соловьева. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. [Пг., 1915], с. 36.

⁶ Там же, с. 60.

что его лекции не могли меня удовлетворить, ибо они не удовлетворяли и товарищей моих, хуже меня приготовленных».⁷

Взаимоотношения между М. П. Погодиным и С. М. Соловьевым до защиты последним магистерской диссертации не совсем ясны. Если верить Соловьеву, трения между ними начались еще в бытность его студентом четвертого курса, т. е. при первом знакомстве. С другой стороны, Погодин всегда считал Соловьева своим учеником, и, если верить биографу Погодина Н. П. Барсукову, разрыв относится к 1844 г., когда Погодин потерял кафедру русской истории в Московском университете, уступив место Соловьеву. Не вдаваясь в исследование этого вопроса, следует отметить бесспорно большое влияние идей Эверса на Соловьева. В исследованиях, написанных как дореволюционными, так и советскими авторами, прослеживается влияние Эверса на взгляды историков государственной школы, связь Эверса, с одной стороны, с историографией XVIII в., и с другой — с историографией XIX в.⁸ Влияние Эверса сказалось на раннем творчестве Соловьева даже в большей мере, чем он сам об этом говорит: «Я начал готовиться к экзаменам, т. е. стал писать диссертацию. Выбрал тему: княжение Иоанна III; прежде всего начал заниматься Новгородом и увидел, что для понимания последних судеб Новгорода, последних отношений его к московскому государю необходимо представить полную историю его отношений к великим князьям, и, таким образом, вместо диссертации об Иоанне III вышла диссертация об отношениях Новгорода к великим князьям».⁹

Тема, которую избрал и обстоятельно рассмотрел в своей диссертации Соловьев, является развитием идей, изложенных во второй книге труда Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии». Эверс обратил внимание на особое место Новгорода в русской истории, на своеобразие его отношений с великими князьями. Остановившись на событиях, связанных с ходом и последствиями восстания, вспыхнувшего в Новгороде в 1015—1016 гг., он в заключение, цитируя Новгородского летописца, пишет, что Ярослав «даде им правду, и устав списав глаголав тако по сей грамоте ходите», и добавляет: «Так возникла древняя законодательная грамота Руссов, данная непосредственно Новгороду и вскоре получившая силу Закона в России, не имевшей еще никакого другого письменного законодательства».¹⁰ Взаимоотношения между Новгородом и великим князем Ярославом заинтересовали Эверса постольку, поскольку результатом соглашения между ними было, по его предположению, возникно-

⁷ Там же.

⁸ Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 223, 228, 229, 232; Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, с. 106.

⁹ Соловьев С. М. Записки, с. 85.

¹⁰ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, с. 299; см. также с. 286, 291—293, 296—298.

вление первого па Руси законодательного памятника, утвердившего «гражданскую свободу Новгорода». Что же касается С. М. Соловьева, то он в своей магистерской диссертации специально занялся тщательным анализом взаимоотношений между Новгородом и великими князьями вообще. Хронологические рамки исследования у него весьма широки — от так называемого начала русской истории до присоединения Новгорода к Москве Иваном III в 1477 г.

Соловьев писал, что новгородцы признавали первоначально своим князем старшего в роде Ярослава, княжившего обычно в Киеве, и вполне ему подчинялись. В XII в. положение изменилось. Большое значение приобрело вече, Новгород стал избирать князей, посадских, тысяцких. До усиления Северо-Восточной Руси новгородцы отдавали предпочтение сильнейшим русским князьям, а ими были преимущественно князья киевские. После усиления Северо-Восточной Руси Новгород во время княжеских междоусобиц, стараясь избежать чрезмерного усиления кого-либо, поддерживал слабейших против сильнейших. Возвышение Москвы заставило новгородцев искать покровительства князя литовского, но не спасло их от присоединения к Москве при Иване III.

В разные периоды власть князей была различна. Обычно князь принимался на условиях, выставленных новгородцами и ограничивавших его власть. Власть князя и власть веча существовали на всем протяжении новгородской истории и были равными. Присущее Новгороду народовластие, развившееся из первоначального родового быта славян, по мнению Соловьева, имело место и в других древнейших городах Руси, пока не появились новые города, «пригороды», которые не имели самостоятельности старых городов, в связи с чем князья в них владычествовали неограниченно. В Юго-Западной Руси, где много было старых городов, неограниченная власть князей не получила распространения, она утвердилась и стала усиливаться в Северо-Восточной Руси.

Выдвинутая Соловьевым теория взаимоотношений между Новгородом и князьями связывала единой нитью значительный отрезок русской истории, который М. П. Погодин разрывал на обособленные друг от друга «варяжский» и «монгольский» периоды.

Диссертация С. М. Соловьева и была вызовом М. П. Погодину, который сказал: «Диссертация Ваша как магистерская диссертация очень хороша, но как профессорская вполне неудовлетворительна». Именно к этому времени относится разрыв Соловьева с Погодиным и его сближение с западниками настроенными профессорами. Соловьев, как вспоминает он сам, отвез диссертацию Давыдову, который передал ее Грановскому, а последний, «не считая себя судьей в деле», Кавелину. Прочитав диссертацию, Кавелин «восплясал от радости, найдя в ней совершенно противное славянофильскому образу мыслей». «Он объявил Грановскому и всем своим, что после объявил печатно

в „Отечественных записках“, а именно то, что диссертация моя составляет эпоху в науке, вследствие чего вся западная партия обратилась ко мне с распростертыми объятиями. Когда я приехал к Грановскому за диссертациею, то он встретил меня комплиментами и прямо объявил, что свое суждение основывает на суждении Кавелина». ¹¹

В своей диссертации Соловьев в противоположность Погодину не занимался скрупулезным разбором источников. Гораздо больше его занимала возможность на основе известной закономерности, обнаруженной в приведенных им фактических данных, обосновать выдвигавшуюся им теорию. Последнее обстоятельство как главное достоинство работы отметил в своей рецензии Кавелин. Эта рецензия была опубликована в 12-й книге «Отечественных записок» за 1846 г., ¹² после того как в 1845 г. магистерская диссертация Соловьева была издана отдельной книгой. ¹³

Кавелин решительно одобрил книгу Соловьева, в которой увидел «первую серьезную попытку понять и объяснить постепенное развитие древней русской жизни». Он утверждал, что труд Соловьева — важнейшее событие после «Истории Карамзина» и «сам по себе составляет эпоху в области исследований о русских древностях и подает радостные надежды в будущем». ¹⁴ Вместе с тем Кавелин сделал ряд замечаний. Касаясь рассуждений Соловьева о различиях между старыми и новыми городами, Юго-Западной и Северо-Восточной Русью, о смене общинного управления в городах единовластием князей, он отмечал, что автор не сумел убедительно изложить причины этих явлений, поскольку недостаточно развил положение о том, что новгородская община была родового происхождения, и не обратил должного внимания «на это племенное, родовое, семейственное, словом кровное начало», сказав о нем «как будто мимоходом, тогда как оно было главное, почти исключительно игравшее роль». «По нашему глубокому убеждению, едва ли можно найти одно замечательное явление или событие в древней русской истории, особенно до Иоанна III, которое не определялось бы этим началом, — писал Кавелин, — даже после Иоанна III множество явлений русской жизни объясняется только им, и чем далее назад от нашего времени, тем более». ¹⁵

Трудно сказать, повлияли ли высказывания Кавелина или сам Соловьев пришел к мысли о необходимости более отчетливо подчеркнуть значение родового начала на развитие русской истории, но в его следующей после диссертации работе — статье, напечатанной в «Московском литературном и ученом сборнике за

¹¹ Соловьев С. М. Записки, с. 90, 91.

¹² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 253—270.

¹³ Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. Историческое исследование. М., 1845.

¹⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 262—265.

¹⁵ Там же, стлб. 270.

1846 год», проблема родовых отношений заняла центральное место. Это подчеркивало само заглавие: «О родовых отношениях между князьями древней Руси». Изучая отношения между удельными князьями, Соловьев пришел к заключению, что они были основаны на родовом начале, т. е. на начале родства, в той мере, в какой родство может служить установлению определенных отношений между людьми до возникновения отношений, основанных на юридической базе. Он проследил определение старшинства при подобных отношениях, когда старшим признавался тот, кто превосходил остальных по возрасту, вследствие чего сначала признавалось старшинство дядей над племянниками, а затем в Северо-Восточной Руси появилось и утвердилось первенство старшего племянника.

Кавелин тотчас же откликнулся на эту статью. Он особенно подчеркнул первостепенную роль, отведенную на этот раз Соловьевым родовому началу, и увидел его заслугу в том, что «у него родовые отношения удельных князей поставлены на первом плане, чрез что им возвращено их настоящее, глубокое, решительное значение в судьбе древней России».¹⁶ Здесь Кавелин не только еще раз обращает внимание на значение родового быта. Он ставит в связь с ним не только частные, но уже и государственные отношения.

Развивая теорию родовых отношений, Соловьев строит на ней и свою докторскую диссертацию «История отношений между князьями Рюрикова дома», опубликованную в 1847 г.¹⁷ Рассматривая историю княжеского дома, он доказывает постепенную эволюцию родовых отношений в отношения государственные. Проблема государства, его возникновения выдвигается здесь у Соловьева на первый план. Кавелин дал этой книге Соловьева столь же положительную оценку. Он отметил, что Соловьев «открыл и показал как основной движущий принцип нашей древней истории родовое начало»,¹⁸ «проследил борьбу государственных отношений с родовыми и окончательную победу первых».¹⁹ Изучение становления государственных отношений в глазах Кавелина имеет особое значение, поскольку «вся русская история, как древняя, так и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, в особенном, нам одним свойственном значении этого слова».²⁰ Тем самым Кавелин выделяет важнейшую черту развиваемого им и Соловьевым направления в науке: первостепенное изучение истории Русского государства, его политических институтов.

¹⁶ Там же, стлб. 271.

¹⁷ Соловьев С. М. История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847.

¹⁸ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 294.

¹⁹ Там же, стлб. 284—285.

²⁰ Там же, стлб. 277.

Поиск закономерности в историческом развитии был тем новым, что внесли Кавелин и Соловьев в изучение истории государства. Иным был подход историков-охранителей, прежде всего М. П. Погодина, с критикой которого Кавелин постоянно сочетал утверждение своих взглядов.

2. К. Д. Кавелин против М. П. Погодина

В 1847 г. в № 1 «Отечественных записок» К. Д. Кавелин опубликовал рецензию на вышедшую в 1846 г. книгу М. П. Погодина «Историко-критические отрывки», в которой были собраны статьи за разные годы. Свою рецензию Кавелин начал с определения места Погодина в русской историографии первой половины XIX в.

Погодин, по словам Кавелина, «был одним из тех немногих исследователей, которые старались подойти к фактам поближе и взглянуть на них проще, нежели их предшественники».²¹ Он начал свою научную деятельность как один из первых критиков Карамзина, как глава нового критического направления, но затем испугался собственных последователей, которые «пошли» еще дальше, и в результате выглядел к концу 40-х гг. «защитником старого против нового», который к тому же «стоит на стороне Карамзина».²² Причину этого Кавелин видел в том, что Погодин, «как и многие другие, отдался частностям... забыл главное — целое прошедшее воззрение, которое нужно было изменить с корня». В результате он, «очень удачно нападая на Карамзина в отдельных фактах и явлениях исторических, остался при нем в целом, и так и не понял или забыл свое призвание в русской исторической литературе».²³ Рецензируемая книга имела в глазах Кавелина прежде всего историографический интерес, позволяя представить эволюцию исторических взглядов Погодина.

Написанную им в 1825 г. статью «О характере Иоанна Грозного» Кавелин считал «критической».²⁴ В ней Погодин не соглашался с Карамзиным, считавшим, что Иван IV был идеалом царя до смерти своей первой жены Анастасии и извергом после ее кончины. Полагая подобное превращение неестественным, Погодин утверждал, что «Иоанн никогда не был велик» и, будучи человеком ничтожным, сначала находился под влиянием людей, искавших пользы для страны, и им-то, а не царю Россия обязана реформами начала царствования; когда же Иван IV освободился от этой зависимости, он дал волю своим дурным свойствам.²⁵ Не разделяя взгляд Погодина на Ивана IV, Кавелин видел в его рассуж-

²¹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 223.

²² Там же, стлб. 225.

²³ Там же, стлб. 225—226.

²⁴ Там же, стлб. 227.

²⁵ Там же, стлб. 227—228.

дениях «шаг вперед в нашей исторической критике».²⁶ С тех же позиций он рассматривал и статьи об убийстве царевича Дмитрия и о первом самозванце, в которых видел достоинство «чисто критическое», продиктованное стремлением отбросить «непонятное, бессвязное, баснословное в нашей истории» и противопоставить им «догадки, разбор существующих представлений и обличение их несообразности с здравым рассудком и естественным, необходимым порядком вещей».²⁷

Затем Кавелин разбирает статьи Погодина, в которых он уже усматривает больше недостатков, чем достоинств. Отмеченное им в ранних статьях «отсутствие собственно исторического смысла» в еще большей мере, по его мнению, сказалось в последующих работах Погодина. В них ослабла критическая сторона, а там, где Погодин «начал прагматизировать, оказалось, что он ни на шаг не ушел дальше Карамзина... к недостаткам карамзинского взгляда присоединил еще несколько и от себя».²⁸ В статье «Взгляд на русскую историю» (вступительная лекция, прочитанная Погодиным в 1832 г.) Погодин, по словам Кавелина, не показал внутреннего развития России и даже не поставил вопроса о необходимости его изучения. «Недовольный частностями в истории Карамзина, он остался ею доволен в главном и целом», т. е. не посягнул на общеисторические построения автора «Истории государства Российского».²⁹ Бесплодными считал Кавелин и попытки Погодина отвлеченно противопоставлять друг другу русские и западноевропейские институты (феодализм и удельную систему, продолжение традиций Римской империи и Византии, монгольское иго и крестовые походы и т. п.). Он указывал на необходимость выяснения внутренней связи событий в русской истории, рассмотрения «совокупности народной жизни», изучения «истории народа как саморазвивающегося живого организма, в строжайшей постепенности измепяющегося вследствие внутренних причин, которым внешние события служат или выражением, или только поводом к обнаружению».

Кавелин прямо противопоставлял концепции Погодина этот новый взгляд на историю, который он разрабатывал вместе со своими сторонниками. При этом он замечает, что новый подход к историческим событиям, в основе которого лежит «прозаический взгляд», имел одним из следствий то, что «много прекрасных благородных мечтаний улетело с этим новым прозаическим взглядом на историю». К таким «улетевшим мечтаниям» Кавелин относил, в частности, идеализацию «первоначального быта славян».³⁰ В изложении Погодина, не приемлющего нового взгляда на историю, Кавелин отмечает постоянное стремление объяснить

²⁶ Там же, стлб. 228.

²⁷ Там же, стлб. 229.

²⁸ Там же, стлб. 229—230.

²⁹ Там же, стлб. 231.

³⁰ Там же, стлб. 233.

исторические события фатальными обстоятельствами, отсутствие попыток искать между ними глубокую причинно-следственную связь.³¹ Так, реформа Петра I, в трактовке Погодина, является отдаленным следствием смерти царевича Дмитрия, повлекшей за собою пресечение династии Рюриковичей, и т. д.³² В результате русская история у Погодина, по его собственным словам, — «целый курс психологии в лицах», а многочисленные исторические события «суть такие романы, которых никогда не могло бы создать богатое воображение Вальтер Скотта».³³ С особенной резкостью выступает Кавелин против заключительного вывода Погодина, гласящего, что «Российская история может сделаться охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия». Так в рамках академической рецензии выступил политический смысл научных дискуссий историков. Сдержанно, но достаточно определенно Кавелин дал понять, что он не только не согласен с трактовкой Погодиным событий прошлого, но и не разделяет его политических идеалов. «Читатели видят, что г. Погодин часто смешивает политику с историей и что это смешение не всегда ему дается», — замечает он.³⁴

В статьях «О Москве» и «Приращения Москвы» Погодин изложил свой взгляд на исключительную роль, которую сыграла Москва в истории России. При этом он говорил, что Москва «займет, может быть, еще много великих страниц в книге судеб Русских, Европейских и человеческих».³⁵ Кавелин, соглашаясь с доводами Погодина о большом значении Москвы до конца XVII в., с тем, что «Москва есть корень, зерно, семя Русского Государства», возражал против его утверждения, что «все части, составляющие пышущую Российскую империю, суть приобретения Москвы, так что всю Россию можно в этом смысле назвать распространившеюся Москвою».³⁶ Это положение неверно «со времен Петра, когда правительственным центром России стал Петербург и события перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими».³⁷ Поэтому, считал Кавелин, статья написана «с древнемосковской точки зрения».³⁸

Статьи Погодина о местничестве привлекают внимание Кавелина как своими сильными сторонами — большим материалом и ценными наблюдениями, так и слабыми — показывающими, что Погодин выступает больше как археолог, а не историк. При этом он противопоставляет им упомянутую статью Соловьева в «Московском сборнике», которая показывает «постепенное развитие,

³¹ Там же, стлб. 233—234.

³² Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846, с. 12.

³³ Там же, с. 15.

³⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 236.

³⁵ Погодин М. П. Историко-критические отрывки, с. 163.

³⁶ Там же.

³⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 240.

³⁸ Там же, стлб. 241.

изменение понятий о старшинстве». Кавелин подчеркивает, что возникновение местнических счетов было шагом вперед в древней Руси, поскольку ослабило род и способствовало упадку исключительно кровных отношений.³⁹ Что же касается первой половины удельного периода, то в нем он усматривал почти полное господство родового начала, которое, хотя и было непродолжительным в силу отсутствия в древней Руси юридической определенности, исключало применение местнических счетов и понятий к междукняжеским отношениям. Поэтому важным пробелом в работе Погодина Кавелину представлялось то, что тот недостаточно четко отделяет «различные фазисы удельного периода и княжеских отношений» и никак не оценивает значение удельных отношений в русской истории.⁴⁰ Историк, в отличие от археолога или простого любителя старины, должен, по мнению Кавелина, обращать особое внимание на выяснение обстоятельств процесса исторического развития.

Этот недостаток усматривал Кавелин и в написанной в 1841 г. статье Погодина «О Петре Великом». Солидарный со славянофилами в противопоставлении Москвы Петербургу, Погодин в отличие от них признавал большое значение реформ Петра I. Он приводил многочисленные примеры того, что нововведения Петра I вторглись во все стороны государственной жизни и быта России, что современные ему люди на каждом шагу сталкиваются с последствиями реформ первой четверти XVIII в.⁴¹ Но Погодин видел в реформах не следствие общего исторического развития России, а результат личного произвола Петра I. Поэтому, говорит Кавелин, даже после повторного чтения статьи Погодина «не остается в голове никакого результата, и вопрос о великой реформе представляется мыслящему человеку столько же таинственным, загадочным, как и прежде».⁴² Погодин, по мнению Кавелина, «вероятно, имел в виду также мнение, что реформа Петра, по крайне ограниченному, полувосточному состоянию страны, в которой она произошла, носила и должна была носить чисто личный характер, так что ее единственный двигатель — Петр, был для России все; что он действовал как ее воплощенный идеал, и во имя ее же действовал как ее воспитатель, исправитель, опекун и наставник».⁴³ С некоторым удивлением отнесся Кавелин и к утверждению Погодина, что с Петра I началась новая эпоха в истории человечества — западно-восточная, европейско-русская, в которой «западная пытливость» будет освящена «восточной верой». Удивление Кавелина по поводу такого «европейско-русского синтеза» усиливается тем, что Погодин благово-

³⁹ Там же, стлб. 240.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Погодин М. П. Историко-критические отрывки, с. 340—342.

⁴² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 241.

⁴³ Там же, стлб. 246.

лит к Востоку и не благоволит к Западу, «следовательно, не совершенно беспристрастен к тому и другому».⁴⁴

Разбирая статьи «Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала» и «За русскую старину», написанные Погодиным в 1845 г., Кавелин отмечает, что они развивают мысль, высказанную еще во вступительной лекции 1832 г., о параллелизме между историей России и европейских государств, существовавшем, несмотря на несходство и даже противоположность их развития.⁴⁵ Во имя этого «параллелизма» Погодин в статье «Бретань и ее жители» доказывал наличие в русской истории «среднего века», который он всячески идеализировал.⁴⁶ Необоснованность подобного идиллического изображения древней Руси Кавелин доказывал самой необходимостью «полной и радикальной реформы» начала XVIII в. Здесь же Кавелин вновь подчеркивал свое отрицательное отношение к охранительским настроениям Погодина. «Желая сделать из русской истории „охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия“, он непременно требует, чтоб и она имела свой средний век, после которого, как известно, и начала развиваться полиция предупредительная. Иначе она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодиным».⁴⁷

Рецензия Кавелина на трехтомный труд Погодина «Исследования, замечания и лекции о русской истории» носила несколько иной характер. В ней Кавелин оценивает значение работ Погодина для изучения древнейшего периода русской истории, «который называется Варяжским и оканчивается смертью Ярослава (1504 г.)».⁴⁸ Кавелин полагал, что достоинства и недостатки этого труда, в котором Погодин собрал написанные им в разные годы работы с некоторыми дополнениями и изменениями в соответствии с новыми достижениями науки, определяются местом Погодина в русской исторической науке. При этом Кавелин повторял доводы, изложенные в рецензии на «Историко-критические отрывки». По его мнению, Погодин выступил на сцену в то время, когда характер исторической критики начал изменяться и из przygotowательных исследований стала рождаться история в собственном смысле.

Определяя место Погодина в русской исторической науке, касаясь его взаимоотношений с другими историками, Кавелин останавливается на полемике Погодина с М. Т. Каченовским, отмечая при этом положительные и отрицательные черты последнего. По мнению Кавелина, главная заслуга Каченовского состояла в том, что он «первый почувствовал неудовлетворенность прежнего, те-

⁴⁴ Там же, стлб. 247.

⁴⁵ Там же, стлб. 248, 249.

⁴⁶ Погодин М. П. Историко-критические отрывки, с. 439.

⁴⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 250.

⁴⁸ Там же, стлб. 95.

перь мало-помалу исчезающего, натянутого, неестественного воззрения на русскую историю». Он видел в Каченовском человека «с талантом, начитанного, знакомого с требованиями науки и критикой», восставшего против Карамзина и попытавшегося «привести русскую историю к ее естественным размерам, снять с глаз повязку, которая показывала многое в превратном виде, и возвратить или, правильнее, привести нас к воззрению, равному времени, в которое совершались события». Однако, преследуя поставленную цель, Каченовский, как полагает Кавелин, «с жаром, достойным великого уважения», «впал в крайность, которая существенно повредила его делу». По словам Кавелина, «вместо того чтоб из самой летописи и источников показать младенческое состояние нашего общества в IX, X, XI и последующих веках, он старался опровергнуть самые источники», отрицал существование кожаных денег в древней Руси, оспаривал подлинность Русской правды.⁴⁹ «Все так называемые его ученики уцепились за букву и принялись опровергать подлинность летописей; ни один из них не схватил главной мысли Каченовского, и она на время была погребена».⁵⁰ Оценку Каченовского Погодиным Кавелин отвергает как «несправедливую, пристрастную, крайне ограниченную».⁵¹ Кавелин убежден, что хотя Погодин казался победителем в этом споре, тем не менее «по своей точке зрения Каченовский вполне прав, гораздо правее г. Погодина»,⁵² и «на самом деле великим лицом в этом споре является не г. Погодин, а Каченовский».⁵³ Все дело в том, что «вопрос, поставленный Каченовским, обойден, не понят», но «время не прошло, оно только настанет: Каченовский найдет себе защитников и продолжателей».⁵⁴

Кавелин, считая Погодина «толкователем, экзегетиком, а не историком в настоящем смысле слова», не способным подняться «до высшего исторического развития» и открыть новую эпоху, писал: «У него нет цельного взгляда на предмет, взгляда, в котором различные эпохи и фазисы хоть как-нибудь вязались бы между собою. У него есть светлые мысли, но нет ясной системы; есть ученые приемы, довольно удачные, но совершенно нет методы . . . у него есть страсть, общая всем специалистам, — возводить в систему свою нелюбовь, нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет».⁵⁵

Он спорит с Погодиным, для которого «что ни исследование с цитатами и всем ученым аппаратом, то уж непременно пустая фраза, непременно система, построенная из ничего».⁵⁶ Со своей

⁴⁹ Там же, стлб. 100.

⁵⁰ Там же, стлб. 100—101.

⁵¹ Там же, стлб. 99.

⁵² Там же, стлб. 101.

⁵³ Там же, стлб. 101—102.

⁵⁴ Там же, стлб. 102.

⁵⁵ Там же, стлб. 104.

⁵⁶ Там же.

стороны Кавелин настаивает на правомерности существования в исторической науке как практических, так и теоретических исследований. Невнимание к теоретическим занятиям и обобщениям он считает недостатком, присущим в целом русской исторической науке.⁵⁷

Как полагает Кавелин, Погодин, будучи противником систем и теорий, одновременно «сам как бы невольно их строит», поскольку «у него, современника Каченовского, было тоже какое-то смутное предчувствие цельного, полного взгляда на русскую историю».⁵⁸ При этом Погодин, по мнению Кавелина, «иногда наперекор фактам, преследует любимую мысль» и впадает в «исторический мистицизм». Наиболее ярко этот исторический мистицизм выразился в «Исторических афоризмах», в которых Погодин «остановился на точке какого-то благоговения перед каждым историческим событием, не стараясь объяснить его значение и место в целом историческом развитии. Мог бы умереть Игорь, да не умер, мог бы Олег иметь детей — да не имел, Святослав чуть-чуть не поселился в Болгарии, да очень кстати случился тогда в Греции Цимисхий и помешал ему привести замысел в исполнение». Перечисляя эти примеры, Кавелин показывает, что у Погодина получается цепь событий без внутренней логической связи и какой-либо закономерности — «буква за буквой идет, и что-то выходит».⁵⁹

Кавелин отмечает, что если следовать совету Погодина «молодым друзьям» русской истории, студентам университетов — до того как обратиться к «рассуждениям, толкованиям и высшим взглядам», собирать из всех доступных источников сведения об изучаемом предмете и уже только после этого переходить к выводам,⁶⁰ — то можно получить «ряд прекрасных монографий», но не русскую историю. Кавелин считает, что Погодин преувеличивает одну часть задачи, стоящей перед историком, — исследование отдельных проблем, — и забывает о «второй, последней, окончательной, которая не может быть разрешена без пособия высших взглядов, теории, системы».⁶¹

Рассматривая последовательно 14 глав первого тома «Исследований» Погодина, Кавелин старается отметить как достоинства, так и недостатки. Он положительно отзывается об усилиях Погодина при помощи иностранных свидетельств доказать достоверность русской летописи,⁶² рассмотреть достоверность договоров русских князей с греками,⁶³ о главе VII, где Погодин делит Не-

⁵⁷ Там же, стлб. 104—105.

⁵⁸ Там же, стлб. 105—106.

⁵⁹ Там же, стлб. 106.

⁶⁰ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. М., 1846, с. XI.

⁶¹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 107.

⁶² Там же, стлб. 109.

⁶³ Там же, стлб. 115—116.

сторову летопись (по Лаврентьевскому списку) на части и показывает, откуда каждая могла быть заимствована.⁶⁴ Но, коснувшись главы VIII, посвященной сказкам в Несторовой летописи, Кавелин находит, что «во всех трех томах нет такой слабой главы, как эта».⁶⁵ Он считает, что на основании сказок, помещенных в летописи, можно воссоздать «дух времени», но нельзя, как это пытаются делать Погодин, устанавливать достоверность и точность фактов.⁶⁶ Неудачной он считает и главу IX, в которой Погодин старается подкрепить достоверность летописи «свидетельствами современных близких туземных памятников, свидетельством современных иностранных писателей, географическими названиями, сохранившимися в последующих памятниках... , внутренними доказательствами и личным характером Нестора». Кавелин считает неубедительным доказательство достоверности летописи ее согласием с другими древнейшими памятниками, поскольку они сами могли быть заимствованы из летописи. Так, Погодин, замечает Кавелин, признает, что «Слово Даниила Заточника» не несет заметные следы такого заимствования. Этим путем можно доказать древность, но не достоверность летописи. Доказательства, основанные на названиях местности, также свидетельствуют о древности, но опять-таки не о достоверности летописи. Кавелин упрекает Погодина в том, что тот «позволяет себе много напыщенных фраз, воображает, что совершил патриотический подвиг, защитив летопись и летописца от нападков скептиков, а между тем в других этих фраз не терпит».⁶⁷ Поэтому он советует Погодину вместо звонких фраз обратить «внимание на несообразности, которые встречаются у Нестора, на беспорядок в его известиях, на неумение согласить вставки с текстом, на то, что рассказ о походе Святославе не сообразен с словами договора».⁶⁸ В главе XI о церковных уставах Владимира и Ярослава Кавелин находит лишь «повторение того, что уже говорил Карамзин, митроп. Евгений, Розенкампф — и против, и в защиту подлинности этих уставов».⁶⁹

Он вновь останавливается на критике Погодиным взглядов Каченовского, обращая внимание на недопустимый, с его точки зрения, тон полемики, и указывает на ряд частных промахов в опровержениях Погодина.⁷⁰

Обратившись ко второму тому «Исследований», посвященному изучению «двух главных, основных элементов, из которых сложилась Россия: варяго-руссос и славян», Кавелин не соглашается с распространенным тогда мнением, что этот вопрос «совсем не

⁶⁴ Там же, стлб. 118—122.

⁶⁵ Там же, стлб. 122.

⁶⁶ Там же, стлб. 125.

⁶⁷ Там же, стлб. 125.

⁶⁸ Там же, стлб. 126.

⁶⁹ Там же, стлб. 130.

⁷⁰ Там же, стлб. 126, 131—136.

имеет той важности».⁷¹ Подробно разбирая доводы Погодина и уточняя многие детали, Кавелин очень осторожен в выводах. Он высказывает по конкретным вопросам лишь предположения. В частности, он допускает, что варяги были не германского происхождения, а славянского.⁷² Но в целом он считает проблему очень важной, поскольку в его подходе к рассмотрению русской истории большое значение имел ответ на вопрос, какой «элемент принесли с собой варяги», так как во всем внутреннем устройстве Московской Руси, считал Кавелин, можно усмотреть «отголосок варяжского элемента».⁷³ Например, в «Русской правде» он видел прямое доказательство того, что князь сам выполнял судебные функции. Он считал, что ограничение княжеской власти наступило позднее.⁷⁴

Кавелин не соглашался с Погодиным, мимоходом отрицавшим существование феодальных отношений на Руси. По его мнению, ряд свидетельств подтверждал предположение о феодальных порядках при варягах.⁷⁵ К ним он относил упоминания о договорных отношениях между князем и дружинниками,⁷⁶ текст договора Игоря с греками, из которого вытекало наличие на Руси не одного князя, а нескольких, находившихся в вассальной зависимости от великого князя, что подкреплялось и свидетельством Константина Багрянородного.⁷⁷ Кавелин не придавал значения личности самого Рюрика, возражал против идеализации деятельности варяжских князей.⁷⁸ Он полемизировал с Погодиным, который считал, что решительные действия участников восстания в Киеве в 1068 г. объяснялись влиянием варяжского элемента.⁷⁹ Впрочем, оба, и Погодин, и Кавелин, не попытались вскрыть внутренние причины этого восстания, а лишь рассуждали о возможном воздействии на характер событий посторонних причин.

Одобрительно отозвавшись о главах, дававших обстоятельные сводки летописных свидетельств о военном деле на Руси, Кавелин делал ряд уточнений, используя разнообразные, в том числе и арабские, источники.⁸⁰

Главу VIII о древнерусской торговле Кавелин называет «образцом исторической критики».⁸¹ Вместе с тем он считает, что Погодин смотрит на торговлю в VIII, IX и X вв. «глазами нашего времени» и преувеличивает ее значение. Сам Кавелин считает, что

⁷¹ Там же, стлб. 137.

⁷² Там же, стлб. 143—149.

⁷³ Там же, стлб. 138.

⁷⁴ Там же, стлб. 159—160.

⁷⁵ Там же, стлб. 163.

⁷⁶ Там же, стлб. 163—164.

⁷⁷ Там же, стлб. 164.

⁷⁸ Там же, стлб. 167.

⁷⁹ Там же, стлб. 170—171.

⁸⁰ Там же, стлб. 172—173.

⁸¹ Там же, стлб. 173.

торговля в те времена была транзитной,⁸² носила более пассивный, чем активный характер, добавляя, что такой она была до Петра I. Он не согласен и с тем, что области, через которые проходили торговые пути, были более развиты, чем остальные. Исключение он делает только для Новгорода и Пскова.⁸³ В разборе этой главы сказалась приверженность Кавелина к юридическим отношениям, его недостаточное внимание к проблемам, выходящим за их пределы, в частности к вопросам экономики. В этом отношении «собиратель старины» Погодин невольно дал более широкое толкование причинам исторического развития России. В его рассуждениях можно отметить зачатки тех построений, которые впоследствии выдвинут историки, сторонники «экономического направления» и особенно В. О. Ключевский.

Коснувшись глав, посвященных религии, грамотности, языку и образованию,⁸⁴ Кавелин переходит к главе VII, содержащей обозрение юридического быта и законодательных памятников.⁸⁵ Он находит, что в ней Погодин дал поверхностный обзор законов и законодательных памятников, хотя и привел довольно удачно места из летописи, посвященные юридическому быту, сделав из них сравнительно удовлетворительные выводы. Говоря о главе X «Формация государства», в которой Погодин изложил свой общий взгляд на исторические явления, Кавелин признает «долю правды» в том, что Погодин рассматривает изучаемый период как «первоначальную историю народа», когда еще нельзя проследить проникнутое «одним духом» органическое развитие истории. Считая обоснованным стремление Погодина отмежеваться от «отвлеченного схоластического воззрения», Кавелин вместе с тем называет серьезной ошибкой этого историка отказ от выработки строго логического обоснования закономерности исторического развития, связанные с ним увлечение частными вопросами и объяснение исторических событий случайным стечением обстоятельств.⁸⁶ Коснувшись при разборе главы XI взгляда Погодина на «параллель Русской истории с историей Западных Европейских государств», Кавелин утверждает, что история России и история стран Западной Европы «до того различны между собою, что при всех видимых, случайных, иногда разительных сходствах, нет никакой возможности сравнивать их между собою».⁸⁷

Признание своеобразия русской истории было характерно в 40-е гг. XIX в. для представителей различных направлений в русской историографии. Н. П. Павлов-Сильванский писал, что своеобразие русской истории казалось тогда неоспоримым. Он от-

⁸² Там же, стлб. 175.

⁸³ Там же, стлб. 176.

⁸⁴ Там же, стлб. 178—182.

⁸⁵ Там же, стлб. 182.

⁸⁶ Там же, стлб. 191—193.

⁸⁷ Там же, стлб. 201.

мечал, что в этом пункте западники, в том числе и Кавелин, соглашались со славянофилами.⁸⁸

Рассуждая, в чем главная причина резкого несходства между историей России и стран Западной Европы, Кавелин считал весьма вероятным, что она — «в различии элементов, исторической почвы, на которой совершались события», в частности в особенностях «удивительного» славянского племени, «ключа к национальному характеру» которого еще нет, несмотря на то что о нем написано и сказано очень много.⁸⁹ Погодин, полагает Кавелин, «тоже чувствует это различие, но проводит его не до конца».⁹⁰

Здесь в споре Кавелина с Погодиным сложилось довольно оригинальное положение. Западник Кавелин настаивает на том, что между европейской и русской историей существует только случайное, поверхностное сходство, что аксиоматические положения в европейской истории, с помощью которых можно безошибочно судить об истории любого европейского государства, ничего не объясняют в русской истории. Близкий же к славянофилам Погодин, занявшись старательным выписыванием и сопоставлением данных, свидетельствующих об истории России и стран Запада, приходит к заключению, что при всем различии они имели между собой много общего.⁹¹

Кавелин считает, что, «действительно, русская история представляет совершенную противоположность истории западных государств, и даже теперь мы видим то же самое, хотя уже не столько резко, как прежде». Но эту противоположность он рассматривает как «противоположность предметов разнородных, которые потому только и различны, что решительно не имеют ничего общего между собою, ни одной точки одинаковой», и делает вывод: «Славянский мир и Россия, может быть, по преимуществу, почва для будущего, тогда как жизнь европейских государств уже обозначилась».⁹²

Завершая разбор трудов Погодина, Кавелин говорит о той задаче, которую решает история, о ее связи с современностью и будущим. Он пишет, что история исследует условия, в которых все народы земли стремятся к одному идеалу, хотя и различными путями. Историк должен «выяснить событие, период, эпоху так, как будто бы мы сами в ней жили и действовали». В таком случае даже в прошлые времена можно будет увидеть такого же человека, как современный. Различие будет лишь «в большей или меньшей его развитости». Движущее начало

⁸⁸ Муравьев В. А. Две лекции Н. П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография»). — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973, с. 358.

⁸⁹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 201.

⁹⁰ Там же, стлб. 202.

⁹¹ Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции, т. 3, с. 500, 501.

⁹² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 220.

истории, главную причину изменений, реформ и переворотов Кавелин видел в стремлении человека «к полному, всестороннему нравственному и физическому развитию». В связи с этим он говорил, что «в этом смысле есть, конечно, и в России люди, которые смотрят на наше прошедшее, как на состояние неудовлетворительное в сравнении с последующим, даже маловажное и во всяком случае не заслуживающее того, чтоб об нем сожалеть». Однако утверждение Погодина, что «некоторые отказываются от своей истории», Кавелин называет «нелепостью, о которой не стоит и говорить». Он считает, что прошлое можно только судить, «судить очень строго, беспристрастно и желать, чтобы оно оставило по себе как можно менее следов и чтобы эти следы изгладились как можно скорее».⁹³

3. Валуевский сборник

Горячие споры между западниками и славянофилами постепенно выходили за пределы салонов на страницы различных печатных изданий. Борьба между ними разгоралась и в области русской истории. Одним из главных защитников западных идей выступил Кавелин.

В 1845 г. вышел в свет I том «Сборника исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных», получивший известность как «Сборник Валуева».⁹⁴ Издателем сборника был историк-славянофил Д. А. Валуев. Кавелин относился к Валуеву как историку с большим уважением. Когда вышел в свет «Симбирский сборник»,⁹⁵ он посвятил ему рецензию, в которой с большой похвалой отозвался об изысканиях Валуева по истории местничества.⁹⁶ «Сборник Валуева» по сравнению с «Симбирским сборником» носил более отчетливую славянофильскую окраску. В предисловии к «Сборнику» Валуев писал, что сооружение здания Российского государства, начатое в XVIII в. Петром I, «со славою и блеском» завершено в первой четверти XIX в. Он полагал, что государство создавалось по европейскому типу. Россия усваивала все европейское: науку, нравы, быт, всю цивилизацию. Это развитие происходило в благоприятных условиях, поскольку оно было добровольное.⁹⁷ В XIX в., по мнению Валуева, наступила «для русской жизни новая эпоха». «От заимствований извне мы начинаем обращаться на самих себя». Приметы обновления России Валуев

⁹³ Там же, стлб. 221.

⁹⁴ Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. Изд. Д. А. Валуева. Т. I. М., 1845.

⁹⁵ Симбирский сборник. Историческая часть. Изд. Д. А. Валуева. Т. I. М., 1845.

⁹⁶ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 689—702.

⁹⁷ Сборник исторических и статистических сведений, с. 6.

видел в возникновении при ее содействии нескольких православных государств в Европе, в устройстве быта и постепенном возвращении к национальному. В подтверждение он ссылался, с одной стороны, на возникновение Греции как самостоятельного государства, образование православных княжеств Сербии, Молдавии и Валахии, объединение армян восточного исповедания, воссоединение унии с православной церковью, «проповедь евангелия язычникам, живущим в отдаленнейших краях России», создание православных школ на Востоке, с другой — составление и издание полного собрания законов, «полюбовное размежевание чересполосных владений», издание источников по русской истории и работы «Вооружение русских войск», воссоздавшей «наглядно, пластически древнюю Русь»,⁹⁸ возвращение светской и церковной архитектуры к древнерусскому и византийскому стилям, постепенное распространение русского языка в высших слоях общества, «которые было забыли его», наконец, «появление национальных русских поэтов в лице Пушкина и Гоголя».⁹⁹

Не последовала общему движению, считает Валуев, лишь наука, особенно история. Великое призвание истории — познакомить часть русского общества, «воспитанную под исключительным влиянием Запада», с теми, кого реформа Петра Великого почти не коснулась, познакомить Россию с ее единоверцами и единомышленниками, разбросанными по всему свету, и «тем дать возможность узнать самое себя». Только при этом условии возможно возникновение в России «самостоятельной исторической науки», которая ответит русским на вопрос, что они собой представляют, «к чему призваны» и по-новому осветит историю западноевропейских народов, им самим не столько понятную, как постороннему, беспристрастному наблюдателю.¹⁰⁰ Таким образом, предисловие Валуева к «Сборнику» представляет собой одну из наиболее ранних попыток обосновать славянофильский подход к истории вообще и к истории русской и западноевропейской в частности. В своих построениях на первое место он ставит распространение и рост авторитета православия, на второе — усиление внимания к родному языку, национальным особенностям и обычаям. Причем реформы начала XVIII в., заимствование достижений европейской цивилизации Валуев считал для своего времени явлением необходимым и прогрессивным.¹⁰¹

Кавелин в своей рецензии не спорит с Валуевым о предназначении русской истории и соглашается, что знакомство с историей и бытом единоверцев заслуживает одобрения, хотя и «не знает» того, что из этого может получиться в будущем. Зато во имя будущего, считает Кавелин, не следует бросать напрасного

⁹⁸ Там же, с. 13—14.

⁹⁹ Там же, с. 16.

¹⁰⁰ Там же, с. 17.

¹⁰¹ Там же, с. 18.

упрека западному миру и западной науке.¹⁰² Валуев писал, что если понимать под просвещением не одни определенные улучшения и усовершенствования в науках, искусствах и т. д., «а то совокупное умственное и нравственное движение, которое должно соединять народы в единство братолюбивой жизни и осуществлять в обществе чистую мысль христианства, во сколько она осуществима в человеке, — то во всяком случае еще останется под сомнением, кого с большею справедливостью можно назвать просвещенною — Россию ли XV и XVI века или ей современную католическую и протестантскую Европу?».¹⁰³ Кавелин возражал, что, во-первых, неверно, будто развитие наук, усовершенствование быта и т. д. шли в Европе своей дорогой, а нравственное и духовное развитие — своей, а во-вторых, полагает он, в науке, искусствах, общественном быту на Западе народ выражал «глубочайшие, задушевные верования свои, мысли, стремления», в них он жил, они составляли его плоть и кровь.¹⁰⁴ Касаясь влияния западного мира на Россию, Валуев ополчается против «просвещенного большинства», требующего от жизни «наслаждения всем умственным, нравственным и вещественным комфортом, который изготовляется для него услужливым просвещением». Он считает католицизм и протестантизм двумя видоизменениями «одной общей религии нравственной бестревожности (комфорта). Ту же задачу, не разрешенную в области веры, берет на себя систематизм в науке, формализм в обществе, мода в гостиной и т. д.».¹⁰⁵ Кавелин отмечает, что Валуев пришел к неверному выводу, что цель просвещенного общества, даже его лучшей части, — «более или менее утонченный материализм, нравственное и умственное усыпление или равнодушие». Вместе с тем он пишет, что не видит ничего плохого и в стремлении к комфорту. «Наслаждение — цель живущего, а уж дело каждого наслаждаться, чем он хочет: один наслаждается молитвой и постом, другой — исполнением долга, третий — наукой, четвертый — искусством, пятый — победой над низкими страстями, шестой — самими лишениями». Кавелин защищает «исключительно утилитарное направление нашего времени», в котором видит реакцию против, «может быть, слишком исключительно спиритуального направления», предшествовавшего практическому взгляду на вещи, и заключает: «Всему свое: свое телу, свое духу».¹⁰⁶

Размышления Валуева о возможности возникновения самостоятельной, независимой от европейской, русской науки, призванной осветить прошлое и будущее России и по-новому взглянуть на европейскую историю, Кавелин назвал «неопределен-

¹⁰² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 708.

¹⁰³ Сборник исторических и статистических сведений, с. 2.

¹⁰⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 709.

¹⁰⁵ Сборник исторических и статистических сведений, с. 12.

¹⁰⁶ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 710.

ными» и напоминающими больше «мечтания». Вместе с тем он отдавал должное добросовестности Валуева, в силу которой тот в своих «мечтаниях» был осторожен, а касаясь реальных событий, давал им справедливую оценку, даже если она не подкрепляла его общего взгляда (роль европейского влияния, отношение к реформам Петра I). Считая взгляды Валуева смесью верных и ложных мыслей, Кавелин, приступая к их разбору, считал необходимым изложить и свою точку зрения. По его мнению, до Петра I в России не было «ни науки, ни искусства», а сами русские «были заключены в ложном, очарованном кругу восточных привычек и обычаев». Рассматривая распространение европейской культуры в России после петровских преобразований как явление «не случайное, а необходимое», Кавелин подчеркивал, что Россия усваивала западную цивилизацию «самоотверженно», отбросив национальные и исторические предрассудки. Возникшие в первой четверти XIX в. сомнения в плодотворности западного влияния, как и разочарование в некоторых сторонах западноевропейской жизни, Кавелин считал проявлением скептических настроений, распространившихся в русском обществе и в свою очередь явившихся естественным следствием культурного развития, начавшегося в начале XVIII в.

Указав на закономерность петровских реформ, Кавелин выдвигает одно из положений своей будущей концепции. Здесь же, в рецензии на Валуевский сборник, он останавливается еще на одном важном для его будущей концепции понятии — развитии личности.

Валуев писал об издании «Вооружения русских войск»: «Эта книга впервые облекла для нас в образы и лица нашу забытую старину; мы узнали по крайней мере, в чем ходили наши предки, какой вид имели наши города и села, и то уже много для первого начала... Теперь только начинает быть возможным для поэта роман или драма из нашей древней жизни, живописцу — картина, ваятелю — статуя». Валуев считал, что в России «возможен рост собственной культуры, ростки которой заложены в прошлом, также как зачатки культуры европейской содержались в средневековье... Если бы средние века не оставили по себе столько живых следов и гордых памятников прошедшего, которые на каждом шагу воскрешают его для западного человека, едва ли бы был возможен роман Вальтера Скотта или Фауст Гете».¹⁰⁷ Культурное наследие на Руси сохранилось хуже: «Мы не были так счастливы, как Запад; от нашего прошедшего уцелели одни немногие остатки, разбросанные по всему безграничному пространству России. В том, разумеется, столько же виноваты мы, сколько отцы наши и деды, но более виновато то неуважение и невнимание к своей исторической жизни, которое вообще заметно везде, где жизнь народная еще преобладает над

¹⁰⁷ Сборник исторических и статистических сведений, с. 15.

жизнью государственной».¹⁰⁸ Кавелин, комментируя эти слова, подчеркивал, что различие в культурной традиции России и Запада более существенно, чем это отметил Валуев. Вряд ли, писал Кавелин, исторические памятники, подобные тем, что включены в книгу «Вооружение русских войск», могут «служить материалом для русского народного романа, для русской народной драмы». Для создания подобных произведений «нужны прежде всего лица, характеры, нужна жизнь с глубокими нравственными интересами, с всемирными вопросами, в какой бы форме они не являлись». Подобный материал, по его мнению, был на Западе, поскольку там «лицо, человек, с самого начала на первом плане». Именно поэтому западное средневековье оставило «после себя столько живых воспоминаний, столько гордых памятников». Но выше самих памятников — создавшая их духовная жизнь. Что же касается причин того, почему уцелело немного памятников древней Руси, то Кавелин отчасти соглашался с Валуевым, но добавлял, что «только то для человека и народа дорого, что он сознательно создавал и делал, и, действительно, то и имеет цену, в чем высказался мыслящий и чувствующий человек или народ». Кроме того, считал он, к своей древности русские не относились бы теперь с таким интересом, если бы «не было Петра и теперешней России». Тем самым он давал понять, что увлекающиеся русской стариной и порицающие деятельность Петра I почитатели древней Руси сами — порождение реформ начала XVIII в., связанных в представлении Кавелина с выступлением в России на историческую арену человеческой личности.¹⁰⁹

Далее Кавелин полемизировал с Валуевым, утверждавшим, что славянский мир богаче западного, что западный мир неблагоприятно действует на мир славянский, подавляет нравственные силы славян. Он отвергал противопоставление России и Европы, подчеркивая благотворность их сближения, начало которому было положено при Петре I: «С реформы Петра Великого все у нас с Европой — общее, и с каждым днем более и более; ее силлогизмы, ее стремления стали нашими, ее дело — нашим делом, ее наука — нашей наукой. Под европейской формой мы усвоили и усваиваем себе человеческое, равно близкое и родное всем племенам». Допуская, что в западном влиянии есть черты «исключительно национального европейского», которые со временем будут отвергнуты, Кавелин предостерегал от поспешных выводов. «Не достигнув полной самостоятельности в мышлении, в действовании, мы далеко не в состоянии определить, что из принимаемого нами с Запада — общечеловеческое и что исключительно историческое, принадлежащее одной Европе. С последним мы бы стали отрицать и первое», — писал он.¹¹⁰

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 718.

¹¹⁰ Там же, стлб. 723—724.

Вслед за предисловием Валуева в «Сборнике» была помещена статья «Вместо введения» А. С. Хомякова, посвященная истории расселения племен на грани древнего и нового (т. е. средневекового) мира. Она содержала много различных сведений и смелых, но необоснованных выводов. «Статью открывает игра историческими фактами и несомненными историческими истинами, словом, игра в историю; включает — ирония над всем славянским миром, его прошедшим и будущим»,¹¹¹ поскольку в конце Хомяков так превозносит добродетели славян, что статья производит впечатление насмешки, писал Кавелин.¹¹² Хомяков заключал статью словами: «Долго страдавший, но окончательно спасенный в роковой борьбе, более или менее искаженный чуждою примесью, но нигде не заклеянный наследственно печатью преступления и несправедливого стяжания, славянский мир хранит для человечества если не зародыш, то возможности обновленья».¹¹³ Прочитав эту концовку, Кавелин пришел к выводу, что вся статья — лишь «забавная игра в историю», в которой факты, «как стеклышки в калейдоскопе, стоят кверху ногами, а что-то выходит».¹¹⁴

Бегло коснувшись статей, в которых исторические факты не имели славянофильской окраски,¹¹⁵ Кавелин называет статьи, выдержанные в духе славянофильства,¹¹⁶ но не разбирает их подробно, полагая, что это может быть предметом специального исследования.

В заключение Кавелин писал, что сожалеет о Д. А. Валуеве, который «отдался весь своим, скажем беспристрастно, бесплодным убеждениям». Он, по словам Кавелина, «писал кровью, в его перо по каплям сочилась его молодая драгоценная жизнь».¹¹⁷ Кавелин призывает отказаться от тенденциозности,

¹¹¹ Там же, стлб. 724.

¹¹² Там же, стлб. 729.

¹¹³ Сборник исторических и статистических сведений о России, с. 7.

¹¹⁴ Там же, 727.

¹¹⁵ К ним Кавелин относил статьи «Юридический быт Силезии и Лужи и введение в эти земли немецких колонистов» (составлена по книгам Цюппе и Штецеля самим К. Д. Кавелиным), «История древнего наследственного права (по закону)» Г. Губе, «Об опеке и наследстве по Русской Правде» А. Попова, «О земледелии, промышленности и вообще богатстве Польши в XV и XVI в.» (по книге Суворовского), «Волин, Иомсбург и Винета» Т. Грановского, «Извлечение из письма Рабби Хисдай Бэн Ицхак к царю Хазарскому» (перевод К. Коссовича), «О лубочных картинах русского народа» И. М. Снегирева, «О значении слова „черный“ в древнем русском языке и преимущественно о черном боре Новгородском» С. М. Соловьева, «Христианство в Абиссинии» Д. А. Валуева, «О политическом устройстве и нравах прибрежных островов и городов Далмации, о финансах, сословиях, гражданском и уголовном праве» А. Рейца.

¹¹⁶ «Города немецкие и славянские» Д. А. Валуева, анонимный комментарий к «Разысканиям Кледена о славянах в нынешней (Браниборской) Бранденбургской области», «Славянское и православное население Австрии», «Историческая наука славянского мира в последнее пятилетие».

¹¹⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 742.

своей славянофилам, и объективно взглянуть на западную и русскую историю.¹¹⁸

Выход в свет Валуевского сборника и критическую рецензию Кавелина на него можно считать началом полемики между славянофилами и западниками в области русской истории. Д. А. Валуев выдвинул очень сжатую и не во всем последовательную точку зрения славянофилов на русскую историю. Тем не менее в его предисловии уже содержались основные положения славянофильской концепции русской истории: специфичность русского исторического процесса и его принципиальное отличие от западноевропейского. Те же мысли лежали и в основе статьи, написанной А. С. Хомяковым. Отличительной чертой этих ранних выступлений славянофилов было то, что в них отсутствовали, во-первых, появившееся позднее и нашедшее особенно яркое выражение в статьях К. С. Аксакова резко отрицательное отношение к петровским реформам и, во-вторых, также появившаяся впоследствии тенденция тесно связывать историю России с христианством, а затем и с православием, объясняя этим своеобразные черты исторического пути, пройденного Россией. Но Валуев, безусловно яркий и талантливый человек, в своих статьях первым изложил славянофильскую концепцию русской истории. Однако нельзя только этим ограничивать его роль в русской историографии. Может быть, более важное значение имеет его деятельность в целом, направленная на выявление и публикацию новых документов по истории России, расширение круга занятий историков, осмысление новых, ранее неизвестных фактов. Poleмика с ним несомненно имела существенное значение и для формирования взглядов Кавелина.

Д. А. Валуев умер в 25 лет. Но даже в своих ранних, незавершенных работах он проявил себя именно как историк в гораздо большей мере, чем получивший широкую известность как создатель славянофильской концепции истории России К. С. Аксаков и менее популярный, но все же отмеченный в историографической литературе Ю. Ф. Самарин. При всем интересе К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина к истории они все-таки выступали в большей степени как люди, занятые одной — публицистической, другой — публицистической и общественной деятельностью. Тем более незаслуженным можно считать недостаточное внимание к историческим трудам Валуева. О нем писали немного, главным образом в XIX в.¹¹⁹ В историографических трудах, носящих обобщающий характер, Д. А. Валуев даже не упоминается.

¹¹⁸ Там же, стлб. 746.

¹¹⁹ Литература о Д. А. Валуеве очень невелика. См.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 241. Общую характеристику Д. А. Валуева см.: Вилевский Н. А. Д. А. Валуев — издатель и исследователь Разрядной книги 1559—1605 гг. — В кн.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974, с. 355—379.

4. Статья К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России»

В первой книге «Современника» за 1847 г. появилась статья Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», основу которой составили лекции, читанные им в Московском университете. Эту статью можно считать своего рода первым программным выступлением представителей нового направления в русской историографии. В ее вводной части Кавелин отмечал повышенный интерес к русской истории как в России, так и в Европе. «Теперь все образованные люди интересуются русской историей, — писал он, — не только у нас, даже в Европе многие ею занимаются». Причину такого внимания Кавелин видел в росте авторитета Русского государства, в самой его судьбе, отличной от других славянских стран. «В то время как все некогда обширные и сильные государства, основанные славянами, пали, одна Россия, государство тоже славянское, создалась так крепко и прочно, что вынесла все внешние и внутренние бури и из каждой выходила как будто с новыми силами». Исключительная судьба России выглядела в глазах Кавелина «явлением совершенно новым, небывалым в истории». При этом он противопоставляет историю России истории стран Западной Европы.¹²⁰ Между ними он не находит «ни одной черты сходной, и много противоположных»: в Европе дружинное начало создало феодальные государства, в России — удельное государство; феодальную и удельную систему он сопоставлял с товариществом и семьей; в Европе видел сословия и аристократию и не находил их в древней Руси. Европейские города, по его мнению, имели отличное от сел устройство, что обусловило наличие среднего сословия, а устройство русских городов и сел он считал одинаковым. Европе, с рыцарством, с монашескими орденами, с отсутствием местничества, с церковью, облеченной светской властью и борющейся с государством, он противопоставлял Россию с местничеством и без рыцарства, имевшую лишь один монашеский орден (и тот основанный в Европе), церковь, лишенную светской власти и в мирском отношении зависимую от государства. Кавелин полагал, что в Европе сначала не было общинного быта, но потом он возник; в России сначала был общинный быт, впоследствии пришедший в упадок. В России «в исходе XVI в. сельские жители прикрепляются к земле, в Европе после основания государств не было такого явления».¹²¹ Эти рассуждения Кавелина расходились с западническими взглядами и резко отличались от воззрений Белинского. На них лежит отпечаток славянофильских настроений. Но вместе с тем они только на первый взгляд могут быть приняты за чисто славянофильские. Признавая резкое различие между Россией и Европой в древние времена, Кавелин не

¹²⁰ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 5.

¹²¹ Там же, стлб. 6—7.

выступал сторонником его сохранения. Он приветствует реформы Петра I, хотя и не считает их строго продуманными. В ходе реформ XVIII в. русские «обнаружили много сил, ума, благородства, много очень хорошего, но в таких юношеских формах, как будто... только что начинали жить».¹²² Здесь, говорит Кавелин, надо рассматривать собственно историю России, которая отлична от истории стран Востока, «где с самого начала до сих пор все повторяется почти одно и то же, а если по временам и появлялось что-нибудь новое, то замирало или развивалось на европейской почве. Русская история представляет постепенное изменение форм, а не повторение их... В этом смысле, — добавляет он, — мы народ европейский, способный к совершенствованию, к развитию, который не любит повторяться и бесчисленное число веков стоять на одной точке».¹²³ Таким образом, находя многочисленные отличия в общественном и политическом строе России от Европы, Кавелин вместе с тем видит между ними общее в значительно более важном вопросе, чем наличие или отсутствие местничества или протестантизма. Выступая против тех, кто оставляет историкам только изучение фактов, он призывает на основе «фактического знания предмета» обратиться к разработке теории.¹²⁴

Теоретические изыскания Кавелина идут по пути дальнейшего развития схемы Эверса «семья—род—племя—государство».

По Кавелину, в древнейшие времена русские славяне имели «исключительно родственный, на одних кровных началах и отношениях быт» и о других отношениях не имели никакого понятия, а потому, когда новые отношения появились, они «подвели и их под те же родственные, кровные отношения». Этот внутренний быт не испытал на себе никакого внешнего влияния, несмотря на беспрестанные сношения с иностранцами и набеги завоевателей — авар, хозар, норманнов, татар. Даже тяжелый гнет татар не сказался на самом характере внутреннего строя жизни, «монгольское влияние ограничилось несколькими словами, вошедшими в наш словарь».¹²⁵ Наибольшую потенциальную возможность произвести серьезные изменения во внутреннем устройстве восточных славян, казалось бы, имели варяги. Однако они «скоро подчинились влиянию туземного элемента» и не нарушили прежнего направления внутреннего развития страны.¹²⁶ В результате, писал Кавелин, «наша древняя, внутренняя история была постепенным развитием исключительно кровного родственного быта».¹²⁷

Так Кавелин уже не только утверждает наличие определенных общественных отношений в истории России, но и ищет закономерности, определявшие их развитие. Стараясь ответить на во-

¹²² Там же, стлб. 7.

¹²³ Там же, стлб. 8.

¹²⁴ Там же, стлб. 8—10.

¹²⁵ Там же, стлб. 11—12.

¹²⁶ Там же, стлб. 13.

¹²⁷ Там же, стлб. 14.

прос, по какому же закону этот кровный, родственный быт развивался, он пытается найти причину эволюции общественных отношений во влиянии христианских идей.¹²⁸ Христианство, которое, по его убеждению, «во имя внутреннего, духовного мира отрицает все видимые, материальные, условные, следовательно ничтожные различия между людьми», равно призывает к спасению «все народы и племена, все касты и сословия, всех, и свободных и несвободных», всем обещает и дает «равное участие в благах небесных», впервые выдвигает мысль о «бесконечном, безусловном достоинстве человеческой личности... Христианское начало безусловного достоинства человека и личности вместе с христианством рано или поздно должно было перейти в мир гражданский».¹²⁹ Таким образом, в представлении Кавелина, христианство способствовало росту влияния духовных сил человека и повышению роли человеческой личности. Если в древности человек ничего не значил, то под влиянием христианства перед народами была поставлена новая цель: «безусловное признание достоинства человека, лица, и всестороннее его развитие».¹³⁰

Вопрос о постепенном возникновении у людей сознания существования человеческой личности, ее прав, ее значения был важной составной частью кавелинской концепции исторического развития, и в частности истории России. Он был тесно связан с его пониманием значения личности в философском и политическом плане. Кавелин всю жизнь говорил о неизбежности для истинного прогресса нравственного усовершенствования личности.¹³¹ В рассматриваемой статье Кавелин выдвигает развитие личности в качестве общей, определяющей все историческое развитие России, идеи. Она позволяет ему развернуть весьма стройную теорию развития внутренней, «бытовой» истории России, основанную на постепенной эволюции человеческой личности, возникающей как результат развития первоначального, родственно-семейного быта славяно-русских племен.

Развитие человеческого общества по пути совершенствования человеческой личности шло, в представлении Кавелина, по-разному. В своей статье он говорит о двух путях: по одному шли германские племена, по другому — русско-славянские. Под влиянием беспрестанных войн у германских племен рано развилось глубокое чувство личности. Личное начало легло и в основу рано появившихся у них дружин — добровольных союзов. Все отношения у них «запечатлены этим началом личности и выражаются в строгих юридических формах».¹³² Личным началом были проникнуты и созданные ими государства. Уже после оформления этих начал в них проникает религия, под влиянием которой мысль

¹²⁸ Там же, стлб. 14.

¹²⁹ Там же, стлб. 15.

¹³⁰ Там же, стлб. 16.

¹³¹ Кавелин К. Д. Злобы дня. — Русская мысль, 1888, кн. 3, 4.

¹³² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 16.

о безусловном достоинстве человеческой личности переходит в мир гражданский и начинается в нем осуществляться.¹³³

По-иному складывалось развитие русско-славянских племен. Спокойные и миролюбивые, они не знали начала личности, которая расплывалась в семейном быту, им предстояло ее создать. «Так, задача истории русско-славянского племени и германских племен была различна. Последним предстояло развить историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую; нам предстояло создать личность. У нас и у них вопрос поставлен так неодинаково, что и сравнивать невозможно. После мы увидим, что и мы и они должны были выйти, и в самом деле вышли, на одну дорогу».¹³⁴

«Призвание варягов» Кавелин считал «важным многознаменательным событием». Причины этого необыкновенного исторического события, на первый взгляд казавшиеся загадочными, по мнению Кавелина выглядят значительно проще, если на них посмотреть с точки зрения родовой теории. Поскольку «кровный быт не может развить общественного духа и гражданских добродетелей», выборы начальника, старейшины, князя из своей среды оказывались крайне затруднительными, так как вызывали бесконечные распри. В этих условиях славянские племена, сознававшие необходимость власти, предпочли подчиниться постороннему, «равно чуждому для всех» лицу.¹³⁵ В результате явилась в Россию «воинственная дружина под предводительством вождей, которых наши предки по-своему называют князьями». «Из русско-славянских племен, волей или неволей покорившихся дружине, образуется сильное, обширное государство, — пишет Кавелин, — но устройство его носит на себе неславянский отпечаток; кажется, оно было феодальное».¹³⁶ Последнее замечание представляется весьма важным. Кавелин считал, что созданное варягами государство носило феодальный характер. В чем же он усматривал признаки феодальных отношений? «Если этого не видно из слов летописи, что предводители варяжской дружины сажали своих мужей в покорившихся или покоренных городах, — слов, которые, впрочем, подлежат различному толкованию, — то это более нежели вероятно из того, что Рогвольд и Тур имели свои наследственные владения; что в договоре Олега и особенно Игоря говорится о состоящих под их рукою светлых князьях в русской земле, исчисляются их имена, все неславянские, посылаются от них послы вместе с послами Олега и Игоря, и выговаривается на их часть контрибуция у греков».¹³⁷ Признак феодальных отношений усматривал Кавелин и в принесенном на Русь варягами «праве князя наследовать после смерда-поселянина». Дружина, пришедшая

¹³³ Там же, стлб. 16—17.

¹³⁴ Там же, стлб. 18.

¹³⁵ Там же, стлб. 23.

¹³⁶ Там же, стлб. 23—24.

¹³⁷ Там же, стлб. 24.

с князьями-варягами, представляла собой, по мнению Кавелина, «учреждение не русско-славянское, основанное на начале личности и до того чуждое нашим предкам, что в их языке нет для него даже названия: ибо мы по привычке называем его дружиной, ...придавая ему какой-то частный, домашний, полусемейный оттенок, какой дружины действительно получили у нас впоследствии, но которого не могли иметь сначала».

Главный результат призывания Кавелин видит в том, что варяги «принесли с собою зачатки государственности и политического, государственного единства всей русской земли», «новую систему управления, неизвестную семейно-общинной доваряжской Руси». Кавелин полагал, что «эта система строга, убыточна, разорительна для подданных. Она совершенно равнодушна к управляемым, противопоставляет их интересы интересам правителя, его обогащение поставяет главной целью и резко выдвигает его лицо из среды подвластных».¹³⁸

Признавая наличие феодальных отношений, принесенных варягами и просуществовавших до начала XI в., Кавелин шел вслед за Н. А. Полевым. Мысль о феодализме на Руси, мелькнувшая в их работах, не получила дальнейшего развития и на долгое время исчезла из трудов по русской истории. Лишь в самом конце XIX в. Н. П. Павлов-Сильванский обратился к вопросу о русском феодализме, о котором, по замечанию С. Н. Валка, «в течение всего почти XIX века даже не полагалось заикаться в ученом труде».¹³⁹ Что же касается понимания Кавелиным феодализма, то он, подобно Н. А. Полевому, видит лишь определенную форму зависимости между сюзереном и вассалом, зависимости, не выходящей за рамки юридических отношений. Кавелин никак не связывает феодальные отношения с процессом развития внутренней жизни славяно-русских племен. Он считает эти отношения привнесенными со стороны, присущими лишь варягам и исчезающими по мере их ассимиляции. Лишь приблизившись к мысли о сопоставлении некоторых институтов, существовавших в древней Руси, с феодальными, Кавелин спешит расстаться с ними. Поскольку «феодальный порядок не мог укорениться на нашей почве, и исчез вместе с варягами», Ярославу, на княжение которого, по мнению Кавелина, пришлось новое преобладание «русско-славянского элемента» над уступившим ему место варяжским, «оставалось построить государство по началам туземным, до которых тогда развился наш древний быт». Таким началом в представлении Кавелина было «начало семьи, рода». Ярослав как «князь чисто русский», по мнению Кавелина, «первый задумал основать государственный быт Руси и утвердить ее политическое

¹³⁸ Там же, стлб. 25.

¹³⁹ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — В кн.: Ленинградский государственный орден Ленина университет. Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948, с. 55.

единство на родовом начале». В результате — прерванная было нить национального развития «подымается опять, с той точки, на которой оно остановилось перед пришествием дружины, но теперь оно уже не ограничивается одним общинным, частным, домашним бытом, а охватывает собою и государственный быт, созданный чужеземцами и вместе с ними подчиненный влиянию туземного элемента». Далее Кавелин обращается к судьбе семей, которые накануне прихода варягов в условиях, когда падало единство внутри племен и общин, становились «главными деятелями в нашем внутреннем быте», а затем, превратившись в многоветвистые роды, распались на составные части и утратили сознание своего внутреннего, кровного единства. Потомство Владимира, а затем потомство Ярослава выступило на историческую сцену как семья, разросшаяся в целый род. Здесь Кавелин делает важное уточнение. Он говорит, что княжеская семья не была единственной, но судьба других семей потерялась в массе народа. Княжеский же род Владимира был на виду, управляя Россией. Поэтому, полагал Кавелин, на нем можно «подробно изучать постепенное развитие семьи и рода, законы этого развития и необходимый его исход». «Весь наш быт, от Ярослава до усиления Москвы, есть история развития родового начала, предоставленного самому себе, история его постепенного разложения и упадка»,¹⁴⁰ — резюмирует он. Тем самым Кавелин ограничивает объект своего изучения историей междукняжеских отношений. В них, по его мнению, наиболее ярко выражено развитие родового начала. Что же касается истории основной массы населения России, к которой он обращался, занимаясь рассмотрением тех или иных общественных или семейных институтов древней Руси, то она оказывается второстепенной, а порой вообще ускользает из его поля зрения. Эта существенная черта отражается на общей концепции Кавелина. Мы уже отмечали, что революционное направление в русской историографии настойчиво выдвигало тезис о необходимости изучения истории народа. Кавелин брался рассматривать юридический быт России, следовательно и ее народа, но вернулся к кругу вопросов, которым занимались Карамзин и Погодин, лишь приложив к ним свою, новую для того времени схему.

В представлении Кавелина в княжение Ярослава вся Россия управлялась одним княжеским родом. Каждый князь, член этого рода, имел свою часть. Весьма существенно, что не было определено, на каком основании каждый член княжеского рода получал свою часть. Старший в княжеском роде был великим князем, которому подчинялись все остальные. Вскоре после смерти Ярослава, когда только начинался удельный период, возникло «колебание» между территориальным началом, с одной стороны, и личным, родовым, семейным — с другой, колебание, которое привело к нарушению политического единства России и стало причиной раздроблен-

¹⁴⁰ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 26.

ности.¹⁴¹ Распределение уделов между князьями в порядке старшинства должно было способствовать тому, чтобы иерархия кровного старшинства порождала иерархию территориального или городского старшинства, которая, утвердившись, могла бы поддерживать политическое единство России, «ибо сама по себе она, однажды установленная, была неподвижна и прочна».¹⁴² Однако, будучи порождением кровной системы, система территориальная подвергалась изменениям в связи со смертью и рождением князей, вела к беспрестанным дележам Русской земли. Личное начало не могло упрочить государственную целостность России. Это начало было представлено родом, «закон развития которого — распадение, уничтожение единства». Потомки стали забывать о кровном единстве, об общем происхождении и преследовать свои частные цели, «основываясь на правах своего ближайшего предка, а не общего родоначальника».¹⁴³

На смену началу родовому, по которому после отца наследовал старший сын, затем — второй и т. д., пришло начало семейственное, по которому старший внук, «основываясь на ближайших интересах семьи, к которой он принадлежал, и не думая о далеких для него интересах рода», старается присвоить себе права отца. «В лице первых князей русско-славянский мир как будто готовится освободить себя от ига природы и дать простор личности ослаблением кровного союза».¹⁴⁴ С нарушением единства княжеского рода становится спорным право владения Киевом, да и само старшинство киевского князя постепенно превращается в призрак. Еще предпринимаются попытки решать дела между князьями сообща, собираются съезды, в которых Кавелин видит подобие веча в общинах. Но и они не смогли восстановить единство княжеского рода, несмотря на усилия Владимира Мономаха и Мстислава Великого, оно навсегда утрачивается.¹⁴⁵ Бесконечные войны между князьями оживляют на время общинное начало. В представлении Кавелина в это время существовали параллельно русские общины и полуславянские, полуваряжские князья. Чтобы положить конец грабежам и насилиям, общины предпринимают меры обороны, выбирают собственных князей. В этих условиях возрастает значение веча.¹⁴⁶

Древний Новгород занял значительное и своеобразное место в русской историографии XIX в. Особенности внутреннего устройства Новгорода, его внешние связи, многолетнее соперничество с Москвой получили широкое и разнообразное толкование в исторической литературе. При этом в конце XVIII в. и особенно в начале XIX в. наметились две тенденции. Одни авторы подчерки-

¹⁴¹ Там же, стлб. 27.

¹⁴² Там же, стлб. 27—28.

¹⁴³ Там же, стлб. 28.

¹⁴⁴ Там же, стлб. 29.

¹⁴⁵ Там же, стлб. 30.

¹⁴⁶ Там же, стлб. 31.

вали наличие в Новгороде вечевых порядков и видели в них несомненное достоинство. Другие возражали против подобных высказываний. С первыми проблесками республиканских идей связывал историю Новгорода А. Н. Радищев, который считал, что в Новгороде существовало «народное правление» и «народ в собрании своем на вече был истинный государь».¹⁴⁷ А. П. Куницын указывал на новгородское вече, как на пример (наряду с боярскими думами) того, что помыслы о «свободных понятиях» никогда не были чужды народу России.¹⁴⁸ Для митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова), наоборот, обычаи и нравы древнего Новгорода, особенно вечевые порядки, были «странны» и «удивительны». Отмечая эти «странности», он считал, что Новгородское княжество отличалось лишь тем, что князю Новгородскому чаще других приходилось призывать к порядку «мятежный парод».¹⁴⁹ Позиция митрополита Евгения была образцом прямолинейной реакции официальной историографии на повышенный интерес к вечевому строю Новгорода, проявлявшийся со стороны многих представителей русской науки и литературы.

Более сложным был подход к этой проблеме у Н. М. Карамзина. Он писал о большой власти, сосредоточенной в руках князя, и о том, что новгородцы «нередко останавливали государя в делах важнейших, предлагали ему советы, требования, иногда решали собственную судьбу его как вышние законодатели».¹⁵⁰ Вместе с тем Карамзин идеализировал князей и отрицательно смотрел на вече как на «шумное» и «мятежное» собрание,¹⁵¹ считал, что вечевые собрания порождали «частые мятежи, бывающие главным злом свободы».¹⁵² Рассматривая состав веча, Карамзин в одних случаях приходил к выводу, что «не все граждане могли судить на вечах, а только... бояре, воины, купцы», в других — считал, что приговоры веча составлялись и при участии «черни».¹⁵³ В конечном счете, разбирая распри князя и веча, Карамзин стоял на стороне первого, призванного «обуздывать народное своеволие»,¹⁵⁴ и порицал новгородцев, которые «судили и князей и святителей, думая, что власть мирская и духовная происходит от народа».¹⁵⁵ Против взглядов Карамзина на историю Новгорода решительно выступили декабристы. Достоинства вечевых строя, как зародыша республиканизма, отстаивали Н. А. Бе-

¹⁴⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., 1938, с. 262.

¹⁴⁸ Куницын А. Рассмотрение речи президента Академии наук. — Сын отечества, 1818, ч. 46, с. 189.

¹⁴⁹ Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1809, с. 52.

¹⁵⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. III, стлб. 121.

¹⁵¹ Там же, т. V, стлб. 46, 203.

¹⁵² Там же, т. IV, стлб. 138.

¹⁵³ Там же, т. VI, стлб. 8.

¹⁵⁴ Там же, т. III, стлб. 70, 103.

¹⁵⁵ Там же, т. VI, стлб. 88.

стужев и А. А. Бестужев, М. А. Фонвизин, М. А. Дмитриев-Мамонов, А. Е. Розен, Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, В. К. Кюхельбекер. При этом декабристы идеализировали вечевые порядки.

Полемика декабристов с официально-охранительной историографией, их критика взглядов Карамзина, взгляды самих декабристов на историю Новгорода хорошо освещены в нашей литературе.¹⁵⁶ Декабристскую традицию в трактовке истории Новгорода продолжал А. И. Герцен, который писал: «Свободный от монгольского ига, великий и могучий Новгород, привыкший считать себя суверенным, богатый благодаря оживленной торговле, которую он вел с ганзейскими городами, метрополия, имевшая широкую разветвленную сеть владений по всей России, — Новгород всегда ставил права общины выше прав князя». Видя в Новгороде олицетворение общинно-вечевых порядков, противопоставляя его Москве как оплоту самодержавия, Герцен сетовал по поводу победы Москвы над Новгородом, полагая, что «московский абсолютизм не был единственным средством спасения для России... Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какую ценою?... Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни».¹⁵⁷

Иначе смотрел на эти события В. Г. Белинский. Он считал исторически оправданным присоединение Новгорода к Москве. «Бессилие разъединенной Руси дало Новгороду укрепиться, а соединение Руси в одну державу без борьбы и особенных усилий ниспровергло его. И если бы Москва допустила существование Новгорода, он пал бы сам собою и стал бы легкой добычей Польши или Швеции». Далее он добавлял: «Что не развивается, то не живет, а что не живет, то умирает: таков мировой закон всех гражданских обществ».¹⁵⁸ Во внутреннем устройстве Новгорода Белинский не усматривал признаков республиканских порядков. Он полагал, что, «сделавшись купеческим городом, Новгород отнюдь не сделался муниципальным городом, и новгородцы, сделавшись купцами, отнюдь не сделали гражданами торговой республики: у них не было цехов, не было определенного разделения классов, которые составляют основание торговых государств».¹⁵⁹

Высказывания Герцена и Белинского имели важное значение для трактовки истории Новгорода в русской исторической науке.¹⁶⁰ Неудивительно, что и Кавелин уделил этой проблеме большое внимание. Он полагал, что в Новгороде, как и вообще на севере

¹⁵⁶ Например, см.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 321—347.

¹⁵⁷ Герцен А. И. Собр. соч., т. VII, М., 1958, с. 160, 161.

¹⁵⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, с. 405—406.

¹⁵⁹ Там же, с. 405.

¹⁶⁰ См.: Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963, с. 160—165.

России, особенно большое значение приобрели общины. При этом Кавелин замечает, что на Новгород многие историки смотрели как на «странное исключение из жизни древней России», объясняя его иностранным влиянием. Он считал подобный взгляд «историческим предрассудком», который опровергается при внимательном изучении истории древней России. По его убеждению, во внутреннем устройстве Новгорода «нет ни одной нерусской, неславянской черты», более того, «Новгород — община в древнерусском смысле слова, какими были более или менее все другие общины». При этом Кавелин отмечал и «особенные исторические условия», которые дали формам этой общины «резче обозначиться, продлили гораздо долее ее политическое существование». Во всяком случае он считал Новгород «образцом первоначального, русско-славянского общинного быта», во внутреннем устройстве которого видел «ту же неопределенность, то же отсутствие твердой юридической, на начале личности созданной собственности, которые характеризуют нашу древнюю внутреннюю жизнь». Новгород представлялся Кавелину состоящим из множества общин, каждая из которых имела в главных чертах одинаковое устройство со всей новгородской общиной. Представление Кавелина об устройстве последней особенно важно для понимания его взглядов на Новгород. Верховная власть находилась одновременно в руках князя и веча, полагал он. Власть князя и веча были противоположны друг другу, но существовали рядом, при ничем не определенных взаимоотношениях. Постоянное государственное устройство отсутствовало. При каждом новом князе складывались новые условия. Хотя эти условия были сходны, в самом их существовании Кавелин усматривает указание на «отсутствие ясного сознания о государственном быте».¹⁶¹ Характерны рассуждения Кавелина о княжеской власти: «Князь избирается Новгородом; но он от него зависит и всегда может быть удален из общины, когда им недовольны. Власть его ограничена в частностях, не определена в сущности».¹⁶² Он подчеркивает зависимость князя от веча, возможность стать князем только путем избрания, право веча удалить неугодного князя. Княжеская власть отнюдь не воспринимается им как нечто неприкосновенное, посланное свыше. Более того, он указывает на настороженное отношение новгородцев к князьям: «История родила к ней (княжеской власти, — А. Ц.) недоверие новгородцев; отсутствие государственных идей мешало схватить ее в определенных юридических формах». Но вечевые порядки Новгорода вызывают у Кавелина и критическое отношение. Он считал, что «вече представляет совершенно неопределенное народное собрание», на котором дела решались «не по большинству голосов, не единогласно, а как-то совершенно неопределенно, сообща». Новгородское вече вызывало у Кавелина ассоциации с современ-

¹⁶¹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 33.

¹⁶² Там же, стлб. 33—34.

ностью: «Живую картину его (веча, — А. Ц.) и теперь еще представляют крестьянские сходки». Кавелин отмечал деление новгородской общины на различные слои. «Как и во всякой древней русской общине, в Новгороде были бояре и смерды, старшие и младшие. Но какова была аристократия, мы не знаем; знаем только, что в последнее время она играла важную роль».¹⁶³

Таким образом, новгородские порядки у Кавелина — образец общинной Руси: с княжеской властью, зависевшей от общины, с общиной, разделенной на разные имущественные и социальные слои. Видимо, Кавелин не склонен был изображать Новгород как торжество народовластия.

Осторожно, только применительно к «последнему времени», но он говорит о важной роли аристократии; сама община тоже была и несовершенна и не способна на ясное юридическое оформление своих взаимоотношений с князьями; вечевое собрание — неорганизованное сборище. За рассуждениями об ограничении власти князей, об их избрании и возможном отрешении проглядывает мысль о необходимости каких-то изменений в современной Кавелину структуре государственной власти. Впрочем, изменений весьма умеренных. Тем более что выразитель народных настроений в прошлом — вечевое собрание — неорганизованное сборище, напоминающее Кавелину уже современные ему крестьянские сходки. Поскольку и последние так же не способны к ясному выражению мнений, не имеют четкого порядка, то можно ли говорить о передаче власти народу.

Описывая довольно подробно взаимоотношения князя и веча в Новгороде, Кавелин использовал книгу С. М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям», дополнив ее некоторыми новыми суждениями. Он останавливается на взаимоотношениях Новгорода и других княжеств, на его соперничестве с Москвой. В этом соперничестве Кавелин видит борьбу двух начал: укрепившейся в центре сильной централизаторской власти московского князя и сохранившихся на Севере России общинных начал. Он отмечает, что в судьбах Новгорода много «странного, особенного», что существование Новгорода «не прекратилось само собой, но насильственно прервано, — жертва сколько идеи, столько же и физического возрастания и сложения Московского государства... Мы не можем о Новгороде сказать, как о древней Руси перед Петром Великим, что он отжил свой век и больше ему ничего не оставалось делать, как исчезнуть».¹⁶⁴ Кавелин видел в новгородских порядках даже общие черты с послепетровской Россией: «Незадолго перед уничтожением его самостоятельности в нем обнаружилось какое-то неясное стремление идти по тому же пути, по которому великий преобразователь, через два с половиной века, повел всю Россию, — удивительное сближение,

¹⁶³ Там же, стлб. 34.

¹⁶⁴ Там же, стлб. 35.

много говорящее и в пользу переворота, совершенного Петром, и в пользу Новгорода». Он не считает возможным заниматься предположениями относительно того, к чему могло привести такое развитие, но отмечает, что «в лице Новгорода пресекся неразвившийся, особенный способ или вид существования древней Руси, неизвестный прочим ее частям». Вместе с тем Кавелин убежден, что «своим долгим существованием Новгород вполне исчерпал, вполне развил весь исключительно национальный общинный быт древней Руси», что «в новгородском устройстве этот быт достиг своей апогеи, дальше которой не мог идти». К тому же «этот быт» мало заключал в себе «зачатков гражданственности, твердого, прочного, государственного устройства».¹⁶⁵

На первый взгляд может показаться, что рассуждения Кавелина о падении Новгорода в результате соперничества с Москвой почти совпадают со взглядами Герцена. Однако при более внимательном сопоставлении можно заметить весьма важные различия. Герцен пытался найти в новгородском народоправстве черты республиканизма, противопоставить их самодержавной Москве. Своиственные Новгороду вечевые начала он считал способными к дальнейшему развитию. Кавелин же находил, что они исчерпали себя. В особенностях Новгорода Кавелин усматривал элементы, схожие с теми порядками, с той политикой, которые связаны с именем Петра I. Таким образом, они не отрицали самодержавную власть, а лишь подразумевали несколько иное претворение, то, которое проводил в жизнь Петр I. Что же касается гибели народоправства, то ввиду его «несовершенства» Кавелин не высказывал о нем особого сожаления.

В результате Кавелин оставляет в стороне общинное начало и обращается к отношениям, сыгравшим в истории России более значительную роль. В отличие от Севера России, где, как полагал Кавелин, «община усиливалась и прибирала власть к рукам, в остальной России нарождался новый порядок вещей». Князья перестали стремиться к овладению киевским престолом, стали заботиться об удержании наследственных уделов, приобрели оседлость. Но родовое начало сохраняет свое влияние и в этих условиях, лишь в меньших масштабах. Продолжалось дробление княжеств. В ходе этого процесса князья превращались в простых вотчинных владельцев, наследников отцовских имений. Изменился и характер дружины. После того как князь стал вотчинником, господином своих владений, дружинники превратились постепенно в его слуг. «По-прежнему слуги лично свободны, переходят от одного князя к другому, но они служат, а князь — господин». Вновь отступает общинное начало. Чтобы удержать на службе слуг и обеспечить им содержание, князь отдает им в кормление области. В этих условиях приниматься за создание государства нужно было уже на новых началах. Московские князья это и сде-

¹⁶⁵ Там же, стлб. 36.

лали. В целом это был шаг вперед, особенно для развития личности.¹⁶⁶ Утверждение нового порядка было ускорено монгольским нашествием. «Монголы сделали много зла для России: из конца в конец они ее опустошили, и опустошали не раз, однако, — отмечает Кавелин, — монголы разрушают удельную систему в самом основании, воссоздают политическое единство, словом, действуют в наших интересах, сами того не подозревая! Но, как мы видели, они действовали отрицательно. Положительно воспользовались всеми выгодами монгольского ига даровитые, умные, смышленные князья московские».¹⁶⁷ Он выделяет среди них Ивана Калиту, внука Александра Невского, который сначала был одним «из самых небогатых и несильных князей», владевшим всего лишь восьмью городами, но затем сумел добиться великокняжеского достоинства. Кавелин подчеркивает, что за ловкостью и способностью использовать любые средства для своего обогащения и собирания земель в деятельности Ивана Калиты следует выделить важную особенность: «Иоанн Калита был в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения, как на собственность».¹⁶⁸ В вотчинном начале Кавелин усматривал основу новых отношений, на которых с тех пор держится власть московских великих князей. Он писал: «Вот каковы были первые зачатки будущего московского государства, обнявшего всю Россию! Оно создается по новым началам. Московские князья прежде всего — неограниченные, наследственные господа над своими вотчинами; прежде всего они заботятся о том, чтобы умножить число своих имений».¹⁶⁹ Для достижения своих замыслов они сначала умело использовали хана, а затем, когда ослабевшая Орда стала для них помехой, сбросили личину покорности и выступили против татарского ига. Далее Кавелин излагает свое представление о постепенном вытеснении семейных начал государственными. «Оставалось сделать один шаг, — пишет он, — пожертвовать семьей государству: этот шаг и был сделан, но не вдруг». Кровное начало стояло на пути государственного, так как и московское великое княжение делилось на части среди детей великого князя, причем старший, великий князь, не был сильнее других и получал равный с ними удел. Раздоры усиливались из-за образования боковых линий, так же предъявлявших свои права. Чтобы предотвратить соперничество между детьми, великие князья стали давать старшему сыну большую часть, а прочим — меньшую. Тем самым кровные интересы мало-помалу уступают место желанию «сохранить и упрочить силу великого князя». В этом, по мнению Кавелина, «уже заключалась неясная мысль о государстве». В том, что братья Ивана III получают только по три города, а братья Васи-

¹⁶⁶ Там же, стлб. 41.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же, стлб. 42.

¹⁶⁹ Там же, стлб. 43.

лия Ивановича становятся уже не самостоятельными удельными князьями, а простыми владельцами, подданными великого князя, главной причиной являются не личные качества того или иного князя, а проявление известной закономерности. Именно она интересует Кавелина. В уничтожении уделов он видит важное событие в русской истории. «Уделы совершенно исчезают, и когда разными неправдами Василий отнял удел у князя северского, — последний в тогдашней России, — какой-то юродивый бегал по Москве с метлой, говоря, что пора очистить государство от последнего сору. И точно, уделы сделались тогда анахронизмом, запоздалым остатком прошедшего».¹⁷⁰

Кавелин старается показать, что развитие от семейных отношений к государственным идет постепенно, вследствие чего «и личность, и идея государства сначала едва видимы под старыми, установившимися формами». Под внешностью «владельца, полного господина над своими именьями», в московском государе еще трудно разглядеть его новое, более высокое значение.¹⁷¹ Однако «из-под великокняжеской вотчины проглядывает государство, отвлеченное нравственное лицо, имеющее свое физическое существование и самостоятельное, разумное значение». В дальнейшем развитии событий, по мнению Кавелина, все более отчетливо прослеживается влияние новых начал. «Образуется государственная территория — не случайное соединение земель, а правильное органическое тело, имеющее свою жизнь и потребности». В своей внешней политике московские государи руководствуются потребностями государства, «войны и мирные трактаты, приобретения земель перестают быть частным делом и получают высокое разумное значение». Еще более существенные изменения находит он в области внутренней политики: «Начало подданства начинает сменять начало холопства; является понятие о гражданской службе, о гражданстве, о равенстве перед судом. Улучшения внутреннего управления, судопроизводства, обуздание произвола кормленщиков, законодательство — все это показывает, что в Московском государстве под старыми формами развилось уже новое содержание».¹⁷²

В уничтожении удельной системы и объединении России в единое целое под властью одного великого князя Кавелин видел не только «начало новой эпохи в нашей политической жизни», но и «важный шаг вперед в развитии всего нашего внутреннего быта». Политическая система, созданная московскими великими князьями, — «нечто совершенно новое в русской истории... полное отрицание всех прежних систем, не в одних явлениях, а в самом основании... Так сначала в государственной сфере происходит отрицание исключительно кровного, семейного начала, по-

¹⁷⁰ Там же, стлб. 44.

¹⁷¹ Там же, стлб. 45.

¹⁷² Там же, стлб. 46.

следнего, самого ограниченного круга кровного союза и кровных отношений. На сцену действия выступает личность. Она не произвольно выходит из кровного союза, ставит себя выше семьи: она отрицает их во имя идеи, и эта идея — государство. Появление государства было вместе и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности, следовательно, началом гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не на одном родстве основанного, общественного бытия». ¹⁷³

Но Кавелин считал, что Московское государство лишь подготовило почву для установления новых общественных отношений. Это становление растянулось на два столетия. «Эту переходную эпоху нашей истории — утреннюю зарю нового, вечернюю зарю старого — эпоху неопределенную, как все срединные времена, — ограничивают от предыдущего и последующего два величайших деятеля в русской истории, Иоанн IV и Петр Великий: первый ее начинает, второй оканчивает и открывает другую», — писал он.

Кавелин находил много общего между Иваном IV и Петром I: «Разделенные целым веком, совершенно различные по характеру, они замечательно сходны по стремлениям, по направлению деятельности. И тот, и другой преследуют одни цели. Какая-то симпатия их связывает. Петр Великий глубоко уважал Иоанна IV, называл его своим образцом и ставил выше себя». ¹⁷⁴ Здесь заметно влияние высказываний В. Г. Белинского, в представлении которого Иван IV — «Петр I, не вовремя явившийся и грозой докончивший идею своего великого деда». ¹⁷⁵ Степень этого влияния определяется исследователями различно. ¹⁷⁶ Но Кавелин не только заимствовал у Белинского общие черты образа Ивана IV. Он по-своему, применительно к родовой теории истолковал его внутриполитическую деятельность. До Ивана IV, в его представлении, на Руси все было погружено в родственный быт, личность, «единственная плодотворная почва всякого нравственного развития», еще была подавлена кровными отношениями. Если быт славян и претерпел известные изменения в связи с принятием христианства, уничтожением многоженства и кровной мести, то все же, как считает Кавелин, «таких реформ было не много... Общины, города и волости, по-прежнему не имели никакого правильного общинного устройства и потеряли то временное политическое значение, которое получили было». ¹⁷⁷ Их положение ухудшалось

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. III, М., 1953, с. 20.

¹⁷⁶ См.: Мордовченко Н. Иван Грозный в оценках Белинского. — Звезда, 1945, № 10—11, с. 183—191; Кийко Е. И. Белинский в «Современнике». — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1954, № 171, сер. фил. наук, вып. 19; Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов, с. 176.

¹⁷⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 48—49.

из-за гнета кормленщиков. Подле общин существовало множество отдельных родов, разного происхождения и богатства, состоявших на службе у других родов или князей. С уничтожением уделов княжеские фамилии также низопли в разряд служилых родов и служили государю. Одновременно они перенесли на службу родовые понятия, что противоречило интересам государства, вынужденного замещать должности родовитыми, но неспособными людьми.¹⁷⁸ В борьбе против родовитой знати Кавелин видит продолжение борьбы государственного и кровного начал. Он отмечает «строгое обращение с вельможами» Ивана III.¹⁷⁹ Но особенно большую роль, по его мнению, сыграл в этом деле Иван IV: «Никто ни прежде, ни после, до самого Петра Великого, не действовал так энергично против вельмож и областных правителей, угнетавших народ, как Иван IV».¹⁸⁰ В основе реформ, предпринятых в областном управлении и в государственном устройстве, Кавелин видит стремление Ивана IV «совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкого происхождения, но преданными, готовыми служить ему и государству без всяких задних мыслей и частных расчетов». С этой точки зрения, он предлагает свое определение опричнины: «Это учреждение, оклеветанное современниками и непонятое потомством, не внушено Иоанну — как думают некоторые — желанием отделиться от русской земли, противопоставить себя ей: кто знает любовь Иоанна к простому народу, угнетенному и раздавленному в его время вельможами, кому известна заботливость, с которой он старался облегчить его участь, тот этого не скажет».¹⁸¹ В представлении Кавелина, опричнина «была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, — на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства: мысль, которая под другими формами была осуществлена потом Петром Великим». Реформы Ивана IV кончились крахом потому, считал Кавелин, что для них еще не было должных условий: «В самом обществе не было еще элементов для лучшего порядка вещей». В конце концов «Иоанн мог только мстить за неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем благородного, — и мстил страшно. Он умер. Современники его проклинали». Что же касается потомков, то «ученые и писатели — они повторяли слова современников, которые кричали громче других. Только один его понял — великий преемник его начинаний, которому суждено было доверить его дело и благословить Россию на новый путь».¹⁸²

¹⁷⁸ Там же, стлб. 49.

¹⁷⁹ Там же, стлб. 50.

¹⁸⁰ Там же, стлб. 51.

¹⁸¹ Там же, стлб. 52.

¹⁸² Там же, стлб. 53—54.

Так Кавелин вносит в русскую историографию намеченную еще Белинским характеристику Ивана IV, весьма отличную от тех, которые давало до него большинство русских историков. В свою очередь, рассуждения Кавелина, касающиеся русской истории XVI в., весьма по-разному оцениваются в работах по русской историографии.

Кавелин писал, что после Иоанна IV все его реформы или разрушились, или потеряли смысл. Еще при его жизни исчезло разделение на опричнину и земщину: появились опять наместники в областях. После смерти Ивана IV звание думного дворянина превратилось в обыкновенный чин, который жаловался знатым родичам. Утратили свое прежнее положение (даже неизвестно когда именно) старосты и целовальники, «они удержались только в уголовном управлении и собирали некоторые доходы царской казны, да то была не привилегия, а обязанность, повинность». Необходимость реформ, тем не менее, была очевидна. Это проявилось «при сыне и преемнике Иоанна» «в законодательной мере, которой настоящий смысл не понят, потому что на нее до сих пор смотрят с теперешней, а не с тогдашней точки зрения». Кавелин имеет в виду запрещение в 1592 году перехода крестьян с места на место, прикрепление сельского населения к земле. Он считал бесполезным искать объяснение отмене Юрьева дня с юридической точки зрения, поскольку в древней Руси юридического быта не было, а «личность в гражданской сфере сама по себе ничего не значила». Он полагал, что этот акт был продиктован политическими, административными и полицейскими соображениями. С его помощью стремились положить конец бродяжничеству и преступлениям и прекратить переманивание крестьян с чужих земель на свои, которое особенно практиковали богатые в ущерб бедным. Следствием запрещения переходов, в связи с юридической неопределенностью древнерусского быта, Кавелин считал «постепенное смещение двух сословий: холопского и крестьянского». Сливаясь, они воздействовали одно на другое; многие положения, относившиеся сначала к одним холопам, были перенесены и на крестьян. «Удерживались неважные, чисто формальные исторические различия, более и более терявшие смысл», — подводил он итог процессу.¹⁸³

«Смутное время» особенно не занимает Кавелина. Повод для «эпохи внутренних смут, неурядиц и волнений», по его мнению, был «случаем».¹⁸⁴ Что же касается их исхода, то он «не принес никаких существенных изменений в прежнем быте». Крестьянская война, самозванцы, польско-шведская интервенция оставлены Кавелиным без внимания. «После 1612 года все пришло в прежний порядок. Как море, Россия взволновалась и улеглась, не сохранив в своем общественном устройстве никаких следов не-

¹⁸³ Там же, стлб. 54.

¹⁸⁴ Там же, стлб. 54—55.

давних бурь: очевидно, время умственного и нравственного развития еще не наступило». — Сложные события начала XVII в., как казалось Кавелину, не повлияли на общее развитие страны. Он считал, что «эта эпоха вообще более относится к политической, нежели к внутренней истории России». Зато она «обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла в жизнь: Россия сама встала на свою защиту во имя веры и Москвы, тогдашнего государственного центра нашего отечества».¹⁸⁵

Годы царствования первых Романовых представляются Кавелину временем, когда «все успокоилось» и «опять возобновилась на время прерванная борьба царей с отживающими остатками догосударственной России». Эту борьбу правительство вело, как и прежде, в области административной, но теперь она велась тихо и медленно. Алексей Михайлович обходит Думу и все важнейшие дела совершает через подьячих Тайного приказа, преследует местнические споры, которые сами по себе «становятся мало-помалу безвредными для государства», наконец, в 1682 г. Федор Алексеевич уничтожает местничество. Областные правители сначала были ограничены и стеснены в своих действиях, а затем из помещиков превращены в воевод.¹⁸⁶

Кавелин усматривает изменения не только в области административного устройства, но и в гражданском быту России XVII в. Он видит их прежде всего в том, что юридические отношения берут верх над кровными родственными, в частности в изменении порядка наследования, в имущественных и личных отношениях между членами семей и родов, которые стали нуждаться в посредничестве государства и более не основывались на обычаях. И еще одну особенность переходного периода отмечает Кавелин: порчу общественных нравов. Ее он считает естественной и необходимой спутницей всех переходных эпох, порожденной грубой, неразвитой и непризнанной личностью, искавшей простора, не способной развиваться в тесном кругу преобладавших кровных отношений: «И без всяких посторонних влияний она (личность, — А. Ц.) рано или поздно предъявила бы свои права и в частном общественном быту, как прежде предъявила их в политическом и государственном. Закон жизни был один: и явления были одинаковы».¹⁸⁷

Главный результат исторического развития древней Руси Кавелин видел в том, что оно привело к возникновению первых зачатков государства и начал личности.¹⁸⁸ Независимость личности ранее всего проявилась в сфере политической и государственной, где она нашла свое наиболее яркое и полное выражение в лице Петра I. «В Петре Великом личность на русской почве вступила

¹⁸⁵ Там же, стлб. 55.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же, стлб. 56.

¹⁸⁸ Там же, стлб. 57.

в свои безусловные права, отрешилась от непосредственных, природных, исключительно национальных определений, победила их и подчинила себе. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фраза осуществления начала личности в русской истории», — писал Кавелин. Он решительно выступал против тех, кто утверждал, что эпоха реформ «пришла слишком внезапно, действовала круто, насильственно, разорвала русскую историю на две половины, совершенно между собою несхожие, ничем не связанные... лишила Россию национальности, подчинила ее исключительному господству европейских элементов и апостазию от национального возвела на степень добродетели». Кавелин утверждал, что «эпоха реформ наступила у нас не внезапно».¹⁸⁹ В доказательство он приводил тот факт, что еще до Петра I иностранные обычаи стали проникать в Россию, а иноземцы — поступать на русскую службу. «Крутой» характер реформ Кавелин объяснял существовавшими на Руси грубыми нравами. «Оправдание эпохи реформ — в ее целях, средства дала, навязала ей сама Русь. Петр действовал как воспитатель, врач-хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры. Нельзя было иначе действовать; невозможное теперь, было тогда, по несчастию, необходимо, неизбежно», — писал Кавелин.¹⁹⁰ Он доказывал, что реформы начала XVIII в. не провели резкой грани между старой и новой Россией, и обращал внимание не только на внутреннюю, но и на внешнюю связь между ними. Кавелин считал, что эта связь выразилась, в частности, в том, что сам Петр I, не различая старой и новой России, в своем законодательстве сливал их воедино, а своими преобразованиями давал ответы на вопросы, поставленные в древней Руси, показав тем самым свое хорошее знакомство с русской действительностью.¹⁹¹

Кавелин пишет, что «непроходимая бездна» между старым и новым создана «воображением, совершенно отвлеченным пониманием истории». В действительности как на Западе, так и в России между новым и древним миром существует прямая связь. Он приводит в пример Наполеона I, который «создал новый порядок вещей во Франции, несколько не похожий на тот, который им сменился», однако никто не говорит, что Франция до Наполеона и после него — две совсем разные Франции. Вглядевшись, можно заметить, что «прежнее естественным порядком выразилось в новое, как они ни различны между собою».¹⁹²

Напоминая о людях времен Елизаветы и Екатерины II, Кавелин говорит, что они не страдали ни бесхарактерностью, ни неопределенностью, а являли собой «резкий тип», а на реформы начала XVIII в. смотрели практически, считали себя русскими, «и

¹⁸⁹ Там же, стлб. 58.

¹⁹⁰ Там же, стлб. 59.

¹⁹¹ Там же, стлб. 59—60.

¹⁹² Там же, стлб. 60—61.

в самом деле они были русскими, для которых настало время здравого смысла, не стесненного историческими преданиями». Что же касается времени, когда эпоха реформ стала подходить к концу, когда нерешительность и сомнение «поразили ум и деятельность», то в этом новом явлении он видел «не следствие реформы», а «необходимую прелюдию к другому порядку вещей, который тогда зарождался».¹⁹³

Главное обвинение «эпохи преобразований» состояло, как полагал Кавелин, в том, что она будто бы лишила русских «народности и безусловно подчинила европейскому влиянию». Он считал это обвинение плодом недоразумения, порожденного, с одной стороны, различным толкованием слова «народность», с другой — «отвлеченным взглядом на русскую историю».¹⁹⁴

Кавелин объяснял, что под «национальностью», «народностью» применительно к разным эпохам следует понимать различные вещи. В ранний период развития, «когда народ пребывает в непосредственном, природном состоянии», народность неразрывно связана с внешними формами его существования. В этот период перемена формы означает утрату народности.¹⁹⁵ Что же касается более развитых форм человеческого общества, отличающихся более богатой духовной жизнью, то здесь «национальность становится выражением особенности нравственного, а не физического существования народа». С этой точки зрения, полагал он, русская народность в первом смысле сильно изменилась, причем эти изменения начались еще до реформ XVIII в. В другом смысле русские никогда не теряли «народности», оставаясь русскими и славянами. Кавелин утверждал, что в результате реформ не Европа перешла в Россию, а русские «оевропеились», оставаясь вместе с тем русскими.¹⁹⁶

Статья Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» давала, таким образом, общую концепцию исторического развития России. При всей искусственности отдельных построений, при наличии явного стремления во многих случаях фактическими сведениями дополнить заранее принятую схему, она так или иначе содержала единый взгляд на русскую историю, перекликавшийся с политическими воззрениями ее создателя и его единомышленников. На фоне охранительной историографии и крепостнических идей ее защитников концепция Кавелина содержала черты определенного либерализма. Идея оформления соответствовала требованиям отмены крепостного права. Вместе с тем, выделяя решающую роль государства в историческом развитии России, подчеркивая значение реформ начала XVIII в., проведенных царем-преобразователем и способствовавших выходу на

¹⁹³ Там же, стлб. 61.

¹⁹⁴ Там же, стлб. 61.

¹⁹⁵ Там же, стлб. 61—62.

¹⁹⁶ Там же, стлб. 62.

историческую арену исторической личности, воплотившейся в Петре I, Кавелин давал и историческое обоснование мысли о возможности и необходимости реформ самой императорской властью. Тем самым отвергалась идея революционной ломки существующего строя. Эти взгляды были подхвачены либеральными кругами, недовольными крайней реакцией николаевского царствования, но враждебно относившимися к революции. Что же касается историков либерального направления, то, получив общую и, в их представлении, законченную теорию исторического развития России, они использовали ее в своих исторических трудах для осмысления и изложения истории России и отдельных ее проблем.

5. Ю. Ф. Самарин и славянофильская концепция истории России

После сборника Д. А. Валуева следующим значительным шагом в развитии славянофильской концепции истории России явилась статья Ю. Ф. Самарина «О мнениях „Современника“ исторических и литературных», направленная против напечатанных в «Современнике» статей К. Д. Кавелина, А. В. Никитенко и В. Г. Белинского.

В работах советских историков, в которых славянофильская концепция русской истории излагается в ее общем и законченном виде, роль Самарина не освещена. Обычно упоминаются прежде всего сочинения К. С. Аксакова, затем П. В. и И. В. Киреевских, А. С. Хомякова. В «Очерках истории исторической науки в СССР» отмечены труды Ю. Ф. Самарина по истории Прибалтики, но в разделе, специально посвященном славянофильской концепции истории России, он не упомянут, как и в «Историографии истории СССР». Между тем указанная статья Самарина, опубликованная в 1847 г. в № 2 «Москвитянина» под псевдонимом М... З... К...,¹⁹⁷ представляет большой интерес, поскольку она является одной из первых попыток с позиций славянофильства разобрать взгляды историков государственной школы и одновременно изложить основные положения исторической концепции славянофильства. Важное значение этой статьи для более полного и глубокого понимания процесса становления славянофильских воззрений на русскую историю отметил еще А. Н. Пыпин. Касаясь восторженной оценки исторических трудов К. С. Аксакова Н. И. Костомаровым,¹⁹⁸ Пыпин замечал, что она требует оговорок. Костомаров считал Аксакова создателем славянофильской схемы истории России, но основные положения исторических воззре-

¹⁹⁷ Самарин Ю. Ф. Соч., т. 1, М., 1877, с. 28—108.

¹⁹⁸ Костомаров Н. И. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории. СПб., 1861, с. 1—31.

ний славянофилов, писал Пыпин, были выдвинуты первоначально И. В. и П. В. Киреевскими и Ю. Ф. Самариним, а уже затем развиты и окончательно сформулированы К. С. Аксаковым. «В том, что Костомаров считает заслугою К. Аксакова, не все принадлежит лично ему. Так, самое основное из его положений об общинном начале в древней русской жизни было ранее заявлено школой и, как мы видели в статье М... З... К..., заявлено самым решительным образом. Общинная идея была принята Аксаковым готовая, и ему принадлежит только дальнейшее ее развитие, и, можно прибавить, доведение ее до крайности».¹⁹⁹ Правда, С. А. Венгеров считал, что справедливая сама по себе поправка Пыпина к статье Костомарова «имеет по преимуществу библиографическое значение и заслуг Аксакова не умаляет»,²⁰⁰ поскольку славянофилы «выступали в печати уже с совершенно законченным мировоззрением, вошедшим в плоть и кровь каждого из принимавших участие в выработке его»,²⁰¹ и из того, что Самарин раньше Аксакова написал об общинном быте, «всего менее следует, чтобы Константин Сергеевич чему-нибудь научился из коротенькой... статейки Самарина или узнал бы что-нибудь новое из нее».²⁰²

Поэтому прежде чем перейти к рассмотрению статьи Самарина «О мнениях „Современника“ исторических и литературных», следует сказать несколько слов о самой колоритной фигуре среди славянофилов — К. С. Аксакове.

С. М. Соловьев, характеризуя семью Аксаковых, писал: «Старший сын этой четы, Константин, достойный прозвища Багрова, человек, могущий играть большую роль при народных движениях и в гостиных зеленого русского общества, со львиною физиономиею, силач, горлан, открытый, добродушный, не без дарований, но тупоумный; последнее можно было бы легко сносить за открытость, добродушие, наивность, по что делало его нестерпимым, так это крайнее самолюбие и упорство во мнениях, для поддержания которых он средств не разбирал. В Хомякове эта неразборчивость смягчалась шутливостью, которая мешала противнику его раздражаться; но спорить с Аксаковым было бы глупо и вредно для здоровья; правда, Аксаков не позволял себе выдумывать фактов, но зато никакая самая чудовищная натяжка его не останавливала, и, это, разумеется, раздражало гораздо больше, чем всякая выдумка, ибо против последней легкое средство — сказать и доказать, что нет ничего подобного, но против способности перевернуть всякое слово и событие в свою пользу — где средство? К. Аксаков когда-то хорошо учился в Московском университете, когда именно нечему было в нем учиться,

¹⁹⁹ Пыпин А. Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. Изд. 2-е, СПб., 1890, с. 300—301.

²⁰⁰ Венгеров С. А. Собр. соч., т. III, СПб., 1912, с. 166.

²⁰¹ Там же, с. 166—167.

²⁰² Там же, с. 167.

и ученик, т. е. студент, кончил курс университетский лет шестнадцати; он считал себя знатоком русской истории, потому что прочел Румянцевское собрание грамот и несколько томов изданий Археографической комиссии; для подкрепления своих любимых мыслей он брал наскоком в древней истории несколько явлений, но у него никогда не доставало ни времени, ни духу проследить русскую историю хотя бы и не по источникам; Карамзина он не читал, из моей истории прочел первый том, когда писал свою статью против родового быта, а потом начал читать с VI тома, когда в славянском совете ему поручено было написать разбор моей истории для „Русской беседы“: это он мне сам сказал откровенно; о новой русской истории с XVIII века не имел никакого понятия, об истории западных и славянских народов — также. Считал он себя и филологом, но филологи отзывались об его знаниях очень неудовлетворительно. Что же делал этот человек всю жизнь? Летом в деревне сидел у пруда с удочкой; зимой в Москве с утра до вечера разъезжал по гостям или принимал у себя гостей». ²⁰³

Соловьев нарисовал удивительно живой и яркий портрет Аксакова. Однако при несомненном сходстве портрета с оригиналом к характеристике Соловьева следует подходить с известной осторожностью. Близкие друзья в молодости, Соловьев и Аксаков впоследствии резко разошлись во взглядах, жаркая полемика, возникшая между ними, не прошла бесследно и для их личных отношений. Ироническое отношение Соловьева к познаниям Аксакова в русской истории легко понять. Сам Соловьев с утра до вечера был способен сидеть в архиве и просматривать горы подлинных документов. Но, с другой стороны, в то время, когда к историческим проблемам обращались многие публицисты, имевшие весьма поверхностные знания об истории, человек, знакомый с Румянцевским собранием рукописей и прочитавший тома документов, изданных Археографической комиссией, имел, конечно, определенные познания в истории. Кроме того, несомненная способность Аксакова схватывать главный смысл в идеях, высказываемых его единомышленниками, сама по себе являлась немалым достоинством.

Другим был Ю. Ф. Самарин. Тот же Соловьев писал о нем как о человеке «замечательно умном, но холодном и малосимпатичном». ²⁰⁴

Ю. Ф. Самарин (1819—1876) известен прежде всего как видный общественный деятель, активный участник подготовки и проведения буржуазных реформ 60-х—начала 70-х гг., как талантливый публицист и автор исторических сочинений, привлекавших к себе значительное внимание. Наиболее известны его магистерская диссертация «Стефан Яворский и Феофан Проко-

²⁰³ Соловьев С. М. Записки, с. 105—106.

²⁰⁴ Там же, с. 106.

пович», работы, посвященные истории отмены крепостного права в Пруссии, истории иезуитов, истории социально-экономических и национальных отношений в Прибалтике.

В годы, предшествовавшие выходу в свет упомянутой статьи, Самарин усердно занимался русской историей. Судя по его переписке с М. П. Погодиным, он брал у того много книг по истории России, очень интересовался историей царствования Петра I. В 1841—1842 гг. Самарин читал «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова. Прочитав все тома этого издания, он просил Погодина прислать ему «собрания указов времен Петровых и позднейших», спрашивал, нет ли у него «других книг, записок, монографий, указов времен Петровых, касающихся дел духовных и вообще его отношения к церкви».²⁰⁵ В другой раз Самарин просил Погодина прислать ему сочинения Посошкова.²⁰⁶ Погодин поощрял занятия Самарина русской историей, что подтверждается одним из писем Самарина к нему, в котором говорится: «Что касается до совета посвятить себя русской истории, то я принимаю его от Вас с радостью и благодарностью, тем более что с ним вполне совпадает мое желание и мои наклонности».²⁰⁷ 9 июня 1847 г. Самарин извещал Погодина об отсылке ему второй части статьи, предназначенной для «Москвитянина». Из письма следует, что первая часть статьи была получена Погодиным ранее через Аксакова. Это же письмо свидетельствует и о новом направлении занятий Самарина, сообщавшего, что он «погрузился в уставы немецкие, императорские, ганзейские и в средневековые летописи Остзейского края». В то же время у него не остывал и интерес к истории России, он постоянно сопоставляет заинтересовавшие его события из западноевропейской истории с русскими. «Впрочем, это занятие наводит на многие предметы, любопытные и важные для русской истории», — пишет Самарин. Почерпнутый материал Самарин делил на 3 группы: «1-я. Следы распространения православной веры в Остзейском крае до нашествия немецких проповедников. 2-я. Торговые отношения с Псковом, с Новым городом и Полоцком — торговые пути и торговые права и уставы. 3-я. Война с Иоанном Грозным...». Изучение истории западных городов натолкнуло Самарина на мысль о необходимости обратиться и к истории русского города. Ему казалось наиболее интересным «сравнение Немецких городов с Новым городом»... «Сходства и различия равно любопытны», — писал он. Самарин считал очень важным решить два вопроса: «1-ое. Был ли Новгород замкнутым обществом и пользовались [ли] правом гражданства (как-то правом производить торговлю, промыслы, участвовать в обсуждении дел общественных) все при-

²⁰⁵ Ю. Ф. Самарин — М. П. Погодину (1842 или 1843 г.), ОР ГБЛ, ф. 231, разд. II, карт. 29, ед. хр. 13.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

езжавшие и селившиеся в Новгороде или принятию предшествовало избрание? 2-ое. Имели ли право иногородние купцы торговать непосредственно с иностранными купцами: Ганзейскими и пр., или иногородние могли торговать через посредство Новгородских граждан? Эти два вопроса так важны, что на их основании можно почти наверняка вывести а priori все устройство и управление города. Не знаю, удастся ли мне разрешить эти два вопроса».²⁰⁸

Усердные занятия Самарина не завершились изданием самостоятельного исследования. Но их результатом и стала полемическая статья «О мнениях „Современника“ исторических и литературных», третью часть которой занимал критический разбор статьи Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». Одобрив «логическую стройность» кавелинской статьи, наличие в ней справедливого призыва искать правильный взгляд на русскую историю не в «бесплодном сравнении с историей других народов», а во «внутреннем быте» славян, Самарин выступил против выдвинутой Кавелиным теории родового быта. Он оспаривал утверждение Кавелина, что в древней Руси существовал «исключительно родственный быт», и считал, что свой тезис Кавелин доказывает лишь ссылкой на распространенный на Руси обычай называть начальника и помещика отцом, старшего — дядей и дедом, равных — братьями и т. д. Довод этот Самарин находил неубедительным, поскольку аналогичные обычаи встречались в товариществах французских мастеровых, описанных Жорж Санд, и в средневековых германских гильдиях, называвшихся *Bruderschaft* (братство).²⁰⁹ В русских летописях Самарин усматривал свидетельство несостоятельности родовых начал, потребности в третейской власти, что, по его мнению, опровергало утверждение Кавелина о быте древних славян как «исключительно семейственном и родственном».²¹⁰

Соглашаясь с Кавелиным, считавшим, что законом, по которому шло развитие древнерусского быта, было христианство, Самарин вместе с тем находил, что его определение роли христианства недостаточно, неточно и не исчерпывает сущности последнего. В том, что человеческая личность, некогда подавленная природою, освобождается и действует самостоятельно, Самарин усматривает как раз отрицательную сторону влияния христианства. Кавелин, по его мнению, забыл влияние положительной стороны христианства, которое «прежнее рабство... заменяет не отвлеченной возможностью иного состояния, но действительными обязанностями, новым игом и благим бременем, которое налагается на человека самым актом его освобождения».²¹¹ К словам Кавелина,

²⁰⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII. СПб., 1885, с. 31.

²⁰⁹ Самарин Ю. Ф. Собр. соч., т. 1, с. 32.

²¹⁰ Там же, с. 33.

²¹¹ Там же, с. 34.

что «христианство внесло в историю идею о бесконечном, безусловном достоинстве человека», Самарин добавлял: «подчиняющего себя безусловно целому... это самоотречение каждого в пользу всех есть начало свободного, но вместе с тем безусловно обязательного союза людей между собой. Этот союз, эта община ... есть церковь».²¹²

Эти возражения Самарина Кавелину имеют важное значение для более ясного понимания ряда особенностей развития либерального и славянофильского направлений в русской историографии (здесь мы не касаемся вопроса о либеральных оттенках внутри самого славянофильства). Для гегельянца Кавелина, признающего особую роль христианства, оно все-таки — один из компонентов исторического развития, комплекс религиозных, этических, культурных элементов, позволяющих человеку осознать свою власть над природой, почувствовать себя личностью, комплекс, способствующий росту роли личности в истории. В этом проявляется свойственный гегельянским идеям приоритет философии, известное подчинение религии философскому осмыслению истории. Самарин, наоборот, выдвигает христианство как главную силу исторического развития, освобождающую личность для полного подчинения ее религиозной общине, церкви. Эта идея Самарина весьма важна и потому, что именно признание христианства, православия главным фактором исторического развития русского народа является важнейшим и необходимым элементом славянофильской концепции истории России. Самарин первым с большой четкостью изложил этот тезис.

Следует заметить, что в пылу постоянной полемики в более поздних выступлениях представителей славянофильства это первостепенное положение о роли христианства в известной мере отступило на второй план. Вместе с тем некоторые толкователи славянофильской доктрины стали придавать ей прежде всего националистический оттенок, подчеркивая превосходство русского, кровно русского, национального над всем остальным. Эта тенденция особенно усилилась в работах поздних славянофилов, в выступлениях «почвенников». Такой националистический вариант славянофильской доктрины принимают за «истинное» славянофильство и некоторые исследователи. Однако представители классического славянофильства сороковых годов и позднее четко проводили различие между своей схемой и этим националистическим вариантом. В 1880 г. И. С. Аксаков послал Ф. М. Достоевскому письмо, в котором благодарил за присылку «Дневника писателя», сообщал о большом впечатлении, которое «Дневник» произвел на него, и делился своими мыслями о главном содержании славянофильства: «Само собой разумеется, сойдись западники и славянофилы в понятии об основе (православной или истинно христианской) просвещения — между ними всякие споры и недора-

²¹² Там же, с. 34—35.

зумения кончатся, и стремление „в Европу“, т. е. на арену общей, всемирной, общечеловеческой деятельности народного духа, — освящается. Вот почему, кстати сказать, тот только славянофил, кто признает умом и сердцем (последнее — святыня, не допускающая грубой проверки) Христа основой и конечной целью русского народного бытия. А кто не признает — тот самозванец. А таких псевдославянофилов развелось теперь куда как много. Выдернут из всего мирозерцания Христа и не понимают, что все разом убили». В качестве примера такого славянофильского самозванца Аксаков называет профессора Градовского, против которого выступал в «Дневнике писателя» Достоевский. Далее Аксаков с такой же определенностью разграничивает славянофильство и национализм: «Для русского человека родство племенное, физиологическое очень мало значит. Какой-нибудь православный Ключки фон Ключенау (был такой генерал) ему совсем родной брат, а католик Голицын — чужд. Одним словом, для него определение его национальности совпадает с православием, другими словами с христианством, ибо в другой форме он его не знает. Мудрено написать воззвание русскому народу, как его пишут в других странах: „Francais!“ или „Британцы!“ — „Русские!“ — не годится, самый язык не терпит. А на всех сходках ежедневно по всему пространству России держатся речи с воззванием: „православные“. Вот как Р[усский] народ определяет свою национальность. Покойный брат мой, называвший историю Р[усского] народа „Житием р[усского] народа“, называет также р[усского] человека „человеком по преимуществу“, не в том смысле, что он лучше всех, а в том, что он лучше всего выражает общечеловеческое. Он бывало угнетался очень самим обликом Р[усского] мужика, именно отсутствием в нем определенной животной породистости».²¹³

По мнению Самарина, взгляд Кавелина на роль христианства в развитии древнерусского быта страдал односторонностью из-за различного понимания западной и русской истории. Главной ошибкой Кавелина он считал то, что все явления западной истории предстают у Кавелина только как моменты развития одного начала — личности. Самарин удивляется, как Кавелин мог не учесть роли Римского начала в развитии западных стран. «Германское начало, идея личности создала целый ряд однородных явлений: в сфере государства различные виды искусственной ассоциации, коей теория отражена в Contract Social Руссо; в сфере религии — протестантизм; в сфере искусства — романтизм. В тех же сферах развились из Римского начала совершенно противоположные явления: идея отвлеченной, верховной власти, формулированная Макиавелли, католицизм и классицизм».²¹⁴

²¹³ И. С. Аксаков — Ф. М. Достоевскому, 20 августа 1880 г. ОР ГБЛ, ф. 93, разд. II, карт. I, ед. хр. 20, л. 3—3 об.

²¹⁴ С а м а р и н Ю. Ф. Собр. соч., т. 1, с. 37—38.

В отличие от Кавелина Самарин полагает, что развитие начала личности привело к отрицательным результатам. «На разных тонах повторяется одна тема: скорбное признание несостоятельности человеческой личности и бессилие так называемого индивидуализма. Что значат эти упреки современному обществу в эгоизме и личной корысти? Они обратились теперь в общие места, но в искренности основного чувства нельзя сомневаться». Здесь Самарин обращается к вопросам, позволяющим понять связь его воззрений на прошлое с современными событиями, более ясно представить политическую подоплеку исторической концепции славянофилов. «Почему, — спрашивает он, — вскоре после Июльской революции охладели к политическим вопросам, и прежняя строптивость и недоверчивость к верховной власти перешла в потребность какого-то крепкого, самостоятельного начала, собирающего личности, отчего эта потребность так сильно высказывалась в социальных школах, вышедших из революции и ей обязанных своим существованием, почему терминология революции: свобода, личность, равенство вытеснены словами: общение, братство (хотя слово братство пущено в ход еще в эпоху революции, но нельзя отрицать, что теперь его понимают иначе и глубже) и другими, заимствованными из семейного или общинного быта».²¹⁵

За этими вопросами кроется не только собственное отношение Самарина к актуальным социальным, политическим и историческим проблемам, но и общая позиция славянофильства. Отчетливо виден отрицательный взгляд на общественные отношения, порожденные Великой французской революцией. По существу Самарин отрицает буржуазный путь развития. Он довольно определенно дает понять, что уничтожение монархии и феодальных порядков во Франции не привели ни к чему хорошему. Так стоит ли брать за образец путь, пройденный Западом, стоит ли менять порядки в России во имя порядков, скомпрометировавших себя на Западе? По существу эти вопросы напрашиваются при чтении статьи Самарина. За рассуждениями Кавелина нетрудно было заметить мысль о необходимости постепенного преобразования России на западный манер. Самарин предостерегает от этого. Он считает нужным искать другие начала, необходимость которых, по его мнению, начал ощущать и Запад. Приведя в пример последние романы Жорж Санд и высказывания некоторых других французских авторов, Самарин находит в них стремление видеть образец общественных отношений не в провозглащенном революцией равенстве и торжестве свободной личности, а в братстве, понимаемом в духе семейных отношений, не разобщающем, а объединяющем людей. Особенно привлекает его эволюция взглядов Жорж Санд, в произведениях которой на смену личностям, протестующим против об-

²¹⁵ Там же, с. 38.

щества, приходит изображение красоты и самопожертвования, мирной простоты семейного быта.²¹⁶ Самарин с большим удовлетворением отмечает, что Жорж Санд и другие мыслители на Западе обратились к славянскому миру, который понят ими как мир общины, проявив при этом не одно любопытство, а участие и ожидание. Он напоминает, что в статье о Жижке Жорж Санд, «кажется, первая из западных писателей поняла глубокий смысл восстания гуситов как отчаянной борьбы за сохранение целостности церковной общины, в которую католицизм вводил насильственно раздвоенное, привилегированное сословие и т. д.». Интерес, проявленный на Западе к устройству славянской общины, Самарин считает убедительным доводом против Кавелина, который, по его мнению, полагал, что «там, где господствовал быт семейный, нет личности в смысле сознания, или что тот, кто живет под определением семейного родства, не сознает в себе возможности отрешиться от него».²¹⁷

В свете рассуждений Самарина возникновение славянофильской концепции истории России особенно отчетливо предстает как своеобразная реакция на революционные события на Западе. Самарин, которого можно назвать наиболее «европеизированным» славянофилом, будучи человеком широких взглядов, чуждым показного увлечения русской стариной, столь характерного для его друзей, в своих исторических сочинениях оставлял в стороне вопрос о возрождении старинных обычаев и национальных костюмов. Его занимала перспектива общественно-политического развития страны. Он считал опасным путь западноевропейских стран, усматривая в нем угрозу революционных потрясений, и поэтому пытался найти для России иной путь, истоки которого, по его мнению, заложены в ее собственном прошлом. Для этого было необходимо переосмыслить русскую историю, опровергнув одновременно концепции либеральных историков западнического направления, и Самарин переходит к замечаниям, касающимся освещения отдельных событий русской истории в статье Кавелина. Свой разбор он начинает с рассмотрения взгляда Кавелина на внутреннее устройство древнеславянских племен. Возражая Кавелину, который считал, что у этих племен господствовала «совершенная юридическая неопределенность», не было «власти и подчиненности, прав и сословий, собственности и администрации», Самарин писал, что ничего подобного у древних славян «никто и не ищет», но тут же добавлял, что «именно в этом быту» был зародыш будущих правовых отношений.²¹⁸ Таким образом, Самарин рассматривал возникновение и развитие правовых, юридических, а затем и государственных отношений как долговременный внутренний процесс, отвергал возможность искусствен-

²¹⁶ Там же, с. 38—39.

²¹⁷ Там же, с. 39.

²¹⁸ Там же, с. 45.

ного насаждения их со стороны и старался проследить первые ростки этих отношений в доваряжский период, там, где Кавелин находил только кровные, родственные отношения. Он полагал, что факт нанесения и осознания обиды и мести за нее свидетельствует о существовании понятия о праве и возмездии. По-иному, чем Кавелин, смотрел Самарин и на отношение славян к иностранцам. Он считал, что «у дикарей, не признающих никаких других отношений, кроме природного родства, заезжего чужестранца чуждаются или убивают». Если же у славян иноземца принимали как родного, то это свидетельство того, что «факт естественного родства обобщился в народном сознании до понятия о нравственном, человеческом родстве», а быт славян «создала не одна природа и кровь».²¹⁹ Самарин хотел показать, что общественные отношения у древних славян были на более высоком уровне, чем просто кровнородственные, содержали зачатки правовых норм. Если Кавелин толковал легенду о призвании варягов как свидетельство того, что у них не было «общественного духа», необходимого для объединения племен, то Самарин говорит, что готовность старшин разрозненных племен добровольно подчиниться власти варяжского князя доказывает не только сознание общих, общественных интересов, но и наличие у них «идеи государства». Присутствие варягов, по мнению Самарина, лишь «запечатлело» эту идею, «дало ей внешний образ».²²⁰ Не согласен он и с характеристикой Кавелина самой варяжской дружины как учреждения, абсолютно чуждого нашим предкам. Самарин считал, что средневековые гильдии тоже основывались на дружинном начале, неспроста и по-немецки они пазывались братствами.²²¹ К тому же он полагает, что в древней Руси, кроме дружины княжеской, «которая действительно была варяжского происхождения и в позднейшую эпоху приняла в себя родовое начало», существовали такие добровольные объединения, как артели рыболовов, каменщиков, охотников, которые в Новгородской и Псковской летописях упоминаются под общим названием дружин. По представлениям Самарина, дружина существовала в древней Руси в двух видах: «как ближайшее окружение почетного лица, князя или боярина, и как совокупность людей, собравшихся для общего дела и избравших себе предводителя на время и для известной цели». В первом случае деятельность дружины многообразна: дружинник — и воин, и советник, и правитель; во втором случае «связующим началом служит единство стремления или общее предприятие, и, как скоро оно кончается, дружина исчезает». Самарин считает, что только в первом случае, т. е. при отношениях личных, могло иметь место родовое начало. По его словам, Кавелин отрицает дружины потому, что «трудно было объяснить про-

²¹⁹ Там же, с. 46.

²²⁰ Там же, с. 47.

²²¹ Там же, с. 47—48.

исхождение бурлака или казака из того семейного быта, в котором человек лишается упругости, энергии, распускается в море мирных отношений, убаюкивается, предаётся покою, . . . становится слаб, доверчив и беспечен как дитя. Конечно, под этот тип хилого домоседа трудно подвести Ермака и Тараса Бульбу».²²²

Самарин принимает версию Кавелина о том, что после слияния варягов с местным населением при Ярославе «прерванная нить нашего национального развития поднимается опять», причём с этого времени «обхватывает собою государственный быт».²²³ Он соглашается с тем, что «политическое единство России основано Ярославом на родовом начале, а иерархия кровного старшинства сообщилась от князей земле и породила иерархию территориального старшинства». Принимает Самарин и сконструированную Кавелиным схему постепенного развития родового начала как основы политического единства России, согласно которой родовое начало постепенно было вытеснено вотчинным, а родовые отношения между отдельными семьями пресекались и уступили место развитию чисто юридических отношений, что явилось первым шагом к эмансипации личности. Эту часть статьи Кавелина Самарин считает подготовленной исследованиями М. П. Погодина, Н. А. Попова и С. М. Соловьева и признаёт её «не без достоинства» и «едва ли не лучшей в его труде». Вместе с тем он говорит, что «развитие родового начала в княжеском роде не исчерпывает всей русской жизни в период уделов, что, кроме взаимных родовых отношений, князья относились же как-нибудь и к народу».²²⁴ Самарин собственно не возражает и против взгляда Кавелина на русскую общину, согласно которому общинная жизнь в древней Руси была не развита, затем оживилась, когда общины стали защищать себя от нападений и злоупотреблений князей, создали вече, начали избирать и изгонять князей. Но он считает его недостаточным. По его мнению, подобная характеристика общин древней Руси не может исчерпывать всего её юридического быта. Самарин считает, что Кавелин «упустил из виду Русскую землю, забывая, что земля создает государство, а не государство землю». В противовес Кавелину, полагавшему, «что само в себе общинное начало не имело зачатков жизни и развития», он утверждал, что оно сыграло большую роль в истории. Примеры он видел в призвании князей, в принятии христианства, «которое было делом всей земли», но о котором умолчал Кавелин, в сознании неспособности «жить без князя» и, наконец, «в позднейшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало . . . спасло единство и цельность России, и снова, как в 862, так и в 1612 г., создало из себя государство».²²⁵

²²² Там же, с. 48.

²²³ Там же, с. 48—49.

²²⁴ Там же, с. 49.

²²⁵ Там же, с. 50—51.

Последнее рассуждение Самарина показывает, что он понимал под «государством» княжескую, а затем царскую власть. По его твердому убеждению, «общинное начало составляет основу, грунт всей Русской истории прошедшей, настоящей и будущей; смена и корни всего великого, возносящегося на поверхности, глубоко зарыты в его плодотворной глубине, и никакое дело, никакая теория, отвергающая эту глубину, не достигнет своей цели, не будет жить». Возражая Кавелину, писавшему, что «общинное начало клонится более и более к упадку, потому что не было основано на личном начале», Самарин утверждал, что, наоборот, в то время, как родовое начало исчезло, общинное начало уцелело в городах и селах, найдя свое выражение в вечах, а позднее — в земских думах. При этом он особенно подчеркивает мысль о влиянии на общинное начало христианства.²²⁶ Самарин намечает несколько форм общинного начала, различных видов общежития: семейство и род, основанные на единстве кровном, город и область, основанные на единстве областном, а позднее епархиальном, «единая, обнимающая всю Россию государственная община, — последний вид, выражение земского и церковного единства». При всем различии он считает их лишь формами, моментами «постепенного расширения одного общинного начала, одной потребности жить вместе в согласии и любви, потребности, признанной каждым членом общины как верховный закон, обязательный для всех и носящий свое оправдание в самом себе, а не в личном произволении каждого». В этом Самарин видит существо общинного быта, основанного не на личности, а предполагающего «высший акт личной свободы и сознания — самоотречение».

Здесь Самарин подходит к весьма важному в славянофильской концепции вопросу о взаимоотношениях общины и личности, наделенной ею властью. «В каждом моменте его (общинного быта, — А. Ц.) развития он выражается в двух явлениях, идущих параллельно и необходимых одно для другого. Вече родовое (княжеские сеймы) и родоначальник. Вече городское и князь. Вече земское или Дума и царь. Первое служит выражением общего связующего начала; второе — личности».²²⁷

Эти положения в виде законченной формулы будут изложены К. С. Аксаковым и в таком виде получат наибольшую известность. Самарин же здесь ищет основу отношений между князем и миром. Родовое начало, считает он, вполне объясняет отношения между князьями, а в отношениях князя с миром находят свое выражение отношения между личностью и общиной. В князе, по его мнению, община видит личность, равно близкую каждому, признанного заступника и ходатая каждого перед миром: «Каждый отрекся от своего личного полновластия и вместе с тем спас свою личность в лице представителя личного начала».²²⁸

²²⁶ Там же, с. 51.

²²⁷ Там же, с. 52.

²²⁸ Там же.

Используя Ипатьевскую летопись, Самарин рисует идиллическую картину древней Руси, картину процветания народа, видевшего в князе олицетворение «возвышенного христианского попятия о призвании личной власти». Он доказывает отсутствие родового быта возникновением образов былишных богатырей, которым было бы тесно в рамках родовых отношений.²²⁹

В противоположность Кавелину, считавшему, что в Новгороде вместе с его самостоятельностью были уничтожены начала общинной жизни, тенденции к развитию по пути, впоследствии принятом Петром I, Самарин находит падение Новгорода «необходимым и естественным», поскольку в нем утратилось общинное начало, носителем которого была Москва.²³⁰

Касаясь взглядов Кавелина на Ивана IV, Самарин не соглашается с тем, что Иван IV оживил жизнь общин. По его мнению, общинная жизнь не умирала и продолжалась, а ее жизнеспособность была доказана в начале XVII в., в период важных событий, о которых, как он полагает, Кавелин старается умалчивать.²³¹

В отличие от других славянофилов Самарин соглашался с тем, что в Московском государстве была подготовлена почва для реформ Петра. Он сочувственно относился к самим реформам и находил дельными доводы Кавелина в их защиту.²³² Такая позиция существенно отличает исторические взгляды Самарина от воззрений его единомышленников-славянофилов, не желавших признавать закономерность преобразований начала XVIII в., считавших их противоречащими естественному развитию русского исторического процесса.

Приводя полностью заключительный абзац статьи Кавелина, в котором тот доказывал, что «внутренняя история России — не безобразная груда бессмысленных, ничем не связанных фактов», а «стройное, органическое, разумное развитие нашей жизни, всегда единой, как всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и после реформы», что личность в древней русской жизни не существовала, что она выступила на сцену в начале XVIII в., не имея «никаких исторических определений»,²³³ Самарин суммирует свои взгляды в восьми пунктах. Во-первых, развитие «начала личности, предоставленной себе самой, — пишет он, — не имеет ни конца, ни выхода; ... путем исчерпывания исторических явлений личности до идеи о человеке, т. е. о начале абсолютного соединения и подчинения личностей под верховный закон, логически дойти нельзя, потому что процесс аналитический никогда не переходит сам собою в синтетический», т. е. развитие личности с точки зрения теоретической бесперспективно. Особенно важным обстоятельством Са-

²²⁹ Там же, с. 55—56.

²³⁰ Там же, с. 58—59.

²³¹ Там же, с. 62.

²³² Там же, с. 62—63.

²³³ Там же.

марин считает невозможность «абсолютного соединения и подчинения личностей под верховный закон». Во-вторых, идея человека или, точнее, идея народа представляет собой не «естественный плод развития личности», а «прямое ему противодействие», проникшее в сознание передовых мыслителей Западной Европы из сферы религии. В-третьих, пишет Самарин, западный мир теперь выражает требование «органического примирения начала личности с началом объективной и для всех обязательной нормы — требование общины». В-четвертых, вышеприведенное требование западного мира «совпадает с нашей субстанцией, что в оправдание формулы мы приносим быт, и в этом точка соприкосновения нашей с западной». В-пятых, «общинный быт славян основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном отречении от своего полновластия... в национальный быт славян христианство впесло сознание и свободу... славянская община, так сказать растворившись, приняла в себя начало общения духовного и стала как бы светскою, историческою стороною церкви». В-седьмых, «задача нашей внутренней истории определяется как просветление Народного общинного начала общинным церковным». Наконец, в-восьмых, писал Самарин — «внешняя история наша имела целью отстоять и спасти политическую независимость того же начала не только для России, но и для всего славянского племени, создание крепкой государственной формы, которая не исчерпывает общинного начала, но и не противоречит ему». Изложив эти тезисы, он замечает, что половина из них «имеет вид гипотез»; что «не было ни возможности, ни намерения доказать их в статье, посвященной разбору чужого мнения. Главная цель наша — опровергнуть его».²³⁴

Как мы уже отмечали, до сих пор славянофильские идеи излагались (если не считать Валуевский сборник) в ходе устной полемики, происходившей в различных кружках и салонах. Теперь же, воспользовавшись выходом в свет статьи Кавелина, Самарин не только изложил свой взгляд на его трактовку русской истории, но и впервые выдвинул более или менее цельную концепцию, которая в основных чертах соответствовала славянофильским представлениям. Отбросив многие весьма важные положения Кавелина, Самарин вместе с тем заимствовал его общую схему, основную мысль, сводившуюся к тому, что события русской истории логически связаны между собою.

Среди элементов предложенной Самариним новой концепции особенно важным для формирования славянофильских взглядов явилась его теория общинного начала, тесное переплетение общинного начала и христианских идей, общины и церкви. Столь же существенно в статье Самарина и неприятие «западного пути» исторического развития, вызванное страхом революционной ломки. В заключение, возвращаясь к вопросу, были ли взгляды

²³⁴ Там же, с. 63—64.

Ю. Ф. Самарина оригинальными, или он лишь излагал общие воззрения славянофилов, можно высказать следующие соображения. Вполне вероятно, что Самарин изложил взгляды, господствовавшие в славянофильском кружке и выработанные в результате совместных усилий. Вместе с тем в статье несомненно нашли отражение и личные взгляды Самарина. Это относится, в частности, к его оценке реформ начала XVIII в. Наконец, следует отметить еще одно обстоятельство. Славянофильская концепция не была изложена в печати до тех пор, пока не появилось сочинение Кавелина, которое и было взято за образец для того, чтобы по принципу «от противного» изложить эти взгляды.

На статью Кавелина откликнулся и Погодин, поставивший под сомнение положительное значение теории родового быта.²³⁵ Кавелин написал «Ответ „Москвитянину“».²³⁶ В тоне академического спора он вновь обосновывал значение родовой теории для осмысления внутренней закономерности исторического развития России, упрекал Самарина в попытках приложить к русской истории отвлеченные понятия,²³⁷ выступал против идеализации русской общины.²³⁸ Белинский в письме Кавелину от 7 декабря 1847 г. одобрил его ответ Погодину.²³⁹ Белинский писал, что «статья против Самарина жива и дельна», но что он «крайне недоволен ею с одной стороны»,²⁴⁰ так как Кавелин «имел случай» «раздавить» Самарина, от статьи которого «несет мерзостью», но не сделал этого, а возражал, «стоя на коленях».²⁴¹ «Что, если бы Вы так же высекли Самарина, как Погодина? А церемониться со славянофилами нечего», — писал Белинский.²⁴²

Письмо Белинского, написанное им за полгода до смерти, показывает, что, отдавая должное выступлениям Кавелина против официально-охранительных и славянофильских взглядов, он со всей определенностью указывал на присущую им ограниченность.

²³⁵ Москвитянин, 1847, ч. I, с. 115—184.

²³⁶ Кавелин К. Д. Соч., т. 1, стлб. 67—96.

²³⁷ Там же, стлб. 67—69.

²³⁸ Там же, стлб. 75—76.

²³⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XII, М., 1956, с. 457.

²⁴⁰ Там же, с. 454.

²⁴¹ Там же, с. 456.

²⁴² Там же, с. 457.

**1. Теория родовых отношений в работах М. М. Михайлова,
А. Ф. Тюриня и П. В. Павлова**

Наряду с трудами Кавелина и Соловьева в конце 40-х—начале 50-х гг. XIX в. появились и другие исторические работы, авторы которых в основу своих взглядов положили теорию родовых отношений.

В 1848 г. вышла книга М. М. Михайлова, содержащая разбор одной из важных сторон юридических отношений в России — истории гражданского судопроизводства с древнейших времен до Уложения 1649 г.¹ Специальностью Михайлова была история права, и он старался оставаться в рамках этого предмета, не вдаваясь в отвлеченные исторические размышления, свойственные Кавелину, и не пытаясь дать широкую картину истории России, как Соловьев. Может быть, именно поэтому у него нет прямых ссылок на работы Кавелина, которые он, возможно, считал выходящими слишком далеко за пределы истории права. Михайлов видел свою задачу в изучении истории гражданского судопроизводства, в продолжении работ, начатых А. П. Куницыным и Н. В. Калачовым. Он относил себя к последователям Эверса, и в его трудах было немало общего с воззрениями Кавелина и Соловьева.

Михайлов полагал, что до его книги в юридической литературе еще не было сочинения, в котором история древнего русского судопроизводства была бы изложена «в истинно историческом духе». По его мнению, от историка следовало требовать «не только изложения фактов в их исторической последовательности»; но и «глубокое, всестороннее познание предмета, основанное на исследовании его сущности, свойств внутренних и отношений внешних». Лишь тогда он может удовлетворить «требованиям нашего времени». Он выступал и против повествовательных сочинений, и против трудов, содержавших одни лишь отвлеченные рассуждения, считал нужным не только сообщать факты, но и

¹ Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г. СПб., 1848.

искать причинную связь между ними.² Эти идеи Михайлова в известной мере шире высказываний Кавелина. Кавелин выступал в основном против чисто повествовательных работ, против увлечения частностями, говорил о необходимости обобщения фактов и осмысления исторического процесса. Михайлов же возражал и против работ, в которых были одни рассуждения. Возможно, он имел в виду и сочинения самого Кавелина. «Избежать того и другого недостатка, по нашему мнению, возможно только тогда, когда в изложении будет отделено историческое обозрение фактов, в их связи причин и следствий, от историко-философского взгляда на те же самые факты, — писал он, — подобного рода сочинение должно заключать в себе: с одной стороны, массу фактов, материалов, собранных и подвергнутых критическому разбору, в отношении их содержания, и с другой стороны, научный взгляд, дающий жизнь каждому факту».³ Сущность такого «научного взгляда» Михайлов видел в раскрытии «внутреннего начала», которое имеет и «выражает в себе» каждое явление, и в рассмотрении значения этого начала в «ряду других явлений». При этом он придавал важное значение анализу фактов, точной передаче фактического материала.⁴ Перечисляя своих предшественников, Михайлов характеризует их труды как содержащие и систематизирующие исторические факты, но не дающие новых выводов. Он называет статью Н. В. Калачова, в которой, по его мнению, приводятся факты, «заимствованные из содержания Судебника и систематически расположенные», рассматривается «развитие всех частей отечественного права до Судебника включительно». Что же касается взглядов автора на историю судопроизводства, то они, как полагает Михайлов, из-за недостатка места в статье очень кратки и повторяют в отношении судопроизводства положение, известное из сочинений Куницына и Эверса. В книге Куницына о древнем новгородском судопроизводстве он также усматривал отсутствие рассуждений, указывая, в частности, на то, что в ней «даже нет объяснения, почему описываемая система новгородского судопроизводства принадлежала только Новгороду, чем она различалась от прочих систем судопроизводства, в каких отношениях находилась она вообще к системам судопроизводства, действовавшим в прочих частях России».⁵

В своей книге, являвшейся магистерской диссертацией, Михайлов предполагал решить две задачи. Во-первых, объяснить происхождение древнейшей системы судопроизводства в России, показать ее разветвление на отдельные системы судопроизводства, проследить и объяснить местные особенности, «исследовать внутреннее существо, основные элементы общей древней системы

² Там же, с. 8.

³ Там же, с. 8—9.

⁴ Там же, с. 9.

⁵ Там же, с. 10.

судопроизводства, определить дальнейшие степени развития и усовершенствования этой системы во время, предшествовавшее Судебникам, современное им и последующее за ними до 1649 года», и в заключение указать, что внесло в судопроизводство Уложение 1649 г. Во-вторых, изложить саму систему русского гражданского судопроизводства «в таком историческом духе, чтобы по отношению каждой из ее частей во внутренней ее истории можно было усмотреть: самое первоначальное ее положение и следовавшие затем во времени улучшения и усовершенствования».⁶

Излагая по Нестору быт древних племен, населявших территорию, на которой образовалось Русское государство, Михайлов пишет, что каждое племя с принадлежащими ему родами жило отдельно от других. Первой ступенью власти, представлявшей право разбора и решения споров, он считал власть главы семьи, который в своих решениях полагался на обычай. «Обычай, следовательно, — писал Михайлов, — можно назвать разумом и нравственностью народа, и им определять степень их развития в первоначальную эпоху общественного быта». Отсюда он приходил к выводу, что первая основа судопроизводства заключалась в обычаях, первая сфера, где осуществлялся суд — семейство и род, первый судья — отец семейства или родоначальник. Первоначальный образ суда и расправы он видел в мировом разборе отца или родоначальника между подчиненными лицами.⁷

Теория родовых отношений помогла Михайлову найти объяснение процессу воззникновения и развития гражданского судопроизводства на Руси. Прослеживая эволюцию родовых отношений, он находит и соответствующие им изменения в правовых отношениях. Отмечая их, он полагает, что с размножением родов связь между отдельными семействами все более и более слабеет, некоторые роды теряют «сознание общего происхождения», и поэтому родственным союзом оказываются соединены только те, кто сохраняет сознание родства. Другие семьи для них становятся чужими, от них уже не ждут поддержания мирного союза, а скорее боятся их нападения. Тут и коренятся причины возникновения общин.

Михайлов видел в общине «совокупность семейств, считающих себя принадлежащими к одному роду». Это определение дает четкое представление о том, что понимал сам Михайлов под общиной. Оно отличается от определений общины и славянофилами и их противниками, довольно расплывчато излагавшими свои взгляды на нее. По мнению Михайлова, в общинах, несмотря на изменение вида и форм общежития, продолжался «тот же семейный быт, то же патриархальное устройство». Вместе с тем он подчеркивает, что между общинами не было связи. Враждебные столкновения, о которых сообщает Нестор, на-

⁶ Там же, с. 10—11.

⁷ Там же, с. 17—18.

рушали патриархальный порядок, в связи с чем терял свое прежнее значение мировой разбор, появлялось самоуправство. В семьях же патриархальный быт не только сохранялся, но и усиливался. Члены семьи, находя защиту только в союзе между собой, считали обиду, нанесенную одному из них, обидой всей семьи и свой долг видели в преследовании обидчика. Мечь, самоуправство и самосуд, вытеснив прежние обычаи, сделались основанием для расправы. «И только по мере того, как быт общественный устанавливался на прочном основании законов и общественная власть сама определяла способы ограждения прав, устанавливая законные формы судопроизводства, по мере того самоуправство слабеет и совершенно исчезает», — заключал Михайлов.⁸

Причину «призвания варягов» Михайлов усматривал в том, что вследствие соперничества между общинами, враждебных столкновений между ними возник всеобщий беспорядок, достигший «наивысшей степени». Призванные князья учредили новый порядок в расстроенном союзе племен. Они, как полагал Михайлов, внесли успокоение, введя в их жизнь и быт систему суда и законов.⁹ Прежде всего они постарались искоренить мечь и начали с того, что определили в законе случаи, в которых мечь могла быть употреблена.¹⁰ Другой мерой было введение вир — денежных взысканий за различные нарушения. При этом Михайлов, признавая сходство славянских вир со скандинавскими, в отличие от Куницына полагал, что виры в древней Руси существовали еще до прихода варяжских князей, однако последние застали их в таком «ослаблении и упадке», что должны были восстановить их, сохранив сущность, но установив новый порядок взыскания и лиц, ему подлежащих.¹¹

Михайлов полагал, что до появления «Русской Правды» обычай заменял закон, вследствие чего «от самоуправления, от действия частной силы, мести происходило много неудобств и много беспорядков». «Русская Правда» призвана была устранить эти неурядицы, она признала и самосуд и самоуправство, но установила их пределы, возведя обычай в закон.¹² Ограничила она и частный произвол. Новым в «Русской Правде» было указание на мечь со стороны самого правительства, признание нарушения права действием, касающимся не только потерпевшего, но и всего общества. Введение круговой поруки привело к возникновению общества, связанного ею, т. е. верви.¹³ В представлении Михайлова оформление законодательства способствовало возникновению государства. Общй закон, который был необходим создающемуся

⁸ Там же, с. 18—19.

⁹ Там же, с. 20.

¹⁰ Там же, с. 20.

¹¹ Там же, с. 21—22.

¹² Там же, с. 24.

¹³ Там же, с. 26.

государству для «прочной связи его частей, для скрепления и соединения их в одно целое», для обуздания «действия частного произвола и самоуправства», и нашла древняя Русь в «Русской Правде».¹⁴

Создание «Русской Правды» совпадало в представлении Михайлова с возникновением государства. В одном месте он пишет, что «государство еще только образовалось и слагалось при Ярославле»,¹⁵ в другом — что «государство устоялось и слагалось окончательно».¹⁶ На основании этих высказываний можно предположить, что Михайлов относил образование государства на Руси к более раннему времени, чем Кавелин, по мнению которого окончательно государственные отношения утвердились лишь в Московский период. Впрочем, выдвигать подобное предположение следует с большой осторожностью. Михайлова мало занимает сам по себе процесс образования государства. Его интересует история судопроизводства. Систему же судопроизводства он считает важным фактором создания и укрепления государства.

В дальнейшем Михайлов обращает внимание почти исключительно на развитие судопроизводства. В период распада Руси на уделы он усматривает наличие общего закона¹⁷ и наряду с ним «местных отраслей», среди которых особо выделяет новгородское вече, в котором видит «самообразователя своей особенной системы судопроизводства».¹⁸ По мнению Михайлова, внешнее влияние на русское судопроизводство было незначительным. Так, из татарского законодательства был заимствован только правож.¹⁹ В развитии судопроизводства он отмечает значение уставных и судебных грамот, которые способствовали, в частности, отделению гражданского судопроизводства от уголовного.²⁰

Рассматривая судопроизводство «времен единой державы», Михайлов особенно внимательно относится к Судебникам 1497 и 1550 гг. В Судебнике 1497 г. он видит дальнейшее развитие «Русской Правды» и считает, что он особенно важен в развитии формальной стороны судопроизводства. Михайлов подчеркивал, что в нем было исправлено и обобщено содержание уставных и судебных грамот, отброшено все местное и «Судебник принял значение общего закона для всех частей государства».²¹

Судебник Ивана IV 1550 г. дополнял и усовершенствовал Судебник 1497 г. Михайлов находил эти дополнения весьма значительными, отмечая, что в основу Судебника 1550 г. легли «прежние законы, Судебник 1497 и обычная практика судей». Оба су-

¹⁴ Там же, с. 24, 25.

¹⁵ Там же, с. 24.

¹⁶ Там же, с. 25.

¹⁷ Там же, с. 27.

¹⁸ Там же, с. 28.

¹⁹ Там же, с. 33.

²⁰ Там же, с. 33—34.

²¹ Там же, с. 36—37.

дебника, 1497 и 1550 г., по его мнению, «преимущественно развили формальную сторону права, судебные формы, обычный элемент не был ими ослаблен».²² Он особенно подчеркивает живучесть обычая в русском судопроизводстве. Дойдя до Уложения 1649 г., он отмечает, что оно имело два основания: законы и обычаи, многое унаследовано от древней системы судопроизводства.²³ Такая система сохранилась, по его мнению, до Петра I, который ее существенно усовершенствовал, увеличив, в частности, роль судьи. Но поскольку сами дьяки не могли освоить новые формы, Петр I вынужден был разрешить судить по-старому, установив так называемый «суд по форме».²⁴

Значение судопроизводства и законодательства, касающегося судебных дел, Михайлов обосновывал тем, что в изучаемое им время, особенно в ранний период (до Судебников 1497 и 1550 гг.), общественные отношения «только лишь возникали и не были еще определены, потому что только лишь начали развиваться в современных законах».²⁵ В этой связи не просто юридические, а более узко взятые проблемы судопроизводства и стали предметом его исследования. Михайлов выступил как историк, сознательно ограничивший рамки своего труда чисто историко-юридическими вопросами. В этом отношении его можно считать одним из первых историков, которые если и не примыкали непосредственно к государственной школе, то были близки к ней и пошли по пути изучения правовых норм как таковых.

Иной характер, чем книга Михайлова, носил труд А. Ф. Тюринина, посвященный общественной жизни и земским отношениям на Руси.²⁶ Имя Тюринина было мало известно. Впервые он выступил в 1849 г. на страницах «Современника» со статьей «Смерть Ярослава Изяславовича», опубликованной без подписи. В новом сочинении Тюринина можно было усмотреть своеобразную реакцию на ту критику, которой подвергались историки государственной школы со стороны оппонентов, и в первую очередь славянофилов. Они упрекали Кавелина и Соловьева в том, что те ограничиваются историей государственных отношений, историко-юридической стороной дела, не обращая внимания на жизнь народа, на складывавшиеся в его среде отношения. Действительно, Кавелин определенно писал, что он ограничивается исследованием юридического быта, Соловьев в своих диссертационных работах замыкался в кругу отношений, сложившихся в княжеском доме, еще более узкой, историко-правовой работой была, как мы видели, книга Михайлова.

²² Там же.

²³ Там же, с. 41.

²⁴ Там же, с. 41—42.

²⁵ Там же, с. 35.

²⁶ Тюрин А. Общественная жизнь и земские отношения в Древней Руси. СПб., 1850.

Свою книгу Тюрин начинал с замечания, что «общественная жизнь» славян, населявших Русскую землю, первоначально ограничивалась жизнью в кровном союзе под властью старшего в роде, которую Тюрин называл родовым бытом, потом в общинном — под властью веча, которую он именовал бытом племенным. Из этих-то отношений и возникло, по его мысли, разделение Русской земли на племенные земли, или волости. Развитие и установление земских отношений «продолжалось и после, при князьях, из тех же начал, особо от влияния власти князей и княжеских дружин».²⁷

Так, с первых страниц книги Тюрин стремится показать наличие общественной жизни, земских отношений, складывавшихся независимо от княжеской власти. Это обстоятельство, по его мнению, не учитывалось до него историками. В частности, писал он, «разделение древней Руси, происшедшее прямо из начал народной жизни, часто принималось за основание деления Русской земли между князьями в период уделов».²⁸ Тюрин считал, что на Руси существовало народное деление на области, независимое от деления на княжения. По его мнению, общественная жизнь древней Руси миновала ряд ступеней: род, общину, волость, государство. В результате он намечает пять фаз: родовую, общинную (общественную), земскую, государственную. Родовое единство было характерно для славян при их появлении на исторической арене. Общение между родами постепенно вело к централизации. Население разбросанных сел и жилищ постепенно стекалось к храму сначала с религиозными целями, а затем — на постоянное жительство. Храмы служили и защитой при нападении враждебных племен.²⁹ Общие интересы и сношения вели к тому, что отчуждение исчезло, несколько родов сливались в один союз, селились в укрепленном на случай нападения месте, получившем название города. Из такого соединения родов возник союз общинный, который пришел на смену союзу кровному.³⁰

Тюрин усматривал существование общественных отношений на Руси еще до появления княжеской власти и считал, что они продолжали существовать и при князьях. Он полагал, что при отделении отношений родовых, семейных от общественных последние продолжали нести на себе отпечаток отношений родовых. Первое время община представляла собой тот же род, в котором, однако, власть принадлежала уже не одному, а нескольким старейшинам. Ее объединяло всеобщее родство, «с тою разницею, что это родство было условное и существовало в названиях, взятых из кровного быта, несколько не означая кровного

²⁷ Там же, с. 3.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 4.

³⁰ Там же, с. 5.

родства между гражданами, однако придавая их общественной жизни прежний патриархальный характер». Теперь, считает Тюрин, родовые отношения распространяются на людей, не связанных узами крови, и под личиной родственных отношений возникает община. Действительное же родство сохраняется лишь в семейной жизни. Заключение браков между членами разных родов вело к свойству, которое было почти приравнено к родству и способствовало сближению родов. Но и помимо этого, полагает Тюрин, общение между родами «рано или поздно должно было возникнуть вследствие единства веры, языка, одноплеменности, взаимных выгод, мены, общих набегов, раздела добычи, общего врага и других неизбежных отношений».³¹

Взаимоотношения в общинном быту начинают постепенно у каждого племени приобретать свои особенности. Поселение нескольких родов в одном месте вело к возникновению общих для всех интересов. При господстве родовых старейшин общие дела должны были решаться по соглашению этих старейшин, и это — «первоначальный вид совещания старейшин, в котором каждый старейшина представлял свой род и соблюдал его частные выгоды». Это приводило к столкновениям между родами, «как это и было, по уверению наших летописцев, в Киеве и в Новгороде». Борьба родов наряду с другими причинами вела к ослаблению родового начала и к отделению жизни родственной от общественной. Ссылаясь на западные и византийские источники, Тюрин писал, что вместе с этим должно было возникнуть народовластие.³²

Однако он не считал, что население древней Руси состояло из людей, имевших равные права. С исчезновением родственных различий появились новые различия между людьми. Обсуждением общих дел занимались только старейшины. «С удалением родственной жизни в свои пределы» при избрании старейшины начинают учитывать не только возраст, но и личные способности. Однако появляется разделение общества, возникает сословие городских бояр и «лучших» людей. Различия определялись родом занятий и состоянием. Религия способствовала созданию класса жрецов, война — класса военного, торговля — купцов или гостей, земледелие — класса земледельческого. Эти сословия, считал Тюрин, существовали почти у всех славян. Кроме них, он называл также класс землевладельцев и рабов (военнопленных). Со ссылкой на Маврикия Тюрин замечает, что рабство у славян не было вечным и раб по истечении назначенного срока получал свободу. Деление на сословия не было вечным и четким: земледелец или купец мог быть воином, а землевладелец мог сам обрабатывать землю. Сословные категории у славян были очень разнообразны. В древней Руси Тюрин находил сословия бояр (городских), «стар-

³¹ Там же, с. 60.

³² Там же, с. 61.

цев градских» или старейшин, дружины городской (воинов), гостей, смердов. К сословным он относил и такие понятия, как «чадь простая», «нарочитая», «лучшие мужи», «молодь», «черные люди», холопы, рабы и многие другие.³³

Тюрин отмечал неравенство между «сословиями», которое распространялось и на потомство.³⁴ Привилегированные сословия достигали «уважения голоса их на совещаниях народа», а «подразделение на сословия предполагало существование особых интересов каждого из них и совещания в собраниях по сословиям». Тюрин полагает, что различные сословия жили в различных местах. Одни — в селах, другие — в городах. Отсюда вытекало «различие городских и сельских жителей вообще и различие в обязательной силе их приговоров». Он приводит пример из жизни балтийских славян, у которых городская община решала дело большинством голосов, а сельская — единогласием. При этом несогласные должны были или подчиниться, или подвергались пене, а то и разграблению имущества. Если несогласных было много, дело решалось битвой. Подобные примеры Тюрин находил и в Новгороде. По его мнению, общественная жизнь у различных племен приобретала разные формы. У славян балтийских преобладал элемент аристократический, у славян дунайских — демократический, а у чехов, «если верить преданию, непосредственною формою общественной жизни вслед за родом была власть князя, при участии сейма». Предание о княжении (под которым он, видимо, понимает власть князя, разделенную с сеймом) Тюрин находит и у племен, населявших Русь до призвания Рюрика.³⁵

Умножение народонаселения общины приводило к возникновению нескольких отдельных мест поселения.³⁶ Каждое из этих поселений имело свое «собрание для совещания о своих отдельных интересах, и в то же время подчинялось одному общему городскому собранию. Совокупность всех таких мест называлась — у западных славян жупою, у русских землею или волостью». ³⁷ Князья делили земли по-своему, но независимо от этого существовало «разделение народное», остававшееся неизменным.³⁸

К народовластию у славян Тюрин относился критически. Он считал, что оно, «несмотря на кажущуюся правильность своего устройства, не могло служить прямою основою благосостояния». Ссылаясь на свидетельства современников, он пишет о «беспорядках славянского народовластия», о том, что «даже самое слово „вече“ получило впоследствии значение бунта, а слово „вечники“ встречается у летописцев в значении мятежников». Несовершен-

³³ Там же, с. 62.

³⁴ Там же, с. 62—63.

³⁵ Там же, с. 63.

³⁶ Там же, с. 63.

³⁷ Там же, с. 64.

³⁸ Там же, с. 65.

ство народовластия привело, по мнению Тюрин, к неустройству, за которым в свою очередь последовало «физическое ослабление», обернувшееся для некоторых племен потерей самостоятельности. Необходимо было «дополнить», а точнее, усовершенствовать устройство. Это «дополнение» славяне нашли в «призвании княжеской власти, которая, при воинственном духе князей служила вместе ручательством за безопасность народа извне». Но и княжеская власть «первоначально не внесла наряда в быт народа». Причиной тому были «неправильный тогдашний взгляд на эту власть и применение к ней понятий о частной собственности», которые «повлекли за собою разделение земли между князьями, взаимную вражду, ослабление народа и гибель. Много прошло времени, — замечает Тюрин, — пока наконец восторжествовало начало государственное... не для всех славян оно пришло вовремя; для некоторых уже было поздно».³⁹

Поставив перед собой задачу изучения земских отношений в России, Тюрин оговаривался, что не пытается исследовать эту проблему со всеми «подробностями и мелочами» и ограничивается древнейшим периодом (до XII в.). Вместе с тем он замечает, что считает возможным использовать источники и более позднего времени, они смогут помочь в изучении избранного периода. В этой связи Тюрин рассматривает волости.⁴⁰ Он останавливается на происхождении этого слова, полагая, что оно первоначально заключало в себе понятие власти. Первоначально, по его мнению, волостью называлась власть, соединявшая «различные места поселения людей на известном пространстве земли в одно земское целое». Затем название волости стало применяться и к самому пространству земли, на котором эта власть действовала.⁴¹ Волость получала название от имени города, который был ее центром, или же называлась по имени горожан. Тюрин старается показать волость как одну из составных частей русской земли, живущую своей самостоятельной жизнью, определяемой земскими порядками и независимой от княжеской власти.⁴² Много места он отводит и выяснению таких вопросов, как различные виды объединений, значения названий «город», «пригород», «село»,⁴³ роль городов и монастырей в жизни волости.⁴⁴ При этом, стараясь проследить самостоятельную, независимую от князей земскую жизнь в волостях, Тюрин упоминает, что иногда волости призывали к себе князей, что в некоторых случаях волость становилась частью княжества. По его мнению, и в этом случае в волости наряду с княжеской властью продолжала существовать своя земская жизнь.

³⁹ Там же, с. 65.

⁴⁰ Там же, с. 66.

⁴¹ Там же, с. 67.

⁴² Там же, с. 67—68.

⁴³ Там же, с. 72—75.

⁴⁴ Там же, с. 75—76.

Таким образом, работа Тюриня представляла собой попытку расширить представления о русской истории путем поиска новых понятий, новых составных частей. Поскольку такие ее стороны, как история княжеской власти и история права, были уже разработаны, Тюрин старался найти нечто новое, связанное с еще неисследованной жизнью самого народа, скрытое под понятием земских отношений. В его работе содержалась тенденция к расширению намеченных историками государственной школы границ исследований.

Кавелин в № 5 «Отечественных записок» за 1850 г.⁴⁵ одобрил книгу Тюриня, заметив, что «немногим исследователям по русской истории удавалось начинать свое учено-литературное поприще такими зрело-обдуманно и во всех отношениях прекрасными трудами, как г. Тюрину».⁴⁶ В книге он увидел «очерк развития нашего внутреннего быта от древнейших известий до XII века» и нашел предложенные автором пять форм внутреннего быта одной из наиболее удачных попыток «воссоздать последовательность нашего внутреннего развития и уяснить ее закон, движущее начало».⁴⁷ Заметив, что «объяснение древнейшей русской истории законами родового быта и развития теперь уже не новость» (явно имея в виду работы Эверса, Соловьева и свои), Кавелин указывал на самостоятельность подхода Тюриня к родовой теории. Он видел заслугу Тюриня «в том, что он развил эту основную тему весьма самостоятельно, оригинально, вновь, так сказать, открыл ее при самом тщательном, добросовестном изучении источников», благодаря чему «в его исследовании встречаются новые, большею частью весьма удачные объяснения, верные мысли и взгляды, прекрасные заметки и сближения».⁴⁸

После общей положительной оценки книги Кавелин отметил присущие ей, с его точки зрения, общие и частные недостатки. Он считал, что причина этих недостатков в стремлении автора избежать как «односторонности при объяснении нашего древнего быта одним кровным началом», так и «ошибок, в которые впал Шлецер, преувеличивая низкую степень общественного развития русско-славянских племен в древнейшую эпоху». Опасаясь впасть в указанные ошибки, Тюрин, по мнению Кавелина, «опустил из вида некоторые явления нашего внутреннего быта и не совсем беспристрастно объяснил другие».⁴⁹ Кавелин не соглашался с наличием у славян до образования родового союза «первоначального состояния дикости», когда племя живет «как стадо зверей, как стая перелетных птиц», не признающих кровных уз.⁵⁰ Он стоял на том, что такая жизнь «немыслима и невозможна», что «семья,

⁴⁵ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 997—1006.

⁴⁶ Там же, стлб. 997.

⁴⁷ Там же, стлб. 998—999.

⁴⁸ Там же, стлб. 999.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, стлб. 999—1000.

кровный союз, обнимающий одних родителей и детей или и других родственников, так же древни, как род человеческий». Он полагал, что в действительности у разных племен кровный быт имел различную степень развитости, что «неясное сознание брачного и родственного союза, а следовательно, и нестрогое их соблюдение — легко могли уживаться у некоторых племен с общежитием, даже с родовым порядком». Таким образом, Кавелин не принимает мысль Тюриня о существовании в истории Руси периода, когда господствовали связи, не упорядоченные семейными отношениями.⁵¹

Кавелин спорит с Тюриним и по поводу деления ранней русской истории на родовую, общинный, земский и государственный периоды. Он находит справедливым утверждение Тюриня, что общинный быт, развившись из чисто родового, не был, однако, во всем ему подобен, что существовала логическая, внутренняя преемственность между общинным, земским и государственным бытом, различавшимися между собой. Вместе с тем он полагал, что Тюрин, вглядываясь в малейшие оттенки и микроскопические подробности «древнейшей общности славян», упустил из виду, что все эти особенности и различия не выходили за пределы «патриархального на кровных началах основанного быта». Кавелин считал, что «эти начала» совершают известную эволюцию, «проходят разные эпохи развития, мало-помалу сознаются и потом постепенно начинают ослабевать и сменяться другими; но в то же время, нельзя не заметить, что все они по преимуществу, определяют общность, управляют ею и служат нормою отношений даже в тех случаях, которые, по-видимому, не имеют с ними ничего общего». Кавелин видел в общине, в которой даже живут «разнородные люди, но сознающие свои взаимные отношения под формами родства и родовой иерархии», родовую общину. Он искал главные, характерные в целом для этого периода отношения. Поэтому для него главное — не община, не общинный быт, а определяющий его особенности родовой строй. Он признает наличие других отношений, других «элементов», но они все, по его мнению, «управляются кровным, родственным порядком, подчинены ему». В том, что община распадается, что подобно роду она имеет общее владение и ищет себе главу, без которого «нет наряду», Кавелин усматривает доказательство ее проникнутости «родовыми элементами, которые определяют ее жизнь и быт».⁵²

Из замечаний Кавелина видно, что, приветствуя работу Тюриня, отмечая его оригинальный подход к пониманию развития внутреннего быта, он вместе с тем отстаивал в главных чертах незыблемость родовой теории в своем собственном понимании. Более широкий взгляд Тюриня, особенно заметный в предложен-

⁵¹ Там же, стлб. 1000.

⁵² Там же, стлб. 1001—1002.

ной им периодизации, Кавелин старался соединить со своей схемой родового строя.

Тем временем теория родовых отношений находила все новых сторонников. Молодой профессор Платон Васильевич Павлов в книге «Об историческом значении царствования Бориса Годунова»⁵³ предпринял попытку в свете этой теории рассмотреть основные проблемы истории России конца XVI—начала XVII в.

Обстоятельства царствования Бориса Годунова уже привлекали к себе внимание историков. Карамзин в «Истории государства Российского» изобразил властолюбивого Годунова, наделенного незаурядным умом и не останавливавшегося для достижения своей цели перед преступлениями. Гибель Годунова Карамзин представил как кару божью за злодеяния Бориса. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов» содержала ряд оригинальных суждений, касавшихся как самого Годунова, так и отношения к нему народа. Произведение Пушкина возбудило к царствованию Годунова большой интерес среди широких кругов читателей. С возражениями Карамзину выступил Погодин. Он считал, что Карамзин некритически собрал в своей истории слухи, распускавшиеся о Годунове его противниками, чернившие поступки этого способного и достойного правителя, а затем и царя. Особенно настойчиво он опровергал версию об убийстве царевича Дмитрия по приказу Годунова. В «Обзоре событий русской истории от смерти Федора до вступления на престол Михаила Федоровича» Соловьев излагал основные факты русской истории того времени, и личность Годунова стояла у него на втором плане.

Затем с этой темой выступил П. В. Павлов. Уже заглавием книги он подчеркивал, что собирается посмотреть на проблему по-новому, не просто рассказывать о Борисе Годунове, о его личности и о событиях того времени, а определить значение этого царствования в истории России. Павлов со всей определенностью писал, что решать этот вопрос он будет в свете получившей в то время распространение родовой теории, согласно которой основное содержание истории России состояло в перерастании родовых отношений в государственные. Он утверждал, что постепенное ослабление родового начала и развитие начала государственного является господствующей тенденцией, определяющей направление внутренней истории России, задающей тон ее внутреннему быту и его постепенным изменениям.

Книга Павлова была следующей после Соловьева попыткой применить родовую теорию при изучении русской истории конца XVI—начала XVII в. Напомним, что Самарин, выступив с критикой теории родовых и государственных отношений, упрекал Кавелина как раз в том, что тот обошел молчанием эти события, и намекал, что это — не случайность, а следствие неспособности

⁵³ Павлов П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. СПб., 1850.

объяснить их с точки зрения выдвинутых Кавелиным построений. Теперь Павлов обращался именно к этому важному периоду, рассматривая его в свете родовой теории и заодно излагая свой взгляд на последнюю. Павлов считал, что постепенный переход родовых отношений в государственные можно разделить на четыре периода, или, как писал он сам, «этапа». Первый — охватывал время с середины XV до начала XVII в. В этот период государственному началу мало-помалу уступают: при Иване III и Василии III — родовые отношения, княжеские и вечевые; при Иване IV — боярские, при Борисе Годунове — общинные. Видимо, взгляд Павлова на родовые отношения был близок к точке зрения Кавелина, изложенной в рецензии на книгу Тюриня, где Кавелин, признавая разновидности общественных отношений в древней Руси, в целом определял их как родовые. По Павлову, эти разновидности постепенно вытеснялись государственными отношениями. Второй период (с начала XVII в. до избрания на престол Михаила Федоровича) отличался, по его мнению, тем, что «все названные выше отношения», эти «элементы родового порядка», стремятся ожить снова. Отсюда — распад государства и «безначалие», которое с воцарением на престол Романовых исчезает. В третий период (с 1613 до 1700 г.) родовые отношения приходят в упадок, а государственное начало окончательно утверждается. Четвертый период, последовавший за реформами Петра I, представлял собой торжество государственного начала, и весь быт, еще сохранявший в установлениях, привычках и понятиях остатки «родового порядка», пересоздается под влиянием европейского образования. Таким образом, в книге Павлова не только повествовалось о царствовании Годунова, но и содержались рассуждения, в большей своей части следовавшие взглядам Кавелина и даже развивавшие их. Это особенно заметно в характеристике, данной Павловым «эпохе» с начала XVII в. до 1613 г.

Что же касается непосредственно царствования Годунова, то здесь Павлов не только излагал важнейшие события, связанные с ним, но и сопоставлял их с предшествующими и последующими периодами, давал им оценку. Основная мысль, которую старался провести Павлов, сводилась к тому, что главные события этого царствования, какой бы колоритной и оригинальной ни была фигура самого Бориса, являлись продолжением начинаний, возникших в предшествующее время.

Книга Павлова вызвала оживленные отклики. Положительная рецензия была напечатана в «Современнике».⁵⁴ Были и неодобрительные отзывы. Разделение на сторонников и противников определялось отношением к спорам между либеральными и охранительными историками. Не преминул выступить против Павлова и Погодин. Сначала он высказался довольно сдержанно, даже

⁵⁴ Современник, 1850, № 7, с. 17—26.

позволил себе сказать о Павлове несколько одобрительных слов, но затем, в № 8 «Москвитянина», напечатал разгромную статью.⁵⁵

В № 9 «Отечественных записок» за 1850 г. была напечатана рецензия Кавелина. Кавелин приветствовал книгу и писал, что Павлов «принадлежит к числу тех исследователей русской истории, которые в этой преемственности двух порядков, родового и государственного, в замене первого вторым, видят основной, существенный, преобладающий факт внутреннего быта, факт столь важный в судьбах нашего отечества, что им можно объяснить и к нему привести все прочие события и явления русской истории».⁵⁶ Далее он напоминал, что первым этот взгляд высказал Эверс, однако он успел его развить только применительно к древнейшему периоду русской истории, от Рюрика до «Русской Правды». После Эверса, продолжал Кавелин, русские историки начали разработку не только древнего, но и последующих периодов русской истории. При этом, несмотря на различие в подробностях, в «частных объяснениях», эти историки согласны между собою в главном.⁵⁷ Коснувшись предшественников Павлова в изучении царствования Годунова, Кавелин писал, что Карамзин и Погодин смотрели на него «больше с нравственной или художественной, драматической точки зрения».⁵⁸ Карамзин при этом давал Годунову резко отрицательную характеристику. Погодин, заметив, что Карамзин некритически подходит к сообщениям летописи, впал в другую крайность, положительно оценивая деятельность Годунова и отвергая его причастность к убийству царевича Дмитрия. «Но это новое воззрение на подобный вопрос могло привести только к другому взгляду на нравственный характер Годунова и его действия; самые же действия в результате его оставались те же, и в этом отношении г. Погодин не сказал ничего нового. Личная точка зрения с его исследованием не изменилась; изменился только приговор, произнесенный над личностью Годунова».⁵⁹

Первым исследованием правления и царствования Годунова Кавелин считал «Обзор событий русской истории от смерти Федора до вступления на престол Михаила Федоровича» С. М. Соловьева.⁶⁰ Соловьев, по его мнению, дал Годунову «строго беспристрастную характеристику», лишил его нимба, «в котором он являлся читателям до того времени». Замечая, что не берется судить, насколько прав Соловьев, он, однако, пишет, что тот весьма близко подошел к истине, что Годунов был «весьма умный, но не гениальный человек». «История поставила Годунова лицом к лицу с великой эпохой в русской истории; все показы-

⁵⁵ Москвитянин, 1850, № 8, с. 117—135.

⁵⁶ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1006—1007.

⁵⁷ Там же, стлб. 1007.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, стлб. 1008.

⁶⁰ Там же.

вает, что у него доставало ума и политического смысла, чтоб понимать вопросы, которые приведены были временем и обстоятельствами, но у него не доставало глубины стать в уровень с ними, завладеть ходом истории и событий». ⁶¹ Труд Павлова Кавелин считал серьезным шагом вперед в изучении истории царствования Бориса Годунова. Особенно он хвалил вторую часть книги, в которой царствование Годунова рассматривалось в связи с предшествующими и последующими событиями. Эта часть работы, по его мнению, свидетельствовала, «как успели созреть наши исторические воззрения со времен Карамзина», поскольку в ней вместо личного характера Бориса рассматриваются факты и деяния; и те и другие обсуждаются не с точки зрения ближайшей, практической целесообразности, но подводятся под общее мерило общего хода и развития русской истории».

Главную заслугу Павлова Кавелин видел в том, что «он на известные уже факты взглянул с новой общей точки зрения и указал место, занимаемое ими в постепенном развитии России». Особо подчеркивает Кавелин вывод Павлова о том, что важнейшие шаги Годунова в его государственной деятельности не были результатом его личных решений, а являлись следствием общего развития исторического процесса: «Так, заслоня собою знатнейшие боярские роды, Годунов продолжал дело двух Иоаннов; учреждение патриаршества было, как думает г. Павлов, не менее органическим явлением в нашей церковной истории, ибо подготовлено и вызвано ходом предшествующих событий; в указах 1592 и 1597 годов автор видит осуществление той же мысли, которую Иоанн III и Василий Иоаннович преследовали, отменяя вечевого порядок, а Иоанн Грозный — смиряя потомков удельных князей». ⁶² Ему импонировало, что в изображении Павлова Борис Годунов занял свое место в общем развитии русского государства: «Во всем, что сделано Годуновым в отношении к торговле и промышленности, в его внешних сношениях, в его стремлениях к умственному и нравственному образованию России, словом во всей его государственной деятельности, часто вызываемой ближайшими, не совсем бескорыстными соображениями, сознательно или бессознательно, умышленно или против воли и чаяния, Борис следовал историческому ходу событий». ⁶³ Книга Павлова как бы дополняла еще одним примером его схему эволюционного развития России: «Уклонений, скачков, неисторических, несвоевременных стремлений это царствование не представляет, напротив, каждый шаг был развитием начал, появившихся в предшествующий период времени». В этих рассуждениях Кавелин и видел основную мысль Павлова, блестяще, по его мнению, доказанную.

⁶¹ Там же, стлб. 1009.

⁶² Там же, стлб. 1010.

⁶³ Там же, стлб. 1010—1011.

Кавелин резко выступил против оппонентов Павлова, главным среди которых был М. П. Погодин. Погодин, обещавший «говорить без околичностей», писал: «Нас губит система, желание строить систему, прежде чем приготовлены материалы. Молодые люди даровитые, деятельные погибают у нас для науки. Слепец слепца ведет, оба падают в яму, да и благодарят друг друга, поздравляют со славою! А журнальные крикуны (вроде египетских плакальщиков) и праздные невежи, которым нет дела до науки, аплодируют». Вслед за этим он упрекает историков в том, что они «пускаются за облака, плавают по воздуху». При этом под «плаванием по воздуху» Погодин совершенно определенно понимал применение к истории России родовой теории. Он называет некоторые суждения Павлова «воздухоплаваниями» или «родоплаваниями». «От чистого сердца желаю г. Павлову исцелиться от проказы родového быта, увлекшего его в лабиринт родовых и прочих отношений». Выступая против сторонников родовой теории, Погодин восклицал: «Наши витязи воюют против авторитетов, чьих? Шлецера, Карамзина, Добровского, а чьи авторитеты принимают? Свои собственные! Обмен для нас невыгодный!». ⁶⁴ Кавелин отвечал, что не будет соревноваться с Погодиным в остроумии, а постарается еще раз объяснить, «откуда взялся новый взгляд на русскую историю и в чем он заключается». ⁶⁵ Тем самым Кавелин, оставляя в стороне и Павлова, и Бориса Годунова, переходит к полемике с Погодиным по поводу теории родовых отношений и общего подхода к изучению истории. Он напоминает, что до начала 40-х гг. XIX в. все внимание историков было обращено «на частные вопросы, на исследование и восстановление исторических событий и данных, на обработку материалов», лишь «в последнее десятилетие» они «стали вникать в связь и стройность явлений в истории», стали искать «главные начала, проходящие чрез жизнь народа и позволяющие понять ход его истории». Особенно полезными находил Кавелин попытки «молодых любителей русской истории... попристальнее взглянуть на патриархальные элементы русской жизни, на которые, вероятно, по их общеизвестности и близости, никто еще не обращал надлежащего внимания и пытливого ученого взгляда». ⁶⁶ Эти разыскания имели особенно важное значение, так как пришлось на «время, когда в нашей исторической литературе господствовал хаос, когда разные взгляды бродили нестройно и наугад и до очевидности стало ясно, что без строго-научного воззрения наука русской истории не может идти дальше». ⁶⁷

Так, в рецензии на книгу Павлова Кавелин вновь напоминает обстоятельства возникновения и становления в русской историо-

⁶⁴ Москвитянин, 1850, № 8, с. 122.

⁶⁵ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1013.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, стлб. 1014.

графии школы родового быта. Он называет Эверса, который воспользовался «опытом объяснить наш древнейший быт патриархальным элементом... с большим успехом, толкуя первые страницы летописи и „Русскую Правду“», и Рейца, менее даровитого, по мнению Кавелина, чем Эверс, «последовавшего примеру Эверса тоже с успехом». Но в их трудах Кавелин видел лишь «отрывочные попытки». Основные успехи выпали на долю «молодых любителей истории»⁶⁸ (под которыми явно подразумеваются Соловьев и сам Кавелин). Они «стали последовательно вникать в междукняжеские отношения, в местничество, в древнюю систему управления — словом, во все главнейшие явления древней русской народной жизни, и к величайшей своей радости нашли, что патриархальным элементом эти явления объясняются очень просто и естественно, что различные эпохи, периоды и явления суть не что иное, как различные видоизменения одного и того же патриархального элемента».⁶⁹ Под «патриархальным» элементом Кавелин имеет в виду родовые отношения. Затем он говорит о многочисленных нападках Погодина на сторонников родовой теории и отмечает, что тот не ведет серьезного научного спора по существу, «развернет книгу, прицепится к нескольким словам, к обмолвке, ошибке, выпишет их, бросит несколько оскорбительных слов автору и его мнениям, да при сей верной okazji не забудет и других „господ“».⁷⁰ Далее Кавелин останавливается на некоторых возражениях Погодина Павлову. Павлов полагал, что родовые боярские интересы, сильно сокрушенные Иваном IV, тем не менее не были уничтожены окончательно, и при вступлении на престол Федора Алексеевича бояре попытались вернуть прежнее свое значение.⁷¹ Погодин возражал: «Грозный во вторую эпоху своего царствования поражал лица, а не сословия. Вот в чем дело!».⁷² Кавелин встал на сторону Павлова, ссылаясь в подтверждение его правоты на «Историю» Карамзина, на переписку Ивана IV с Курбским и некоторые уставные грамоты. Погодин утверждал, что все, сказанное Павловым о времени после смерти Ивана IV, «можно сказать о времени по смерти Федора Алексеевича, Екатерины II, Петра II, Анны, Елизаветы; об истории Французской, Английской, Итальянской». Употребляя слово «думцы» в значении «советники», он писал, что «были думцы у первых князей, у первых царей; были думцы и у Ивана Грозного сперва одни, а потом другие... Сперва думцами была старшая дружина, а потом, когда лиц стало много и начались подразделения, то, разумеется, некоторые избранные, которые и составили Боярскую Думу». К тому же Погодин полагал, что

⁶⁸ Там же, стлб. 1015.

⁶⁹ Там же, стлб. 1015—1016.

⁷⁰ Там же, стлб. 1018.

⁷¹ Павлов П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова, с. 28.

⁷² Москвитянин, 1850, № 8, с. 199.

«задолго до Федора и Грозного боярин сделался уже чином и боярство давно уже было ограничено». По его словам, «сам Грозный назначил Федору его главных думцев, когда эти думцы, т. е. новое правительство, созвали тотчас великую Думу Земскую».⁷³ Кавелин на это возражал, что в Боярской думе заседали не «некоторые избранные», а все бояре и окольные, а в бояре и окольные, по свидетельству Котошихина, жаловались не лица любого звания и происхождения, а только представители знатных родов. Приведя примеры, Кавелин замечал, что боярство стало чином, но чином, который давался за заслуги только членам известных фамилий и царским родственникам и ничего общего не имел с чином, который давался по табели о рангах «всякому, кто бы он ни был, если он только заслужил его».⁷⁴ Разногласия с Павловым вызвал у Погодина и вопрос о борьбе различных боярских партий накануне вступления на престол Федора Иоанновича. Павлов считал, что Годунов, Шуйские и некоторые другие сами были сторонниками Федора, а Нагие и Бельские защищали права младенца Дмитрия, последнего удельного князя.⁷⁵ Погодин утверждал, что нет никаких доказательств существования таких боярских партий, что они выдуманы Соловьевым.⁷⁶ Кавелин, выступая в защиту Соловьева и следовавшего за ним Павлова, указывал, что их мнение подтверждается ссылками на Одерборна, Горсея, на сказание Авраамия Палицына.⁷⁷

Демонстрируя свою непредвзятость, Кавелин соглашается с некоторыми замечаниями Погодина. Он находит справедливыми его замечания об указах Федора и его преемников о Юрьеве дне. Однако и они вызывают у него отдельные возражения. Погодин ставил себе в заслугу, что до него никто не заметил, что в указе 1597 г. говорится о крестьянах, «которые выбежали».⁷⁸ Кавелин же считал, что этот указ именно потому, что в нем идет речь о «бежавших», «беглых», не имеет никакого отношения к крестьянским выходам, т. е. к оставлению крестьянами земли после исполнения всех установленных законом и обычаем обязательств по отношению к землевладельцу. Полемизируя с Погодиным и другими исследователями, Кавелин писал, что пятилетняя давность для поимки беглых крестьян не дает оснований думать, что в 1592 или 1593 г. был издан указ, отменивший Юрьев день. «На этот указ, — отмечает он, — нигде не находим ни ссылки, ни указания; только в соборной указной грамоте 1607 года, 9-го марта, читаем между прочим, что „Царь

⁷³ Там же, с. 120.

⁷⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1020.

⁷⁵ Павлов П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова, с. 23.

⁷⁶ Москвитянин, 1850, № 8, с. 120—122.

⁷⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1021.

⁷⁸ Москвитянин, 1850, № 8, с. 130.

Федор Иоаннович, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал“». ⁷⁹

Павлов высказал в книге и свой взгляд на отношение церкви к крестьянским переходам. Он писал, что «при существовании удельной системы, при существовании запрещения перехода общинников из одного княжества в другое на поселение, очевидно, церковь с трудом могла свободно, по своему усмотрению, переводить на свои льготные земли достаточное количество рабочих рук для их возделывания, и крестьяне весьма часто должны были жить на землях собственников мелких. Оттого и в интересе духовенства, большого вотчинника, и в интересе крестьян было падение удельной системы, стеснявшей право перехода по всему пространству земель Руси северо-восточной». ⁸⁰ Погодин не соглашался и с этими соображениями. ⁸¹ Возражая Погодину, Кавелин, тем не менее, считал точку зрения Павлова ошибочной. Ссылаясь на то, что во многих жалованных грамотах монастырям имелась статья, гласившая: «А людей им в то село моих Великого Князя не принимати», а также на то, что льготы крестьянам, поселенным на монастырских землях, давались обыкновенно на тот случай, если эти поселенцы были вызваны или перешли из «иных» княжений, Кавелин высказывает предположение, что «уничтожение удельной системы не только не открыло большого пространства для переходов поселян, но, напротив, затруднило их». ⁸² Попутно он изложил свой взгляд на отмену Юрьева дня. Полемизируя с Погодиным, он писал, что «около времени Иоанна IV действительно стала развиваться у нас бродячая жизнь, породившая шайки „лихих людей“, разбойников, которые нападали на села и чинили всякие неустройства». Доказательства этого Кавелин видел в уголовном уставе, впервые введившем в России следственный порядок судопроизводства. ⁸³ «Читая устав и древнейшие губные грамоты, сходные с ним в главных основаниях и не восходящие далее времен Грозного, — писал он, — мы видим, что новое судопроизводство и предупредительные полицейские меры принимаются именно против разбойников и убийц, которые входили в селения и совершали в них преступления». ⁸⁴ Кавелин считал, что «этим порядком» разыскивались и подвергались суду только «лихие воровские люди», преступления же, совершавшиеся другими людьми, даже не менее значительные, долго продолжали «судиться обыкновенным обвинительным, гражданским порядком». Следы этого он находил даже в «Уложении» Алексея Михайловича. Увеличение числа «лихих людей», предпо-

⁷⁹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1025—1026.

⁸⁰ Павлов П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова, с. 115, 116 (примеч. 62).

⁸¹ Москвитянин, 1850, № 8, с. 132.

⁸² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1026.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стлб. 1026—1027.

лагал Кавелин, было связано с тем, что «переходы усилились, а с тем вместе . . . и бродяжничество, склонность к гулячей, праздной жизни». Поэтому он допускал, что отмена Юрьева дня могла быть мерой полицейской, предупредительной. Рассматривая же отмену переходов как меру, призванную «утвердить» или «поддержать» оседлость, когда одного обычая и нравов оказалось недостаточно, Кавелин видел в ней «звено в целом ряде аналогичных явлений. . . Сперва уселись на местах князя; потом запрещен отъезд бояр, придворных, служилых людей; потом переход крестьян; потом затруднены добровольные переходы из посадских тяглых и черных царских людей в другие разряды; чем ближе к Петру, тем выход из одного звания в другое становился труднее и труднее». Так, поясняя мысль Павлова, Кавелин добавлял, что «нельзя отказать ей в основательности, хотя объяснение всех исторических явлений, сюда относящихся, из родового начала и неудовлетворительно».⁸⁵

Таким образом, в книге Павлова был дан набросок, а в рецензии Кавелина — более отчетливо и сжато изложены идеи, сходные со сформулированной затем Б. Н. Чичериным теорией «закрепощения и раскрепощения сословий».

Наряду с общей оценкой Юрьева дня Кавелин коснулся и некоторых частных. Погодин в своей рецензии утверждал, что крестьянин должен был перейти от одного помещика к другому в течение двух недель, а поскольку крестьянин «на паре своих клячонок» не мог успеть перейти в дальнейшее место, то переходил к какому-нибудь помещику по соседству. Отсюда Погодин делал более общий вывод, что «это учреждение о двух неделях весьма важно и верно начинало уже гораздо раньше Годунова ограничивать право перехода». И прибавлял, что на это «никто не обращал внимания».⁸⁶ Кавелин возражал, указывая, что ученые обращали внимание на срок отъезда, но не придавали ему большого значения, так как «осенний срок предложен был только для отъезда, для „отказа“, а не для крестьян». В подтверждение он ссылался на ст. 88 Судебника Ивана IV и на указ Годунова.⁸⁷

Рецензии Погодина Кавелин противопоставляет рецензию в «Современнике».⁸⁸ Ее автор, по мнению Кавелина, «убеждение свое основывает на спокойном тоне критики, видимом благорасположении к автору и дельности возражений». С отдельными положениями этого критика он спорит, например, по вопросу о детях боярских. Критик «Современника» считал, что дети боярские не могли служить у бояр и получать от них поместья, Кавелин же находил это «возможным».⁸⁹

⁸⁵ Там же, стлб. 1027.

⁸⁶ Москвитянин, 1850, № 8, с. 132.

⁸⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1028.

⁸⁸ Современник, 1850, кн. 3.

⁸⁹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 1029, 1030.

Книги Михайлова, Тюрина и Павлова свидетельствовали о том, что родовая теория была принята рядом историков, выступивших с монографическими исследованиями, в которых исторические события рассматривались с ее позиций.

Следующим крупным шагом в развитии государственной школы стало создание обобщающего труда, освещающего историю России в целом.

2. Первый том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева и его критики

Первый том своей «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев выпустил в 1851 г. В своих «Записках» он рассказывает, как был задуман труд, ставший главным делом всей его жизни. Сначала Соловьев хотел подготовить печатный курс русской истории, способный заменить «Историю государства Российского». Но затем эта идея постепенно уступила место другому замыслу. Соловьев решил написать, как он подчеркивает в «Записках», не курс лекций, а именно «Историю», освещающую и объясняющую историческое развитие России.⁹⁰ Обстоятельства, при которых была задумана Соловьевым его «История России», освещаются в историографических работах.

Следует подчеркнуть прямую связь работы Соловьева и всей предшествующей деятельности историков государственной школы. Статьи и рецензии Кавелина, опубликованные отдельными книгами магистерская и докторская диссертации самого Соловьева, книги Михайлова, Тюрина и Павлова уже содержали основные идеи, выдвигавшиеся этой школой, и в их свете рассматривали ряд важных проблем русской истории. Работа Соловьева стала новым серьезным шагом по пути дальнейшего расширения влияния государственной школы.

Первому тому «Истории» Соловьев предпослал «Предисловие», в котором в сжатой форме изложил основные идеи, положенные им в основу начатого труда. Прежде всего он писал о намерении показать историю России в ее органическом развитии: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обя-

⁹⁰ Соловьев С. М. Записки Серг. Мих. Соловьева. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. [Пг., 1915], с. 141, 143. Об обстоятельствах начала работы Соловьева над «Историей» см.: Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 26—27.

занность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.⁹¹ Эта мысль уже была выдвинута и в общей форме осуществлена в статье Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». Соловьев теперь брался за то, чтобы на основании концепции, предложенной Кавелиным и дополненной им самим, изложить всю историю России, все ее стороны. Далее он переходит к одному из узловых вопросов ранней истории России — к вопросу о призвании варягов, который для большинства историков того времени был исходным, как для изложения событий, так и для их истолкования. Соловьев пишет: «Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особого быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней средней и южной России».⁹² Здесь Соловьев указывает на два возможных пути изучения истории России. Первый, уже испытанный историками, состоит в том, чтобы главное внимание обратить на призванных норманнских князей и их влиянием объяснить особенности исторического развития России. Второй — в том, чтобы заняться исследованием быта племен и в нем искать причину изменений в русской истории. Соловьев, наряду с Кавелиным не раз споривший с Погодиным по норманнскому вопросу, в «Предисловии» еще раз обосновывает свое неприятие погодинского взгляда, согласно которому влияние норманнов на историю России преувеличивалось, а сама история делилась на «норманнский» и «татарский» периоды. Он находил следы различных влияний на русскую историю, в частности «греко-римского», проникшего «вследствие принятия христианства от Византии» и заметного в основном в «области права», влияние норманнов, из числа которых вышли первые князья и окружавшие их дружинники. Вместе с тем Соловьев решительно утверждал, что влияние норманнов «было незначительно». «Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей туземной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию», — пишет он и делает вывод: «Таким образом, при начале русского общества не может быть и речи о господстве норманнов, о норманнском периоде». Внешние влияния не имели для истории России того значения, как происходившие внутри самих славянских племен внутренние процессы, которые Соловьев видит в родовом быте и его изменениях.⁹³ Именно в племенном

⁹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I, с. 55.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, с. 55—56.

быте, в эволюции родовых отношений он ищет главное объяснение изменений в жизни племен, населявших древнюю Русь.

Суммировав высказывания Кавелина и свои собственные о значении родового строя, Соловьев вносит в них ряд новых черт. В приведенном высказывании о начальном периоде русской истории есть оттенок, отличающий взгляды Кавелина и Соловьева. В представлении Кавелина история княжений, в особенности изменения в междукняжеских отношениях, — ярко выраженные явления родового строя. Соловьев проводит известную грань между родовыми отношениями и деятельностью князей. Князья — это новое, «правительственное», еще не государственное, но родственное ему начало.⁹⁴ Но оно находилось под воздействием существовавшего быта. Влияния переплетались: правительственное начало воздействовало на складывавшиеся отношения, быт племен накладывал свой отпечаток.

Схема Кавелина получает у Соловьева большую законченность. Сильное влияние родового быта на правительственное начало привело, по его мнению, к тому, что в размножившейся семье Рюриковичей утвердились и стали господствовать родовые отношения. Они оказываются на первом плане и «характеризуют время».⁹⁵

Во второй половине XII в., когда на сцену выступает Северная Русь, там обнаруживаются новые начала, «имеющие произвести новый порядок вещей». Это — «ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых каждая стремится увеличить свои силы на счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле».⁹⁶ В такой парадоксальной ситуации Соловьев находит глубокий смысл. Ослабление родовой связи между княжескими линиями, их отчуждение друг от друга, «видимое нарушение единства Русской земли» подготавливают почву для собирания, сосредоточения, сплочения Русской земли «около одного центра, под властью одного государя».

Одно из следствий ослабления родовых связей в княжеском роде — отпадение Южной Руси.⁹⁷ За отделением Южной Руси последовало татаро-монгольское нашествие, которому сначала подверглись южные, а затем и северные княжества. Взгляд Соловьева на татарское нашествие был противоположен мнению Погодина. Подобно тому, как в древний период норманны не оказали решающего влияния на историю России, так, по мнению Соловьева, и не в татарском влиянии была причина ослабления родовой связи между княжескими линиями в Северо-Восточной Руси. Для него «предмет первой важности» — «смена старого порядка новым, переход родовых княжеских отношений в государственные».

⁹⁴ Там же, с. 56.

⁹⁵ Там же, с. 56.

⁹⁶ Там же, с. 56—57.

⁹⁷ Там же, с. 57.

От них «зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка». «Начала нового порядка вещей на севере» Соловьев усматривал «прежде татар», а потому «монгольские отношения» представляли для него интерес лишь «в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей». Влияние же татар на этот процесс он не считал «главным и решительным»: «Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них».⁹⁸

В таком толковании значения татарского нашествия на историю России Соловьев в сущности повторяет схему Кавелина, изложенную им в статье о юридическом быте древней России.⁹⁹ Нетрудно заметить, что общая оценка татарского нашествия и роль ханов во внутренней борьбе между русскими князьями у Кавелина и Соловьева излагаются почти одними и теми же словами. Вслед за Кавелиным Соловьев пишет, что «независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, — именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родových прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других». В татарах же Соловьев усматривает в данном случае только «орудия для князей», а потому приходит к заключению, что «историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родových княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений».¹⁰⁰

Борьба отдельных княжеств, как отмечает Соловьев, окончилась на Северо-Востоке Руси усилением Московского княжества. Московские князья, одержав верх над остальными, постепенно начинают собирать Русскую землю, присоединяют к своим владениям другие княжества. При этом, полагает Соловьев, «постепенно в собственном роде их родových отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока наконец в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя». В этом-то он и усматривает главное явление — «переход родových отношений между князьями в государственные». Оно оказывает влияние на другие стороны жизни: отражается на отношениях правительственного начала к дружине и ко всему «народонаселению». Единство Руси

⁹⁸ Там же, с. 57.

⁹⁹ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 41—42.

¹⁰⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I, с. 58.

позволяет победить татар, начать борьбу с королевством Польским. Единовластие и окончание внутренней борьбы позволяют Московскому государству войти в сношения с европейскими странами. Такой представлялась Соловьеву Русь в конце XVI в., когда пресеклась Рюрикова династия.¹⁰¹

В «страшных смутах» начала XVII в. Соловьев видел прежде всего угрозу разрушения «юного государства»: «Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях, Земля замутилась; своекорыстным стремлениям людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить за счет государства, открылось свободное попрание». В спасении государства, несмотря на отсутствие «видимого сосредоточивающего начала», в том, что «части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всею Землею», Соловьев усматривает крепость «юного государства», «со славою» выдержавшего «тяжкое испытание». Эти высказывания Соловьева также полностью совпадают со взглядами Кавелина, который старался поскорее «проскочить» этот не очень-то укладывавшийся в его схему полный бурных событий отрезок русской истории.

XVII век Соловьев рассматривает как переходный период от старой России к новой, становящейся на путь европейского развития. Он старается проследить приметы новых явлений в русской жизни, которые полностью восторжествуют во время реформ первой четверти XVIII в. К таким приметам он относит создание постоянного войска, начатки кораблестроения, новые начала в торговле и внешних сношениях, первые шаги по пути развития просвещения, установление определенных отношений между церковью и государством. Соловьев подчеркивает: «Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиною XVIII века, разделить их нельзя».¹⁰²

Таким образом, в «Предисловии» Соловьев изложил уже готовую схему истории России и в соответствии с ней собирался изложить русскую историю с древнейших времен. Концепция Соловьева основательно изучена советскими историками. Она изложена и в упоминавшейся вводной статье Л. В. Черепнина к советскому изданию «Истории». В этой статье дан глубокий анализ взглядов Соловьева. Отмечены как сильные, так и слабые стороны его воззрений. Черепнин рассматривает взгляды Соловьева, сопоставляя их с последующими достижениями исторической науки. Отмечая, что «главным явлением русского исторического процесса автор считает „переход родовых отношений в государственные“, Черепнин видит достижение Соловьева в отказе от прису-

¹⁰¹ Там же, с. 58.

¹⁰² Там же, с. 59.

щего дворянской историографии тезиса об исконности на Руси самодержавия и в попытке исторически рассмотреть формирование государства. Касаясь же методологического и политического значения положения о переходе родовых отношений в государственные, Черепнин замечает, что в результате его применения у Соловьева «история представлялась в перевернутом виде. Политическая надстройка приобретала самодовлеющее значение. А поскольку ее действительная социально-экономическая обусловленность не раскрывалась, выхолащивалось и ее классовое содержание».¹⁰³ Но эти замечания Черепнина можно понять так, будто именно Соловьев поставил историю с ног на голову, что до него давалась верная картина исторических событий, а в его трудах политической надстройке было «придано самодовлеющее значение». Вряд ли следует упрекать в этом Соловьева, как и в том, что он не раскрывал социально-экономическую обусловленность этой надстройки и выхолащивал ее классовое содержание. Ведь предшественники и современники Соловьева — Карамзин, Погодин, Кавелин — тоже занимались вопросами, не выходящими за рамки политической надстройки. Никто из них не показал ее классовое содержание, так что Соловьеву попросту нечего было выхолостить. Не были еще в должной мере разработаны эти проблемы и в революционно-демократической историографии тех лет. Поэтому характеристику Черепнина, в целом справедливую, для этого времени следует несколько уточнить.

Схема, предложенная Соловьевым в его «Предисловии», не была совершенна. Не сознавая этого, он сам, по существу, показал это уже в первом томе. В «Предисловии» Соловьев никак не отмечал значение географической среды, а в главах он отвел этой проблеме большое место. В частности, перечисляя главные условия, определявшие, по его мнению, ход русской истории, он ставит на первое место «природу страны», на второе — «быт племен, вошедших в новое общество», и на третье — «состояние соседних народов и государств».¹⁰⁴ Соловьев приходит к заключению, что в истории России «ход событий постоянно подчиняется природным условиям». В первом же томе он выдвигает теорию борьбы Азии, олицетворяемой «хищными ордами» кочевников, и Европы, представленной оседлым населением. Он выдвигает проблему борьбы России против «степей», в которых обитают не только упомянутые азиаты — «кочевые хищники», но еще и «казацкие толпы».¹⁰⁵ Тем самым Соловьев обосновывает значение географического фактора как важнейшего условия исторического развития. В комментариях к тому, написанных В. Т. Пашуто, справедливо критикуется свойственное Соловьеву преувеличение роли геогра-

¹⁰³ Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I, с. 35.

¹⁰⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I, с. 60.

¹⁰⁵ Там же, с. 60—61.

фического фактора.¹⁰⁶ Вместе с тем в повышенном внимании Соловьева к природным условиям заключается весьма важный, по-видимому, стихийный, но в конечном счете прогрессивный элемент его воззрений. Обратившись к роли географических условий, он тем самым показал узость и недостаточность предложенной им же самим схемы. Уже первый том свидетельствовал, что Соловьеву, стремившемуся к использованию широкого круга источников и к подробному освещению событий, тесно в рамках этой концепции. Между «Предисловием» и восемью главами первого тома вообще нетрудно заметить известный разрыв: в «Предисловии» — ограниченная жесткими рамками концепция, в томе — море фактического материала.

В первом томе отчетливо выступила своеобразная особенность Соловьева как исследователя — нежелание ссылаться на своих предшественников, полное отсутствие не только историографических разделов, но и каких бы то ни было отступлений. Это не значит, что Соловьев не полемизирует со своими предшественниками или противниками. Мы уже отмечали направленность «Предисловия» против Погодина. Спорит он с ним и в главах, но чаще всего без ссылок на оппонента. Подобное пренебрежение к историографии, кстати сразу отмеченное многими современниками (о чем подробнее будет сказано ниже), позволило Соловьеву обойти молчанием некоторые проблемы, являвшиеся в то время предметом споров. Так, он ничего не говорит о своем отношении к феодализму на Руси. Практически он его отрицает. Но, следуя схеме Кавелина, заимствуя целиком многие его положения, он ни разу не обмолвился о выдвинутом тем предположении о существовании феодализма в «варяжский» период.

Написанная Соловьевым «История России с древнейших времен» явилась крупнейшим событием в русской историографии 50—70-х гг. XIX в. Однако этот капитальный труд далеко не сразу получил признание большинства историков. Выход в 1851 г. первого тома «Истории» вызвал много откликов, и не все они были благожелательными. В исторической литературе неоднократно упоминалась полемика, разгоревшаяся вокруг него.¹⁰⁷ Мы попытаемся изложить более подробно различные мнения, выдвинутые современниками при его обсуждении.

Вскоре после выхода в свет первого тома «Истории» Соловьева на страницах различных изданий появились рецензии и отклики. С явным недоброжелательством первый том «Истории» был встре-

¹⁰⁶ Там же, с. 746.

¹⁰⁷ О нападках на первый том «Истории» писал сам Соловьев (Соловьев С. М. Записки, с. 146—148). Борьбы Погодина и его сторонников против Соловьева касался Н. П. Барсуков (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 11. СПб., 1896, с. 147—148). В книге I «Истории России с древнейших времен», изданной в 1959 г., краткая характеристика откликов на первый том дана в упомянутой статье Л. В. Черепнина (с. 48—50) и в комментариях В. Т. Пашуто (с. 753—754).

чен историками официально-охранительного направления, группировавшимися вокруг М. П. Погодина. Погодин, по словам его биографа, «вел лютую войну с родоначальниками новой исторической школы профессорами Московского университета Кавелиным и Соловьевым». ¹⁰⁸ Неприязнь к Соловьеву появилась у него еще в 1847 г., когда Соловьев защищал свою магистерскую диссертацию. В глазах Погодина она представляла собой «ужасный вздор». ¹⁰⁹ С неодобрением отзывался он и о докторской диссертации Соловьева. ¹¹⁰ Полемика Погодина с Соловьевым носила очень резкий характер. ¹¹¹ Отрицательное отношение Погодина к положениям, содержащимся в магистерской и докторской диссертациях Соловьева, предопределили его суждение об «Истории России», поскольку идеи, на которых она построена, были уже заложены в книгах «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и «История отношений между русскими князьями Рюрикава дома». Близкие к Погодину лица спешили сообщить ему о своем неодобрении нового труда Соловьева. Д. А. Толстой, ставший впоследствии министром народного просвещения, познакомившись с первым томом «Истории», писал Погодину, что «никогда не читал чего-либо нелепее и натянутее». ¹¹²

Решив поместить на страницах «Москвитянина» критический разбор труда Соловьева, Погодин поручил написать его И. Д. Беляеву. ¹¹³ Одновременно он сам, как явствует из письма к нему Беляева, внимательным образом проштудировал книгу, сделав на полях многочисленные заметки. Более того, Погодин собирался приложить к рецензии Беляева, которую предполагалось опубликовать без имени автора, свои замечания. Однако Беляев, который считал, что в написанном Погодиным «замечании проглядывает какое-то раздражение», советовал ему не делать этого. Он считал, что Погодину «лучше быть в стороне ... иначе, — писал Беляев, — петербургские журналы насолят Вам донельзя и постараются поддержать этим книгу в глазах публики». Он добавлял, что «сам бы мог в рецензии написать более резкостей, но удержался, дабы не дать повода толковать журналистам о пристрастии». ¹¹⁴ Рецензия Беляева, появившаяся на страницах «Москвитянина», как и предполагалось, без его подписи, ¹¹⁵ была выдержана именно в таком духе: на первый взгляд, спокойный, вполне академичный и обстоятельный разбор. Автор опускал свое мнение об общих выводах, содержащихся в первом томе «Истории», ссылаясь на то, что они по ходу изложения «уже или опровергнуты. . .

¹⁰⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 9, с. 147.

¹⁰⁹ Там же, т. 8, с. 93.

¹¹⁰ Там же, т. 9, с. 128—130.

¹¹¹ Там же, с. 136—145.

¹¹² Там же, т. 11, с. 452.

¹¹³ Там же, с. 453.

¹¹⁴ Там же, с. 454.

¹¹⁵ Москвитянин, 1851, № 18, с. 335—423; № 19—20, с. 601—625.

или приняты».¹¹⁶ Вместе с тем внимательное знакомство с рецензией «Москвитянина» показывало, что отрицательные оценки в ней преобладают над положительными, особенно там, где речь идет об основных положениях книги. Рецензент считал неудачным данное Соловьевым описание географического положения России. Он полагал, что автор не сумел проследить влияние природы на историю страны.¹¹⁷ Глава, посвященная народам, населявшим Восточную Европу до появления славян, по его мнению, «запоздала целым полустолетием».¹¹⁸ Особенно возражал рецензент против принятой Соловьевым трактовки понятия «род».¹¹⁹ Он писал, что «недолго г. Соловьев остается при одних источниках, привязанность к рассуждениям и предположениям не дает ему покоя; особенно его преследует родовой быт, который ему представляется везде и во всем».¹²⁰ Не соглашался Беляев с автором и в вопросе о призвании варягов, считая, что «призвание варягов славянами ильменскими и их союзниками, как явление историческое, есть прямой результат общинного, а не родового быта».¹²¹ В целом отрицательное отношение автора рецензии в «Москвитянине» к «Истории» было очевидным и встретило полную поддержку со стороны единомышленников Погодина. Так, И. И. Давыдов в письме к Погодину утверждал, что рецензия «всем чрезвычайно нравится».¹²² Однако это было далеко не так. С возражениями выступил прежде всего сам Соловьев. В «Московских ведомостях» был напечатан его ответ в виде статьи без подписи. Соловьев спорил с рецензентом «Москвитянина», особенно упрекая его в том, что тот, не разобрав должным образом главу о географических условиях России, возражал против ее «основных положений».¹²³ Этим выступлением было положено начало полемике, разгоревшейся между «Москвитянином» и «Московскими ведомостями» по поводу «Истории России».¹²⁴

В полемику оказался втянутым и сам Погодин. В своем ответе «Московским ведомостям», на упрек в том, что он не читал «Историю России» Соловьева, Погодин вопреки истине писал: «Это совершенная правда: я не читал ее и читать ее не буду... Такие противоречия, такие капитальные ошибки, такие недоумения находил я с первого взгляда в каждой статье г. Соловьева, начиная с первой, и потому не хотел брать на себя бесполезного труда, да и не мог жертвовать временем, чтоб прочитывать их сполна»...

¹¹⁶ Там же, № 19—20, с. 624—625.

¹¹⁷ Там же, № 18, с. 339.

¹¹⁸ Там же, с. 350.

¹¹⁹ Там же, с. 365.

¹²⁰ Там же, с. 374.

¹²¹ Там же, с. 365.

¹²² Барсуков Н. П. Указ. соч., т. 11, с. 454.

¹²³ Московские ведомости, 1851, № 145, 152.

¹²⁴ Московские ведомости, 1852, № 6, 13, 17, 26; Москвитянин, 1851, № 21, с. 76—77; № 24, с. 585—596; 1852, № 2, с. 41—52; N 4, с. 106—110; № 14, с. 25—49.

Погодин утверждал, что «развертывая ее («Историю России» Соловьева, — А. Ц.) раз двадцать в разные времена», он «не находил в ней ни одной живой страницы, и убедился окончательно, что процесс рассуждения у г. Соловьева совершенно другой, что угол его зрения далеко отстоит от нормального и что, следовательно, добираться до его результатов так же бесполезно, как и обвинять его несправедливо за физический недостаток мысли».¹²⁵

В кампании, предпринятой против первого тома «Истории России» Соловьева официально-охранительными кругами, принял участие не только «Москвитянин», рецензии которого хотя бы внешне были написаны в академических рамках, но и «Северная пчела».¹²⁶ Ее рецензент К[сенофонт] П. Полевой видел в «Истории» лишь «сшивок из нескольких отдельных исследований, писанных с разными идеями для повременных изданий». Он утверждал, что «нет в ней единой проникающей идеи, нет сообразности в частях»,¹²⁷ что «рассказ ее темен и скучен».¹²⁸ С особым раздражением он писал о том, что «г. Соловьев придумал родовой быт славян и по своей мысли желает переделать всю русскую историю».¹²⁹ Если «Москвитянин» старался дискредитировать первый том «Истории» в глазах специалистов, то «Северная пчела» стремилась достигнуть того же среди более широкого круга читателей.

Нападки со стороны официально-охранительных кругов носили наиболее враждебный характер и были восприняты Соловьевым особенно болезненно. Последнее обстоятельство в значительной мере объяснялось, по-видимому, еще и тем, что в лице Погодина Соловьев видел своего давнего и главного недоброжелателя. Вспоминая пережитое им «тяжелое время зимою 1851—1852 года», когда первый том «Истории» подвергся многочисленным нападкам, Соловьев писал прежде всего о выступлениях Погодина и его сторонников и лишь мельком упоминал других своих оппонентов.¹³⁰ Не без оснований он полагал, что в кругу Погодина он вызывал раздражение, как «дерзкий, которому исполнилось тридцать лет», но который «в Карамзины лезет» и «хочет быть господствующим авторитетом».

Дальнейшее развитие событий в изображении Соловьева выглядело так: «Этого нельзя было перенести равнодушно. Но, разумеется, прежде всех не мог перенести это равнодушно Погодин... Одна надежда, что дерзкое предприятие рухнет, как рухнула История Русского народа Полевого, но надобно ускорить это падение, ополчиться и разнести по камешкам здание при самом его начале, разнести фундамент. Сотрудников много. С ши-

¹²⁵ Москвитянин, 1852, № 4, с. 106.

¹²⁶ Северная пчела, 1852, № 20, 21, 114.

¹²⁷ Там же, 1852, № 21.

¹²⁸ Там же, № 20.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Соловьев С. М. Записки, с. 147—148.

пением, с пеной у рта собирается около почтеннейшего Михаила Петровича, ставшего чрезвычайно популярным, дружина — поход объявлен. Москвитянин открыл свои страницы ругательным статьям против меня».¹³¹ Вполне вероятно, что Погодин и его окружение сознавали, что им необходимо покончить с затеянным Соловьевым изданием многотомного труда именно «при самом его начале», что в дальнейшем им все труднее будет бороться со своим противником. Однако, обрушившись на первый том «Истории России», погодинская «дружина» истощила свои силы и встречала последующие тома этого издания холодным молчанием, как бы следуя мнению своего предводителя, утверждавшего, что сочинения Соловьева и читать не стоит. Намек на такую позицию содержался уже в упомянутом ответе Погодина «Московским ведомостям», проникнутом нежеланием вести спор по существу. Можно предположить, что еще тогда Погодин сомневался в успехе полемики с Соловьевым в случае выхода новых томов «Истории России» и считал более целесообразным устроить «заговор молчания». Ссылками на обилие рецензий, отрицательно отзывавшихся об «Истории», Погодин не только пытался доказать свою правоту, но и хотел, видимо, успокоить себя и своих единомышленников, не столь уверенных в своем торжестве.¹³² На самом деле такого единодушия не было.

Действительно, не только «Москвитянин» и «Северная пчела» ополчились против Соловьева. Отрицательной рецензией, содержащей немало колючих замечаний, откликнулась на выход первого тома «Истории» «Библиотека для чтения».¹³³ Иронически расценивая попытку Соловьева написать историю России как подвиг «новейшего ученого рыцарства»,¹³⁴ анонимный рецензент обещал заняться «исследованием этой историко-архитектурной игрушки, произведенной нашим московским искусством»,¹³⁵ и с особым пристрастием обрушивался на первые главы книги, которые, по его мнению, были «в высшей степени слабы».¹³⁶ Главу первую он называл «фантастической» и считал, что в ней «много неопределенных образов, уменьшающихся и увеличивающихся по законам простой и высшей фантазмагии... много невероятных кинетозографических натяжек»,¹³⁷ во второй — не находил ничего нового,¹³⁸ в третьей — видел столько недостатков, что не разбирая их, так как «для этого потребовалось бы написать целый трактат».¹³⁹ В главах V—VII рецензент находил ряд досто-

¹³¹ Там же, с. 147.

¹³² Москвитянин, 1852, № 4, с. 109.

¹³³ Библиотека для чтения, 1851, № 10, с. 37—86; № 11, с. 1—22; № 12, с. 23—51.

¹³⁴ Там же, № 10, с. 48.

¹³⁵ Там же, с. 43.

¹³⁶ Там же, № 11, с. 1.

¹³⁷ Там же, № 10, с. 52.

¹³⁸ Там же, с. 52.

¹³⁹ Там же, с. 60.

инств,¹⁴⁰ хотя и указывал на неточности, которые, по его мнению, проистекали от недостатка «филологических познаний» у Соловьева. Благожелательнее была охарактеризована глава VII, в которой рецензент увидел «желание подвинуть вперед изучение русских древностей».¹⁴¹ Однако и в ней он нашел недочеты, проистекавшие «от недостатка юридических сведений».¹⁴² В главе VIII рецензент усматривал «грудю компиляций, через которую проводит он (С. М. Соловьев, — А. Ц.) до крайности одну и ту же идею (*idée fixe*) — родовых отношений».¹⁴³ Признавая наличие в «Истории» известных достоинств, критик относил их скорее к области беллетристики, нежели серьезной науки.¹⁴⁴ По его мнению, «наука Истории России нисколько не обязана новому труду господина Соловьева: ни на шаг он не подвинул ее с пьедестала, воздвигнутого Карамзиным и тщательно отделанного ... Устряловым». К достоинствам работы он относил то, что ее автор «не ограничивается в ней рассказом о завоеваниях и быте, а показывает (хоть и не всегда, с точки зрения рецензента, верно, — А. Ц.) картину общественных и частных отношений, дает объяснение государственному и частному быту». Соглашаясь с взглядом Соловьева «на историю как науку, которая должна следить за связью явлений, преемственностью форм», критик считал, что он был высказан еще до Соловьева в упоминаемой и в первом томе «Истории» книге М. М. Михайлова в 1848 г.¹⁴⁵ Не принимая в целом теорию родовых отношений, он сам считает, что в древней Руси действительно государственные отношения пришли на смену родовым, но это имело место раньше, чем сказано в «Истории», в связи с призванием первых князей.¹⁴⁶ Указывал рецензент и на свои расхождения с Соловьевым по ряду частных вопросов.

Рецензент «Сына отечества» писал, что читатели получили пока лишь первый том задуманного труда, по которому еще трудно полностью представить значение всего сочинения, а затем добавлял, что, хотя воздерживается от вынесения окончательного приговора, не может скрыть того, что его ожидания во многом не оправдались.¹⁴⁷ Он полагал, что «Соловьев выстроил систему а ргіогі, и в нее, как в тиски, хочет вдвинуть всю историю, как будто это возможно и даже необходимо».¹⁴⁸ Критик полагал, что в Древней Руси существовали сначала родовые, а затем государственные отношения, но не соглашался с трактовкой этого воп-

¹⁴⁰ Там же, № 11, с. 17, 21.

¹⁴¹ Там же, № 12, с. 23.

¹⁴² Там же, № 11, с. 21.

¹⁴³ Там же, с. 24.

¹⁴⁴ Там же, с. 25.

¹⁴⁵ Там же, с. 49.

¹⁴⁶ Там же, с. 27—28, 34.

¹⁴⁷ Сын отечества, 1851, № 12, с. 1—2.

¹⁴⁸ Там же, с. 2.

роса, предложенной С. М. Соловьевым.¹⁴⁹ Не принимал он и рассуждений Соловьева об ассимиляции варяжских князей.

Для К. С. Аксакова, главного выразителя славянофильских идей в области исторической науки, первый том «Истории» Соловьева был не только вызовом, но и поводом для уточнения собственных взглядов на общие проблемы русской истории. В I томе сочинений К. С. Аксакова его брат И. С. Аксаков опубликовал черновую неоконченную рукопись, озаглавленную «Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева». Судя по всему она была написана после того, как вышел в свет первый том труда Соловьева, но до появления второго. На этом основании И. С. Аксаков датирует ее 1851 годом.

Рукопись начинается с рассуждений К. С. Аксакова о том, что время для написания русской истории в целом еще не настало, что историки могут пока лишь исследовать ее отдельные проблемы и изучать публикуемые в изобилии ценные документы. «„История России“, — утверждал он, — имеет характер собранных исследований, не более. Чего нельзя сделать, то и не было сделано, и история России г. Соловьева — не история».¹⁵⁰

Аксаков спорил с Соловьевым, выступающим «вообще против разделения истории на эпохи», и особенно упорно не соглашался с оценкой, данной им Петру I.¹⁵¹ «Великое дело Петра, как исключительное поклонение Западу, как исключительное отрицание всего Русского... как резкое насильственное, поспешное и подражательное преобразование, другими словами, как переворот, было точно дело новое, небывалое на Руси, и не принадлежит к тем мирным изменениям, которые совершаются легко и неприметно, напротив, это именно переворот, и в этом отношении продолжателем Петр называться не может».¹⁵² Аксаков предлагал собственную периодизацию истории России. Он делил ее на четыре периода: 1) Киевский, 2) Владимирский, 3) Московский, 4) Петербургский.¹⁵³ И добавлял, что то, что он назвал четвертым периодом, «лучше назвать эпизодом, ибо Москва не перестала (и не перестанет) быть истинною Русскою столицею, 1812 год явно это доказывает. По нашему мнению, собственно три периода: Киевский, Владимирский, Московский. Москва, по нашему мнению, неразделима с Россией».¹⁵⁴ Тут же Аксаков излагал основные положения своей теории Земли и Государства.¹⁵⁵

Усилия Аксакова для обоснования общей схемы истории России, искусственно разрывавшей ее на периоды, служили защите отживших взглядов на историческое развитие. Они не имели под-

¹⁴⁹ Там же, с. 3—4.

¹⁵⁰ Аксаков К. С. Полн. собр. соч., т. I, М., 1861, с. 40.

¹⁵¹ Там же, с. 41.

¹⁵² Там же, с. 43.

¹⁵³ Там же, с. 45—50.

¹⁵⁴ Там же, с. 54—62.

¹⁵⁵ Там же, с. 51—56.

держки у историков за исключением самих славянофилов. Что же касается высказываний Аксакова по отдельным проблемам, изложенным в первом томе «Истории», и прежде всего по поводу отстаиваемой Соловьевым теории родового быта, то они представляли определенный интерес. В этом смысле более содержательной была не рукопись 1851 г., в которой автор лишь утверждал, что, по его мнению, «родового быта у славян не было»,¹⁵⁶ а опубликованная в I томе «Московского сборника» за 1852 г. статья «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)».¹⁵⁷ В ней Аксаков сумел подметить слабые стороны в трактовке родового быта Соловьевым, что имело определенное положительное значение для уточнения взглядов русских историков на ранний период истории России.

Число отрицательных рецензий на первый том «Истории России», как видим, было весьма значительно. На первый взгляд могло показаться, что задуманный Соловьевым труд встретил всеобщее осуждение. Такое впечатление и сложилось у некоторых современников. Однако в действительности этот труд нашел и своих сторонников. Правда, большинство из них также высказывало немало критических замечаний, однако их общий тон не вызывает сомнения в общем благожелательном отношении к автору и его труду.

С положительной и обстоятельной рецензией выступил на страницах «Московских ведомостей» Н. В. Калачов.¹⁵⁸ Он принимал изложенные Соловьевым общие рассуждения, относящиеся к истории России, согласно которым «развитие государственного быта России обуславливается и, следовательно, должно объясняться главным образом внутренними причинами». Калачов не соглашался с тем, что следует отвергнуть норманнский и монгольский периоды, и, подобно Кавелину, полагал, что между родовыми и государственными отношениями было еще и вотчинное начало. Отмечая частные недостатки главы I, он одобрительно отзывался о ней, отмечая, что в ней ставится «вопрос о влиянии природы нашей государственной области на ее историю» и выдвигается ценная мысль об особенностях равнинной Руси и ее соприкосновении с азиатскими степями.¹⁵⁹ Отметив отдельные неточности в трактовке статей «Русской Правды», Калачов, большой знаток «Русской Правды», писал, что, несмотря на отдельные неточности в трактовке этого памятника, его содержание передано Соловьевым «весьма ясно и по возможности полно: он умел удачно устранить в своих выводах все спорные или темные выражения этого памятника (не упоминая о них вовсе) и сопоставил таким образом довольно характеристическую картину юридического быта древ-

¹⁵⁶ Там же, с. 50.

¹⁵⁷ Там же, с. 59—124.

¹⁵⁸ Московские ведомости, 1852, № 30, 31, 35.

¹⁵⁹ Там же, № 30.

ней Руси, хотя, впрочем, не X и XI века исключительно, а также вместе с тем и позднейшего времени». Заметив, что, описывая быт и нравы, Соловьев многое взял у Погодина, Калачов считал, что «самостоятельнее у автора статья о занятиях жителей, основанная преимущественно на „Русской Правде“, очерк нравов и очерк торговли».¹⁶⁰

Несколько иначе, чем Соловьев, смотрел Калачов на вопрос о влиянии варягов. По его мнению, «виновниками возникших у нас в IX и X веке государственных отношений... были... князья, притом как князья варяго-русские, а не славянские».¹⁶¹ Одобрительно отзываясь о первом томе «Истории», Калачов выступил против тех, кто отрицал научное значение этого труда, в первую очередь против Погодина.¹⁶²

Соловьев, видимо раздраженный обилием неодобрительных отзывов, и в рецензии Калачова, высказавшего немало критических замечаний, увидел недоброжелательный выпад, впоследствии отозвавшись о ней: «Калачов написал нечто».¹⁶³

Решительно поддержал Соловьева Кавелин. В № 12 «Отечественных записок» за 1851 г. он напечатал рецензию, в которой писал, что «как прагматическое сочинение новая книга г. Соловьева бесспорно принадлежит к числу лучших исторических произведений, появившихся в последнее время».¹⁶⁴ По его мнению, Соловьев, продолжая усилия, предпринятые до него Н. М. Карамзиным и Н. А. Полевым, сделал шаг вперед в изучении истории России. Указывая на отличительные черты труда Соловьева, Кавелин писал: «История России есть зрелый и сознательный исторический труд, а не шаткий опыт. Все исторические явления рассматриваются здесь с их внутренней стороны во взаимной связи и раскрываются последовательно, по их внутренней преемственности: бытовая сторона обращает на себя, как и следует, гораздо больше внимания автора, чем внешние события. Наконец, взгляд гораздо серьезнее, приемы строже».¹⁶⁵

Отмечая достоинства первого тома «Истории России», Кавелин останавливается и на его недостатках. Он прежде всего отметил, что в томе нет историографического раздела, из-за чего тот «отличается отсутствием всякой полемики» и «представляет первую эпоху русской истории, как ее знает и понимает г. Соловьев».¹⁶⁶

Кавелин, придавая важное значение географическому фактору, вместе с тем полагал, что Соловьев преувеличивает его роль в историческом развитии России.¹⁶⁷ «Объяснять одними гео-

¹⁶⁰ Там же, № 32.

¹⁶¹ Там же, № 30.

¹⁶² Там же, 20 марта, № 35.

¹⁶³ Соловьев С. М. Записки, с. 148.

¹⁶⁴ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 417—418.

¹⁶⁵ Там же, стлб. 419.

¹⁶⁶ Там же, стлб. 415.

¹⁶⁷ Там же, стлб. 424.

графическими условиями ход образования Русского государства, политическое преобладание Северо-Восточной Руси над Юго-Западною, важную роль торопецких и смоленских князей в период уделов и т. д., — писал он, — невозможно, не делая очевидных натяжек, не насилуя исторических фактов».¹⁶⁸ Эти упреки вполне справедливы. Однако в исторической литературе середины и второй половины XIX в. преувеличение географического фактора встречается и значительно позже. Мы находим его и у В. О. Ключевского, и у А. П. Шапова.

Кавелин не останавливался на разборе главы II, так как считал, что «содержание ее не имеет непосредственного отношения к русской истории».¹⁶⁹ Глава III, по его мнению, менее интересна, чем можно было бы судить по ее названию, и «весьма слаба».¹⁷⁰ Он отметил, что Соловьев в главе IV, рассматривая значение варяжского влияния, «пользуется всем, чем только можно воспользоваться: отличает влияние народа от влияния народности, силится доказать, что варяги не составляли у нас господствующего народонаселения относительно славян, что они не могли приходить на Русь с женами и, если оставались навсегда в России, женились на славянках; что варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни; что их языческий быт имел близкое сходство с древним языческим бытом славян; наконец, когда нужно, г. Соловьев искусно возражает фактами из последних годов варяжского периода, когда варяги уже сильно обрусели». Однако все эти аргументы Кавелин считал недостаточно убедительными для того, чтобы отказаться от трактовки роли варягов, предложенной М. Н. Погодиным: «Слова г. Погодина, приведенные в первом томе „Истории России“, несмотря на ловкие комментарии ее автора, остаются в сущности лучшим, что только было доселе сказано о значении и характере варяжского вопроса».¹⁷¹ В данном случае Кавелин имел в виду рассуждения Погодина, смысл которых сводился к тому, что варяги в период 862—1054 гг. жили почти совершенно обособленно от славян, являя собой «две реки, которые пали одна в другую, но не слили вод своих», в силу чего «варяги имеют свою особую историю, или, лучше сказать, они составляют ее».¹⁷² Таким образом, во взглядах на эту проблему Кавелин не поддерживал Соловьева, который несомненно предлагал более правильное решение вопроса, чем Погодин.

¹⁶⁸ Там же, стлб. 425.

¹⁶⁹ Там же, стлб. 438.

¹⁷⁰ Там же, стлб. 461.

¹⁷¹ Там же, стлб. 474—475.

¹⁷² Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. М., 1846, с. 519. Большую выдержку из этой работы С. М. Соловьев привел в примечании 437 к тому I, снабдив ее своими рассуждениями и возражениями (Соловьев С. М. История России с древнейших времен, с. 334—335).

Вторую часть тома Кавелин находил «лучше первой», поскольку «она читается с большим интересом и содержит много новых мыслей, хорошо изложенных и живо обрисовывающих общую историческую картину», содержит «новые, весьма удачные соображения». Вместе с тем он считал, что «общее выгодное впечатление этих глав местами ослабляется недоказанными положениями, натяжками, желанием взглянуть на предмет с новой точки зрения, желанием объяснить необъяснимое или и без того весьма ясное, наконец, очевидными увлечениями любимую мысль, которая в основании своем верна, но нередко искажается в ближайших применениях».¹⁷³ Можно с уверенностью предположить, что «любимая мысль», которая «в основании своем верна», но которой, по мнению Кавелина, Соловьев чрезмерно увлекся, это — идея развития родовых отношений в государственные. Но в то время как другие критики, ухватившись за передержки и натяжки, имевшиеся в первом томе «Истории России», старались изо всех сил доказать несостоятельность теории родовых отношений в целом, Кавелин, признавая порой излишнюю увлеченность Соловьева, тем не менее решительно отстаивал эту мысль.

Заключая рецензию, Кавелин писал, что подробно остановился на недостатках тома, не уделив большого внимания достоинствам, которые он считал несомненными. Одновременно он выступал против тех, кто отвергал книгу в целом, обращал внимание на то, что среди рецензентов преобладали авторы, без достаточных оснований отрицательно оценивавшие книгу: «Появившиеся доселе отзывы о первом томе „Истории России“ нам показались отчасти слишком строгими, отчасти не довольно спокойными и беспристрастными. Новый труд г. Соловьева, как бы мы ни стали судить его, во всяком случае заслуживает и благодарности, и благорасположения».¹⁷⁴

Поддержка, оказанная Кавелиным Соловьеву, была вполне закономерной. Кавелин видел в нем своего единомышленника. В своих статьях и рецензиях он выдвигал и отстаивал идеи, близкие тем, которые Соловьев положил в основу своего труда. Более того, можно сказать, что, опираясь именно на эти общие идеи, Соловьев и предпринял свой капитальный труд, призванный дать новое освещение истории России на всем ее протяжении.

Одобрительно был встречен первый том «Истории» демократически настроенными кругами. В 1851 г. «Современник» отозвался краткой одобрительной рецензией. В ней выход первого тома труда Соловьев рассматривался как «ученое событие первой важности» и высказывалось убеждение, что читающая публика, которая «ожидала многого от книги г. Соловьева ... не обманулась в своих ожиданиях».¹⁷⁵ В том же духе была выдержана

¹⁷³ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 475.

¹⁷⁴ Там же, стлб. 506.

¹⁷⁵ Современник, 1851, т. 29, с. 61.

и напечатанная в 1852 г. в «Современнике» рецензия А. Афанасьева,¹⁷⁶ который отмечал оживленные отклики на том и упоминал рецензии К. Д. Кавелина, Н. В. Калачова, Ф. И. Буслаева, полемику между «Москвитянином» и С. М. Соловьевым.¹⁷⁷ Сам Афанасьев обращал главное внимание на изложение в томе народных преданий и обрядов.¹⁷⁸

Положительное отношение со стороны демократического направления в русской историографии к первым томам «Истории России» достаточно полно и обстоятельно рассмотрено в общих трудах по истории исторической науки в СССР (тома I и II «Очерков истории исторической науки в СССР») и в монографии В. Е. Иллерицкого «История России в освещении революционеров-демократов». Поэтому в настоящей работе этот вопрос подробно не рассматривается. Вместе с тем следует заметить, что для самого Соловьева поддержка «Современника» вряд ли представлялась существенной.

Общее отношение к первому тому «Истории России» рисовалось ее автору в мрачных тонах. Но он твердо решил продолжать начатый труд. Впоследствии Соловьев вспоминал: «Действительно, я пережил тяжелое время зимою 1851—1852 года; я счел нужным отписываться и от Беляева и от Калачова, — труд страшно неприятный; труд защиты и труд одинокий. Но сила божия в немощи совершается; никогда не приходила мне в голову мысль отказаться от своего труда, и в это печальное для меня время я приготовил и напечатал 2-й том „Истории России“, который вышел весной 1852 года. Как видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами истории, постоянно ежегодно выходившими; 3-й и 4-й томы не опоздали, книга шла. . .».¹⁷⁹

Первый том «Истории России» явился значительным событием в русской историографии. Разгоревшаяся вокруг него полемика вскрыла острую борьбу различных направлений в исторической науке: официально-охранительного и славянофильского, враждебно встретивших книгу, либерального, поддержавшего ее основные положения, и демократического, положительно оценившего книгу по сравнению с трудами господствовавшего официально-охранительного течения.

Но эта полемика не только выявила отношение к сочинению Соловьева представителей различных направлений в русской исторической науке. Обсуждение проблем, поставленных в нем, сыграло важную роль в дальнейшем развитии отечественной истории. Со всей определенностью был поставлен вопрос о необходимости создать труд, в котором история России была бы рас-

¹⁷⁶ Там же, 1852, т. 35, с. 17—36.

¹⁷⁷ Там же, с. 19.

¹⁷⁸ Там же, с. 20—36.

¹⁷⁹ Соловьев С. М. Записки, с. 148.

смотрена с точки зрения внутренней закономерности исторического процесса.

Высказанные по адресу Соловьева критические замечания его противников и сторонников не только выявили известные недочеты в его работе, но и привлекли внимание историков к важным проблемам, которые им предстояло решить. Справедливые упреки были сделаны Соловьеву в связи с тем, что он стремился почти все исторические события объяснить развитием родовых отношений и их перерастанием в государственные. Указания на слабые стороны теории родовых отношений заставляли историков продолжать поиски ответа на вопрос, что лежит в основе исторического развития страны. Принципиальное значение имели и сделанные рядом рецензентов замечания, обращавшие внимание на то, что, хотя Соловьев сумел во многом по-новому взглянуть на историю государства в России, история народа и история страны по-прежнему остались вне поля его зрения. Среди упреков, касавшихся методики исследования, принятой Соловьевым, следует отметить обоснованные указания на то, что автор «Истории России» совершенно не уделил места историографии вопроса, не называл своих предшественников, не полемизировал с историками, чью точку зрения он не принимал. Многочисленные поправки и уточнения, касавшиеся различных частных вопросов, также способствовали изучению многих проблем.

Последующие тома «Истории России» свидетельствовали о том, что Соловьев не принял многие из сделанных ему замечаний, в том числе и справедливых. Он упорно придерживался теории родовых отношений, по-прежнему не считал нужным давать историографические обзоры. Тем не менее было бы неверным утверждать, что дискуссия вокруг первого тома прошла, не оказав влияния на его взгляды. Представляется, что суждения Соловьева об общих проблемах развития России, высказанные им при изложении истории конца XVII—начала XVIII в., в особенности о петровских преобразованиях, существенно развивавшие и дополнявшие его общетеоретические построения, в значительной степени сложились под влиянием происходивших дискуссий, в том числе споров вокруг первого тома. Проблемы, выдвинутые в спорах вокруг труда Соловьева, стали предметом изучения и обсуждения на протяжении нескольких десятилетий, что способствовало серьезным достижениям в разработке важнейших вопросов отечественной истории.

3. Полемика вокруг последующих томов труда С. М. Соловьева

Вслед за I томом, вызвавшим многочисленные отзывы и споры, продолжали выходить следующие тома «Истории России» Соловьева. И если тома II—V были встречены небольшим числом

рецензий, то после опубликования VI тома, посвященного царствованию Ивана IV, интерес к изданию снова возрос.

На II и III тома «Истории» написал рецензии И. Е. Забелин. Их напечатали «Отечественные записки». О II томе он писал, что в нем перед читателями проходит «бесчисленный ряд лиц, спорящих и воюющих на каждой странице».¹⁸⁰ Следуя за теми, кто упрекал Соловьева в увлечении политической историей, Забелин замечал, что «историю надо начинать с истории земли».¹⁸¹ Познакомившись с III томом, он нашел, что в нем Соловьев дал более полную картину истории России, чем в первых двух. Достоинство этого тома Забелин усматривал в том, что после характеристики положения князя на Руси говорится о земстве, о городах, о торговле, нравах и религии.¹⁸² На этом основании он приходил к заключению, что в труде Соловьева дана «полная и живая картина внутреннего состояния русского общества в древнейший период его исторической жизни».¹⁸³ Рецензия Забелина отражала точку зрения той части русских историков, которых прежде всего интересовал новый фактический материал. Что же касается их представлений об истории России и ее народа в целом, то они не претендовали на философское осмысление исторической закономерности.

Небольшая рецензия И. И. Срезневского на V том была напечатана в «Известиях Академии наук по отделению русского языка и словесности».¹⁸⁴ Одобрительной рецензией на него откликнулись и «Санкт-Петербургские ведомости». В ней говорилось, что Соловьев нашел «внутреннюю связь между отдельными событиями там, где для других исследователей эта связь совершенно стерлась: оттого много фактов представляются у него в новом свете». Рецензент отметил в качестве достоинства одну из наиболее существенных черт, присущих историкам «новой», как тогда чаще всего называли ее, школы в исторической науке — тенденцию к выяснению логической, причинно-следственной связи между историческими событиями, к рассмотрению исторического процесса как процесса взаимосвязанного органического развития.¹⁸⁵

Резкую полемику вызвал VI том, посвященный Ивану IV. Грубыми нападкамии встретили его охранители, обошедшие молчанием предыдущие четыре тома. В «Северной пчеле» С. Яхонтов упрекал Соловьева в том, что тот «нимало не заботится, о внешней художественной отделке произведения... вносит

¹⁸⁰ Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. I. М., 1872, с. 561.

¹⁸¹ Там же, с. 562.

¹⁸² Там же, с. 563.

¹⁸³ Там же, с. 564.

¹⁸⁴ Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности, 1855, т. IV, вып. VI.

¹⁸⁵ Санкт-Петербургские ведомости, 1855, 4 июня, № 121.

в свои исторические исследования выражения летописца, которые, по его мнению, характеризуют эпоху», но которые «составляют только исторический хлам». «„История России“ — не история», — утверждал Яхонтов,¹⁸⁶ почти дословно повторяя то, что писал по поводу первого тома в той же «Северной пчеле» Кс. Полевой.¹⁸⁷ Недоволен был Яхонтов и недостатком внимания Соловьева к психологии исторических деятелей, в то время как «историк должен быть психологом»,¹⁸⁸ и вновь возвращался к противопоставлению Соловьева Карамзину.

С. П. Шевырев напечатал статью «Два слова о не исторической школе г-на Соловьева»,¹⁸⁹ представлявшую собой ответ на статью С. М. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление». В ней Шевырев коснулся и VI тома «Истории». Он утверждал, что в первых пяти томах Соловьев не сказал ничего нового, отрицал в его труде наличие самостоятельных выводов, а теорию родового быта относил к «эффектным словам». К шестому тому Шевырев подошел с тех же позиций: «Продолжаем пример громких слов с свободными от постоя квартирами. Для шестого тома своей так называемой Истории новый историк избрал государственную борьбу в царствование Иоанна Грозного». Сам он считал, что в царствование Ивана IV «бояре не боролись» и «борьбы, следовательно, не было никакой».¹⁹⁰ Шевырев подписал свою статью псевдонимом Ярополк, однако подлинное имя автора тотчас стало известно его противникам. 17 мая 1857 г. И. Д. Беляев писал М. П. Погодину: «Шевырев под именем Ярополка напечатал в „Молве“ статью против Соловьева прегорячую, а во вражьем стане уже знают, что Ярополк — Шевырев, и, разумеется, ругают». Тут же он сообщал, что утром его навестил Н. В. Калачев, сказавший, что знает, что под именем Ярополка скрывается Шевырев.¹⁹¹

Заметив, что VI том «Истории России» «имеет наибольший интерес перед другими частями обширного труда профессора Соловьева, заключаая в себе обзор правления Елены и царствования Иоанна Грозного», рецензент «Сына отечества» писал, что «личность Иоанна IV до сих пор остается загадкой». Напомнив, что Татищев, Щербатов, Хилков, Карамзин и «новейшие исследователи» не согласны между собою «на счет этой личности», автор рецензии излагал общую характеристику Ивана IV, данную Соловьевым. Тем самым он давал понять, что считает его выводы достойными внимания и одобрения. Недостаток VI и предшествующих томов «Истории России» рецензент видел в отсутствии

¹⁸⁶ Северная пчела, 1857, 13 декабря, № 274.

¹⁸⁷ Там же, 1852, 25 января, № 21.

¹⁸⁸ Там же, 1857, 24 декабря, № 283.

¹⁸⁹ Молва, 1857, 11 мая, № 5.

¹⁹⁰ Там же, с. 65—66.

¹⁹¹ И. Д. Беляев — М. П. Погодину, 17 мая 1857 г. ОР ГБЛ, ф. 231, отд. II, карт. 3, ед. хр. 55.

«чарующей художественности изложения, которая невольно привлекает к себе внимание читателя».¹⁹²

В поддержку Соловьева выступил Н. А. Попов. В «Русском вестнике» он напечатал рецензию, в которой также обрисовал образ Ивана IV в духе Соловьева.¹⁹³

Рецензия, напечатанная в «Санкт-Петербургских ведомостях», была в целом написана в одобрительных тонах, хотя и содержала отдельные критические замечания. Рецензент полагал, что труд Соловьева «вообще не проникнут одной идеей», что Соловьев, «сведя факты в одно стройное целое... не возносится до общих философских соображений и из хода действительной жизни не извлекает законов, ею управляющих». В неспособности сформулировать общие выводы, вытекающие из изучения исторического развития России, рецензент видел недостаток труда, но недостаток такой, который не бросал тени на самого автора. Он видел большую заслугу Соловьева в том, что тот «первый познакомил нас с истинным значением русской истории», «разъяснил много таких вопросов, которые до него запутаны и затемнены были самыми странными и многосложными толкованиями». К ним он относил «удельные междоусобия», «бесперывные столкновения и распри», на которые Соловьев пролил свет, объяснив их родовыми отношениями князей, спорами за старшинство в роде. Таким образом, рецензент усматривал его заслугу в объяснении отдельных проблем русской истории, а достоинство теории родовых отношений в том, что с ее помощью можно было решить одну из этих проблем. Попутно он высказал свой взгляд на междоусобия и их связь с проблемой преобладания на Руси того или иного вида отношений. Автор рецензии считал, что родовые отношения, «повлекшие за собою столько кровопролития», не имели «никакой внутренней связи» с вопросом: «Какой быт составлял существенную принадлежность нашего народа, родовой или общественный». Он, по-видимому, имел в виду происходившие в то время споры о том, какой быт в древней Руси был преобладающим. С его точки зрения, это было неважно. «Родовые связи и переделки могут существовать совместно с общественным бытом народа, оставаясь вполне от него независимым». Рецензент положительно отнесся к трактовке Ивана IV, предложенной Соловьевым, считая, что из нее «нельзя не вынести ясного понятия об историческом значении личности Иоанна IV». Рецензент подчеркнул вывод, следующий из изложения Соловьева: главное, что сделал Иван IV, — укрепил самодержавие. Он усматривал известное изменение во взглядах Соловьева, полагая, что в томе тот смягчил характеристику Ивана IV по сравнению с диссертацией, в которой вслед за Карамзиным восхищался им.¹⁹⁴

¹⁹² Сын отечества, 1856, № 6, с. 111.

¹⁹³ Русский вестник, 1856, № 4, с. 289—300.

¹⁹⁴ Санкт-Петербургские ведомости, 1856, 13 июля, № 155.

В этой рецензии был оттенок, несколько отличавший ее от большинства рецензий, авторы которых старались определить способность Соловьева сделать общие выводы, касающиеся исторического развития России, найти объяснение основным закономерностям этого развития. Рецензент же «Санкт-Петербургских ведомостей» увидел заслугу Соловьева в решении отдельных проблем истории России. Продолжала свои нападки на «Историю России» «Молва». Разбирая очередной VII том, ее рецензент писал: «Неясен взгляд Соловьева на почти всю допетровскую Русь». Он подчеркивал свое несогласие «со многими воззрениями» Соловьева, высказывал сожаление о поспешности, с какой велось издание, о «старании» Соловьева «подчинить русскую жизнь в ее развитии небывалым на самом деле законам и условиям жизни, каков, например, родовой быт».¹⁹⁵ В начале августа появилась рецензия на VII том в «Санкт-Петербургских ведомостях». В отличие от предыдущей эта рецензия была более критической. Оценивая труд Соловьева, рецензент писал: «Это богатый материал для истории, богатый свод доступных исследователю сведений об исторических судьбах русского народа — но никак не история его».¹⁹⁶ Исказив смысл этих рецензий, автор «Молвы» объявил об изменении отношения петербургских журналов к «Истории России», принявших, по его мнению, точку зрения на первый том «Истории», высказанную в свое время в «Московитянине». «Внимательные читатели знают суждение г. Погодина о трудах г. Соловьева», — писал автор «Молвы». «Петербургские журналы почему-то старались тогда заглушить этот беспристрастный голос, но теперь видят, что должны с ним согласиться: история г. Соловьева не объясняется, а запутывается. Ежегодно выходит по тому, и с каждым томом увеличивается количество противоречий, а нового ничего нет».¹⁹⁷ Непосредственно к VII тому «Молва» вернулась в октябре. В октябрьской статье говорилось, что этот том «Истории» и сочинения Соловьева вообще «ниже всякой критики и производят одну путаницу». По мнению рецензента, «из его (Соловьева, — А. Ц.) рассуждений об Иоанне Васильевиче Грозном вышло какое-то идеальное, мифическое лицо». А далее он писал: «... у нас находятся читатели и для истории г. Соловьева; хотя ни один не прочтет пяти страниц без смертельной скуки, хотя ни один не научится из этой истории чему-нибудь новому или разрешит себе какое сомнение. И эту-то историю осмеливаются невежи сравнивать с бессмертной историей Карамзина и видеть в ней движение вперед! Движение назад она представляет на всякой своей странице».¹⁹⁸

В IV томе «Русской беседы» за 1856 г. напечатал свою статью «По поводу VI тома Истории России г. Соловьева» К. С. Акса-

¹⁹⁵ Молва, 1857, 18 мая, № 6.

¹⁹⁶ Санкт-Петербургские ведомости, 1857, 3 августа, № 167.

¹⁹⁷ Молва, 1857, 24 августа, № 20.

¹⁹⁸ Молва, 1857, 19 октября.

ков.¹⁹⁹ Перечислив названия всех глав тома, Аксаков утверждал, что эти главы составили «ряд прекрасных монографий, расположенных хронологически, но тем не менее монографий, или, вернее, исследований».²⁰⁰ Аксаков соглашался с Соловьевым, видевшим в «отношениях Иоанна к боярам... последнее проявление борьбы между государем, начинающим новый порядок вещей, пришедшим к новому понятию власти, и его дружиной, помнящей свое прежнее значение и старающейся оное удержать».²⁰¹ Вместе с тем Аксаков считал, что неверно говорить о борьбе между Иваном IV и боярами. По его мнению, лишь Иван преследовал бояр, бояре же ничего не предпринимали против царя. Единственно, на что решались некоторые, — использовать свое право отъезда. Иван же вел борьбу «с одной идеей, отвлеченной и молчаливой».²⁰²

Рассматривая борьбу Ивана IV с боярством как борьбу «во внутреннем составе правительственном», которая происходила «без участия народа, так сказать, над народом, а не в нем самом», Аксаков бросает «беглый взгляд на государственную власть в России в ее внутреннем составе».²⁰³ Первоначально имело место «несложившееся государственное устройство», которое «носило над Землею». Земля существовала отдельно от князей, в народе же продолжало жить вечевое, земское начало. Тем временем княжеская власть шла по пути объединения княжеств в единое государство, а на смену междукняжеским отношениям приходило новое начало — государственное, утвердившееся не без влияния татарских ханов и приведшее к объединению русских земель в Московском государстве. «Наконец, Москва поднимает знамя всей Руси — уже не Москвы, а всей Руси, не только в земском, но и в государственном значении», — писал К. С. Аксаков.²⁰⁴ С этим событием он связывает прекращение княжеских междоусобий и особенно подчеркивает превращение великого князя Московского в великого князя всея Руси.²⁰⁵

Уничтожение дружины Иваном IV Аксаков расценивал как важный этап во внутренней истории Русского государства, завершившийся полемикой Ивана с князем Андреем Курбским, этой «письменной борьбой нового царя и старого дружинника, потомка князей удельных».²⁰⁶

Аксакова занимала проблема взаимоотношений «новой правительственной власти» с «народом или Землею». Но ответа он не находил ни у Соловьева, ни у других русских историков.²⁰⁷ По-

¹⁹⁹ Аксаков К. С. Полн. собр. соч., т. II, М., 1861, с. 125—172.

²⁰⁰ Там же, с. 125—126.

²⁰¹ Там же, с. 133—134.

²⁰² Там же, с. 137—138.

²⁰³ Там же, с. 143.

²⁰⁴ Там же, с. 144—146.

²⁰⁵ Там же, с. 146—147.

²⁰⁶ Там же, с. 148—149.

²⁰⁷ Там же, с. 149—150.

этому Аксаков конструирует схему, вошедшую затем в качестве важнейшей составной части в славянофильскую концепцию исторического процесса. В вечах Аксаков видел выражение земской жизни, а в совещаниях князя с вечем усматривал «соприкосновение власти государственной к мысли народной». С образованием единого Русского государства, когда «великий князь Московский стал царем», уже «государство единое обращается к единой Русской земле и зовет ее всю на совет».²⁰⁸ Он утверждал, что «первый царь созывает первый Земский Собор», на котором встречаются Земля и Государство, и между ними утверждается «свободный союз».²⁰⁹

В трактовке значения Земских соборов как выражения союза Царя и Земли, Государства и Народа Аксаков допускал ряд существенных неточностей. Он не говорил о том, что на Соборе 1549 г. были представлены практически лишь высшие разряды господствующего класса: бояре, дьяки, высшие церковные иерархи и верхушка московского дворянства. Была и другая неточность. Аксаков писал, что Собор был созван на Красной площади,²¹⁰ в действительности он собрался в царских палатах в Кремле.²¹¹

В самых общих словах говорит Аксаков и о Земском соборе 1566 г. Он лишь указывает, что этот собор был продолжением дела, начатого Собором 1549 г., и что на нем «Иоанн IV... спрашивал мнения, мириться ли с Польшею на предложенных ею условиях или воевать, требуя больших уступок».²¹²

Большое внимание Аксакова к Земским соборам было связано с либеральными тенденциями, присущими славянофильской доктрине наряду с охранительными идеями. Благодаря этому и историческая концепция славянофилов приобретала более либеральный оттенок. Что же касается освещения самих соборов, то Аксаков представлял их в несколько идеализированном виде. На Земских соборах XVI в. не было и речи о выражении мнения народа. Даже представители господствующих классов не смели выйти за рамки, определенные царем. В действительности эти Соборы лишь положили начало сословно-представительной монархии в России. Аксаков находил объяснение, данное Соловьевым опричнине, не исчерпывающим ее смысла.²¹³ Он считал, что затея Ивана IV с опричниной — лишь «попытка», «осуществленная фантазия», «идеал государства, возведенного до крайних размеров», идеал, «исключительно проникнутый благоговейным религиозным понятием

²⁰⁸ Там же, с. 150.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же, с. 151.

²¹¹ Ключевский впоследствии обратил внимание на эту обмолвку Аксакова, заметив, что вслед за ним ее повторил Костомаров. См.: Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах древней Руси. — В кн.: Ключевский В. О. Соч., т. 8, М., 1959, с. 10.

²¹² Аксаков К. С. Полн. собр. соч., т. I, с. 148.

²¹³ Там же, с. 157.

о земном самовластии». ²¹⁴ Иван, сохранив земщину, в виде опричнины создал образец государства, постаравшись воплотить в нем свои идеалы. Наличие на Руси одновременно опричнины и земщины, по мнению Аксакова, свидетельствовало о неудаче опыта Ивана и позволило его сыну безболезненно вернуться к земским порядкам. ²¹⁵

Касаясь отношения народа к Ивану IV, Аксаков утверждал, что «Русская земля вынесла Иоанна, чтоб сохранить свою недавнюю целость и удержать возникающую крепость», и подчеркивал как «главное», что «Иоанн нападал на лица, именно на бояр, выгораживая постоянно народ». При этом разгром Новгорода он объяснял так: «На новгородцев он напал, обвиняя их в общей измене». ²¹⁶

Отметив, что уже были попытки сравнивать Ивана IV и Петра I, Аксаков замечал, что сходство между ними объясняют довольно просто, главным образом стремлением Петра I к просвещению и желанием приобрести Ливонию. Но подобные черты были присущи после Ивана IV не только Петру I: «Просвещения хотели и все наши государи, а Борис более всех. . . желание приобрести Ливонию было естественно, и, конечно, было желанием не одного Иоанна». Пообещав найти более глубокие причины симпатии Петра I к Ивану IV, Аксаков тем не менее не смог пойти дальше психологических сопоставлений.

Рассуждая о положении на Руси в XVI в., Аксаков находит, кроме существования «безграничной власти, во всей ее чистоте», власти московского самодержца, «зрелость политических намерений России в том веке». Она выразилась, по его мнению, в стремлении овладеть берегами Черного и Балтийского морей. При этом «Россия в XVI веке частью приобрела те владения, какими пользуется теперь, частью наметила себе пределы, совершенно почти в том объеме, в каком находится Россия XIX века». ²¹⁷

Во внутренней жизни России Аксаков отмечал стремление к просвещению и сближению с Западной Европой. Полемизируя с теми, кто считал, что допетровская Россия чуждалась просвещения и дичилась Западной Европы и что только с Петра появилось стремление к знанию, Аксаков рекомендовал своим оппонентам прочитать VI том «Истории России» Соловьева, из которого ясно, что «стремление к просвещению, к заимствованию всего полезного от Европы было и до Петра». ²¹⁸

Особенно же подчеркивает Аксаков сочетание власти государства с оживлением деятельности земства. «Мы видим всюду покровительствуемое земское мнение и участие в государственных

²¹⁴ Там же, с. 158.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же, с. 169.

²¹⁷ Там же, с. 171.

²¹⁸ Там же, с. 172.

делах; видим мы это из губных грамот и других актов. Мы видим, что правительство обращается к народу в трудные минуты и делится с ним сочувствием к общему делу. Мы видим, что совещательное начало было в высшей степени распространено в России и на него сильно опиралось правительство».²¹⁹

Таким образом, VI том «Истории России» Соловьева стал для Аксакова поводом для того, чтобы изложить свою схему, сочетавшую в себе его политические идеалы и их историческое обоснование. Будучи сторонником самодержавной власти, но власти, считающейся с мнением сословий, во всяком случае с мнением их представителей, Аксаков увидел в русской истории XVI в. зачатки совместного существования самодержавия и сословно-представительных учреждений. Не занимаясь специальным изучением эпохи, он препарировал материал тома, выбрав то, что подтверждало бы его концепцию, и соответствующим образом расставив акценты. Получилось нечто вроде исторического наброска, своеобразного эскиза эпохи, выдержанного в тонах, соответствовавших политическим устремлениям как самого Аксакова, так и его единомышленников — славянофилов.

Рецензии Аксакова на VII и VIII тома «Истории России» Соловьева служили продолжением рецензии на VI том. Он находил, что в VII томе «мало последовательности, мало систематического порядка», пересказ и цитирование источников преобладает над их изучением, упрекал Соловьева в излишнем внимании к родовым отношениям.²²⁰ Указывая на невнимание Соловьева к ряду важных проблем, Аксаков отметил, что «очень важный вопрос о поземельном владении крестьян, об отношении их к помещикам и вотчинникам не тронут совершенно»,²²¹ подчеркнув, что «одно из важнейших явлений в общественной жизни допетровской России — прикрепление крестьян к земле» Соловьевым «далеко не объяснено, точно так же, как далеко не объяснен быт вотчинных и поместных крестьян, их отношение к владельцам».²²²

Оценивая первые семь томов «Истории России», Аксаков писал, что Соловьев «не заметил одного: русского народа». Сближая Соловьева с Карамзиным, он считал, что «История России» «может совершенно справедливо быть названа Историею Российского государства, не более; Земли, народа читатель не найдет в ней».²²³

Критикуя Соловьева, Аксаков вместе с тем сам оставался в значительной степени в рамках политической истории, лишь предлагая иную схему истории России.

Разбирая VIII том «Истории», Аксаков увидел в подозрительном отношении народа к Годунову чуть ли не единственную при-

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же, с. 231—232.

²²¹ Там же, с. 228.

²²² Там же, с. 239.

²²³ Там же, с. 253—254.

чину всего Смутного времени. Такое истолкование событий затуманивало вопрос о связи Смутного времени с тяжелым положением народа, с его протестом против угнетения, на что обращали внимание другие авторы. В этом смысле Аксаков делал шаг назад от уровня, достигнутого даже в либеральном направлении русской историографии. Тенденция к смазыванию социальной природы событий конца XVI—начала XVII в. лежала в основе того, что Аксаков, столь бурно полемизировавший с Соловьевым, дойдя до изложения Смуты, стал на путь пересказа содержания VIII тома его «Истории России». Подчеркивая «торжество начала Земского, начала нравственного, свободного» в момент разрушения государства, Аксаков вместе с тем приветствует восстановление государства, причем именно в форме самодержавной монархии после завершения Смуты.²²⁴ Тем самым он становится на позицию апологии самодержавия, лишь выделяя некоторые детали, свидетельствующие об особенностях подхода славянофилов к отдельным проблемам. Так, Аксаков специально выделяет рассказ о предложении иезуитов перенести столицу из Москвы в другое место.²²⁵

Таким образом, в позициях Аксакова и Соловьева, несмотря на разногласия по вопросу о родовом быте, сказавшиеся в отношении Аксакова к «Истории России» и к статье Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление», к концу 50-х гг. произошло известное сближение, поскольку они по-разному доказывали целесообразность царской власти в России.

Среди критиков Соловьева несколько особое место занимал К. Н. Бестужев-Рюмин. Выступив первоначально с рецензиями на отдельные тома, он в 1859 г. написал разбор первых восьми томов «Истории России». К моменту выхода этой рецензии было уже ясно, что «История» представляет собой значительное, а может быть, и самое важное событие в русской историографии 50-х гг. XIX в. Бестужев-Рюмин расценивал труд Соловьева как серьезный шаг в развитии русской исторической науки. Это видно уже из того, что своей статье «Современное состояние русской истории как науки» он дал подзаголовок «История России с древнейших времен. Сочинение Сергея Соловьева. Т. I—VIII». Характеризуя таких предшественников Соловьева, как В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, Бестужев-Рюмин представляет «Историю» как прямое продолжение «Истории государства Российского» Карамзина. «Г. Соловьев, — писал он, — представляет тот же ход государственного развития, который стоит на первом месте у Карамзина». Вместе с тем Бестужев-Рюмин считал, что свое исследование Соловьев строит на более современных принципах. «Сходясь с Карамзиным в главном предмете исследования,

²²⁴ Там же, с. 289.

²²⁵ Там же, с. 288.

г. Соловьев бесконечно расходится с ним в пути, принятом им: там, где Карамзин не видал никаких начал, где события являлись ему простым сцеплением случайностей, там г. Соловьев видит некоторые руководящие начала. Началами этими являются для него родовой быт и государство». ²²⁶ В этом смысле он видел в Соловьеве продолжателя Эверса. ²²⁷

Бестужев-Рюмин не был удовлетворен тем, как описал Соловьев родовой быт: «как-то неподвижно, как что-то данное, а не органическое». Он отдавал предпочтение работам Кавелина и Тюррина, в которых было показано «движение родового быта». ²²⁸ Соловьев не обратил внимания на многие вопросы, в частности на образование племен, недостаточно ясно показал особенности родового быта в разные эпохи. ²²⁹ Бестужев-Рюмин находил, что Соловьев большое внимание уделяет летописям и литературным памятникам и недостаточно использует законодательные памятники. ²³⁰ Он упрекал его в невнимании к сельской общине, которая его самого занимала не в смысле общего владения землей, а как «низший, так сказать, административный центр». В связи с этим он считал важным вопрос, создана ли община государством с целью наложить тягло и содержать бродячее население или представляет собой «исконное явление русской народной жизни». Бестужев-Рюмин считал, что Соловьев следит за развитием государства и в этом видит прогресс, «а то, чего стоил этот прогресс, он оставляет в тени, почитая свое дело совершенным одним обозрением движения прогрессивного начала, т. е. государства». ²³¹

В рецензии Бестужева-Рюмина сказались настроения известной части историков, которые отдавали должное Соловьеву как исследователю, много сделавшему для изучения истории государства, истории юридических институтов, но оставившему без должного внимания историю народа.

Соловьева с разных сторон упрекали в невнимании к народу. В этом обвинял его Аксаков и другие славянофилы, некоторые решительно отвергали основные положения автора «Истории России». Бестужев-Рюмин критиковал Соловьева с иных позиций, он считал, что в дополнение к тому, что сделано им по истории государства, следует добавить и результаты, почерпнутые при изучении жизни и быта народа.

Отношение представителей демократического направления к вышедшим в 50-е гг. XIX в. томам «Истории России» определялось, с одной стороны, признанием заслуг Соловьева, а с другой — принципиально иным подходом историков-демократов к изучению истории. В 1855 г. Н. Г. Чернышевский писал, что с середины

²²⁶ Московское обозрение, 1859 г., № 1, с. 62.

²²⁷ Там же, с. 62—63.

²²⁸ Там же, с. 76.

²²⁹ Там же, с. 77.

²³⁰ Там же, с. 124—129.

²³¹ Там же, с. 131.

40-х гг. в работах Соловьева и Кавелина встречается «строго ученый взгляд новой исторической школы... в первый раз... объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни».²³² Н. А. Добролюбов с удовлетворением отмечал, что «школа г. Погодина давно уже заслонена у нас школой г. Соловьева».²³³ Вместе с тем в демократической литературе давались и критические оценки. Написав в целом положительную рецензию на IV том «Истории России», Чернышевский возражал против выдвинутой Соловьевым теории колонизации.²³⁴ Чернышевский ставил вопрос шире, давая понять, что его не удовлетворяет подход Соловьева к объяснению общих закономерностей исторического развития России.²³⁵

В период первой революционной ситуации критическое отношение историков-демократов к «Истории России» усиливается. Свидетельством служат насмешливая заметка в «Свистке», юмористическом приложении к «Современнику», написанная Чернышевским по поводу характеристики Ивана IV в VIII томе,²³⁶ и опубликованная в «Современнике» статья Г. З. Елисеева (под псевдонимом Грыцько) «Исторические очерки («История России с древнейших времен», соч. С. Соловьева. Т. VII и VIII)».²³⁷ Смысл статьи Елисеева сводился к тому, что Соловьев не сумел написать историю народа, историю России, поскольку его внимание «занимало в истории государство и территория его, а не народ».²³⁸ Заметив, что обоснованием закономерности исторического развития России «и оканчивается заслуга г. Соловьева как историка»,²³⁹ Елисеев указывал на необходимость более глубокого изучения общих проблем исторического развития России, а также более внимательного отношения ко всем сторонам народной жизни: истории быта, экономики, положения народа. На самом деле требования революционно-демократической критики были значительно шире, чем в упомянутых рецензиях. Они содержали, в частности, призыв к изучению тяжелого положения народа и истории народных движений и касались не только «Истории России» Соловьева, но и либерального направления в русской исторической науке в целом.

Своеобразной реакцией на эти требования явились труды Н. И. Костомарова.

²³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, М., 1947, с. 181.

²³³ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I, М., 1930, с. 412.

²³⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, с. 399—405.

²³⁵ См.: Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли в России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX века. Л., 1962, с. 222—223; Илерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963, с. 172—173.

²³⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, с. 61—62.

²³⁷ Современник, 1860, № 11, с. 61—84.

²³⁸ Там же, с. 71.

²³⁹ Там же, с. 65.

4. Н. И. Костомаров

Николаю Ивановичу Костомарову (1817—1885), занявшему особое место в русской исторической науке второй половины XIX в., отведено значительное место в трудах по русской историографии.²⁴⁰

Н. Л. Рубинштейн писал: «В русской исторической науке он является в известной мере представителем украинской истории, с которой связана значительная часть его научной и литературной деятельности. Однако общее значение его работ далеко выходит за рамки украинской истории. Общим вопросам русской истории посвящен ряд исследований Костомарова. Деятельность Костомарова протекала в основном в Петербурге, в центре русской исторической науки и тесно переплетается с ее развитием. Поэтому оторвать Костомарова от русской исторической науки нельзя, и брать его вне этой связи значило бы сильно сузить его значение и самый подход к его работам». Рубинштейн исходил из того, что исторические взгляды Костомарова определялись прежде всего его украинофильством. Говоря об отношении Костомарова к российскому самодержавию, он писал: «Его оппозиционность имела не народный, классовый, а национальный характер буржуазной оппозиции против национального гнета царизма».²⁴¹ По мнению А. М. Станиславской, «Костомаров вошел в историографию в первую очередь как выразитель взглядов и интересов зарождавшегося украинского буржуазно-помещичьего национализма». Развивая это положение, она писала: «Корни политической программы Костомарова, так или иначе определявшей направление его научной деятельности, следует искать в условиях социально-экономического развития и классовой борьбы на Украине во второй половине XIX в. Не только к проблемам истории Украины, но и к проблемам русской истории Костомаров подходил в конечном счете как представитель украинского националистически настроенного буржуазного либерализма. То обстоятельство, что украинское дворянство и в еще большей мере украинская буржуазия были в тот период до известной степени оппозиционны русскому самодержавию (оппозиционность эта была весьма умеренной и трусливой), определило оттенок критического отношения к неограниченно самодержавной центральной власти, который присущ основным историческим работам Костомарова в более сильной

²⁴⁰ Рубинштейн Н. Л. 1) Н. И. Костомаров. — Исторический журнал, 1940, № 10, с. 40—50; 2) Русская историография. М., 1941; Станиславская А. М. Исторические взгляды Н. И. Костомарова. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960; Иллерицкий В. Е. 1) Исторические взгляды Н. И. Костомарова. — В кн.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971; 2) Революционная историческая мысль в России. М., 1974.

²⁴¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 423.

степени, чем работам других современных и социально однородных русских буржуазно-либеральных историков».²⁴²

Характеризуя Костомарова, отмечает влияние на него идей украинского национализма и В. Е. Иллерицкий: «Костомаров не был демократом по своим политическим убеждениям, но он выражал интересы народных масс в их борьбе за уничтожение социального гнета. В его трудах отразились интересы буржуазно-помещичьих и либеральных кругов Украины, которые в середине прошлого века добивались национальной автономии Украины в рамках царской России. В исторических взглядах Костомарова такие стремления нашли выражение в его идеализации украинской истории, национальных качеств южнорусской народности, казачества». Иллерицкий стремится как можно полнее показать последствия влияния украинского национализма на исторические работы Костомарова. Вместе с тем он отмечает, что оппозиционность Костомарова по отношению к русскому самодержавию нашла отражение не только в его работе по истории Украины, но и в работах по истории России, и «определила трактовку им многих важных вопросов русской истории в плане раскрытия борьбы удельно-вечевоего федеративного начала с единодержавием и централизацией». С этой оппозиционностью были связаны попытки Костомарова «в своеобразной форме показать деятельность народных масс в истории».²⁴³ Иллерицкий пишет, что «в 50—60-х годах прошлого века Костомаров относился к немногим представителям „левого фланга“ буржуазной историографии», что его взаимоотношения с демократическими деятелями носили сложный характер.²⁴⁴

На эти годы падает «высший подъем научного творчества Костомарова».²⁴⁵ Именно тогда он обратился к темам, имевшим большую актуальность, к темам, необходимость изучения которых с особой настойчивостью доказывали сторонники демократического направления в русской историографии. Они упрекали историков официального и либерального направлений в невнимании к истории народа, народных движений. Своеобразным ответом на эти упреки стали подготовленные Костомаровым монографии. В 1857 г. вышла первая из них, посвященная борьбе украинского народа за свою независимость под руководством Богдана Хмельницкого.²⁴⁶

Большой интерес вызвала и монография о восстании Степана Разина,²⁴⁷ которая имела еще большую остроту по сравнению с мо-

²⁴² Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 146.

²⁴³ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, с. 238.

²⁴⁴ Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России, с. 263—264.

²⁴⁵ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 130.

²⁴⁶ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1857.

²⁴⁷ Костомаров Н. И. Бунт Степана Разина. СПб., 1859.

пографией о Хмельницком. В книге о Хмельницком речь шла об освободительной борьбе против поляков. В центре внимания находился гетман Хмельницкий, в борьбе против польского гнета искавший союза с русским царем. В монографии же о Степане Разине рассматривалось выступление народных масс, превратившееся в крестьянскую войну. Достоинством книги Костомарова было то, что в ней впервые были собраны из различных источников сведения об истории этого мощного народного восстания, потрясшего Россию в конце XVII в.

Рассматривая народные восстания и движения, Костомаров большое место отвел и вопросу о роли казачества в русской истории. Тем самым он невольно включился в продолжавшийся на протяжении многих лет спор, связанный с пониманием значения казачества и его участия в народных выступлениях. Проблема эта была впервые поставлена декабристом В. Д. Сухоруковым, специально занимавшимся историей войска Донского и видевшего в казачестве своеобразную демократическую вольницу. Эту идею Сухоруков противопоставлял взглядам Карамзина, считавшего казаков разрушительным элементом.²⁴⁸ На сторону Карамзина по существу встал Соловьев. Отрицательно оценивая роль казачества в русской истории, он утверждал, что казаки — всего лишь «охотники погулять». Он видел в них людей, существовавших за счет государства и одновременно подтачивавших его устои. «Казачество усиливалось за счет государства, вытягивая из последнего служебные и производительные силы. Государство, усиленное при Петре личностью государя и нуждаясь в служебных производительных силах для собственных целей, не могло позволить казачеству похищать у себя эти силы», — писал Соловьев.²⁴⁹

Костомаров, отводя большое место народным движениям, в конечном счете усматривал в них лишь кровавые бунты. В его представлении восстание Болотникова подняло «кровавое знамя переворота русской земли вверх дном». При этом казачество представляется ему «не новым началом жизни», а «запоздалым, отцветшим», поскольку оно было «бессильно и бесцветно, чтобы проложить новый путь».²⁵⁰ В результате ни казаки, ни удельные и вечевые свободы, о которых столько толковал Костомаров, не могли породить ничего кроме эпохи Стеньки Разина — «кровавой, громкой, блестящей... и бесплодной, как метеор».²⁵¹ К тому же в монографии о Хмельницком Костомаров отвел видное место значению религии, рассматривая столкновение казаков с польскими

²⁴⁸ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. Л., 1958, с. 368—372.

²⁴⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. М., 1962, с. 197.

²⁵⁰ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. I. СПб., 1903, с. 411—412.

²⁵¹ Там же, с. 412.

панами, в значительной мере, как борьбу православия против католицизма. Это обстоятельство подметил Соловьев. В рецензии на книгу о Хмельницком он утверждал, что не сможет отрицать значения опеки православия при возникновении русской народности, при защите самостоятельности Московского государства в 1612 г., когда, по его словам, «восстание земли против иноземного владычества совершилось во имя религии... Во имя же религии совершилось и восстание Малой России и присоединение ее к Великой».²⁵² Соловьев усилил по сравнению с Костомаровым значение религиозного фактора в движении украинского народа. В его трактовке казачество и смогло одержать верх лишь тогда, когда Хмельницкий повел его на борьбу во имя веры. До этого, подчеркивает Соловьев, «казачество боролось во имя собственных интересов», не находило сочувствия у городов, враждовало с государством.²⁵³ В роли мудрого политика он представляет Алексея Михайловича, который наконец решился на соединение с казаками, рискуя поссориться с турками.²⁵⁴ Финал движения под руководством Хмельницкого Соловьев рассматривает как вынужденное подчинение казаков Москве, имевшей «знамя веры, которое раньше поднимали сами казаки».²⁵⁵ Соловьев рассматривал монографию Костомарова о Хмельницком в той же статье, в которой рецензировал книги М. О. Кояловича о Литовской церковной унии и А. П. Шапова о расколе старообрядцев. При этом он постарался всячески приглушить те места в книгах Костомарова и Шапова, которые содержали намеки на социальные столкновения в России, и представить их в виде борьбы за торжество православия. «Во всей Европе, как в восточной, так и в западной, XVI и XVII века ознаменованы религиозными движениями, религиозной борьбой, которая везде, и на Востоке и на Западе, имела одинаковые результаты — высвобождение народностей, высвобождение народных сил из-под сковывающего, мертвящего единства, которое хотел наложить на Европу католицизм».²⁵⁶

Другая попытка либеральной историографии смягчить остроту поднятых Костомаровым проблем связана с рецензией М. П. Устинова на его книгу о Разине.²⁵⁷ Рецензент признавал, что причиной восстания было «крайне плачевное положение народа». Но из рассуждений Костомарова, писал он, можно заключить, что «движение, поднятое Разиным», направлено было «собственно против единодержавной, царской власти», тогда как восстание Разина — «бунт, поднятый против бояр и других лиц, стоявших в управлении государства», но не против самодержавия.²⁵⁸

²⁵² Атеней, 1859, № 8, с. 394.

²⁵³ Там же, с. 414.

²⁵⁴ Там же, с. 413.

²⁵⁵ Там же, с. 414.

²⁵⁶ Там же, с. 394.

²⁵⁷ Библиотека для чтения, 1859, № 6, с. 1—19.

²⁵⁸ Там же, с. 2—3.

Иным был подход к работам Костомарова представителей демократического направления. Н. В. Шелгунов и И. А. Худяков использовали фактический материал из работы о Разине для популярных книг по русской истории, подчеркивая значение таких выступлений.²⁵⁹ Н. Г. Чернышевский напечатал в «Современнике» положительную рецензию на первое издание книги Костомарова о Хмельницком.²⁶⁰ Его одобрительный отзыв свидетельствовал о поддержке демократическим направлением полезного начинания — монографического исследования истории народных движений.

Работа Костомарова выглядела особенно своевременной на фоне продолжавшейся острой борьбы между сторонниками демократического направления и защитниками официально-охранительных и славянофильских идей. В ходе этой полемики историки-демократы в некоторых случаях считали возможным поддерживать авторов, выступавших с критикой реакционных историков и предпринимавших попытки создать работы, перекликавшиеся с их идеями. Поддержка, которую оказывал демократический лагерь Костомарову, не означала, что историки-демократы полностью принимали его взгляды. Они критиковали те положения, с которыми не соглашались. Подтверждением может служить опубликованная в 1859 г. в «Современнике» рецензия на 2-е издание «Богдана Хмельницкого» Костомарова. Автором рецензии был Г. З. Елисеев.²⁶¹ В ней обращалось внимание на то, что Костомаров преувеличил роль самого Хмельницкого и уделил недостаточное внимание роли народа в борьбе за освобождение Украины. Более критический тон рецензии Елисеева был свидетельством обострявшейся борьбы между демократическим и либеральным лагерями.²⁶² Сам Костомаров свое сотрудничество с демократическими кругами не считал близким. Во всяком случае еще в 1860 г. в письме М. П. Погодину он отрицал какое бы то ни было принципиальное сходство своих взглядов со взглядами редакции «Современника»: «По крайней мере не извольте втягивать меня в то, что писали Чернышевский и „Свисток“. Я сам по себе, они сами по себе... С „Современником“ у меня нет никакой чрезвычайной связи, я помещал там свои статьи, потому что мне хорошо платили, а писать для журнала как бы то ни было я никогда не буду — трудиться буду... для науки, более ни для чего другого».²⁶³

²⁵⁹ См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии, с. 83.

²⁶⁰ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1948, с. 701—102.

²⁶¹ Современник, 1859, № 12, с. 161—214.

²⁶² См.: Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии, с. 34—36.

²⁶³ Н. И. Костомаров — М. П. Погодину, 10 января 1860 г. ОР ГБЛ, ф. 231, разд. II, карт. 16, ед. хр. 77.

После выхода в свет третьего издания книги о Хмельницком на нее появилась рецензия в «Деле».²⁶⁴ Ее автор С. С. Окрейц писал, что в движении, о котором идет речь, главную роль играло не казачество, а «угнетенный народ», что национальный и религиозный элементы играли второстепенную роль. Движение под руководством Хмельницкого Окрейц называет «крестьянской войной», а самого гетмана — «почти невольным исполнителем».²⁶⁵

Критика монографии Костомарова на страницах «Дела» вызвала недовольство «Русского вестника», выступившего в защиту Костомарова.²⁶⁶

Костомаров при всех колебаниях на протяжении своей деятельности остался в рамках либерального направления. В 50—60-е гг. он представлял его левое крыло, впоследствии можно отметить сдвиг Костомарова вправо. Сознавая необходимость изучения кардинальных проблем, выдвинутых историками-демократами, Костомаров тем не менее не шел по намеченному им пути. Решения он искал при помощи эклектических построений, куда входили и отдельные элементы концепций, выдвинутых демократическим направлением. Но в сочетании с идеями, почерпнутыми у противников демократического лагеря, они зачастую утрачивали свою политическую заостренность. Так, выступая против самодержавного начала в русской истории, Костомаров противопоставил ему идею вечевого, федеративного начала. В понимании им этой проблемы чувствуются известные отголоски идей Герцена. Однако он тут же хватается за мысли, взятые у Аксакова. В известной мере Костомаров продолжил давний спор, начатый еще в среде декабристов сторонниками централизации и федерализма. Пестель выступал за централизацию, Н. М. Муравьев, М. С. Луин, Н. А. Бестужев, Н. И. Тургенев были ее противниками. Одобрительно писал о вечевых порядках Новгородской республики А. И. Герцен. Против их идеализации выступали В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский. Костомаров вновь возвращается к вопросу о преимуществах федералистского начала. Он пишет труд «Северно-русские народоправства со времен удельно-вечевого уклада», печатает текст лекции «О значении Великого Новгорода в русской истории».

В оценках, которые давал Костомаров ряду событий в русской истории, переплетались различные влияния. Характерным примером может служить его отношение к деятельности Ивана IV. В работах начала 60-х гг. Костомаров поддерживал трактовку личности Ивана IV, выдвинутую К. С. Аксаковым, хотя и с некоторыми отступлениями. В дальнейшем взгляд Костомарова изменяется. Он излагает свою новую трактовку в статье «Личность царя Ивана Васильевича» (1871). Не соглашаясь с теми,

²⁶⁴ Дело, 1870, № 6, с. 35—54.

²⁶⁵ Там же, с. 54.

²⁶⁶ Русский вестник, 1870, № 9, с. 358—360.

кто сравнивал Ивана IV с Петром I, Костомаров признает государственный ум у Петра и отрицает его наличие у Ивана. Он рисует Ивана IV как капризную, ничтожную, самовластную и жестокую личность. Имевшие место в XVI в. сношения с Европой были случайными, нисколько не зависели от воли Ивана и никак не влияли на народное благосостояние и образование. Не соглашался Костомаров и с мнением, будто Иван IV утвердил монархическое начало в России. Он считал, что Иван «утвердил начала деспотического произвола и рабского, бессмысленного страха и терпения». Во всех его поступках Костомаров находил отрипательные черты. Он полагал, что не было в XVI в. никакой боярской оппозиции, а преследования Ивана были жестоким и бессмысленным надругательством над всеобщей покорностью. «В политических понятиях Иван Васильевич вовсе не представляется умом, достигшим до уразумения самобытности государства в его неделимости и неподлежания его состава временным переменам правительства... Для царя Ивана государство не больше как вотчина».²⁶⁷

Усиление критического подхода к личности Ивана IV характерно для значительной части русских историков 60—70-х гг. XIX в., в том числе и представителей демократического направления. Однако между взглядами Костомарова и историков-демократов была существенная разница. Костомаров рисовал облик жестокой и ничтожной личности. В его работах лишь мелькает мысль о том, что деспотизм Ивана был обусловлен существовавшим на Руси государственным устройством. Историки же демократического направления выступали против самодержавия, а в Иване IV видели образец порожденного этим строем властителя.

Работы Костомарова отличаются от трудов других историков либерального направления постановкой новых проблем, связанных с анализом исторического развития России. Костомаров заявил о необходимости не только широко привлекать результаты географических и исторических исследований, но и пересматривать на их основе общие концепции истории России. Именно в этом духе была выдержана его лекция «Об отношении русской истории к географии и этнографии». Другие историки либерального направления не пошли по этому пути. Так, Соловьев, не обходя вопроса о влиянии географического фактора, ввел его в свою схему в качестве ее составной части.

Представляется, что некоторые идеи, выдвинутые Костомаровым, получили свое дальнейшее развитие у В. О. Ключевского, хотя тот и был учеником Соловьева. Тем не менее можно попытаться провести некоторое сопоставление работ Костомарова и Ключевского. Костомаров считал важной задачей изучение раз-

²⁶⁷ Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. — Вестник Европы, 1871, № 10.

вития народной духовной жизни, проникновение в глубину народной психологии. Ключевский дал в своем «Курсе» яркую психологическую характеристику великоросса. В его теории колонизации, в делении истории России на периоды по географическому принципу можно видеть не простое развитие положений Соловьева, но и ответ на призыв Костомарова пересмотреть отечественную историю с новых позиций. Когда Костомаров пишет «Очерк торговли Московского государства в начале XVII в.» (первоначально опубликованный в «Современнике»), он лишь расширяет круг вопросов, изучение которых позволяет полнее осветить жизнь народа. Для Ключевского торговые отношения — в определенные периоды истории России — важнейший фактор, определяющий развитие народа. Эти сопоставления не говорят о непосредственной связи между Костомаровым и Ключевским. Работы Костомарова скорее были ранней и более эмоциональной реакцией на внешние влияния, которым подверглось либеральное направление: и критику со стороны революционно-демократических сил, и идеи неокантианства, и работы Бокля. Ключевский пошел несравненно дальше Костомарова. Оставаясь на идеалистических позициях, он во многих случаях подошел к решению исторических проблем с позиций, близких к материалистическим, поставил ряд проблем социально-экономической истории. Ключевский работал в годы, когда развитие общественных наук уже определялось выступившим на историческую арену марксизмом, когда появились первые работы В. И. Ленина.²⁶⁸

Теоретические же искания Костомарова относились к более раннему времени, когда в русской исторической науке усилился интерес к экономической тематике, к истории материальной культуры и материального производства. Этот интерес к экономике в свою очередь был своеобразным продолжением темы, к постановке которой подошли декабристы, коснувшись ее в самых общих чертах. Во второй половине XIX в. разработка этой темы заметно усиливается.

* * *

Своеобразие исторических взглядов Костомарова, присущая им в начале 60-х гг. известная оппозиционность по отношению к русскому самодержавию встречали настороженное отношение со стороны умеренных либеральных кругов. И когда вышли тома «Истории России», посвященные XVII—XVIII вв., представители этих кругов увидели в них противовес костомаровским идеям. Выразителем подобных настроений был М. Де-Пуле. Рецензируя

²⁶⁸ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 430—431.

XIII—XVIII тома «Истории России», он противопоставлял Соловьева историкам, которые «вздыхают над вечевым народоправством», выдвигают на первый план «раскол и сильные народные движения». К таким историкам он явно относил Костомарова, а возможно, и Щапова. Соловьев импонировал Де-Пуле тем, что, не обойдя молчанием народные движения и другие острые проблемы, создал в целом картину, которая может быть с успехом противопоставлена сочинениям авторов, подчеркивающих роль социальных конфликтов в истории.²⁶⁹

В рамках либеральной историографии первой половины 60-х гг. XIX в. названные тома труда Соловьева действительно были явлением очень крупным. Особенно интересным был XIII том. Огромная первая глава этого тома — «Россия перед эпохой преобразований» — оценивается в советской историографии, как «одно из лучших научных произведений Соловьева», как «написанный на „одном дыхании“ обзор всего хода русской истории», особенность которого — «пристальное внимание к явлениям социального и экономического развития».²⁷⁰ К этому времени большое значение труда Соловьева уже стало очевидным. Это не значит, что современники оценили «Историю России» во всей полноте. Такая оценка была дана лишь много лет спустя. Но отклики тех лет, как мы видели, отчетливо выявили реакцию представителей различных направлений на труд Соловьева.

Либеральные историки приветствовали обоснование закономерности реформ, сочетавшееся с отрицанием возможности революционных преобразований. Они подчеркивали, что у Соловьева реформа Петра I — «переворот, совершенный самим правительством».²⁷¹

Среди охранителей также наметился поворот в сторону положительной оценки Соловьева. Одобрительно отозвался о XIV—XVIII томах «Истории России» П. К. Щербальский, подчеркнувший «чрезвычайно верный политический такт», присущий автору.²⁷² Однако под влиянием революционно-демократической критики проскальзывали и другие замечания. Так, О. Ф. Миллер писал, что Соловьев «берет только внешние формы государства», поскольку для него «народ был ничтожеством».²⁷³ Он считал, что Соловьев не сумел показать причины возникновения «разбоев». «С Разиным-то разделались, но дух его долго жил в разбойниках, и правительство не могло его выкурить, несмотря на постоянное желание уничтожить его», — писал Миллер. По его мнению, причины восстаний «от бунта Стеньки Разина до бунта Пугачева» были одни и те же, и указывал, в частности, на не-

²⁶⁹ Санкт-Петербургские ведомости, 1869, № 16, 23.

²⁷⁰ Сахаров А. М. История России в трудах С. М. Соловьева. — Вестник Московского университета, 1971, № 3, с. 82.

²⁷¹ Голос, 1863, № 280, 23 октября.

²⁷² Русский вестник, 1867, № 11, с. 295—296.

²⁷³ Библиотека для чтения, 1863, № 11, с. 22.

оцененное Соловьевым угнетение крестьян помещиками.²⁷⁴ Точно так же указания на расхождения между замыслами Петра I и интересами народа в рецензиях на тома, посвященные реформам начала XVIII в., были отражением революционно-демократической трактовки истории в трудах либеральных авторов.²⁷⁵

На страницах «Современника» XIII том «Истории России» рассматривался как серьезный аргумент против славянофилов, идеализировавших древнюю Русь, древнерусские думы и соборы.²⁷⁶ Более резко, чем в других рецензиях, ставился вопрос о необходимости связать возникновение казачества с тяготами крепостного права.²⁷⁷

Следует отметить, что с начала 60-х гг. в либеральной историографии намечается тенденция к публикации довольно однообразных рецензий на выходившие ежегодно тома «Истории России». В них преобладает пересказ содержания, резко сокращается количество критических замечаний. Что же касается демократического направления, то его представители успешно использовали фактический материал Соловьева для обличения истории самодержавия. С рецензиями на последующие тома «Истории России» выступили Н. В. Шелгунов²⁷⁸ и С. С. Шашков.²⁷⁹

В специальных исследованиях, посвященных значению работ С. М. Соловьева, всесторонне освещается огромная роль его многолетнего труда в развитии русской исторической науки.²⁸⁰ В них отмечается влияние идей Соловьева на развитие различных направлений и школ, обращается внимание на вклад, внесенный в русскую историческую науку его оппонентами.²⁸¹ Здесь мы попытались лишь расширить представления о тех идеях, которые возникли в ходе споров, порожденных выходом «Истории России», о связи этих споров с выступлениями представителей революционно-демократического направления.

²⁷⁴ Там же, с. 29—30, 31.

²⁷⁵ Вестник Европы, 1867, № 3, с. 5—6.

²⁷⁶ Современник, 1863, № 11, с. 15.

²⁷⁷ Там же, с. 20—25, 38.

²⁷⁸ Русское слово, 1864, № 4 (рецензия на XIII том).

²⁷⁹ Дело, 1870, № 5 (рецензия на XV—XIX тома); Дело, 1873, № 12 (рецензия на XV, XVI, XVIII, XX, XXII тома). Подробнее см.: Ц а м у т а л и А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х гг. XIX в. Л., 1971.

²⁸⁰ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения СССР. М.—Л., 1963, с. 76—86; Черепнин Л. В. С. М. Соловьев как историк. — В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959, с. 5—51; Сахаров А. М. История России в трудах С. М. Соловьева, с. 73—87.

²⁸¹ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии, с. 81—86.

1. Б. Н. Чичерин и окончательное оформление концепций государственной школы

Важную роль в окончательном оформлении концепций государственной школы сыграл Борис Николаевич Чичерин (1828 — 1904). Большое значение исторических трудов Чичерина отмечалось в дореволюционной литературе, но за исключением статей в энциклопедических словарях ни одной работы, специально посвященной разбору его исторических взглядов, так и не появилось. Но труды Чичерина не раз становились предметом дискуссий, анализировались они и в работах, посвященных русской историографии второй половины XIX в.¹ М. О. Коялович в своей книге² «решительно осуждал исторические построения таких либеральных историков, как К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, в которых усматривал измену национальным принципам в изучении истории России».³ С иных позиций подошел к оценке Чичерина П. Н. Миллюков. В статье, посвященной юридической школе в русской историографии, он остановился на роли Чичерина в разработке общей концепции этой школы, особо отметив обоснование взгляда о господстве в допетровской Руси частного права в статье Чичерина о духовных и договорных грамотах великих и удельных князей.⁴ Но Миллюков характеризовал роль Чичерина в оформлении концепций государственной школы вне связи с его общественно-политическими взглядами.

Серьезное изучение исторических и общественно-политических взглядов Чичерина было начато советскими историками, которые, исследуя его деятельность, исходили из ленинской оценки

¹ Обзор дореволюционной литературы о Б. Н. Чичерине см.: Г у л ь б и н с к и й И. Борис Николаевич Чичерин. — Библиографические известия, 1914, № 1—2, с. 119—143.

² К о я л о в и ч М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Изд. 3-е. СПб., 1901.

³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960, с. 572—573.

⁴ М и л л ю к о в П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьев, Кавелин, Чичерин, Сергеевич). — Русская мысль, 1886, № 6, с. 86—87.

русского либерализма. В. И. Ленин, уделивший большое внимание анализу основных черт русского либерализма, коснулся и непосредственно взглядов Чичерина. Высказывания Чичерина в его записке, поданной Д. А. Милютину после 1 марта 1881 г., в частности слова о необходимости сильной монархической власти, способной «показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени пред угрозой», были приведены В. И. Лениным в его труде «Гонители земства и Аннибалы либерализма» как образец монархических устремлений русского помещичье-буржуазного либерализма.⁵

«Главный литературный противник русского социализма во второй половине XIX столетия — своего рода анти-Чернышевский и анти-Лавров», — писал о Чичерине М. Н. Покровский. При этом он подчеркивал, что «если его (Чичерина, — А. Ц.) полемика с социалистами читалась мало», то «его исторические и юридические теории пользовались величайшим кредитом и почетом в известных кругах еще в 90-х годах прошлого столетия».⁶ Покровский, характеризуя Чичерина, отмечал, что «лично это был безукоризненно честный человек, вовсе не карьерист и не наемное перо».⁷ Указывая на прямую связь между историческими сочинениями Чичерина и программой русского либерализма, Покровский писал: «Для деловой части дворянства, ведшей реформу, вопрос был в том, чтобы заставить крестьян выкупить свою свободу — под видом выкупа земли, притом так, чтобы в руках помещиков остался порядочный капитал, а крестьяне не были обеспечены землей настолько, чтобы не нуждаться в заработках, которые могла дать барская экономия... Людям калибра Чичерина дело было еще более ясно: насилие над многомиллионной крестьянской массой могло стоить головы... Для того чтобы реформа „благополучно“, с точки зрения помещиков, дошла до конца, нужна была диктатура: всякое нарушение монополии власти в этом деле грозило бесчисленными опасностями». Указывая на связь политических взглядов Чичерина с его историческими сочинениями, Покровский подчеркнул стремление Чичерина максимально подчинить свою историческую концепцию обоснованию программы либеральных реформ: «Пером Чичерина водило вовсе не „доктринство“, в котором упрекал его Герцен, а здоровый классовый инстинкт помещика, желавшего реформы, — но именно „реформы“, т. е. ограбления крестьян, а отнюдь не „падения крепостного права“ революционным путем. Теперь перенесите все эти чаяния и опасения в историческую плоскость. Человек, в данную минуту все строивший на силе правительственной власти (по его отвлеченной терминологии, на

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 55.

⁶ Покровский М. Н. Откуда взялась неклассовая теория развития русского самодержавия. — В кн.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. I. М.—Л., 1933, с. 173.

⁷ Там же, с. 177.

силе «государства»), став историком, должен был для успокоения себя и своего класса искать доказательство этой силы в слабости „сословий“, особенно крестьянства. И, смазав Смутное время, позабыв о разинщине и пугачевщине, о них, кстати, и цензура не позволяла вспоминать, — он без труда их находит: крестьян вот закрепили „без сильных потрясений“ — стало быть, удастся и „освободить“ их так же. „Сословия у нас слабы, а власть сильна“. К тому же „на стороне государства было (и есть) право“. Кто же может ему противиться?». ⁸ «Философия истории тамбовского помещика» — вот, по мнению Покровского, краткая формула чичеринской теории «закрепощения и раскрепощения сословия», теории, в которой Покровский видел одновременно и «зачаточную форму» «внеклассовой теории развития русского самодержавия». Подчеркивая значение выдвинутой Чичериным схемы, он писал: «Если бы теория Чичерина отвечала только интересам известной части русских помещиков перед 1861 г., она потеряла бы интерес одновременно с осуществлением „крестьянской реформы“. Между тем мы встречаем ее долго спустя. Живущее поколение и знает ее не из Чичерина, а из Ключевского». ⁹ Покровский отмечал влияние гегельянских идей на Чичерина. По его словам, «русская история испытала колоссальное влияние Гегеля через Чичерина и Соловьева». ¹⁰ Таким образом, он пытается раскрыть классовую природу исторических построений Чичерина, связь его исторической концепции с философией Гегеля.

В работах Покровского содержалась самая общая характеристика исторических взглядов Чичерина. Более обстоятельно значение его трудов по русской истории и роль в деятельности государственной школы освещены Н. Л. Рубинштейном в рамках общего курса русской историографии. ¹¹ Дальнейшее изучение исторических взглядов Чичерина связано с работами В. Е. Иллерицкого. ¹²

Исторические взгляды Чичерина и его общественно-политическая деятельность рассматривались советскими историками и в отдельных работах, посвященных как историографии, так и истории общественной мысли. Интересные наблюдения, касающиеся его трудов в связи с историографией крепостного права, содержатся в статье С. М. Каштанова. ¹³ Эволюция общественно-полити-

⁸ Там же, с. 178—179.

⁹ Там же, с. 179.

¹⁰ Там же, вып. II, с. 100.

¹¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

¹² Иллерицкий В. Е. О государственной школе в русской историографии. — Вопросы истории, 1959, № 5, с. 141—159; Очерки истории исторической науки в СССР, Т. II, с. 104—113; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971, с. 257—262.

¹³ Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России. — В кн.: История и историки. Историография истории СССР. М., 1965, с. 279—283.

ческих и исторических взглядов Чичерина в 50—60-е гг. XIX в. рассматривается в статье Г. Б. Кизельштейна¹⁴ и в монографиях Н. Г. Сладкевича,¹⁵ В. А. Китаева¹⁶ и Ш. М. Левина,¹⁷ в которых рассматривается общественная жизнь России второй половины XIX в. и место, которое занимал в ней либерализм.

Здесь мы попытаемся дополнить общую характеристику исторических взглядов Чичерина и осветить его взаимоотношения с другими представителями государственной школы, прежде всего с Кавелиным, в самом начале его научной и общественной деятельности.

В «Очерках истории исторической науки в СССР» дается обстоятельная характеристика исторических и общественно-политических взглядов Чичерина, определяется его место среди историков государственной школы. Соответствующий раздел и начинается со слов о том, что «государственная, или юридическая, школа в русской историографии окончательно сложилась во второй половине 50-х гг. прошлого века, когда ее коренные принципы были отчетливо сформулированы в трудах главы этой школы и ее основного теоретика Б. Н. Чичерина».¹⁸ Отмечается, что «роль Чичерина в историографии заключается не столько в разработке им конкретных вопросов русской истории, сколько в теоретическом обосновании основных положений государственной школы».¹⁹ Именно это было главной чертой Чичерина как историка, проявившейся уже на раннем этапе его деятельности, хотя его первые работы, особенно магистерская диссертация «Областные учреждения в России XVII в.», содержали не только теоретические рассуждения, но и попытки обработки большого фактического материала.

Чичерин вступил в науку со сложившимися научными и общественно-политическими взглядами, имевшими свои особенности. Некоторые из них получили в дальнейшем большее развитие, другие — меньшее. На отдельных сторонах взглядов Чичерина в ранний период и на отношении к нему со стороны его коллег следует остановиться подробнее. Происхождение Чичерина несомненно оказало немалое влияние на формирование его мировоззрения. Выходец из старинного дворянского рода, он был тесно связан с помещичьей средой, с той ее интеллигентной частью, которая сознавала необходимость изменений в общественном

¹⁴ Кизельштейн Г. Б. К эволюции историко-политических взглядов Б. Н. Чичерина. — Там же, с. 429—439.

¹⁵ Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х—начале 60-х гг. XIX в. Л., 1969.

¹⁶ Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х гг. XIX в. М., 1972.

¹⁷ Левин Ш. М. Крымская война и русское общество. — В кн.: Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX—начало XX в. Л., 1974.

¹⁸ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 103.

¹⁹ Там же, с. 112.

строе России, но хотела провести их в рамках самодержавного государства. До поступления в университет Чичерин почти безвыездно жил в Тамбовской губернии. Переехав в Москву в связи с намерением поступить в Московский университет, Чичерин через Н. Ф. Павлова познакомился с А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым, С. П. Шевыревым, Т. Н. Грановским. Он стал свидетелем споров между славянофилами и западниками. Наибольшее впечатление на Чичерина произвел Грановский. По его совету Чичерин поступил не на филологический факультет, как сначала собирался, а на юридический. В университете он слушал лекции Кавелина, Редкина, Крылова и других профессоров. После окончания в 1849 г. университета Чичерин возвратился в тамбовское имение и стал готовиться к экзамену на степень магистра государственного права.

Он усиленно занимается греческим языком, читает в подлиннике Платона и Аристотеля, усердно изучает философию Гегеля, воздействие которой на его взгляды окажется очень сильным. В конце 1851 г. Чичерин сдал магистерский экзамен и в течение полутора лет собирал материалы для диссертации. Эта работа завершилась в 1853 г. написанием труда «Областные учреждения в России в XVII в.».

Обычно магистерские диссертации вскоре после их подготовки выходили в свет в виде книг. Однако с работой Чичерина обстоятельства сложились иначе. Она была опубликована лишь спустя три года — в 1856 г., так как в 1853 г. факультет отказался ее принять. Декан юридического факультета объяснил отказ тем, что в диссертации «древняя администрация России представлена была в слишком непривлекательном виде». По совету Грановского Чичерин поехал в Петербург в надежде представить диссертацию в Петербургский университет. Однако продолжительные хлопоты окончились неудачей, и он возвратился в Москву. Зато в Петербурге Чичерин познакомился с П. В. Анненковым, И. И. Панаевым, И. С. Тургеневым. Тогда же у него установились более близкие отношения с Кавелиным. Несколько лет Чичерин проводит, предаваясь, по его словам, светской жизни, «не давшей чувствовать гнетущей сердечной и умственной пустоты».

Отказ принять к защите диссертацию Чичерина — показатель охранительных тенденций в конце царствования Николая I. Руководство юридического факультета, видимо, боялось, как бы сочинение, представляющее в непривлекательном виде древнюю русскую администрацию, не восприняли в качестве намека на несовершенство государственных и общественных порядков николаевской России. Работа, в которой со всей очевидностью обосновывалась историческая необходимость самодержавного государства в России, вызвала у сторонников этого государства опасения и оказалась отвергнутой.

Но через два года обстоятельства изменились. В связи с поражением в Крымской войне в различных слоях русского общества

поднимается волна недовольства николаевскими порядками. Заметную роль в либеральных кругах начинает играть в это время и Чичерин. У него складываются все более тесные отношения с Кавелиным. Их связывает не только общность научных интересов,²⁰ но и близость в оценке общественно-политических событий. Публицистическая деятельность Чичерина началась вскоре после неудачных попыток защитить магистерскую диссертацию статьей-брошюрой «Восточный вопрос с русской точки зрения».²¹ Как вспоминал впоследствии Чичерин, Кавелин, приехавший в январе 1855 года на празднование 100-летия Московского университета, пожаловался на невыносимое положение, при котором дальше «нельзя оставаться», на невозможность что-либо печатать, и объявил о своем решении «завести рукописную литературу, которая сама собой будет ходить по рукам». «С этим предложением, — писал Чичерин, — он к первому обратился ко мне, надеясь найти во мне сотрудника. Я с жадностью ухватился за эту мысль, которая давала исход моим либеральным убеждениям и моему стремлению к деятельности».²² Ш. М. Левин, изложив по воспоминаниям Чичерина обстоятельства, при которых тот взялся за написание брошюры «Восточный вопрос с русской точки зрения», замечал, что «рукописная литература к тому моменту фактически уже существовала, так как „Политические письма“ Погодина писались не только для власть имущих, но и для публики и в публике распространялись». Вместе с тем он отмечал, что в предложении Кавелина «уже была речь о литературе специально для общества, литературе происхождения конспиративного (имена авторов старательно скрывались), литературе более сознательно и более последовательно оппозиционной».²³ Названная статья-брошюра была, по свидетельству Чичерина, закончена до получения в Москве известия о смерти Николая I. Кавелин был ею «очень доволен», хотя и заметил, как вспоминает Чичерин, что «с новым царствованием надобно писать другим тоном, более мягким и уважительным в отношении к правительству» (с чем соглашался и сам Чичерин). «Очень доволен был статьей», по утверждению Чичерина, и Грановский, не знавший, кто является ее автором. Статья, по словам Чичерина, «была сообщена и сла-

²⁰ Кавелин всячески помогал Чичерину в начале его научной деятельности, способствовал его знакомству с другими историками. Сохранилось, в частности, письмо Кавелина к И. Е. Забелину, которое должен был передать Чичерин, рекомендованный в этом письме «с наилучшей стороны». (ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 35, л. 24 об.).

²¹ Современники считали автором «Восточного вопроса с русской точки зрения» Т. Н. Грановского. См.: Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 323.

²² Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. Вступит. статья и примеч. С. В. Бахрушина. М., 1929, с. 153.

²³ Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 324.

вянофильскому кружку». Однако Хомяков «объявил, что она, очевидно, написана в противоположном лагере, а поэтому распространять ее не следует».

Все, что известно о происхождении брошюры и об отношении к ней, по мнению Левина, позволяет смотреть на нее, «как на произведение, более или менее точно (в основном его содержании) выражающее позицию либерально-западнических кругов по вопросам внешней и в значительной мере внутренней политики России в период Крымской войны, в конце царствования Николая I». Далее Левин дает следующую характеристику общественно-политических взглядов Чичерина того времени: «Чичерин, который в ближайшие после того годы стал обособляться в некоторых отношениях в либеральном лагере и со временем превратился в своеобразного либерала-консерватора (впоследствии он прямо признавал себя консерватором), в тот момент мог почитаться еще правоверным и даже, пожалуй, сравнительно „левым“ либералом-западником».²⁴ Подтверждением этой оценки служит и общий тон «Восточного вопроса с русской точки зрения». Статья начинается с рассуждений о характере и смысле происходящей Крымской (Восточной) войны. Чичерин опровергает утверждения правительства о том, что оно ведет «священную войну», выступив на защиту прав единоверцев и христианской церкви. Полемизируя не только с правительством, но и со славянофилами, подхватившими идею о крестовом походе против мусульман, Чичерин писал, что «век крестовых походов прошел: в наше время никто не подвинется на защиту гроба господня... Ключи Вифлеемского храма служат предлогом для достижения вещей политических». Разговоры о посрамлении западных держав союзом с турками, по его мнению, — «политическая уловка, которая никого не обманет». Чичерин не только высказывал свое недоверие официальным мотивам и целям войны. Он находил их несовместимыми с внутренним строем Российской империи. Чичерин писал, что если Турция и не вызывает сочувствия, то не из-за магометанства, а потому, что ее политическое устройство ведет к угнетению подвластного народа. Тут же он спрашивал: «Но неужели мы пойдем на освобождение угнетенных в Турции, когда у нас у самих все общественное устройство основано на том же начале, тогда как наша же Польша страдает под бременем ненавистного ига?». И добавлял, что «мы в Турции никогда не являлись либералами, напротив, мы всегда были против всех реформ, сделанных в последнее время турецкими султанами». Чичерин полагал, что Россия могла бы привлечь славян в Турции на свою сторону, подняв революционное знамя. Но для этого, замечал он, ей нужно было носить революционное начало в самой себе, и к тому же самой обновиться с головы до ног, преобразовать все общественные учреждения, освободить Польшу, отказаться от своего прошлого

²⁴ Там же, с. 324—325.

и пойти по совершенно новой дороге. В возможность такого внезапного изменения «коренных начал» русской государственной жизни Чичерин не верил. Его статья признавала несостоятельность николаевской внешней политики. Она порицала внутреннюю административную систему, ставила в прямую связь материальную слабость России, крепостнические порядки и отсутствие в стране всякой свободы. Чичерин писал, что опасается победы России, потому что она способна лишь упрочить существующий режим. Он уповал на то, что военные неудачи окажут благотворное влияние на внутреннее развитие страны.²⁵

Вскоре Чичерин берется за записку, озаглавленную «Современные задачи русской жизни», систематически излагавшую основные пункты либеральной программы середины 50-х гг. XIX в. В ней ставился вопрос о крестьянской реформе и о некоторых административных преобразованиях при сохранении самодержавия. Изложению этой программы в записке предшествовал «беглый взгляд на русскую историю», содержащий рассуждения о природе государства и государственной власти, о взаимоотношениях правительства и народа. По мнению Чичерина, «правительство и народ — это два основных элемента, из которых складывается общество». Каждый из них имеет «свое назначение» и должен «иметь надлежащую самостоятельность». «Народ составляет государственное тело, а правительство есть глава и распорядитель».

В этих рассуждениях, содержащихся в «беглом взгляде на русскую историю», казалось, подчеркивалось первостепенное значение народа, указывалось на то, что правительство должно ему служить: «Народ живет как самобытная цель, и для него устанавливается и само правительство, которое не имеет другого значения, как содействовать народному благу. Народ есть само общество, для пользы которого и существуют все государственные учреждения. Каким же образом лишить его участия в собственном деле?»²⁶ Далее он указывает, что в России оказалось серьезно нарушенным равновесие между народом и правительством. В течение столетий народ, по его словам, «слепо повиновался» правительству, которое на протяжении всей истории «не встречало себе в народе опасных преград», постепенно достигло невиданной силы: «Огромное войско, покорное единому ему мановению, огромная бюрократия, которая распространяется по всем концам русской земли и всюду приводит в исполнение исходящие из центра меры и распоряжения, всеобщая безропотная покорность, к которой приучили нас века прошедшей истории, — все это делает власть правительства безграничною и безусловною».²⁷ И тут же отмечается, что сила правительства переходит

²⁵ Цит. по: Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 325.

²⁶ Чичерин Б. Н. Современные задачи русской жизни. — В кн.: Голоса из России, кн. IV, Лондон, 1858, с. 68—70.

²⁷ Там же, с. 66.

в его же слабость, поскольку преобладание правительственного элемента над народным «никогда не обходится даром».²⁸ Чичерин полагал, что когда один из элементов общества берет «слишком сильный перевес над другим, так немедленно в обществе чувствуется реакция и начинается обратный ход истории для восстановления необходимого равновесия».²⁹ Спасение России от этих бед он видел в осуществлении либеральной программы. Либерализм, в его представлении, — «знамя, которое может соединить вокруг себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений». Призывая идти по этому пути, Чичерин писал: «В либерализме вся будущность России. Да столпятся вокруг этого знамени и правительство и народ, с доверием друг к другу».³⁰ И далее он спешил объяснить, что понимает под либерализмом. Поскольку «свобода — слово неопределенное», Чичерин выступал за свободу ограниченную и по пунктам излагал эти «свободы»: 1) свобода совести, 2) свобода от крепостного состояния, 3) свобода общественного мнения, 4) свобода книгопечатания, 5) свобода преподавания, 6) публичность всех правительственных действий и прежде всего бюджета, 7) публичность и гласность судопроизводства.³¹

Одним из важнейших требований программы, выдвинутой Чичериным, было уничтожение крепостного права. Об этом он писал не только в записке «Современные задачи русской жизни». Необходимость отмены крепостного права была обстоятельно обоснована им в специальной записке, озаглавленной «О крепостном состоянии».³² В ней, ссылаясь на опыт Крымской войны, Чичерин писал, что крепостное право не дает России возможности идти в ногу с европейскими странами, что крепостные порядки сковывают инициативу русского народа.³³ Обращаясь к истории, он напоминал о выступлениях против крепостничества, отмечая, что, «пока есть элементы восстания, кто знает, не могут ли возобновиться пугачевские времена?... Чем более мы будем медлить, тем отношения двух сословий станут хуже и хуже, и кто может предвидеть, чем все это кончится?».³⁴

Начало научной и публицистической деятельности Чичерина пришлось на время, когда в обстановке назревшей первой революционной ситуации в России противоречия между либеральными и демократическими деятелями чрезвычайно обострились и продолжали углубляться. Становятся почти невозможными имев-

²⁸ Там же, с. 67, 71.

²⁹ Там же, с. 71.

³⁰ Там же, с. 111—112.

³¹ Там же, с. 112—125.

³² Чичерин Б. Н. О крепостном состоянии. — В кн.: Голоса из России, кн. II, вып. I. Лондон, 1856. Записка не имеет даты. Ш. М. Левин считает, что ее написание можно приурочить «к 1855 г., вероятнее всего — к концу его; не исключено, что она дописывалась в начале 1856 г.» (Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 365).

³³ Чичерин Б. Н. О крепостном состоянии, с. 138—139.

³⁴ Там же, с. 170—171.

шие место в прошлом случаи совместных выступлений против охранителей и славянофилов. В общественно-политической и в научной областях намечается сближение историков либерального направления со славянофилами и сторонниками официального направления. В среде либералов утверждается непримиримое отношение не только к взглядам представителей демократического лагеря, но и к ним самим, особенно к Чернышевскому. В этом отношении молодое поколение либералов, тех, кто начинал свою деятельность во второй половине 50-х гг. XIX в., выступало особенно резко. Чичерин, будучи непримиримым противником Чернышевского, выступал не только гораздо резче Кавелина против взглядов Чернышевского, который, по его словам, «явно проповедовал социалистические теории», но с нескрываемой враждебностью относился и к нему самому. «Он был в это время, — писал Чичерин, — на вершине своей популярности и выступал перед публикой с самыми наглыми выступлениями».³⁵

Отношение Кавелина к Чернышевскому было несколько иным. Они находились в различных политических лагерях, между ними лежала пропасть, разделявшая либерализм и революционный демократизм. Впоследствии, ослепленный политическими расхождениями, Кавелин напишет по поводу ареста Чернышевского, что он не кажется ему «возмутительным». Тогда же он напишет и А. И. Герцену: «Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брульона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видел. И было бы за что погибать!».³⁶ По поводу этих слов Кавелина В. И. Ленин (располагавший немецким переводом переписки и сделавший обратный перевод) писал: «Вот образчик профессорско-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку».³⁷

Однако в 50-е гг. XIX в. отношение Кавелина к Чернышевскому не было еще столь враждебным. 7 июня 1857 г. Кавелин писал Каткову: «Что же касается Чернышевского, то я его знаю близко... и могу Вас уверить самым положительным образом, что он не заслуживает названия человека без убеждений, он безупречен и заслуживает полного глубокого уважения и сочувствия. Это один из лучших людей, пользующийся большим влиянием и имеющих горячих сторонников».³⁸ Чичерин был более прямолинеен. Это обстоятельство способствовало тому, что именно он стал в пореформенный период главой государственной школы, подчинив

³⁵ Чичерин Б. Н. Воспоминания, с. 22.

³⁶ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892, с. 82.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 33.

³⁸ К. Д. Кавелин — М. Н. Каткову, 7 июня 1857 г. ОР ГБЛ, ф. 120, карт. 40, ед. хр. 18, л. 28.

«теоретические принципы государственной школы задаче исторического обоснования политической программы помещичье-буржуазного либерализма».³⁹

В 1856 г. книга «Областные учреждения России в XVII в.» вышла в свет и стала важным событием в развитии исторической науки в России. Она содержала обстоятельную сводку сведений, касавшихся избранной темы и извлеченных автором из самых разнообразных источников. Чичерин, указав, что главными источниками для него служили «Полное собрание законов» и «Акты», изданные Археографической комиссией, писал: «Я старался исчерпать их возможно полным образом, так, чтобы мое рассуждение составило по крайней мере такое собрание материалов, которым могли бы воспользоваться будущие исследователи по истории Русского права». Отметив обилие материала, Чичерин напоминал, что «разнообразие учреждений было так велико, «что, несмотря на богатство источников, остается много пробелов и много нерешенных вопросов. . . каждое новое издание актов прибавляет новые факты к доселе изданным материалам. . . со временем, вероятно, много отыщется и других». Полагая невозможным представить полную картину областных учреждений XVII в., он, однако, считал, что собранных им сведений достаточно для того, «чтобы понять существенный их характер; а это главное для уразумения законов развития нашей истории».⁴⁰

Тем самым Чичерин давал понять, что он отнюдь не ограничивает значение своей книги сводкой фактов. Его стремление «уразуметь законы развития нашей истории» подчеркивалось тем, что «Введение» к книге содержало изложенный в сжатом виде обзор исторического развития России с древнейших времен до XVII в., являвшегося главным предметом изучения автора.

В речи на диспуте при защите диссертации, речи, имеющей самостоятельный интерес, Чичерин охарактеризовал XVII век как «один из самых любопытных периодов русской истории». Он говорил, что этот век «стоит на рубеже между тем, что обыкновенно называют старой Русью, и новой, между исключительно национальным развитием и перенесением на отечественную почву Европейского образования». В XVII в., полагал Чичерин, «вполне высказалась старая Россия, после страшного напряжения сил в эпоху междоусобия она показала на деле все, что она могла произвести собственными средствами». В нем перемежаются и «следы отживших учреждений», «и усилия, часто напрасные, установить лучший порядок», «и вопросы, на которые ответ был еще впереди». В этом веке он видел «смесь разнородных элементов, столкновение старого с новым, прошедшего с будущим».⁴¹

³⁹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 104.

⁴⁰ Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII в. М., 1856, с. 3.

⁴¹ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858, с. 376.

Такая оценка XVII века была характерна для многих современников Чичерина, внимание которых было обращено на остатки прошлого в виде крепостного права и на проекты преобразований. Избранная Чичериным тема получила широкий отклик, так как звучала весьма актуально. Он привлекал внимание историков к изучению кануна реформ начала XVIII в. Чичерин чутко уловил, что наступает время, когда историки, занимавшиеся главным образом средневековой Русью, обратятся к истории петровских преобразований.

Основная идея магистерской диссертации Чичерина — теория главенствующей роли государства в истории России. Он сам подчеркнул это в речи, произнесенной на диспуте: «Образование государства — вот поворотная точка русской истории. Отсюда она неудержимым потоком, в стройном развитии движется до нашего времени. Направления более или менее изменяются, встречаются и отклонения в сторону, но общий характер движения один».⁴² Эти слова Чичерин произносил в то время, когда шли споры о том, как более полно представить историю России, выдвигались настойчивые требования обратиться к истории народа. В первых томах «Истории России с древнейших времен» Соловьев, оставляя в центре внимания историю государства, вводил в число наиболее важных факторов, определяющих историческое развитие, фактор географический, а в какой-то мере и этнографический. Кавелин исследовал область историко-правовых понятий, но оговаривался, что ими одними не исчерпывается содержание истории. Чичерин прямо провозглашает необходимость твердо следовать изучению прежде всего истории государства. Одновременно он указывает и на прямую связь истории с современностью. Упомянув о преемственности между различными этапами исторического развития, он пишет: «Каждая позднейшая эпоха является последовательным развитием предыдущей, представляет ответ на сделанный ею вопрос». Что же связывает их между собой? На это Чичерин отвечает совершенно определенно: «Все они имеют одну цель, одну задачу — устройство государства». Именно в этом «главная характерная черта русской истории с XV в.»⁴³ Далее он отмечает «другую» черту изучаемого им периода. Она состоит, по его мнению, в том, «что государство организовалось сверху, действием правительства, а не самостоятельными усилиями граждан». Но в роли «правительства» в России выступала сначала великокняжеская, а затем царская власть.

Кавелин написал о книге Чичерина положительный отзыв, хотя он и содержал некоторые возражения. В нашей литературе уже отмечалась «деятельная поддержка, которую оказывали Чичерину, как молодому ученому, Соловьев и особенно Кавелин».⁴⁴

⁴² Там же, с. 380.

⁴³ Там же, с. 380—381.

⁴⁴ Очерки истории исторической науки, т. II, с. 108.

Вместе с тем В. А. Китаев, которого специально интересовали расхождения между Кавелиным и Чичериным по вопросу о централизации, особенно остро выявившиеся в 1857 г., подчеркивает, что «Кавелин с самого начала неодобрительно отнесся к гуверnementалистским увлечениям Чичерина». Он обращает внимание на то, «что уже в рецензии на „Областные учреждения в России в XVII в.“ («Отечественные записки», 1856, № 12) он, признавая факт „очень деятельного“ участия русского государства в образовании сословий, считал совершенно необоснованной попытку Чичерина вывести сословные и общественные начала из деятельности государства».⁴⁵ Китаев приводит слова Кавелина: «Элементы, данные для того и другого, были уже налицо, готовы, и государство только воспользовалось ими для своих целей».⁴⁶ Противоречия здесь нет. В дополнение можно указать еще на несколько возражений Кавелина.

Кавелин не соглашался с Чичериным, что «система повинностей», т. е. требования государства от всех сословий различного рода служб и работ, представляет собой «историческое начало» и является характерной чертой какой-то эпохи государственного и общественного быта. Он считал, что такие отношения присущи всем народам, находящимся на очень низкой ступени экономического развития. Кавелин пытается выйти за рамки сугубо юридических институтов и понятий. Говоря о «системе повинностей» как порождении слабости экономического развития, он полагает, что она имеет место тогда, когда «в народе не утвердилось еще понятие о преимуществе наемного и договорного труда перед обязательным и даровым», когда «труд не имеет цены, другими словами, что промыслы почти не существуют, а деньги — великая редкость, что правительство еще не рассчитало, что для него самого во всех отношениях выгоднее требовать вместо личной службы взносы денег и на эти деньги нанимать и заказывать по вольным ценам все, что нужно»,⁴⁷ и приходит к выводу, что «система повинностей» — не историческое начало, а просто нерасчет.

Эти мысли Кавелина заслуживают особого внимания. В них редкая для исторических работ того времени, в том числе и работ самого Кавелина, попытка ввести в объяснение исторических явлений элемент экономической жизни и, основываясь на нем, определить степень развития отношений юридических. У Кавелина звучит некоторое недоверие к апологетическому отношению Чичерина к государству. Это недоверие заставляет Кавелина, историка права, стремившегося держаться в рамках историко-юридических понятий и весьма осторожно привлекавшего к исследованию лишь географический и этнографический материал, обратиться к рассмотрению роли экономического фактора. Более

⁴⁵ Китаев В. А. От фронды к охранительству, с. 94.

⁴⁶ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 552.

⁴⁷ Там же, стлб. 544—545.

того, он рассуждает о разных ступенях экономического развития и отдает предпочтение более развитой, в чем можно усмотреть намеки на понимание превосходства товарно-денежных отношений над натуральным хозяйством, превосходства отношений буржуазных над более ранними (которые мы бы назвали феодальными). Однако не следует делать далеко идущие выводы о понимании Кавелиным роли экономического фактора. К приведенной мысли он более не возвращается и переходит к рассуждениям о том, что «система повинностей» существовала в России не только в определенный период, как считал Чичерин. По мнению Кавелина, эта система существовала в России «испокон века». Он считал, что государство, как определенный элемент общественного развития, сумело восторжествовать над «другими элементами, претендовавшими на политическое значение и роль», и «в качестве домовладыки» заставило их себе служить, «обложив разными личными повинностями или обязанностями». В результате «означенные элементы стали сословиями, обязанными службою государству».⁴⁸ Принимая тем самым по существу взгляд Чичерина, Кавелин вносил некоторую поправку: сословия в виде «элементов» существовали до того, как государство придало им формальный характер. Так же Кавелин подходил и к «служебному характеру сословий». Он считал его восходящим ко времени варяжских князей. Согласие Кавелина в главных чертах с точкой зрения Чичерина становится еще более отчетливым в свете его замечания о том, что в России XVII в. «два могущественных элемента европейской общественности — общины, сословия и корпорации» существовали «только по имени и не играли никакой роли». Разница лишь в том, что, по Чичерину, государство создает сословия в XVII в. как нечто новое, а Кавелин считает, что это делается на основе «обветшалых и стертых остатков исторических элементов и начал», происхождение которых теряется в древности. Так, в его представлении, на раннем этапе истории России дворянству предшествовала дружина.⁴⁹

Несогласие Кавелина с Чичеринским, отрицавшим наличие сословий в «догосударственной Руси», связано было и с иным толкованием власти наместников с правовой точки зрения. Чичерин видел во власти наместников свидетельство господства частного права в древней Руси и на этой посылке, как замечал Кавелин, основывал «свое воззрение на весь последующий ход развития наших учреждений». По мнению Кавелина, если, «с точки зрения Ивана III и Ивана IV, наместники, конечно, владели своими кормлениями по частному праву, потому что в это время государство стало предъявлять свои требования и представителями политических элементов в жизни стали исключительно московские

⁴⁸ Там же, стлб. 545.

⁴⁹ Там же.

великие князья и цари», то для своего времени наместники, которые имели свою печать, свою дружину, свое управление, налагали сборы и повинности в пределах своих владений, были «как бы самостоятельные владетели, пользовавшиеся почти княжескими правами, за исключением разве одного лишь права вступать в дипломатические сношения». Развивая эту мысль, он пишет, что власть наместников в вышеприведенном смысле, «очевидно... имела государственное, а не частное значение». При этом он полагает, что чем дальше в глубь истории, тем больше это чувствуется. В его представлении «в начале так называемого периода уделов княжеские наместники и посадники, получавшие в кормление области, были еще независимее, чем наместники последующего времени, потому что члены тогдашних княжеских дружин еще не становились к своему князю в отношения подданства».⁵⁰

В предложенной Кавелиным трактовке правового положения наместнических владений они получают «государственный» и «политический» оттенок. Тем самым отрицается их частный характер. Он рассматривает наместников того периода если не как самостоятельный политический институт, то во всяком случае как явление, связанное с существованием государственных отношений и государственного права.

После того как при Иване IV было уничтожено наместничество, наместники исчезают, но, как полагал Кавелин, «тип сохраняется, вырождаясь все более и более». На смену наместникам пришли владельцы поместий. При Романовых «вельможи и знатные люди, принимавшие деятельное участие при установлении нового порядка дел, воспользовались щедростью юного правительства и получили множество владений на поместном праве». При этом он имел в виду именно верхушку, бывших наместников. Кавелин подчеркивал отличие этой категории от общей массы помещиков: «Поместья для них были не столько средством нести службу, как для низших служебных разрядов, сколько заменой владений и отчасти владельческих прав, которыми они пользовались в качестве наместников». Характер же и значение этих владений существенно изменились: они «потеряли полуполитический и государственный характер и сделались частными». Этот процесс прошел несколько этапов: «Сначала они, кажется, изъяты были совершенно от всяких повинностей и обязанностей в пользу государства, потому что владельцы их несли службу; но впоследствии и это отличие их мало-помалу стало исчезать, и владения начали подводиться под общую систему управления, податей и повинностей». Рассмотрение эволюции типа вотчинника должно было, по мнению Кавелина, показать, что первоначально он имел «тоже государственное и политическое значение» и лишь впоследствии приобрел «чисто гражданский характер». Подтверждение он усматривал также в эволюции взаимоотношений между князьями

⁵⁰ Там же, стлб. 548.

и правового статуса их владений. Отношения князей между собой начинались как братские, а кончались отношениями самого строгого подданства. Княжеские же владения с их державными правами имели в своем основании вотчинный тип, который не только удержался во владениях «служебных князей», но и весьма долго держался во внешних атрибутах Московского государства.⁵¹

Возражения Кавелина вызвало утверждение Чичерина, «что общинное устройство учреждено государством». Кавелин считал, что до возникновения Московского государства «общины дают несомненные признаки государственной жизни». Это он доказывал тем, что в названный период русской истории общины везде «призывают, выбирают и меняют князей», продираются «сквозь сеть дружин, которыми подернута древняя Россия и заслонена внутренняя история народа». Последнее замечание примечательно тем, что Кавелин здесь вспоминает о «внутренней истории народа». Ее-то он и связывает с деятельностью общинного начала. Кавелин подчеркивает жизнеспособность общин и пишет, что «они, как только получали возможность, тот час же приобретали политическую самостоятельность», что «весь Север и Юг России были покрыты такими самостоятельными общинами». По его мнению, «только с усилением Московского государства общины понемногу перестают играть политическую роль». Однако и здесь общины не исчезают бесследно, поскольку относятся к тем «историческим типам», которые «не умирают скоропостижно, а угасают постепенно, пройдя через целый ряд перерождений». Кавелин указывает на активное участие общин в политической жизни России в начале XVII в.: «Во время самозванцев, Смуты и вторжения иноплеменников общины обнаружили несомненные признаки жизни: они совещались о тогдашнем положении и событиях, сносились между собой грамотами и старались общими силами спастись от угрожавшей со всех сторон гибели».

В Минине Кавелин видит олицетворение «спасительной и патриотической деятельности общин в начале XVII в.». Вместе с тем он считает, что своим спасением Россия обязана не только общинам, а союзу общин и государства. По мнению Кавелина, в лице Минина и Пожарского «подали друг другу руки два элемента, которые до того времени нередко враждебно сталкивались между собой и, кажется, вызвали бурю, потрясшую Россию в самых ее основаниях, тогда же оба совокупными силами воссоздают разрушенную власть как бы для того, чтоб затем окончательно отказаться от всякой политической деятельности». Патриотическая деятельность общин оказывается достойной одобрения постольку, поскольку она пошла на союз с государством и вместе с ним сохранила Россию, причем не просто Россию, а Россию монархическую. В бурных событиях начала XVII в. община исчерпала свои возможности в качестве элемента, влияющего на судьбу го-

⁵¹ Там же, стлб. 549.

сударства, считал Кавелин, и «после 1612 г. государственная роль общины совершенно оканчивается».⁵² «Общины распались на свои составные части. . . Служилые люди, духовенство, посадские и крестьяне образовали особые сословия — чины, . . . которые, в свою очередь, подразделялись на множество мелких союзов и званий». Ограничивается круг людей, принадлежавших к общинному началу. «Представителями общинного начала остались лишь два самые низшие класса, которые потому только и сохранили слабые следы общинной жизни, что в них удержалось отправление повинностей, служб и работ сообща, за круговым поручительством, как было, когда племена, а затем общины находились в подданстве, удержалось сожителство на одних местах и потому невольно, даже бессознательно, удерживались привычки старины».⁵³ Таким образом, община представляется Кавелину в виде некогда активной силы, влиявшей на дела общегосударственного размаха, внесшей серьезный вклад в борьбу за судьбу нации, временами глухнувшей, вновь оживавшей, с особой силой вспыхнувшей в начале XVII в., а затем вновь угасшей.

Дальнейшую утрату общинами своего политического значения он связывал с оформлением сословий: «Обложение каждого звания особыми, ему свойственными повинностями и службами в пользу государства окончательно создало у нас сословия и разрушило общинное единство, потому что каждый общественный разряд получил свое особое назначение и через это, весьма естественно, окончательно отделился от прочих, не имея с ними ничего общего, кроме самых поверхностных соприкосновений».⁵⁴ Принимая мысль об окончательном оформлении сословий в XVII в., Кавелин не признавал, что они созданы государством, как какой-то новый общественный институт.

Рассуждения Кавелина о роли общин в давние и более близкие времена, особенно в начале XVII в., упоминания о расхождении, а затем о союзе общин с государством тесно связаны с его собственными политическими взглядами. Китаев сопоставляет рецензию Кавелина на книгу Чичерина с более поздней его статьей «Дворянство и освобождение крестьян». Главная мысль рецензии, как он отмечает, присутствует и в этой статье. Кавелин писал, что представительное правление получало смысл только в том случае, если его установлению предшествовало приготовление общества к политической жизни, чего не было в России. Будучи противником дворянского конституционализма, он выступал за постепенное развитие местного самоуправления. При этом все преобразования мыслились Кавелиным в рамках неограниченной монархии.⁵⁵

⁵² Там же, стлб. 550.

⁵³ Там же, стлб. 551.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Китаев В. А. От фронды к охранительству, с. 125—126.

При наличии отмеченных расхождений Кавелин одобрил книгу Чичерина в целом. Однако его несогласие с Чичериным по вопросу о роли государства в гораздо более острой форме проявилось в связи с инцидентом, возникшим между Чичериным и редактором «Русского вестника» в 1857 г. Чичерин написал для «Русского вестника» большую статью с разбором книги французского публициста и историка А. Токвиля «Старый порядок и революция». Статья показалась М. Н. Каткову недостаточно либеральной, в частности из-за апологии централизованного государства, и он ее отверг. Среди тех, кто поддержал Каткова, был и Кавелин. Обстоятельства этого конфликта и позиция Кавелина охарактеризованы в книге Китаева.⁵⁶ Взгляд Кавелина на увлечение Чичерина идеей централизации ясно изложен им в письме к Каткову 7 июня 1857 г.: «Вы знаете, что я имею слабость к Чичерину и горжусь им, как бывшим моим слушателем. Но мне кажется, что Чичерин в юридических и политических воззрениях своих горько и жестоко заблуждается. . . Взгляд его на государство не только есть ошибка и ложь в теоретическом отношении, но и заблуждение, в особенности в наше время, опасное и несвоевременное». В апологии централизованного государства Кавелин, по-видимому, увидел угрозу проектам либеральных реформ внутреннего устройства России. Он был убежден, что рассуждения Чичерина о централизации в прошлом, о централизованных государствах Западной Европы имеют прямое отношение к вопросу о возможных путях переустройства России и поэтому считал необходимым решительно возражать против них. Кавелин писал Каткову: «Против поднятого им (Чичериным, — А. Ц.) знамени централизации, против нового Ваала — идеи государства, — которому он приносит кровавые жертвы, надобно вооружаться всеми силами и тем решительнее, чем талантливее рука, поднявшая это знамя». В лице Каткова он видел защитника либеральной программы и призывал его не печатать статью Чичерина, угрожавшую либеральным начинаниям. «Если Безобразов не преувеличивает, то некоторые выходки Чичерина в новой его статье — верх безумия. Не смотрите на имя, и если статья действительно содержит в себе апоффеизу централизации, бесправной демократии и нивелирующего начала равенства — отдайте ему статью назад, как бы она ни была блистательно написана, и оставьте за собой знамя, которое Вы так достойно и с таким огромным блистательным успехом несете в Русской литературе, доказывая живым примером, как выгодна непоколебимая гражданская доблесть и решимость ни под каким условием и ни в коем случае не вступать в сделки со своими убеждениями». Насколько изменилось отношение Кавелина к взглядам Чичерина, можно судить по такой подробности этого письма. Если в рецензии на магистерскую диссертацию Чичерина Кавелин писал, что она является лучшим венком на могилу

⁵⁶ Там же, с. 86—96..

Т. Н. Грановского, то теперь он восклицал: «Если бы был жив наш друг Грановский, как было бы ему больно и горько видеть такой раздор посреди передовых людей и в таких существенных вопросах». Ту часть письма, которая касалась разногласий с Чичериным, Кавелин кончал словами: «Пожалуйста, если увидите Чичерина и зайдет об этом речь, покажите ему эту часть письма. Я его слишком люблю и уважаю, чтоб скрывать от него мнение мое в этом деле. Вследствие каких софизмов можно дойти до апофизезы благополучия Франции под отеческим правлением отца и благодетеля французского народа Людовика XIV, — не понимаю. Неужели политическое расположение может повести до отступления от самых несомненных истин общественной физиологии? Горестный был бы этот результат, если б это было действительно так».⁵⁷

На книгу Чичерина об областных учреждениях откликнулся и Ю. Ф. Самарин, некогда вступивший в полемику с Кавелиным. Он напечатал в № 1 «Русской беседы» за 1857 г. статью «Несколько слов по поводу исторических трудов г-на Чичерина»,⁵⁸ в которой критически отнесся и к трудам Чичерина, и к принципам, на которых они были построены. Самарин упрекал Чичерина в неполном использовании источников. По его мнению, Чичерин ссылался исключительно на одни юридические памятники, редко использовал летописи, оставил без внимания сочинения иностранцев, церковную литературу, фольклор, наконец, современный быт, который он считал живым и надежным комментарием к скудным остаткам древней письменности.⁵⁹ Самарин оспаривал главный вывод Чичерина о господстве частного права в России до XVII в. Отвергая трактовку общины как порождение законодательной деятельности государственной власти, он упрекал его в непонимании неразрывной связи между юридическими понятиями и экономической жизнью. Это чрезвычайно интересное высказывание Самарина не получило у него, однако, дальнейшего развития. По мнению Самарина, Чичерин вслед за Карамзиным и Кавелиным пытался найти в русской истории явления и признаки, характерные для истории западноевропейских стран, вместо того чтобы углубиться в изучение русской жизни. Он подметил различие между схемой родового быта, предложенной Кавелиным, и воззрениями Чичерина. Вместе с тем он полагал, что и Кавелин, сетовавший по поводу крайней неразвитости личности в древней Руси, и Чичерин, усматривавший там же чуть ли не господство личности, сходятся в том, что оба смотрят на историю России со стороны, стараясь приноровить ее к заранее приготовленной схеме и подсчитывая недостающие в русской жизни явления и

⁵⁷ К. Д. Кавелин — М. Н. Каткову, 7 июня 1857 г., ОР ГБЛ, ф. 120, карт. 40, ед. хр. 18, л. 24—25.

⁵⁸ Самарин Ю. Ф. Соч., т. I, М., 1877, с. 191.

⁵⁹ Там же, с. 192.

черты, присущие Западной Европе. Самарин смотрит на родовую теорию Кавелина, как на «искусственное понятие», а «теория о начале господства личности» Чичерина, по его мнению, «употреблена как будто для затычки». Вместе с тем он верно подметил условность схем Чичерина и Кавелина.⁶⁰ Однако сам Самарин противопоставляет им лишь общие рассуждения о необходимости изучать «народность».⁶¹

Идея преобладающей роли государства в истории России и теория закрепощения и раскрепощения сословий, выдвинутые в ранних работах Чичерина, настойчиво проводились и в последующих сочинениях. Большая статья «Несвободные состояния в древней Руси», опубликованная в 1856 г. в «Русском вестнике»,⁶² не только излагает взгляд на историю юридического положения холопов и крестьян на Руси, но и содержит дальнейшее обоснование его взгляда на закрепощение крестьянства. Статья и опубликованный в том же «Русском вестнике» несколько ранее «Обзор исторического развития сельской общины в России»⁶³ оказываются предметом горячих споров, в которых приняли участие И. Беляев, А. Хомяков, С. Соловьев, А. Северцов и другие.⁶⁴ Чичерин ответил одному из своих оппонентов — И. Беляеву, опубликовав в «Русском вестнике» статью «Еще о сельской общине».⁶⁵

Важное место среди работ, в которых обосновывался взгляд Чичерина на проблему государства в истории России, заняла его статья «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», опубликованная в 1857 г. в 4 и 5 номерах «Русского вестника». В ней отчетливо можно проследить подход Чичерина к изучению истории России, повлиявший на окончательное оформление концепции государственной школы. Чичерин писал, что стремится в статье ответить на вопрос, как возникло русское государство. Во всяком случае, по мере сил, способствовать выяснению этого вопроса, «принявши за основание главные источники, которые раскрывают нам общественное право древней Руси». Начав с определения разновидностей общественного права, он отбрасывает уголовное право, как не имеющее самостоятельного значения, и характеризует государственное и гражданское право. Этим он как бы подчеркивал, что рассматривает проблему строго в рамках историко-юридических понятий. Сами определения гражданского и частного права в трактовке Чичерина сводятся к следующему. Частное право рассматривает лицо в его частной сфере, с его отношениями имущественными, родственными, договорными

⁶⁰ Там же, с. 193—197, 199—202.

⁶¹ Там же, с. 206.

⁶² Статья под заглавием «Холопы и крестьяне в России» вошла в упомянутый сборник Чичерина «Опыты по истории русского права», с. 142—231.

⁶³ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права, с. 1—58.

⁶⁴ Библиографические известия, 1914, № 1—2, с. 136—137.

⁶⁵ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права, с. 59—141.

и наследственными. Государственное право рассматривает всю совокупность лиц, соединенных в «единый, неразрывный союз — государство». Общество является «единым телом, имеющим единую волю», а представителем этого единства выступает правительство. Необходимость подчинения частной воли каждого воле общественной рождает понятие подданства. При этом Чичерин отмечает, что подданный подчиняется верховной власти «не на основании договора, как он подчиняется частному лицу, к которому он вступает в известные обязательства, а на основании постоянных государственных законов, исходящих от самой верховной власти».⁶⁶

Рассматривая в этом свете духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, Чичерин пришел к выводу, что «до позднейшего времени» в них устанавливаются между наследниками отношения чисто семейные, родственные, а о подданстве нет и помину», и на том основании, что «родственные отношения входят в состав права частного или гражданского», утверждал, что в древней Руси господствовало именно оно. Коснувшись в этой связи родовых отношений, он высказывает свой взгляд на их значение в истории России. Напомнив, что, «по мнению новейших исследователей» (Кавелина и Соловьева, — А. Ц.), родовые отношения «составляют главный отличительный признак исторического развития древней России», Чичерин считает нужным внести известную поправку, находя, что «родовым отношениям придано уже слишком много значения в средневековой Руси».⁶⁷

Признавая, что родовые отношения имели значение как начальный момент, Чичерин замечает, что они вместе с тем представляли «удивительную неопределенность». По его мнению, даже в главном княжеском роде не было «крепости родственного союза». Наоборот, история этого рода открывалась «несколькими братоубийствами, за которыми следует непрерывный ряд междоусобий». Доказывая решающее значение не степени родства, а личных качеств того или иного князя, он писал: «Если в роде иногда устанавливается что-то похожее на единство, то это делается благодаря сильному князю, который личным своим могуществом умеет сдерживать остальных». Поскольку же «у каждого князя на первом плане стоит личный интерес, то и отношения князей определяются не столько правилами родства, сколько добровольным, большею частью временным их согласием, договорами». Определяя договор, как «юридические отношения между двумя лицами, выражающими свою свободную волю относительно какого-нибудь взаимного обязательства», Чичерин заключал, что «договором могут определяться только такие отношения, в которых оба лица не находятся в зависимости друг от друга».⁶⁸

⁶⁶ Там же, с. 233, 234.

⁶⁷ Там же, с. 292, 293.

⁶⁸ Там же, с. 297—298.

Именно эти рассуждения Чичерина выделит в своей статье, посвященной юридической школе, П. Н. Милюков. Он отметил, что отличие государственного права от частного Чичерин видел в наличии или отсутствии договора, что, по его теории, там, где есть договор между сторонами, — еще нет государства, а там, где есть государство, не может быть договора между властью и подданными. Исходя из этого, продолжал Милюков, Чичерин делал вывод, что период, к которому относятся духовные и договорные грамоты, — период господства частного права — гражданское общество. Эти построения Милюков называл «юридическим софизмом», основанным на недоказанном положении, что мыслимо только государство в современном смысле, что все формы общежития, предшествовавшие современной, не были государством, «ибо не признавали себя таковыми». Это положение Чичерина, считал он, могло иметь только один смысл: «старая Русь не имела никакого понятия о государстве». В связи с этим Милюков писал: «Но и наше понятие о государстве может быть довольно разнообразно: конституционное государство не то, что социалистическое, правовое государство не то, что полицейское, нравственное и разумное же государство Гегеля, которое имеет в виде г. Чичерин, вообще не есть какое-либо реальное государство, а некоторая метафизическая идея». Назвав же этот строй частным правом, Чичерин, по его мнению, отказывает прошлому в одном из наших понятий и навязывает ему другое, наше же понятие. Милюков считал понятия частного и государственного права, во всяком случае, координированными, поскольку идея о частном праве и его пределах всегда зависит от идеи о государственном праве и его пределах. К тому же, считал он, каждому времени свойственны свои представления о том и о другом. «Там, где оба смешаны, там нет ни того ни другого, и характеризовать государственный строй как частноправовой в такую эпоху столь же справедливо, как называть ее частноправовые отношения государственными». В построениях Чичерина, вносящих поправки в схему, предложенную Кавелиным и Соловьевым, Милюков видел «превращение второго и третьего периода юридической формулы в метафизические абстракции».⁶⁹ Однако либеральный историк не вскрыл социальные и экономические корни этого превращения.

Критические высказывания Кавелина и Самарина по адресу Чичерина при всем их различии, тем не менее, были проявлением расхождений во взглядах между людьми, стоявшими на общих позициях сторонников куцых реформ в системе самодержавной России. Их подход к политическим вопросам определял и их подход к историческим проблемам.

Принципиально иным было отношение к историческим трудам Чичерина представителей революционно-демократического лагеря. А. И. Герцен писал в «Былом и думах» о своем впечатлении от

⁶⁹ М и л ю к о в П. Н. Юридическая школа в русской историографии.

знакомства с Чичериным в 1857 г. в Лондоне: «С первых слов я почуял, что это не противник, а враг... Расстояние, делившее наше воззрение и наши темпераменты, обозначилось скоро. С первых дней начался спор, по которому ясно было, что мы расходимся во всем... Он в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним. Можно понять, что были эти мысли в приложении к русскому вопросу. Он был гувернементалист, считал правительство гораздо выше общества и его стремлений и принимал императрицу Екатерину II почти за идеал того, что надобно России. Все это учение шло у него из целого догматического построения, из которого он мог всегда и тотчас выводить свою философию бюрократии».⁷⁰ Следует отметить, что Герцен понял и подчеркнул тесную связь между политическими и историческими взглядами Чичерина.

Особое значение для критики взглядов Чичерина имели выступления Н. Г. Чернышевского. Советские историки проделали большую работу по изучению борьбы, которую вел против Чичерина Чернышевский.⁷¹

В 1856 г. Чернышевский написал резкую и обстоятельную рецензию на книгу Чичерина об областных учреждениях, в которой выступил против тезиса последнего о том, что в XVII в. развитие правительственного аппарата явилось выражением укрепления «государственных начал». Он возражал против применения понятия «государственные начала» к истории России, предлагал отличать его от понятия «централизация». Смысл этого противопоставления состоял в том, что если «государство» и «государственные начала» на известном этапе исторического развития и при некоторых условиях были необходимы, то конкретные формы государственного устройства могли противоречить народным интересам. «Централизация», под которой Чернышевский понимал самодержавно-бюрократическую форму государства, противоречила национальным интересам русского народа. В этой связи он писал: «Централизация является необходимою формою только там, где существует партикуляризм, где части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу национальным единством. У нас этого никогда не было (за исключением разве Новгорода)».⁷² В России, где народ отличался сильным стремлением к национальному единству, «при такой силе национального чувства государственное единство нимало не нуждалось в поддержке централизующего управления». В. Е. Иллерицкий подчеркивает, что из рассуждений Чернышевского вытекал вывод:

⁷⁰ Герцен А. И. Собр. соч., т. IX, М., 1956, с. 248—249.

⁷¹ См.: Иллерицкий В. Е. 1) История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; 2) Революционная историческая мысль в России. М., 1974; 3) глава «Революционно-демократическое направление в русской историографии» и раздел «Государственная школа». — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, Т. II.

⁷² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 570.

«централизация» в России возникла по причинам, не имеющим ничего общего с интересами народа. Чернышевский показывал антинародный характер русского самодержавия. Он обращал внимание на то, что учреждение воевод в XVII в. «было следствием не государственного начала вообще, которое не нуждалось в воеводах, а скорее делом административной централизации»,⁷³ отмечал произвол воевод.⁷⁴

Подводя итог значению выступлений Чернышевского против либеральных историков и прежде всего Чичерина, исторически оправдывавших русское самодержавие, Иллерицкий пишет: «Чернышевский использовал документальные материалы, содержащиеся в исследованиях буржуазных историков, для разоблачения их собственных представлений о самодержавии как о надклассовом институте, якобы защищающем интересы „всей нации“. Он раскрывал антинародную сущность самодержавия, как выражающего принципы власти, не ограниченной никаким законом, как опирающегося на произвол и насилие над народными массами».⁷⁵

Рецензия на книгу об областных учреждениях была первым откликом Чернышевского на исторические труды Чичерина. Впоследствии Чернышевский последовательно раскрывает антидемократическую сущность как исторических, так и общественно-политических его взглядов. В статье «Г. Чичерин как публицист» он писал, что Чичерин «не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость каждой статьи свода законов сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость может обратиться у него и в разумность».⁷⁶ В нашей литературе по русской историографии подчеркивалось значение этой статьи Чернышевского для разоблачения антидемократической сущности взглядов Чичерина. Отмечалось, что в 1859 г., когда Чернышевский писал названную статью, ему уже был ясен характер воззрений Чичерина и что его предвидение о дальнейшей эволюции взглядов Чичерина полностью оправдалось. «Чернышевский справедливо расценивал Чичерина как врага революционных преобразований, убежденного либерала, готового вступить в сделку с правительством», — пишет Иллерицкий,⁷⁷ подводя итог критическим выступлениям Чернышевского против Чичерина.

Резкая критика историков либерального лагеря составляет главное содержание исторических работ, написанных с позиций революционной демократии. Наиболее напряженная деятельность

⁷³ Там же, с. 570—571. Иллерицкий отмечает, что этот вывод был вычеркнут цензором (Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов, с. 217).

⁷⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 572.

⁷⁵ Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов, с. 218—219.

⁷⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 669.

⁷⁷ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 261—262.

И. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова в области истории относится к периоду первой революционной ситуации. Они не только критиковали взгляды своих противников — либеральных, официально-охранительных и славянофильских историков, — но и выступали с обоснованием важнейших положений революционно-демократической трактовки проблем истории России, сделав важный шаг вперед по сравнению с В. Г. Белинским и А. И. Герценом. Историческую науку Чернышевский и Добролюбов рассматривали как средство обоснования своей революционной программы.

В этой связи выдвинутые ими проблемы: признание народа главной и творческой силой истории; учение об историческом процессе и его закономерностях; значение экономического фактора в истории — имели огромное значение для разработки вопросов истории и обоснования необходимости революционной ломки в России. Этой же задаче были подчинены труды и высказывания Чернышевского и Добролюбова, посвященные конкретным вопросам русской истории, в частности происхождению Русского государства, социальным отношениям в удельной Руси, крепостнической политике русского самодержавия, реформам начала XVIII в., народным выступлениям и движениям.

2. Исторические взгляды К. Д. Кавелина в 60-е годы

В годы, последовавшие после смерти Николая I и предшествовавшие крестьянской реформе 1861 г., сторонники либеральных реформ предпринимают попытки консолидации своих сил, преодоления внутренних разногласий. Во имя достижения этой цели К. Д. Кавелин ищет сближения со своими бывшими политическими и научными противниками, в частности налаживает отношения с М. П. Погодиным. 3 ноября 1857 г. он пишет ему: «Время сейчас такое, что всем честным и благомыслящим людям в России надобно забыть о взаимных неудовольствиях, личных, литературных и научных, поставить несогласие в образе мыслей на второй план, а на первый — единство, доверие взаимное, соглашение хоть в том, в чем согласиться можно, а таких предметов гораздо больше, чем кажется с первого взгляда. Теперь, больше, чем когда-нибудь, может быть столько же, сколь в 1612 г., Россия требует верной службы от своих сынов и знать не хочет ни малейших несогласий». В Погодине Кавелин видел человека, способного откликнуться на подобный призыв: «Вы не словами, а делами доказали и доказываете, что слышите это требование денно и нощно», и добавляет, что он «лично так же настроен». Главной задачей он считает устранение разногласий: «Много и много надобно было перетолковать, особенно людям разномыслящим, чтоб не поддерживать духа раздвоения, ненависти и подозрений в теперешнее трудное и многозначительное время. Мне так все кажется, что

большая часть людей у нас на Руси враждует по недоразумению, оттого, что в споры входит много личного, чего можно избежать, если переговорить свободно и с любовью, в твердом намерении уважать справедливые притязания противной стороны». Погодин, по мнению Кавелина, особенно подходит для роли такого примирителя. Он сообщает, что делает свое предложение «с глазу на глаз», и пишет далее о своих попытках заниматься проектами реформ: «Я составляю понемногу нечто вроде программы того, что бы у нас должно было быть иначе. Этого конспекта будет много тетрадей, и обнимать он должен весь наш быт... Готово — об управлении центральном, местном, земском и сословном суде и участии выборных в делах управления...».⁷⁸ 6 февраля 1858 г. Кавелин пишет: «Дворянство гнусно, гнусно и гнусно. Оно доказало, что быть душевладельцем безнаказанно нельзя: проферишили и совесть и сердце, да и ум вдобавок». Общую атмосферу в Петербурге и свое отношение к ней он передает в том же письме следующими словами: «Страшное время! Какое-то серое, неопределенное, в которое и солнце не светит, и тучи ходят. Роды совершаются, скорее время родов подходит. Если говорить о впечатлениях моих личных, то скажу Вам, что очень мрачной картина мне не кажется. Толки помещиков не могут привести ни к чему. За новое время и масса, и русская мысль, и царь: что ж могут помещики? У народа — много такта, много политического смысла: его разговорами не собьешь. У нас народ больше и больше понимает, в чем дело. Его испугало, что у него отберут землю. Но теперь он раскусил, в чем вопрос, и спокоен».⁷⁹

Эти рассуждения — еще несколько штрихов к политической физиономии Кавелина. Противник крепостников, он вместе с тем ясно дает понять, что реформы должно проводить правительство. В его представлении задуманные реформы в одинаковой мере поддерживают «и масса, и русская мысль, и царь». В действительности речь идет, конечно, не о массе. Под «русской мыслью» он подразумевает своих сторонников — либералов и несколько «полевеших» под впечатлением поражения в Крымской войне таких консерваторов, как Погодин. Это письмо показывает, насколько тесно были связаны с политическими воззрениями Кавелина его научные труды. Сколачивая фронт сторонников либерального курса, заинтересованных в проведении реформ, он противостоял революционно-демократическому лагерю, выдвигавшему идею крестьянской революции. Являясь в тот период одной из главных фигур русского либерализма, Кавелин был деятельным участником подготавливаемых реформ. В его работах вопросы истории и современности тесно переплетались. Впрочем, эти проблемы занимали тогда многих.

⁷⁸ К. Д. Кавелин — М. П. Погодину, 3 ноября 1857 г. — ОР ГБЛ, ф. 231, разд. II, карт. 14, ед. хр. 31, л. 65—65 об.

⁷⁹ К. Д. Кавелин — М. П. Погодину, 6 февраля 1858 г. — Там же, л. 53 об., 54.

Можно привести пример другого историка, в отличие от Кавелина не принимавшего непосредственного участия в политических событиях и, казалось бы, занятого лишь историческими изысканиями, — Н. В. Калачева, — у которого вопросы политики также оказались в этот период на первом плане. Примерно в те же годы, сообщая Погодину петербургские новости, Калачев писал: «В Петербурге множество нового. Проекты составляют в таком количестве, что не успеваешь их читать. Теперь у меня на столе проект (начало) о полиции (городской и уездной), о земских банках, об ипотеке и проч. Во всяком случае это отрадно».⁸⁰

Тратя много времени на подготавливаемые им проекты и их обсуждение, Кавелин, тем не менее, не прерывал и свою научную деятельность. Именно в эти годы он возвращается к преподавательской работе, которая его очень привлекала, на этот раз в Петербургском университете. Он продолжает следить за выходившей исторической литературой, в частности с большим интересом встречает новые тома «Истории России с древнейших времен» Соловьева. Но ему не хватает времени для того, чтобы заняться их разбором. 7 июня 1857 г. Кавелин писал Каткову: «В таком же долгу я и перед Соловьевым. Его труд у меня на душе и на совести. Теперь бы и можно было бы написать взгляд на описанные им периоды истории. В голове этот труд в главных чертах и готов. Но нет возможности порядочно им заняться. Надобно месяца два работы сплошной, а их решительно взять неоткуда». Сообщив далее о своем назначении на должность ординарного профессора по кафедре гражданского законодательства, он писал: «До какой степени чувствую себя довольным и счастливым от этой перемены в судьбе — не могу Вам и выразить. Опять начнутся для меня все высокие наслаждения кафедры и университетской деятельности: живое слово, симпатический обмен мыслей и убеждений с университетским юношеством, без всякого сомнения благороднейшим слоем в целой империи. Я по темпераменту мало склонен к работе, которая лишь ко второму пришествию может увидеть свет. Лекции для меня — лучший инстинкт в работе». И там же с неменьшей радостью Кавелин писал, что назначен преподавателем правоведения при наследнике.⁸¹

Судя по письму, Кавелин собирался написать рецензию на вышедшие к этому времени тома II—VI «Истории» Соловьева. Но пройдет еще немало лет, прежде чем ему удастся привести в исполнение этот план. Но и та рецензия уже будет посвящена XIII, XIV и XV томам, относящимся к царствованию Петра I, теме, пользовавшейся особым вниманием и у историков, и у чита-

⁸⁰ В. Н. Калачев — М. П. Погодину, 3 декабря 1859 г. — Там же, ед. хр. 53, л. 14.

⁸¹ К. Д. Кавелин — М. Н. Каткову, 7 июня 1857 г. — Там же, ф. 120, карт. 40, ед. хр. 18, л. 22, 23.

телей. К этому времени выйдет в свет и многотомная «История Петра Великого» Н. Г. Устрялова. Поэтому Кавелин в своей рецензии осветил и эту работу. Статья под названием «Мысли и заметки о русской истории» была напечатана в № 2 «Вестника Европы» за 1866 г. В соответствии с названием содержание работы вышло за рамки рецензии на труды Соловьева и Устрялова. Статья не только содержала замечания Кавелина на их сочинения и его собственный взгляд на царствование Петра I, но и во многом в нее вошли и идеи, возникшие у Кавелина под впечатлением предшествующих томов «Истории России».

Тесно связано со статьей «Мысли и заметки о русской истории» выступление Кавелина на чтениях в профессорском клубе в Бонне, относящееся к 1863—1864 гг. Эти чтения были посвящены проблеме освобождения крестьян от крепостной зависимости, и речь Кавелина имела целью осветить вопрос исторически. Текст этого выступления под заглавием «Краткий взгляд на русскую историю» был опубликован значительно позже — в 1887 г. в № 4 «Русской старины». Тем не менее эту работу следует отнести к середине 60-х гг., тем более что многие положения, содержащиеся в ней, вошли в упомянутую статью «Мысли и заметки о русской истории» и в какой-то мере послужили для нее основой.

Статья «Мысли и заметки о русской истории», так же как в свое время статья «Взгляд на юридический быт древней России», начиналась с рассуждений о значении истории как науки. Кавелин писал, что в России и европейских странах все более усиливается интерес ученых к изучению прошлого, все чаще слышатся сожаления о недостаточном и поверхностном знакомстве с историей. Позади осталось время, когда история была сначала «любопытной сказкой о старине», а потом «поучением и справкой», «указанием и советом в практической деятельности», архивом «старых политических и государственных дел, в том числе и неоконченных». Наступила пора, когда, считал Кавелин, «история делается источником и зеркалом народного самосознания». Имея в виду отмену крепостного права и последовавшие за ней другие реформы, определившие характер политической обстановки в России в середине 60-х гг. XIX в., Кавелин писал: «На перепутьи двух периодов, в межумочное время, когда ход народной жизни оставляет привычное вековое русло и ищет новых путей, колеблясь между несколькими, наивная справка с деяниями предков не может уже вразумить на счет того, что и как делать, да и нет уже больше того ясного настроения души, и того досуга, какие необходимы, чтобы восхищаться полуволшебной сказкой, художественным состоянием исторической правды с выдумкой».⁸²

⁸² Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 583.

Новый этап в историческом развитии России представляется Кавелину сложным и не во всем ясным. «Торная дорога кончилась, предстоит идти целиком, наугад, ощупью, и тогда-то наступает время глубокого раздумья», — пишет он. Одну из главных сложностей Кавелин видит в необходимости выработать систему взглядов, которые позволили бы русскому народу сначала познать себя, а затем решить, какой дорогой двигаться дальше. По его мнению, народная мысль разрешается в целый ряд вопросов, догадок и предложений, среди которых мало-помалу и созревает народное самосознание, единственный верный руководитель на этой степени развития».

Следует заметить, что Кавелин понимал под «народным самосознанием» отнюдь не интеллектуальный подъем широких слоев населения России, этого, по его словам, «мужицкого царства». Он имел в виду оформление взглядов философов и историков, претендовавших на выражение настроений народа.

Заметив, как самосознание «трудно и тяжело дается», Кавелин говорит и о разных подходах к истории: «Сначала история допрашивается подробно, но пристрастно судьями, у которых решение готово заранее. Вопросы предлагаются ей нарочно так, чтобы получить желанный ответ. Такие ответы — еще не история, не истина: по ним узнается не то, что было, а то, чего домогался, что хотел видеть историк». Это — весьма верная характеристика распространенного приема, когда к историческому материалу подходят с заранее готовой схемой. Так писали историю многие предшественники и современники Кавелина. По существу так же подходил к историческим событиям и он сам. Но Кавелин полагал, что подобные присмыслы если не преодолены, то преодолеваются, и «возмужавшее и окрепшее народное самосознание приходит к правде в истории и вступает на твердый путь в практической жизни». Он полагал, что, преодолевая «умственное бессилие», Россия, вступившая в XVII в. на «новый путь», в 60-е гг. XIX в. «так же круто, хотя и в иных формах, поворачивает в другую колею». В этих условиях, считал он, изучение русской истории выдвигается на первый план, по-новому рассматриваются события и лица, казавшиеся до того «известными и переизвестными». Не решая вопроса, насколько удачны эти опыты, Кавелин утверждал, что работа идет вперед, что «уже произошла некоторая перемена в наших взглядах на прошедшее — верный признак, что народное самосознание зреет, что время его наступает».⁸³

Говоря о значении темы, явившейся предметом изучения в XIII—XV томах «Истории России» Соловьева и в труде Устрялова, Кавелин писал, что «Петр Великий и его эпоха не могли быть обойдены или остаться незамеченными при таком усиленном общем нашем стремлении к самопознанию». Он полагал, что, «не поняв Петра, нельзя понять России... но для верной оценки

⁸³ Там же, стлб. 585, 586—587.

Петра Великого наше время едва ли самое благоприятное», поскольку «у его подножия еще идет горячий спор об историческом наследстве, которое он сам по себе оставил». В отличие от Ивана Грозного и Алексея Михайловича, к которым, по его мнению, историки относятся спокойно и объективно, как к событиям давно минувшим, «Петр как будто еще жив и находится между нами». Поэтому еще не пришло время для «беспристрастного и нелицеприятного суда» о времени и делах Петра I.

Можно отметить, что Кавелин несколько преувеличивает степень спокойствия и объективности историков в отношении к этим событиям. По-видимому, на фоне ожесточенных дебатов о времени и деятельности Петра I суждения историков о более ранних временах и могли показаться беспристрастными, хотя в действительности это было не так. Но в том, что XVIII век, особенно реформы первой его четверти, личность и поступки Петра I были предметом бурной полемики, Кавелин был прав. Подозрительно следило за занятиями историей этого периода и правительство, которое чинило ученым, даже считавшимся лояльными, немало препятствий. В то время события Петровской эпохи считались еще «новой» или «новейшей» историей. Исследователей ждали не только большие трудности, связанные с невозможностью получить допуск к архивам (для Н. Г. Устрялова и С. М. Соловьева было сделано исключение), но и опасность стать жертвой цензуры. Так, Цензурный комитет нашел в книге Устрялова о Петре «неудобными к печати» места, где подробно рассказывалось о казни стрельцов. Лишь после разъяснения президента Академии наук Д. Н. Блудова, что ученые сочинения читают в основном благоразумные люди, книга была издана без исправлений.⁸⁴ И этот случай не был единственным. В. И. Касаткину, находившемуся в Париже, писал из Москвы 2 мая 1860 г. некто И. В.: «Напишите . . . несколько теплых слов государю . . . Скажите, что обществ[енная] наука и литература задыхаются от постоянных стеснений и что эти стеснения (всякий с ужасом видит) ни к чему доброму не поведут . . . Поверите ли, что редактор „Народного чтения“ должен был хлопотать целую неделю у министра, чтобы пропустили пустейшую статью о Петре. Товарищ мин[истра] нар[одного] просвещения объявил одному редактору, что история — не наука».⁸⁵

В этих условиях «История Петра Великого» Устрялова и несколько томов «Истории России с древнейших времен» Соловьева, посвященных именно этому периоду, были событием значительным не только в исторической науке, но и во всей общественно-политической жизни России. Кавелин отчетливо сознавал это обстоятельство: «По какой-то счастливой случайности, профессор

⁸⁴ Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х гг. М., 1974, с. 27.

⁸⁵ Там же, с. 111—112.

Соловьев окончил древнюю русскую историю и перешел к эпохе преобразования именно в то время, когда ряд новых коренных законоположений, пересоздающих внутренний строй Петровской России, возбуждает особенный интерес к делу и эпохе Петра и невольно ставит вопрос: была ли его реформа благом для России или ошибкой гениального государя». ⁸⁶ Хотя в рецензируемых томах «Истории» Соловьева описание событий доведено только до Полтавской битвы, Кавелин считает необходимым не откладывать свой отзыв до выхода следующих томов. Он считает, что, изучая эпоху Петра I, Соловьев «держится на строго исторической почве» и «труд его не апология и памфлет, а добросовестный фактический рассказ, прерываемый лишь изредка взглядами и суждениями самого автора».

Кавелин характеризует и вышедшие к тому времени тома I—IV сочинения Н. Г. Устрялова, в которых изложение доведено до 1706 г., и том VI, посвященный истории царевича Алексея Петровича. Он пишет, что работа Устрялова «богата критическими исследованиями и драгоценнейшими материалами, из которых много чрезвычайно любопытных открыты ученым автором и напечатаны впервые». ⁸⁷

Исходя из того, что труды Соловьева и Устрялова знакомы читателям, Кавелин не занимается их пересказом, а прямо переходит к изложению своих соображений. Причем он не касается рецензий на них, появившихся до его выступления, и повторяет ряд положений, которые уже содержались как в его собственных более ранних работах, так и в трудах других авторов. На первом месте среди них стоит проблема связи Петровской России с предшествующим периодом. Кавелин, конечно, сознает, что говорит об этом не впервые. Но он исходит из того, что признание неразрывности исторического развития России носит еще формальный характер. «Теоретически, отвлеченно мы понимаем, что преобразованная Россия и сам Петр не с неба к нам упали; что было же что-нибудь и прежде; что как-нибудь Петр и его реформа были подготовлены; знаем мы, что никакого завоевания у нас в конце XVII века не было, что страна и народ теперь те же самые, что и до Петра». ⁸⁸ Вместе с тем эти рассуждения он находит скорее умозрительными, не имевшими четкого выражения и должного обоснования. Видимо, в этом был известный смысл. До выхода работ Соловьева и Устрялова о Петре I писали и говорили много, но преобладали общие рассуждения, носившие скорее философско-исторический, чем чисто исторический характер. Поэтому, по мнению Кавелина, история России начала XVIII в., как и русская история в целом, была изучена недостаточно, впрочем, большое количество фактических сведений, приведенных в работах Со-

⁸⁶ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 587.

⁸⁷ Там же, стлб. 588.

⁸⁸ Там же, стлб. 590.

ловьева и Устрялова, позволили, с одной стороны, развеять миф об «идеальном состоянии» древней России, которую неизвестно почему и зачем Петр переломал на иностранный лад, и, с другой — снять с Петра обвинение «в платонической любви к иностранцам, в каком-то чудовищном плане вынуть у своего народа живую душу и вдохнуть в него чужую». Это позволило реально представить фигуру Петра. «Освобожденный от риторических прикрас и фимиамы похвальных речей и лести, Петр является перед нами живым человеком, с ошибками и удивительными делами, с недостатками и чертами гения, с пороками и великими добродетелями. Сделавшись из мифа историческим лицом, Петр выигрывает в размерах и величии. Голая историческая истина о нем поражает гораздо сильнее, чем вымысел, именно потому, что походит больше на сказку, чем на правду, — так она необыкновенна!» — писал Кавелин. Вместе с тем он считает, что личность и деятельность Петра по-прежнему мало изучены: «Несмотря, однако, на множество прекрасных работ и исследований по русской истории, на обнародованные в огромном числе новые источники, она (личность Петра I, — А. Ц.) все еще так же мало известна и понятна, как и сама Россия», т. е. изучать предстоит еще не только историю Петра I, но и историю России в целом. «В русской истории поставлено множество вопросов, но пока все еще не хватает сил и средств разрешить их: недостает необходимых подготовительных работ», — пишет Кавелин.⁸⁹

В этих словах верно схвачен ряд характерных особенностей состояния русской историографии 60-х гг. XIX в. Действительно, в это время и в исторических, и в публицистических работах было поставлено много важных вопросов, касавшихся русской истории. Многие из них были предложены в общей форме, и перед историками стояла задача ответить на них. Кавелин считал, что в этом направлении сделаны лишь первые шаги: «Кое-где открываются просветы; точнее определяются некоторые задачи; рождаются догадки, более или менее правдоподобные, которые и служат пока жалкой заменой дознанной исторической нити, связующей, по видимому бессвязные факты и эпохи».⁹⁰ Таким образом, он видит одну из ближайших задач в создании какой-то канвы, теории, которая связала бы воедино исторический процесс, показала в логической связи и последовательности развитие русской истории. Под «просветами», «черновыми заметками для программы будущей русской истории» Кавелин, несомненно, имеет в виду теоретические положения, выдвинутые им самим, С. М. Соловьевым и Б. Н. Чичериным. В своей статье он обещает дать ответы на следующие вопросы: «В каком же виде представляется, на основании скудных указаний, общий ход русской истории? Где ее главные узлы? Какое значение важнейших ее эпох и событий?».

⁸⁹ Там же, стлб. 595.

⁹⁰ Там же, стлб. 595—596.

И добавляет, что «на эти вопросы приходится уже теперь отвечать несколько иначе, чем думалось недавно».⁹¹

Первый раздел своей статьи Кавелин начинает с иронических замечаний, связанных с празднованием тысячелетия России: «Четыре года тому назад праздновалось тысячелетие нашего государственного существования. Боже! сколько мы расточали остроумия, сколько глумились над собой по этому поводу! Тысячу лет прожили — так рассуждали мы — и чего достигли? Самые неотложные потребности гражданского общежития и благоустройства еще удовлетворяются кое-как в двух-трех центрах громадного нашего царства, а вне их как будто вовсе не существуют. Сколько же столетий нужно нам прожить еще, чтоб стать хоть тем, чем была Европа в XVIII веке? А она между тем будет идти вперед не по дням, а по часам». Слабую сторону рассуждений об истории России он усматривал в том, что русские сравнивали свое настоящее не со своим прошлым, а с «посторонним образцом, который у нас перед глазами».⁹² Эту же мысль выдвигал Кавелин и в своих ранних работах, особенно в статье «Взгляд на юридический быт древней России». Возвращаясь к этой проблеме, он подчеркивает, что если мерить развитие русской истории применительно к русским условиям, то следует сказать о несомненных успехах. Главное движение исторического развития великорусской народности он усматривает в создании сильного государства.

В «Кратком взгляде на русскую историю» Кавелин писал, что «русское государство основано великорусским племенем».⁹³ В этой же работе он наметил в самых общих чертах особенности складывания и развития Великороссии. Более обстоятельное изложение этого вопроса он предпринимает теперь. Начало Великороссии Кавелин ведет не от «призвания варягов», а примерно с XI—XII вв.⁹⁴ Великорусы сумели сложиться в сильное государство, заняв и обрусить огромную территорию. «Только на великорусской почве прочно и крепко зародилось русское государство; только здесь мощные его ростки пробивались беспрестанно, пока им не удалось пустить глубоких корней в Москве», — писал он.⁹⁵ Именно процесс складывания государства интересует его теперь в первую очередь. Кавелин оставляет в стороне даже столь занимающую его раньше проблему развития родовых отношений. «В Андрее Боголюбском и Всеволоде, в князьях тверских и рязанских слышатся зачатки государственности, осуществившиеся

⁹¹ Там же, стлб. 596.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, стлб. 569—570.

⁹⁴ В статье «Краткий взгляд на русскую историю» Кавелин относил возникновение великорусского племени к XII в., в статье «Мысли и заметки о русской истории» он несколько расширил хронологические рамки, указав на XI—XII вв.

⁹⁵ Кавелин К. Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 597—598.

трудами и умением московских единовластителей, при благоприятных обстоятельствах и в единственно возможной тогда форме». Великороссия тем и привлекает его, что в отличие от западной России она создает единое государство. Особенность Великороссии состоит в том, что ее «главнейшая жизненная задача как будто исключительно в том только и состояла, чтобы создать и упрочить государство».⁹⁶

Занявшись историей Великороссии, Кавелин значительное место отводит процессу колонизации.⁹⁷ Он ссылается при этом на работы и наблюдения Куторги, Сенковского и Духинского.⁹⁸ Но самую идею колонизации в целом несомненно заимствует у Соловьева. Отличие великорусского ответвления русского племени от западного, чьи остатки сохранились, как он говорит, в Малороссии, состоит в том, что у него уже не встречается таких «общественных элементов», как община. У великороссов «в основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, — именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами».⁹⁹

В 1866 г. в общей схеме русской истории Кавелин большее место, чем прежде, отводит роли православия, особенно подчеркивая его значение в формировании великорусской народности. Он пишет, что среди язычников-туземцев переселенцы, несмотря на то что и у них еще жило «языческое мирозерцание», все-таки отличались религией. Поэтому «название христианина стало отличительным их признаком среди язычников-туземцев и надолго заменило сознание народности». Русский и православный в народном понятии одно и то же, православный, хотя и не русский по происхождению, считается русским, а русский, но не православной веры не признается русским.¹⁰⁰ Сходство с приведенными выше высказываниями И. С. Аксакова удивительное.

«В Великороссии православие соответственно ее степени культуры получило характер государственного и политического учреждения, под покровом которого окрепло и выросло национальное самосознание», — писал Кавелин и далее полемизировал с теми, кто считал, что православие, отделив Россию от остального образованного европейского мира, задержало ее развитие и явилось главной, если не единственной причиной «нашей видимой отсталости в культуре от прочих народов».¹⁰¹ Он полагал, что истинная причина отсталости в том, что «жизнь Великороссии началась с азбуки, в самой первой степени оседлого быта, едва ли ранее XII века, при самых неблагоприятных условиях,

⁹⁶ Там же, стлб. 598.

⁹⁷ Там же, стлб. 598—616.

⁹⁸ Там же, стлб. 601—603.

⁹⁹ Там же, стлб. 611—612.

¹⁰⁰ Там же, стлб. 614.

¹⁰¹ Там же, стлб. 615—616.

в каких когда-либо находился народ». По его мнению, не православие заражено формализмом, а русские восприняли его преимущественно с формальной, внешней, обрядовой стороны, «потому что по степени развития были неспособны подняться до внутреннего духовного содержания христианства». Несмотря на это, православие «оказало России неисчислимы услуги»: русские сохранили «сознание национального единства и не сделали добычей других христианских народов, опередивших нас в образованности». Кавелин считал, что если бы русские были с начала колонизации католиками или стали ими, водворившись на новых землях, то тогда они «были бы роковым образом втянуты в круг западноевропейского развития, которое, по крайней мере до сих пор, действовало разлагающим образом на все славянские племена, которых коснулось».¹⁰² Он признавал, что славянские племена не могут развиваться, не усвоив достижений европейской культуры, но подчеркивал, что существенное значение имеет то, на какой ступени развития они могут усваивать элементы европейской культуры.

В статье «Мысли и заметки о русской истории» Кавелин подчеркнул влияние именно православия в истории России. Такая тенденция была направлена и против высказываний Чаадаева, крайне отрицательно характеризовавшего православие и отдававшего предпочтение католицизму, и против Белинского, Чернышевского и Добролюбова, с атеистических позиций рассматривавших роль религии и выступавших против преувеличения ее влияния на развитие народа.

В свою схему Кавелин ввел и выдвинутое в «Истории» Соловьева определение казачества как элемента, подрывающего основы государства. В нем он наряду с колонизацией и православием видит еще одно значительное явление русской жизни. Он соглашается с Соловьевым, утверждавшим, что «склонность к молодечеству, к разгулу, к безграничной свободе — удаль, не знающая ни цели, ни предела», сыграла «огромную роль в русской истории, создала казачество, наводнила страну разбойничьими шайками», выступала во всех «внутренних смутах». С первых же слов, посвященных этому вопросу, Кавелин старается опровергнуть взгляд на эти события, основанный на существовании неравенства и угнетения народа. «Черту эту нельзя объяснить ни административным гнетом, ни склонностью к переходам и бродячей жизни, ни частыми разорениями, отучавшими народ от оседлости, ни крепостным правом». Между тем связь между народными выступлениями, которые называли «смуты» и «бунты», и гнетом, который испытывал народ от крепостнических порядков в самодержавной России, была настолько очевидна, что полностью отрицать ее Кавелин не мог. Он признавал, что крепостное право, административный гнет и другие «обстоятель-

¹⁰² Там же, стлб. 616.

ства» «вызывали наружу указанную черту характера, может быть усиливали ее», но тут же писал: «Но нам не объясняют, почему она в нас есть, почему принимает у нас такие невиданные и небывалые формы». Преуменьшая значение причин социального и экономического характера, Кавелин считал причиной «бунтов» заключенные в русском народе «большие силы, ищущие простора и деятельности и не находившие их в ежедневной житейской обстановке». Аналогичные силы находят, по его мнению, совсем другое применение у американцев, которые употребляют их на гражданскую деятельность, труд и промышленную предприимчивость. Разницу он видит в уровне культуры.¹⁰³ Нечто подобное Кавелин находил и в интеллектуальной жизни: «В образованных слоях нашего общества внешний формализм, с одной стороны, удаль и разгул, с другой, переносятся в сферу мысли и духовной деятельности... Нравственная пустота, сила без внутреннего центра тяжести — вот элементы нашего умственного казачества».¹⁰⁴

Таким образом, Кавелин старался объяснить возникновение народных движений не социальными причинами, а низким уровнем культуры. Но он приложил все же больше усилий для объяснения причин возникновения на Руси «казачьих» элементов, чем Соловьев, который первым ввел это понятие в историческую литературу. Объяснение народных волнений низким культурным уровнем России перекликалось с либеральной программой Кавелина, в которой главной задачей было не устранение существующей государственной системы, а ее «улучшение», сочетающееся с поднятием культурного уровня народа.

Поставив так проблему культурного развития России, Кавелин отвел ей значительное место во втором разделе статьи. Он начинает с ответа на вопрос, который задавали многие историки: почему русские в XI и даже в XII в. стояли по образованию выше европейских народов, «но с тех пор они развивались далее, а у нас культура почему-то начала падать». Кавелин не соглашается с теми, кто видел причину этому в татарском иге. По его мнению, «татарское владычество было горестным, тяжелым и несчастным эпизодом русской истории; оно нас разорило, унизило, сдавило, замедлило, пожалуй, наше развитие, легло тяжким бременем на наши плечи, но напрасно станем мы отыскивать следов органического влияния диких кочевников на нашу жизнь».¹⁰⁵ Отвергает Кавелин и теорию, согласно которой «не будь у нас татарского владычества, не было бы и московского государства». Он полагает, что «об этом смешно и говорить». Главной причиной создания Московского государства он считает «стремление к объединению Великороссии», которое появилось

¹⁰³ Там же, стлб. 617.

¹⁰⁴ Там же, стлб. 618.

¹⁰⁵ Там же.

еще до татарского нашествия, «очень скоро после начала колонизации» и «беспрестанно проявлялось под самыми различными формами». По мнению Кавелина, «московские князья только воспользовались татарским игмом для достижения той же цели, которую имели и другие князья, их предки и современники». При этом он находит, что между «умением воспользоваться обстоятельствами, умением при их помощи провести план, и фактами или условиями, определяющими развитие исторической жизни, есть огромная разница, которою можно пренебречь остроумия ради, но которую нельзя оставить без внимания, при серьезном разрешении исторического вопроса».¹⁰⁶

Версия Кавелина сводилась к следующему. Высокий уровень культуры в Юго-Западной и Северо-Западной России не понизился.¹⁰⁷ Отставала в культурном развитии лишь Великороссия. Однако из этого обстоятельства, в основе которого, как считал Кавелин, лежали суровая природа и грубость нравов, он делал неожиданный вывод. Трудные условия побудили славян при поддержке православной церкви создать самодержавное государство, получившее воплощение в Московском княжестве. В этом государстве Кавелин видел идеал, к которому стремились славянские племена.¹⁰⁸ Особенности Великороссии определили развитие ее культуры, находившейся под внешними влияниями,¹⁰⁹ и сложившиеся в ней формы «гражданского и государственного быта». В Великороссии, где не было «никакой культуры», где не развился «дружинный элемент», порождавший «аристократию и олигархию», где отсутствовала «муниципальная жизнь»,¹¹⁰ а народ состоял из «первобытных элементов», по его мнению, возник «первобытный начальный тип оседлого общежития — дом или двор». Эта «социальная единица», «человеческое общество, поселенное в известном месте, состоящее из членов семьи и домоладцев и подчиненное власти одного господина, домоначальника», в представлении Кавелина было «зародышем» «и семьи, и рабства, и гражданского общества, и государства».¹¹¹ В этих условиях и понятие о великом князе как старшем из князей, занесенное из Западных русских земель, в Великороссии перерождается в «территориального владельца». Благодаря этому великий князь становится материально сильнее остальных князей, что ведет к объединению всей Великороссии под властью великокняжеского двора, или дома, Иван III придает «великорусскому типу» внешние формы византийской царской власти. Это приводит к замене русской формы греческой, но сам «тип власти», по мнению Ка-

¹⁰⁶ Там же, стлб. 619.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, стлб. 621.

¹⁰⁹ Там же, стлб. 622—625.

¹¹⁰ Там же, стлб. 625—626.

¹¹¹ Там же, стлб. 626—627.

велина, «в сущности остался тот же самый, каким был и вытекал из самых основ великорусской жизни».¹¹²

Большое место отводит Кавелин рассуждениям о значении крепостного права в России. В 1847 г. он прямо не мог еще о нем писать. Лишь туманные намеки на необходимость освобождения личности свидетельствовали о его принадлежности к сторонникам отмены крепостных отношений. Теперь, спустя пять лет после крестьянской реформы, Кавелин не только старается взглянуть на крепостное право исторически, но и начинает искать в крепостных отношениях свои положительные черты. Он признает, что крепостное право к моменту его отмены представляло собой изживший и вызывавший крайне отрицательное отношение институт. Он пишет: «В XIX веке крепостное право под влиянием европейских экономических воззрений и заметно усилившегося промышленного развития начало местами вырождаться в отталкивающую, возмутительную эксплуатацию людей из барыша; юридическое право на человека стало обращать его в капитал, из которого можно и должно прежде всего извлекать наибольший процент. Крепостное право начало было, таким образом, обращаться в рабство, что и ускорило его падение». Таким образом, у Кавелина получается, что крепостное право стало «отталкивающим», да и то «местами», только в XIX в. По его мнению, в древней Руси оно не имело такого характера. «Оно было только властью, иногда жестокой и суровой, вследствие грубости тогдашних нравов, но не правом собственности на человека». Он подчеркивает, что крепостное право в прежние времена, т. е. до XIX в., не исключало «попечительности» о людях, справедливости в обращении с ними, «правильного, не слишком тяжелого определения их обязанностей и повинностей». Кавелин полагал, что «так называемые патриархальные отношения между владельцами и их крепостными вытекали из того, что основанием крепостного права служил начальный тип великорусского общественного быта, — дом или двор». Ему представлялось, что именно такой характер у большинства владельцев сохранило крепостное право «даже до позднейшего времени, не успев получить ни строго юридического, ни строго экономического характера, как, например, в Польше и западных губерниях». Кавелин настаивает на том, что под крепостным правом следует понимать «известные отношения частного права», бывшие лишь «остатком целого общественного строя, который в старину господствовал исключительно в нашем государственном и частном быту».

Далее он переходит к характеристике этого общественного строя и при этом строит свою схему в полном соответствии с выдвинутой Чичериным теорией «закрепощения и раскрепощения сословий». Кавелин начинает рассказ с упоминания о том, что

¹¹² Там же, стлб. 627—629.

«княжеские слуги имели сначала вольный переход от князя к князю; когда утвердилось московское единодержавие, такие переходы запрещались и наказывались как преступление». Таким образом, первыми попадают в определенную зависимость «княжеские слуги». Уже вслед за ними наступает очередь крестьян, с которыми все происходит таким же образом: «Точно так же и крестьяне сначала вольно переходили от владельца к владельцу, а потом такие выходы прекращены». В XVII в. наступает следующий этап: «Строго разграничены между собою разные разряды, „чины“, отправлявшие царскую службу и тягло, с запрещением перехода из одного разряда в другой под страхом наказания». К разрядам приписываются купцы, далее этот порядок распространяется на все виды царской службы. Кавелин подчеркивает, что «каждый приписанный к княжеству, к частному владению, служебному разряду и ведомству, поступал под полную их власть, суд и управление». Таким образом, крепостное начало стало основанием «всей нашей общественности» и вытекало из «первообраза великорусского быта» — двора или дома.¹¹³

Кавелин усиленно доказывает, что в основе природы крепостного права в России лежали патриархальные понятия, по которым подчиненный считал себя не рабом, а «темным человеком», которого следует наставлять, и наказание считал наукой. По его словам, «древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая вытекавшим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием». Подобные суждения почти совпадали с взглядами крепостников. В соответствии с построениями Чичерина Кавелин усматривал в XVIII и XIX вв. «постепенную отмену крепостных отношений», завершившуюся в 1861 г. «действительно, а не в переносном смысле». В растянувшейся на два века отмене крепостных отношений он видел «ступени нашего гражданского роста и перехода от несовершеннолетия к возмужалости».¹¹⁴

В заключение Кавелин писал, что до XVIII в. в России «все и вся было крепостное, обязанное нести службу или отправлять работу до смерти и наследственно». Такой «быт» он находил «полезным и благодетельным», потому что он «помог образоваться и установиться политическому телу». Сопоставляя судьбу Великороссии с судьбой других славянских народов, Кавелин писал: «Никакое другое славянское государство не устояло, даже при блестящей постановке обстоятельств; все пали от чрезмерного развития аристократии и слабости центральной власти. Очевидно, что в этом племени государство могло образоваться и упрочиться только под условием сильной центральной власти, и при данных

¹¹³ Там же, стлб. 630.

¹¹⁴ Там же, стлб. 631—632.

обстоятельствах она не могла образоваться иначе как по указанному типу». ¹¹⁵

Эти рассуждения Кавелина весьма знаменательны с точки зрения эволюции его взглядов. Если в середине 50-х гг. в своих письмах, о которых выше шла речь, он выступал оппонентом Чичерина, не соглашаясь с его апологией центральной власти, то теперь он с оговоркой, что иной возможности не было, расхваливает достоинства централизации в России. Правда, Кавелин делает еще одну важную оговорку. Он не только признает, что централизованному Московскому государству было присуще подавление личности, но и напоминает, что в России до XVIII в. «начала личности не было вовсе». Сравнивая Россию с Европой, Кавелин писал: «То, что составляет основание всего европейского развития, что определило европейскую жизнь, именно этого у нас не было». ¹¹⁶

Эта мысль, которую Кавелин выдвигал еще в статье «Взгляд на юридический быт древней России», в «Кратком взгляде на русскую историю» получает дальнейшее развитие. Централизация спасла Россию, но она не давала развиваться индивидуальности, а без этого невозможен такой путь развития, каким шли европейские народы. «Признав это, — писал Кавелин, — надо сказать, что индивидуальность в этих условиях задыхалась. Если мы — европейский народ и способны к развитию, то и у нас должно было обнаружиться стремление индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета; индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития; без нее немислим человеческий быт». Таким образом, централизацию он признает неизбежной, но отнюдь не во всех отношениях благоприятной формой сохранения национального и государственного единства великороссов.

Наряду с крепостным правом Кавелин находил в частной и публичной жизни древней России и другие элементы: «воспоминание западно-русского происхождения (вечи и соборы), аристократическое начало (западно-русское княжеское и польское) и византийское (в быту церковном и во внешних атрибутах власти с Иоанна III); но все эти элементы остались на поверхности и не проникли в глубь (соборы прекратились к концу XVII в., аристократические стремления подавлены Иваном IV и династией Романовых, церковь тоже приведена в должные границы при Иване IV и Алексеем Михайловичем в борьбе с Никоном)». Указывая, что крепостное право подавило другие возможные ростки развития России, Кавелин находил ему, тем не менее, оправдание. «Безличность быта не была навязана, наложена насильственно, — писал он, — она была в нравах большинства». Это утверждение он пытался обосновать тем, что «масса свободных шла

¹¹⁵ Там же, стлб. 574.

¹¹⁶ Там же.

в кабалу», что на наказания смотрели не как на нечто позорное, а как на что-то может быть и странное, но естественное. Подобные доказательства носили характер самых общих утверждений. Кавелин не рассматривал всесторонне такое сложное явление, как закабаление, представляя его в весьма упрощенном виде. Столь же поверхностным был и его взгляд на отношение к наказаниям. Вместе с тем Кавелин понимал, что крепостная зависимость была принята населением вовсе не так безропотно и усматривал в выступлениях против крепостного права проявление начала личности, которое все-таки было на Руси «исстари» и «рвалось на свободу». Эти «проявления индивидуальности», полагал он, «идут в параллель с крепостным началом, соответствуют ему и доказывают неспособность индивидуальности создать гражданский быт; этим объясняют крепостное начало». Последнее замечание весьма существенно. Кавелин считает индивидуальность не способной создать гражданский быт, рассматривая такие ее «проявления», как бунты и казацкие выступления, в качестве отрицательных начал, несущих в себе разрушительный элемент. Поскольку же необходимость в предоставлении личности простора для деятельности все-таки явно ощущается, Кавелин видит другой путь: «В сложившемся, таким образом, быту личное начало могло быть вызвано пробуждением к нравственному, духовному развитию только извне и только начиная с высших слоев, потому что внутри, в частной и гражданской жизни не было для этого элементов». Это и было осуществлено в начале XVIII в. Петром, которого Кавелин называет «первой свободной великорусской личностью».¹¹⁷

Приведенные рассуждения Кавелина служат иллюстрацией попыток исторического обоснования программы либеральных реформ «сверху». Русские либералы боялись разрушения существующих порядков и уничтожения феодальных пережитков революционным путем. Революция, с их точки зрения, это — тот же кровавый, но бессмысленный «бунт». Нужно преобразовывать общество, предоставить свободу личности, но делать это постепенно, по инициативе правительства, так, как это делал Петр I. К этому подводят читателя построения Кавелина, именно от Петра I в его схеме тянется прямая нить к реформам 60-х гг. XIX в.

По схеме Чичерина, покончив с рассказом о постепенном закрепощении сословий в России, Кавелин начинает излагать историю столь же постепенного их раскрепощения. В его представлении начало личной свободы служило программой действий Петра I. Особую его заслугу Кавелин видит в том, что тот сумел решать задачу «очень искусно, не подвергая опасности выигранное государственное начало, идя постепенно сверху вниз, от высших слоев общества к низшим». По словам Кавелина, «Петр

¹¹⁷ Там же, стлб. 575.

наносит сильнейший удар исторически образовавшимся общественным разрядам и ставит идею государства, которому все и каждый должны служить».¹¹⁸ Он упраздняет форму Haus und Gutsherrn и «заменяет ее европейскими государственными формами». Первое сословие, которое постепенно освобождается от государственной службы, — дворянство, следом за ним — городское сословие и, наконец, крестьянство.¹¹⁹

Растянувшийся процесс освобождения сословий, по мнению Кавелина, завершается к середине 60-х гг. XIX в. Освобождение крестьянства в России, стране, представлявшей собой «мужицкое царство», имеет, по его словам, исключительное значение, не идущее в сравнение с отменой крепостной зависимости в западно-европейских странах.¹²⁰

Излагая проблему крепостного права в России, Кавелин задает вопрос: «как согласить с этим строем жизни, основанным на крепостном праве, общинный быт массы великорусского населения, его несомненную способность и привычку к общинной и артельной жизни?». Он называет этот вопрос труднейшим потому, что он, «кажется, никогда еще не был поставлен правильно». Для ответа на него необходимо отличать, чего, по его мнению, до той поры не делали, «природную способность, предрасположение, от организации, от определенной и установившейся формы отношений».

Наиболее развитыми Кавелин находил обычаи, относившиеся к общественной раскладке всякого рода повинностей, податей, сборов натурой и деньгами, а также к разделу полей и угодий. «Все другие общинные обычаи, — писал он, — не так повсеместны, как эти», и делал вывод: «Природная наша способность к общинной жизни, которой никто не отрицает, находится еще в развитии и успела принять определенные обычные формы в тех только случаях, когда обстоятельства тому благоприятствовали; но едва ли можно положительно утверждать, что общинный быт у нас уже существует, что он уже теперь представляет нечто развитое, прочно установившееся и выработанное во всех частях и повсеместно».¹²¹

Обращаясь к общинным порядкам в истории России, Кавелин замечал, что их изучению мешает то, что историки недостаточно различают «разные эпохи русской истории», что, в свою очередь, вредит «правильности исторических воззрений». По его мнению, историки имели о «внутреннем быте великорусских крестьянских и городских обществ» до царствования Ивана IV «одни только скудные известия, относящиеся почти исключительно лишь к податям, повинностям и раскладкам». На основе этих данных

¹¹⁸ Там же, стлб. 577.

¹¹⁹ Там же, стлб. 578—580.

¹²⁰ Там же, стлб. 581.

¹²¹ Там же, стлб. 633.

«трудно усмотреть следы сколько-нибудь установившейся общинной жизни в Великороссии». Наоборот, «из этих указаний, по-видимому, следует, что сельское и городское население жило вполне под частным правом или под произволом княжеских слуг и кормленщиков, тип власти которых был тот же, что и частных владельцев». Кавелин напоминает, что «в то время еще существовал свободный переход с одного места на другое, что в частных землях люди жили по договорам с владельцами и что такие договоры заключались последними не с целым обществом, а с отдельными лицами». В таких условиях «едва ли могла существовать выработанная самостоятельная жизнь городских и сельских общин». На основании этих суждений он приходил к заключению, что «до XVII века мы не имеем никаких известий об общинной жизни великорусского народа, а те сведения, которые дошли до нас, делают существование прочного общинного быта невероятным и говорят скорее против него, чем в его пользу».¹²² И далее Кавелин делает весьма важное для своей концепции заключение. Рассматривая XVII в. как время, когда «крепостное право было в полном цвету», более того, «оно определяло всю общественную и государственную жизнь во всех малейших подробностях», он утверждает, что «в течение этого века менее чем когда-либо прежде мог существовать самостоятельный быт общин», и выдвигает предположение, что, «весьма вероятно», общинный быт именно «в этом веке» начал «мало-помалу слагаться и именно под влиянием крепостного права». Кавелин разъясняет это парадоксальное утверждение: «Первый его узел завязан, как кажется, налогами, повинностями, вообще тяглом, которое сельчане и горожане должны были тянуть в пользу казны. Ей было удобнее, проще и вернее иметь дело не с отдельными лицами, а с целым городом, сотней, слободой, волостью, деревней, словом, с обществом; вследствие этого на общество легла обязанность раскладывать подати, повинности и службы». В свою очередь, необходимость выполнения повинностей и выплаты налогов в таких условиях вела к сплочению лиц, принадлежавших к податному обществу, связывала их одним общим делом и, что Кавелин считал особенно важным, создавала «юридические общинные, податные единицы, с выборными представителями во главе».¹²³ Оформлению начатков общинных отношений, возникших под воздействием крепостнического государства, мешало, по его мнению, «бремя административной опеки». Лишь ее уничтожением было «положено действительное основание к развитию сельского общинного быта».

Кавелин рассматривает положение крестьянства, «жившего на землях частных владельцев», и подчеркивает, что до XVII в. помещики и вотчинники в огромном большинстве жили в своих

¹²² Там же.

¹²³ Там же, стлб. 634.

поместьях и хозяйничали или сами, или при помощи своих приказчиков и ключников. В этих условиях «казенных и общественных повинностей и тягостей помещичьи и вотчинные крестьяне не несли». Относительно имений, принадлежавших духовному ведомству, а также и «тем из придворных чинов, которые по обязанностям службы не могли жить в своих поместьях и вотчинах», Кавелин высказывает предположение, что там, «вероятно, тоже существовало... приказчиье управление». Из сказанного, по его мнению, вытекает, что «общинный быт мог начать вырабатываться в дворянских населенных имениях лишь в XVIII веке, когда крепостные, приписанные к этим имениям, были привлечены к участию в государственных и земских повинностях, податях и службах, и когда издолье отчасти заменил оброк натурою или деньгами». Отметим, что свой вывод об отсутствии у великороссов общинного быта Кавелин строит на примере помещичьих и отчасти монастырских крестьян, но не касается крестьян, живших на черных землях. В статье «Взгляд на юридический быт древней России» он противопоставлял Центральной России, где рано сложились крепостные отношения, Русский Север как оплот русской общины. Здесь же Кавелин тенденциозно подбирает данные, подкрепляющие выдвинутое им положение об отсутствии на Руси общинных отношений. Впрочем, он оговаривается, что «все сказанное выше об общинах и общинном быте, цока, разумеется, не более как одни догадки и предположения», и далее ссылается на авторитет Чичерина, который «первый указал на податное, финансовое, тяглое происхождение наших городских и казенных сельских общин».¹²⁴ Нетрудно заметить, что вообще рассуждения об общине изложены Кавелиным в духе концепции Чичерина. Бросая взгляд на современные ему городские и сельские общины, Кавелин замечает, что и на них лежит отпечаток их «тяглового происхождения», и пишет: «Что в их быте принадлежит гению славянского племени и что истории и особенным обстоятельствам, посреди которых они развились, — покажет будущее; но в прошедшем великорусского племени они едва ли имели то значение, которое им некоторые приписывают; по крайней мере, наш древний общинный быт ничем не заявил себя в ежедневной будничной жизни, не оставил по себе следа, что было бы непременно, если б он развился и играл какую-нибудь роль в народной жизни». Он противопоставляет Великороссию, т. е. Центральную Россию, Малороссию (Украине) и России Северо-Западной, замечая, что признаки двух последних, действительно знавших общинное устройство, часто по недоразумению приписывают первой.¹²⁵ Повторяя, что в Великороссии общинное начало — явление новое, Кавелин считал его лишь развивающимся, но имеющим будущее. «Городовые

¹²⁴ Там же, стлб. 635.

¹²⁵ Там же, стлб. 635—636.

положения С.-Петербурга, Москвы и Одессы, земские и крестьянские сельские учреждения указывают на вероятный исход из старинной великорусской крепостной организации, упраздненной в течение XVIII века и первой половины XIX века». Но и в них он видит «только зародыши будущего, а не зрелый плод прошедшего». ¹²⁶

Напомнив, что общественный строй древнего великорусского общества был построен по принципу дома, двора, что по тому же принципу строилось и государство, Кавелин подходит к вопросу о значении царской власти в истории России. Исходя из того, что «домашняя дисциплина послужила образцом для дисциплины общественной и государственной», он полагал, что «в царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки, русскому народу представилась в идеальном, преображенном виде та же самая власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал». Царь, «по народным понятиям», — «само государство, идеальное, благотворное, но вместе и грозное его выражение». Поэтому царь «превыше всех поставлен вне всяких сомнений и споров... должен быть безгрешен». ¹²⁷ Несмотря на возвышенные ноты в рассуждениях о царской власти, у читателя, помнившего ранние статьи Кавелина с намеками на достоинства западноевропейского образа жизни, к которому постепенно идет и Россия, могло создаться впечатление, что, по Кавелину, царь должен олицетворять государство, а административное управление и другие государственные заботы на него возлагать не следует, т. е. можно создать систему, похожую на конституционную монархию в Великобритании. Однако последующие разделы статьи заставляют отказаться от таких предположений. Оказывается, «народ и царская власть сжились у нас, как Англия с своим парламентом; оба учреждения глубоко национальны». Заслугу Великороссии Кавелин как раз и видел в том, что она в отличие от других славянских племен и народов, подпавших под влияние «чуждых элементов» и потерявших вследствие этого свою политическую самостоятельность, оказалась способна создать «идеал государства в формах народных», т. е. самодержавие. ¹²⁸ Этот идеал, по его мнению, жил в сознании и других славянских племен: «Он тянул весь русский народ к Великороссии; он покориł Москве Новгород и Псков, присоединил к ней Малороссию», а теперь «влечет к нам народные массы в Западном крае и в самом царстве Польском». ¹²⁹

Так писал Кавелин вскоре после подавления польского восстания 1863 г. Его позиция в этом вопросе так же противостояла ясной позиции Чернышевского и Герцена, защищавших право

¹²⁶ Там же, стлб. 636.

¹²⁷ Там же, стлб. 637.

¹²⁸ Там же, стлб. 638.

¹²⁹ Там же, стлб. 638—639.

польского народа на свободу, как его взгляды на историю России — взглядам революционных демократов.

Не случайно важнейшим положением статьи Кавелина «Мысли и заметки о русской истории» стало доказательство «народного характера» царской власти в России и ее «великого значения в судьбах русского племени». Для иллюстрации своих доводов он обращается к царствованию Ивана IV. Кавелин полагает, что «период времени от Ивана IV до царя Алексея Михайловича составляет одно целое, до сих пор мало разъясненное в главных своих основаниях и пружинах».¹³⁰ В эпохе Ивана IV он, не без оснований, ищет разгадку сложных событий Смутного времени: «Сблизьте с эпохой смут фигуру Грозного, — и она предстанет перед вами в трагическом величии». В деятельности Ивана IV Кавелин усматривает реакцию на происходившие в государстве сложные изменения. «Не одна кровожадность и подозрительность заставляли его лить потоки крови — он чуял беду и боролся с ней до истощения сил».

«Грозный впервые формулирует царскую власть как принцип, возводит к единственно доступному ему по тому времени идеалу византийского императорства: но и это кажется ему недостаточным: он производит себя от Августа Цезаря как будто бы для того, чтобы придать больше авторитета, прочности и силы своей власти». Что же было причиной подобных забот Ивана IV, «неужели Грозному нужно было оправдывать царскую власть чужеземными идеалами и иностранным происхождением перед народом, который молил его возвратиться из Александровской слободы в Москву?». И Кавелин старается найти объяснение поступкам Ивана IV в особенностях исторического развития России. «Не наступи вскоре после смерти Грозного Смутное время, — пишет он, — мы были бы готовы приписать всю заботу, гнев, тревогу, опасения царя его тиранским наклонностям; но ввиду последующих событий такой приговор был бы наивен и опрометчив... Жестокости и казни Грозного — дело тогдашнего времени, нравов, положим, даже личного характера, но сводить их на одни психологические побуждения, имея перед глазами целый период внутренних смут и потрясений, невозможно... должны были быть глубокие объективные причины, вызывавшие Грозного на страшные дела».¹³¹ Эти причины Кавелин видит в том, что со времени, когда в состав Московского государства вошла «значительная часть западной России — Новгород, Псков, города и княжества литовские», оттуда в Великороссию пришли в значительном количестве «элементы, чуждые ее общественному складу», «не дававшие в западной России сложиться государству» и «столь же враждебные к нему в Великороссии».¹³² К тому же

¹³⁰ Там же, стлб. 639—640.

¹³¹ Там же, стлб. 640.

¹³² Там же, стлб. 640—641.

«эти элементы вошли главным образом в состав царских служебных чинов и, усилившись новыми литовскими и польскими выходцами из-за границы, получили в царствование Грозного большое влияние». К людям подобного рода он относил Глинских, «стоявших во главе правления», Бельского, «потомка Гедимины, соискателя литовского престола», «знаменитого» Курбского. К «этим элементам», считал Кавелин, могли присоединиться «старинные великорусские удельные князья, лишённые владений и обратившиеся в слуг московских государей». В то время «московская знать едва ли меньше сочувствовала польским и литовским порядкам, чем впоследствии шведским, французским и английским». Вот здесь, «в попытках всех этих элементов изменить по своему идеалу государственный строй Великороссии, внести в него западно-русские начала», и казалось Кавелину наиболее вероятным «искать ключа к явлениям и событиям замечательной эпохи».

Таким образом, Иван IV, в его представлении, олицетворяет собой великорусское государство, вступившее в борьбу с «западно-русскими и польскими государственными элементами, вошедшими в состав Московского государства». Доказательством Кавелин считал «обстоятельства избрания на престол Шуйского и, если верить Котошихину и псковской летописи, — самого Михаила Федоровича», а во Флетчере видел человека, черпавшего свои сведения, «по-видимому, в той среде, которая сочувствовала литовским и польским порядкам». Поэтому Флетчеру «предсказывали предстоящий переворот... Рассказ этого иностранца особенно любопытен, как отголосок партий, игравших потом большую роль в событиях Смутного времени».¹³³ Но Ивана IV Кавелин касался лишь постольку, поскольку «эпоха Грозного по своему значению во внутреннем развитии Великороссии есть преддверие к эпохе Петра и имеет с ней глубочайшую связь».¹³⁴

Однако прежде, чем перейти к Петру I, он, чтобы подчеркнуть сложность образования государства, укрепления самодержавия в России, останавливается на некоторых особенностях русского характера.¹³⁵ Они, по его мнению, осложняли процесс образования и утверждения государственных начал, поскольку у великороссов были развиты только начала семейного быта.¹³⁶

Далее Кавелин писал: «Внутренний быт России в том виде, как он сложился в XVII веке, представлял округленное и законченное целое. Московское государство было азиатской монархией в полном смысле слова. Односложная форма осуждала его на совершенную неподвижность, впредь до покорения другим народом или до внутреннего распада вследствие собственной

¹³³ Там же, стлб. 641.

¹³⁴ Там же, стлб. 642.

¹³⁵ Там же, стлб. 642—645.

¹³⁶ Там же, стлб. 645—646.

дряхлости». И если бы развитие Руси остановилось на этой точке, «трудно было бы сказать, что выиграла Великороссия перед западной Россией и прочими славянами, покорными чужеземному игу или принявшими исподволь нравы и язык других народов, более образованных... Самостоятельность на манер персидской или китайской едва ли чем лучше несамостоятельного участия в жизни других народов, которые играют роль во всемирной истории и общем ходе культуры».¹³⁷

Важное свидетельство несостоятельности существовавших в ту пору порядков усматривал Кавелин и в «брожениях» конца XVII в. Если «прежние смуты были вызваны столкновением внутри государства туземных элементов с чуждыми, внесенными извне в его состав», то «брожения» конца XVII в. были вызваны внутренним неустройством и свидетельствовали о необходимости преобразований, которые и провел в жизнь Петр I.

В рассуждениях о закономерности реформ начала XVIII в. Кавелин останавливался на тех же проблемах, о которых в свое время писал Добролюбов в статье «Первые годы царствования Петра Великого». Используя «Историю Петра Великого» Устрялова и тома «Истории России с древнейших времен» Соловьева, посвященные этому периоду, он выдвигал концепцию, существо которой сводилось к утверждению закономерности петровских реформ, их органической связи с предшествовавшей эпохой. При этом на первое место он выдвигал процесс дальнейшего укрепления самодержавия, которому способствовал и Петр I. Тем самым Кавелин обосновывал схему, исторически оправдывавшую русское самодержавие.

Этой схеме, как известно, противостояла трактовка реформ Петра I, выдвинутая сторонниками демократического направления в русской историографии и в общих чертах изложенная Добролюбовым. Появление работ Кавелина и его единомышленников побудило историков демократического лагеря больше внимания уделить в своих трудах тяжелому положению народа при Петре I, отрицательным сторонам не только великокняжеской власти в средневековой Руси, но и антинародному характеру царской власти вообще.

3. В. И. Сергеевич

В общих трудах по русской историографии¹³⁸ четко определено место, которое заняли в русской исторической науке историки младшего поколения государственной школы, среди которых наи-

¹³⁷ Там же, стлб. 646.

¹³⁸ Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 364—365; Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 122—128; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, с. 265—267.

более значительной фигурой был В. И. Сергеевич (1835—1911). В упомянутых трудах отмечаются как черты, характерные для младшего поколения историков государственной школы в целом, так и специфические особенности сочинений Сергеевича. Н. Л. Рубинштейн отметил, что в работах Сергеевича, в первую очередь в «Русских юридических древностях» и в «Лекциях по древней истории русского права», «история русского права впервые превращалась в законченную историческую дисциплину, в цельную систему всех историко-юридических сведений по русской истории». Он справедливо указал на то, что «история права у Сергеевича превратилась в своеобразную историю России и стала для него источником разрешения всех вопросов общей истории». Эти наблюдения позволяют более отчетливо представить особенности эволюции государственной школы и других школ, примыкавших к либеральному направлению в русской исторической науке. Кавелин создал своего рода канву, построенную на эволюции юридических норм, связанных, в его представлении, с развитием родовых отношений, на основе которой возникла схема закономерного развития истории России. Эта схема была дополнена и усовершенствована Соловьевым, связавшим развитие родовых отношений с возникновением и дальнейшим развитием новых, государственных отношений.

Стараясь полнее раскрыть закономерности русской истории, Кавелин и Соловьев постепенно вышли за рамки истории юридических понятий. Это особенно проявилось в «Истории России с древнейших времен» Соловьева, где наряду с историей государственных отношений значительное место отведено географическому фактору, хотя государство остается в центре внимания. Критика, которой подверглись их работы, прежде всего со стороны представителей демократического направления, привела к попыткам ряда историков выйти за рамки истории государства, заняться историей экономических отношений, историей быта и другими темами. Другим проявлением реакции на эту критику явились работы Чичерина, который вернулся к жестким рамкам историко-юридических понятий. Родовая теория в его трудах отходит на второй план, а первостепенную роль Чичерин отводит государству, различным его формам. Сергеевич идет еще дальше. Рубинштейн отмечал, что юридическая трактовка исторических явлений у Сергеевича «вела к дальнейшему разрыву исторического процесса: разрыв между периодами, произведенный Чичериным, переходил в разрыв явлений внутри самого периода... Явления общественной жизни и общественных отношений брались не в сложном комплексе действительных отношений, а в их правовом содержании. В результате получалась, с одной стороны, законченная и неизменная на значительном протяжении формула, с другой — хаос меняющихся и неупорядоченных, случайных исторических явлений». Ярким выражением именно такого подхода к историческим явлениям была уже пер-

вая крупная монография Сергеевича «Вече и князь», вышедшая в 1867 г. «Здесь в основу организации государства в древней Руси, — писал Рубинштейн, — положено чисто юридическое понятие — договор; древнерусское государство — результат договора между князем и народным представительством — вечем. Не развитие внутренних общественных отношений, а правовая сторона становится источником политической организации. Самая норма при этом лишена историчности, она заимствована из современной автору буржуазной юридической науки, из идеологии буржуазного конституционализма».¹³⁹

В книге «Вече и князь» Сергеевич подверг критике родовую теорию Соловьева, согласно которой отношения между князьями в древней Руси регулировались родовыми счетами, принципом старшинства в роде. Позднее, опровергая теорию «лествичного» восхождения при замещении княжеских столов, Сергеевич писал, что «корень ошибочного толкования источников родовой теорией заключается в том, что она отправлялась от предположения наличности строго выработанного порядка преемства для такого времени, когда люди действовали не столько по правилам, сколько в меру своей силы».¹⁴⁰ Упрекая Соловьева в модернизации прошлого, в перенесении в древнюю Русь современных понятий права, Сергеевич пошел по пути развития выдвинутой Чичериним теории договорных отношений между князьями, князьями и дружиной, князьями и народом. Присущая и этой теории тенденция к модернизации прошлого отмечалась в историографической литературе. В частности, указывалось, что, развивая эту теорию, выдвинутую Чичериним в книге «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», Сергеевич, подобно Соловьеву, вносил в отношения, существовавшие в древней Руси, современные ему правовые понятия. «Согласно утверждению Сергеевича, договорные отношения определяли собой все стороны государственной и общественной жизни древней Руси на протяжении веков. Древнерусское государство — результат договора между князем и народным представительством — вечем. В итоге правовая норма рассматривалась Сергеевичем в качестве источника политической организации».¹⁴¹

Пойдя по пути, намеченному Чичериним, и отказавшись от ряда положений Соловьева и Кавелина, Сергеевич выступил в роли защитника важнейших принципов государственной или историко-юридической школы от многочисленных критиков. Занявшись углубленным изучением юридических норм и институтов, ограничив историческое исследование рамками истории права, Сергеевич противопоставлял свою концепцию противни-

¹³⁹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 364.

¹⁴⁰ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. II. СПб., 1908, с. 369.

¹⁴¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 123—124.

кам государственной школы, которые упрекали ее в узости взгляда и отсутствии внимания к истории народа.

В начале 60-х гг. сторонники демократического направления, лишившиеся своих выдающихся руководителей — Добролюбова, Чернышевского, не прекращали критики государственной школы. В их выступлениях большое место отводилось и родовой теории, что нашло свое выражение в трудах Н. В. Шелгунова. В работах, предшествовавших книге Сергеевича «Вече и князь», он высказывался против увлечения «так называемым родовым бытом», отвергал попытки «объяснить им смысл удельной неурядицы», утверждал, что «понятие о родовом быте, т. е. о наследственном праве занимать по старшинству уделы, так, чтобы старшему в роде доставался и старший удел, если оно только существовало, было совершенно смутно». Ссылаясь на многочисленные случаи, «когда князья, изгоняя друг друга, занимали княжения наперекор всем правам наследственного старшинства, исключительно с помощью своей дружины или иноплеменной силы», Шелгунов писал, что «если бы это право жило в общем сознании, то, разумеется, время удельной борьбы не представляло бы той сумятицы, на которую Россия так безумно тратила свои силы в течение трех столетий». В князьях Шелгунов видел людей, осложнявших жизнь русского народа и во имя своих собственных интересов разорявших страну. «Рюриковичи, отличавшиеся большой плодовитостью, снабжали Русь беспокойными князьями в таком изобилии, что не проходило почти ни одного года без усобиц», — отмечал он. Междоусобная борьба князей не могла способствовать развитию у них «гражданских понятий и государственного взгляда на свои обоюдные отношения и на свои отношения к народу», вследствие чего «двести лет удельной жизни пропали не только бесплодно для цивилизации России, но не дали ей ни нравственной, ни материальной силы, которая могла бы спасти ее от внешних врагов».¹⁴²

Эти высказывания Шелгунова передают существенные черты демократической критики, стремившейся развенчать князей и самую идею княжеской власти, показать ее антинародную сущность.

Попыткой противостоят такой критике и была книга Сергеевича «Вече и князь». Опираясь на построения Чичерина, он хотел доказать законность княжеской власти на Руси и якобы присущие ей положительные черты в создании Русского государства. Трактовка же центральной темы книги — проблемы «вече и князь» — должна была стать ответом на попытки противопоставить вечевой строй, вечевые порядки в древней Руси княжеской власти, предпринятые Герценом и характерные для сочинений Костомарова. Точка зрения Сергеевича на взаимоотношения князей и веча может рассматриваться и как своеобразная попытка

¹⁴² Шелгунов Н. В. Соч., т. 1, СПб., 1904, стлб. 222, 223.

по-своему видоизменить и истолковать предложенную К.С. Аксаковым формулу «Земли и Государства». Его теория договорных отношений оставляет место и для веча и для князя, но при этом доказывает господство княжеской власти и подчиненное положение веча. Тенденция выделить роль Новгорода, подчеркнуть «вечевые», «республиканские» стороны в его общественном устройстве, свойственная многим историкам 40-х, 60-х гг., с самого начала отводится Сергеевичем под предлогом создания прежде всего «опыта обработки учреждений, общих для всей России», в котором можно лишь «мимоходом» остановиться «на некоторых особенностях, свойственных отдельным областям».¹⁴³

«Народ и князь суть два одинаково существенных элемента древнерусского общественного быта: с одной стороны, народ не может жить без князя, а с другой стороны — главную силу князя составляет тот же народ». В этой первой фразе книги Сергеевича уже заключен существенный сдвиг в трактовке важнейших положений русской истории представителями государственной школы. Критические замечания, раздававшиеся по их адресу с разных сторон и часто имевшие диаметрально противоположную политическую подоплеку, о том, что они преувеличивали роль истории государственных учреждений, истории князей и царей и не желали заниматься изучением истории народа, его деятельности и быта, не прошли бесследно. Устами Сергеевича государственная школа отвечала на эти упреки. Сергеевич с самого начала подчеркивал, что главный предмет изучения — не один князь, но и народ, созданные им формы общественной жизни.

«Вечевой быт» Сергеевич находил «явлением необходимым, а потому и всеобщим». При этом он подчеркивал не только его необходимость, но и то, что князь был вынужден с ним считаться, признавать его, иметь с ним дело, поскольку его собственное положение было еще недостаточно прочно, поскольку сама княжеская власть в древней Руси еще недостаточно окрепла: «Князь, призванный элемент волости, не имел еще своих собственных, достаточно развитых орудий управлений. У него не было ни полиции, ни войска в теперешнем смысле слова. Между князем и исполнителями его воли не было даже той поземельной связи, которая дает такую прочность отношениям феодальным и поместным». Это вынуждало его «искать опоры в согласии с народом, выдвигало народ на первый план». Уместно подчеркнуть, что в толковании Сергеевича народ и созданные им политические институты выдвигались на первый план только потому, что князь еще недостаточно твердо стал на ноги, не приобрел и средств для экономического воздействия на своих подданных. Он отмечает вынужденный характер обращения князя к вечу, институту, созданному не им самим, а народом, завершив свои рас-

¹⁴³ Сергеевич В. И. Вече и князь. М., 1867, с. II.

суждения по этому поводу следующими словами: «Таким образом, вече не есть явление одиночное, стоящее вне прямой связи с другими учреждениями княжеской России: оно составляет необходимое к ним дополнение». Переходя к вопросу о времени, до которого сохранилось «господство вечевых учреждений», Сергеевич пишет: «Как по возникновению своему вече было искусственным произведением самой жизни, а не зрелым плодом законодательного акта, так точно и отмена его совершилась не столько в силу сознательной воли изменений в древнем общественном быте, которые хотя и не были направлены к отмене вечевых учреждений, но произвели то, что народные собрания сделались ненужными и мало-помалу вышли из употребления; только под конец рассматриваемого периода встречаемся с законодательной волей, сознательно направленной к отмене последних остатков веча». ¹⁴⁴ Сергеевич, естественно, отдает предпочтение институтам, созданным сознательно, являющимся следствием законодательной политики, подчеркивает не только их большую «законность», но и историческую закономерность, в то время как все, порожденное самим народом, ему представляется и менее жизненным и не имеющим соответствующего юридического обоснования.

Обратившись к факторам, повлиявшим на падение роли вечевых собраний, он утверждал, что «первый шаг на новом пути был сделан татарским завоеванием». По его мнению, татары хоть и не остались в России, тем не менее оказали большое влияние на развитие внутривластительной жизни древней Руси. Не только для князей теперь «исполнение воли хана составляет безусловную обязанность», но и народ оказывался вынужденным подчиняться требованиям завоевателей. Поэтому «самостоятельное решение важнейших общественных вопросов (таких, как занятие княжеских столов — ханы жалуют их кому хотят) в силу взаимодействия народа и князя сменяется молчаливым исполнением воли сильного завоевателя». Татары не отменили веча, но перемещение центра государственной жизни в Орду устранило «поводы, призывающие граждан к участию в общественных делах». Замирает общественная жизнь и из-за разорения и опустошения, явившихся следствием постоянных татарских набегов. Право собираться на веча никто не отменил, «но к его осуществлению или вовсе не приходилось обращаться», или же обращались в крайне редких случаях. «Таким образом, вечевые собрания начинают выходить из употребления, хотя об отмене их еще никто и не думал», — заключает Сергеевич. ¹⁴⁵

В этой схеме, где важная роль отводится последствиям татарского нашествия, — одно из отличий его взглядов от воззрений

¹⁴⁴ Там же, с. 20.

¹⁴⁵ Там же, с. 21.

Соловьева, который считал влияние татар незначительным. Кроме того, Сергеевич видит еще две причины, обусловившие постепенное исчезновение вечевых порядков: «Установление поместной связи между служилыми людьми и князем», которое «положило начало самостоятельной военной силе последнего и его независимости от силы и воли народа», и объединение русских земель в одно государство с центром в Москве, которое «сделало невозможным прежнее участие народа в общественных делах под формой веча, а новой формы, более соответствующей изменившимся потребностям времени, не было, да и история княжеского периода вовсе не к тому шла, чтобы ее выработать».¹⁴⁶

Важным рубежом в историческом развитии России Сергеевич считал конец XV и начало XVI в., который представляется ему «тем временем, когда новые условия общественного строя достигли значительной зрелости и перешли в общественное сознание». С приближением этого времени «старый порядок вещей» (вечевой строй, — А. Ц.) все более и более утрачивал «свои силы», вследствие чего «вечевые собрания, следы которых сохранились от второй половины XIV и XV века, составляют исключение, а не правило; это последние отголоски древнего быта». Россия конца XV в. оказывается «разделенной на две мало похожих одна на другую части: Новгород и Псков являются представителями старого порядка, Москва — нового». «Вечевое устройство, сохранившееся в северо-западном углу Русской земли, мало вяжется с устройством остальной России; последние московские князья вступают в борьбу с ним и выходят победителями: в 1478 г. Ивану Васильевичу удается отменить вечевой быт Новгорода, а в 1510 г. сын его Василий уничтожает и Псковское вече».¹⁴⁷

Рассматривая вечевые порядки, Сергеевич считает нужным отметить, что «русское вече не имеет ничего общего с тою формой народного участия в общественных делах, которую представляет Английский парламент и подражания этому учреждению на Европейском континенте».¹⁴⁸

На книгу Сергеевича не замедлила откликнуться демократическая печать. Г. З. Елисеев выступил со статьей «Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия?». Она представляла собой развернутую рецензию на книги Н. Я. Аристова «Промышленность древней Руси» и В. И. Сергеевича «Вече и князь». Елисеев рассматривал вече как более раннюю, чем княжеская власть, форму правления и доказывал, что после появления князей оно продолжало выражать интересы народа. Полемизируя с Сергеевичем, он утверждал, что вече определяло политическую жизнь в древней Руси, а князья должны были ему подчи-

¹⁴⁶ Там же, с. 21—22.

¹⁴⁷ Там же, с. 22.

¹⁴⁸ Там же, с. 51.

пяться. Принимая тезис Сергеевича о том, что отношения веча и князя строились на договорных началах, Елисеев решительно выступал против предложенной им трактовки княжеской власти как основного творческого начала в древнерусской жизни. Он утверждал, что поступательное развитие в Древней Руси было возможно лишь благодаря ограничению княжеской власти со стороны веча, пока действия князей не выходили за рамки административных, военных и судебных обязанностей, возложенных на них вечем. В самих князьях Елисеев видел источник междоусобий, произвола, жестокостей и других бедствий, обрушившихся на Русскую землю. Подчеркивая значение веча и вечевого начала, он указывал на «ничтожество власти, предоставленной князьям в Древней Руси».¹⁴⁹

Статья Елисеева выражала взгляды демократической критики на новую трактовку истории государственных отношений в древней Руси, предложенную Сергеевичем, указывала на тенденциозность построений и на слабые стороны его схемы.

В 1876 г. вышла в свет книга М. Д. Затыркевича «О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование Русского государства в домонгольский период».¹⁵⁰ В ней речь шла о предметах, не раз обсуждавшихся в исторической и историко-юридической литературе, посвященной истории Киевской Руси, в том числе и в работе Сергеевича. Однако ко многим вопросам автор подходил по-новому. Почти на каждой странице он выдвигал положения, противоположные взглядам Сергеевича и других представителей историко-юридической школы. Затыркевич писал о «революционном движении городов»,¹⁵¹ «о восстании городов против княжеской власти».¹⁵² Именно в этих событиях он усматривал борьбу между сословиями, являющуюся, в его представлении, одной из главных движущих сил исторического развития, приведших к образованию Русского государства. Затыркевич по-новому рассматривал и само понятие «сословие». Под сословиями он подразумевал не различные категории населения, имевшие определенные права, в той или иной форме закрепленные юридическими актами, а группы, отличавшиеся друг от друга не «образом жизни и занятиями, но своим происхождением и общественным положением».¹⁵³ Такое определение понятия «сословие» не было достаточно четким, на что не преминул обратить внимание его главный, впрочем и единственный, оппонент Сергеевич, написавший на книгу резко отрицательную рецензию. Вместе с тем можно увидеть, что Затыркевич стремился рассматривать сосло-

¹⁴⁹ Елисеев Г. З. Соч., т. 1, М., 1894, стлб. 110, 115.

¹⁵⁰ Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование Русского государства в домонгольский период. М., 1876.

¹⁵¹ Там же, с. 225.

¹⁵² Там же, с. 257.

¹⁵³ Там же, с. 167.

вия как своего рода социальные группы. В древней Руси он видел два основных сословия: сельское и городское. В состав сельского сословия входили смерды. Городское сословие составилось, по его представлению, «из беглых рабов, преступников и промышленных людей, пришедших в славянские города из разных городов Юга, Северо-Востока и Запада». «Это сбродное, свободное население на правительственном языке того времени было известно под общим именем изгоев».¹⁵⁴ Второй путь возникновения промышленного (городского) сословия Затыркевич видел в поселении князьями и боярами своих дворовых людей возле городских стен для занятий земледелием и промышленностью.¹⁵⁵ Рассматривая условия жизни и общественное положение городского сословия, он обращается по существу лишь к этой второй категории, называя ее посадскими людьми. Сельскому и городскому населению противостоит боярство. Взаимоотношения боярства с этими сословиями носят характер крепостных отношений. «Посадские люди первоначально были крепостного или рабского состояния». По его мнению, бояре имели власть и над смердами, которые являлись остатками бродячих народов и «еще задолго до времен Рюрика были покорены князьями и боярами городов старославянских». Он считал, что и после того, как власть над смердами от славянских бояр перешла к Рюриковичам, «бояре во многих местностях до позднейших времен сохранили государственную власть над бродячим населением».¹⁵⁶

Таким образом, в представлении Затыркевича оба сословия находились под властью отчасти бояр, отчасти князей. Они тяготились своей зависимостью и делали попытки освободиться, изменить свое положение. Их выступления он рассматривает как проявление борьбы сословий против боярства. Наиболее ярко эта борьба выразилась в городских восстаниях, сопровождавшихся изгнанием князей и известными изменениями в положении городского сословия. Рассматривая боярство как сословие, угнетавшее сельское и городское население, Затыркевич в особую категорию выделяет князей. Он делит их на тех, кого любил народ и к кому враждебно относились бояре, и на тех, кого поддерживали бояре и не любил народ. В отдельное сословие он выделял и дружинников.¹⁵⁷

Особенное внимание к народным движениям, настойчивые попытки объяснить их природу серьезными противоречиями между сословиями были важным шагом по пути изучения истории Киевской Руси. Можно сказать, что Затыркевич приблизился к пониманию классовой природы народных движений в Киевской Руси, к самому представлению о классах. Очень важной была и мысль

¹⁵⁴ Там же, с. 93.

¹⁵⁵ Там же, с. 101.

¹⁵⁶ Там же, с. 108, 109.

¹⁵⁷ Там же, с. 207.

о том, что борьба между сословиями является одной из главных движущих сил исторического развития. Эти положения Затыркевича были сами по себе значительным шагом вперед по сравнению с концепцией русской истории Соловьева, взглядами предшественников младшего поколения историко-юридической школы, да и с более поздней концепцией В. О. Ключевского.

Повышенный интерес Затыркевича к истории борьбы между сословиями был продиктован скорее всего его увлечением сравнительно-историческим методом. В основе его книги лежало стремление сопоставить развитие социальных отношений в Киевской Руси и в средневековой Европе. Он пытался найти в русском средневековье элементы феодальных отношений, существование которых на Руси отрицалось его предшественниками и современниками. Стараясь обнаружить в Киевской Руси институты, подобные западноевропейским, Затыркевич сделал целый ряд интересных наблюдений, но в ряде случаев прибег к довольно искусственным построениям, занявшим в его системе значительное место. К их числу относится прежде всего его теория о постепенном вытеснении славянского и варяго-русского элементов предшественниками кочевых народов в окружении князей. Это варварское окружение придавало варварский характер и всему устройству Киевской Руси. Страх перед недовольным народом заставлял князей искать опору в варварах-дружинниках. Поэтому их надеются землей, и они, подобно западноевропейским феодалам, оказывались в вассальной зависимости от князя. Таким образом, борьба между народами и борьба между сословиями толкали Киевскую Русь на путь феодальных отношений, которые полностью складываются, по мнению Затыркевича, с перенесением центра Русского государства на Северо-Восток.

В общей схеме Затыркевича причудливо переплетаются тонкие наблюдения, которые можно рассматривать как прообраз теории русского феодализма, выдвинутой спустя два десятилетия Н. П. Павловым-Сильванским, и искусственные построения, несостоятельность которых бросалась в глаза и в значительной степени обесценивала его концепции. Скорее всего этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что взгляды Затыркевича не получили поддержки у современников, а впоследствии почти не привлекали внимания авторов историографических работ.

Единственным откликом на книгу Затыркевича была упомянутая рецензия Сергеевича. Сергеевич увидел в Затыркевиче противника направления, к которому принадлежал сам, и счел своим долгом выступить против него в самой резкой форме. Сергеевич писал, что «в своих выводах автор руководствовался не содержанием наших памятников, а желанием во что бы то ни стало найти в ходе нашей истории те же черты, которые наблюдаются в ходе истории западноевропейских государств». Признавая, что «в развитии нашей истории встречаются многие аналогические явления с явлениями истории западноевропейских народов» и что

«эти сходства не вполне еще раскрыты нашею исторической наукой», он считал, что Затыркевич «отнесся к поставленной им задаче, верность которой нельзя не признать, слишком смело», что в жертву оригинальности он принес и «действительный смысл наших источников и характеристические особенности нашего исторического развития».¹⁵⁸

Можно предположить, что разгромный характер рецензии Сергеевича тяжело подействовал на Затыркевича: после своей первой и последней книги он вообще оставил занятия историей, уехал в свое поместье и занялся сельским хозяйством. Но его взгляды заслуживают внимания. Как случилось, что занявшийся историей юрист стал пересматривать основные положения историко-юридической школы? Почему далекий от революционного движения помещик в своих исторических изысканиях подчеркивал существование в древней Руси антагонистических групп и борьбу между ними, считал борьбу между угнетателями и угнетенными важнейшим двигателем исторического процесса? Исследование этих вопросов может помочь разобраться в особенностях эволюции либерального направления в русской историографии второй половины XIX в., происходившей в немалой степени под влиянием критики сторонников демократического направления. Общий ход мысли Затыркевича в значительной мере был обусловлен настроениями, господствовавшими в довольно широких кругах русских ученых в середине и во второй половине XIX в. Мы уже отмечали, что признание факта феодальных отношений на Руси и наличия борьбы между сословиями в работе обусловлено применением сравнительно-исторического метода. Немаловажная деталь: свою книгу Затыркевич сопроводил эпиграфом из Дарвина. Очевидно, идеи позитивистской философии, взгляды Бокля, попытки применить к истории человеческого общества приемы изучения живой природы не прошли для него бесследно. Вместе с тем в его воззрениях они получили иное преломление, чем во взглядах Н. Г. Чернышевского, выдвинувшего антропологический принцип при изучении общественных явлений, или у А. П. Щапова, искавшего в особенностях природы в ее влиянии на человека объяснение причин развития общества. В построениях Затыркевича можно усмотреть попытку ответить на критику со стороны представителей демократического направления, которые отмечали, что историки не показывают борьбу, происходившую между господствующими слоями общества и основной частью населения в истории России. Как бы отвечая на этот упрек, он обратился к изучению борьбы между сословиями. Но при всем своеобразии взглядов Затыркевича и их отличии от взглядов сторонников государственной школы его следует считать представителем

¹⁵⁸ Сергеевич В. И. Исследования г. Затыркевича в области домонгольского периода русской истории. — Журнал Министерства народного просвещения, 1876, № 1, с. 234.

либерального направления в русской историографии, а его концепцию — своеобразной реакцией на дискуссии вокруг исторических проблем, развернувшиеся в тот период.

Стоит отметить, что предложенная им схема обходила проблемы экономического развития, замыкалась в кругу понятий политического и юридического характера. В этом смысле превосходство построений В. О. Ключевского состояло в большом внимании к проблемам экономической истории, в то время как Затыркевич больше подчеркивал необходимость изучения социальной борьбы.

Концепция Затыркевича свидетельствовала о том, что определенная часть историков либерального направления искала новые пути решения исторических проблем. Эти поиски вели к изучению проблемы классов и их взаимоотношений в истории русского общества. При этом столкновении между враждующими классами, названное Затыркевичем «борьбой между сословиями», оказывалось важнейшим моментом в истории страны, одной из главных причин ее развития.

Что же касается Сергеевича, то его выпад против Затыркевича отражал настроения той части представителей историко-юридической школы, которые не желали допускать пересмотра своих исторических построений, тесно связанных с историческим обоснованием самодержавного строя.

С именем Сергеевича связано еще одно событие, непосредственно касающееся борьбы между различными направлениями в русской историографии, — его выступление против книги В. О. Ключевского «Боярская дума». Это выступление и вызванная им полемика проанализированы в монографии М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский».¹⁵⁹ М. В. Нечкина подчеркивает политическую сторону этой дискуссии. Она показывает, что Сергеевич выражал настроения Николая II и его окружения, выступавших против ограничения самодержавия: «Сергеевич явился идеологом этой правительственной линии, безоговорочным защитником неограниченного самодержавия».¹⁶⁰

Концепция Ключевского по сравнению с концепцией Сергеевича была более сложной и вместе с тем более прогрессивной. «Поэтому, хотя Сергеевич и Ключевский, правда, в разной степени, считались близкими к историко-юридической школе, между ними есть огромная разница: в то время как явно устаревшая для своей эпохи „самодержавная“ концепция Сергеевича тянула науку назад, понимание той же проблемы Ключевским двигало ее — в рамках буржуазной науки — вперед».¹⁶¹

При сопоставлении приведенной выше характеристики Сергеевича Н. Л. Рубинштейном с оценкой М. В. Нечкиной можно за-

¹⁵⁹ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 364—370.

¹⁶⁰ Там же, с. 369.

¹⁶¹ Там же, с. 369—370.

метить известное различие. Н. Л. Рубинштейн связывал его взгляды с идеологией буржуазного конституционализма.¹⁶² М. В. Нечкина видит в Сергеевиче безоговорочного защитника неограниченного самодержавия. Но противоречия здесь нет. Н. Л. Рубинштейн писал о книге «Вече и князь», вышедшей в 1867 г., М. В. Нечкина имеет в виду выступление Сергеевича против Ключевского, относящееся к 1896 г. Они характеризуют разные периоды в деятельности как самого Сергеевича, так и историко-юридической школы, которую он представлял.

В середине 60-х гг. XIX в., вскоре после первой революционной ситуации, Сергеевич, усовершенствуя схему государственной школы, вводит в свою концепцию проблему взаимоотношений княжеской власти и народного представительства. В этой концепции он видел историческое обоснование такой формы конституционной монархии, которая обеспечивала возможно большие полномочия императора и ставила в зависимость от него возможные формы представительных учреждений. Эта особенность концепции Сергеевича была отмечена представителями демократического направления и подвергнута критике.

Выступления Сергеевича против Затыркевича в середине 70-х гг. и против Ключевского в 90-е гг. — свидетельства дальнейшего сдвига его вправо, выразившегося в усилении нападков на историков либерального направления, пытавшихся в рамках буржуазной исторической науки найти более прогрессивное толкование важнейших проблем истории России, и в обосновании уже не каких-то ограниченных вариантов конституционной монархии, а самодержавного строя.

¹⁶² Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 364.

**1. Эволюция демократического направления
от просветительства к народничеству**

Вторая половина XIX века — сложный период в развитии демократического направления в русской историографии. Представители демократического, революционного лагеря, выступавшие с сочинениями на исторические темы, всегда находились в трудном положении. За редчайшими исключениями они не имели возможности профессионально заниматься историей. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов писали статьи по истории паряду с работами, посвященными общественно-политическим, философским, экономическим и литературно-критическим вопросам, которым они должны были во многих случаях уделять большее внимание. Но, несмотря на неблагоприятные условия, революционно-демократическое направление в 40—60-е гг. добилось больших успехов в разработке исторических проблем как в общеисторическом и философском плане, так и применительно к истории России. Особенно важную роль в этом сыграли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Вершина их деятельности в этой области падает на годы первой революционной ситуации и предшествовавший ей период. Идейные вожди и руководители революционной демократии, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов способствовали быстрому развитию революционных традиций в русской общественной мысли, оказав огромное влияние и на историческую науку, в которой они видели одно из средств обоснования своей революционной программы. Критически оценивая труды официально-охранительных и либеральных историков, они подвергли обстоятельному анализу сочинения Н. Г. Устрялова, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова. Сопоставляя взгляды историков-охранителей и историков либерального направления, Чернышевский и Добролюбов указывали на превосходство «нового» направления в лице Кавелина и Соловьева над Погодиным и Устряловым, отмечали антисамодержавные тенденции в ранних работах Костомарова. Вместе с тем вожди революционной демократии со всей определенностью вскрыли антинародную и антиреволюционную направленность исторических концепций, выдвинутых русским либерализмом.

Особенно большое значение имели статьи и рецензии Чернышевского, направленные против Б. Н. Чичерина, чьи труды были наиболее типичным проявлением эволюции русских либеральных деятелей в сторону все большего сближения с самодержавием и их нарастающей враждебности к революционным идеям. Противопоставив построениям либеральных и охранительных историков свою трактовку истории России, Чернышевский и Добролюбов внесли выдающийся вклад в разработку революционно-демократической концепции русской истории. Вслед за Белинским и Герценом они развивали учение о народе как творческой силе истории, доказывали существование объективных закономерностей исторического процесса, полагая, что важнейшей среди них является постоянное поступательное развитие человеческого общества — исторический прогресс. Понятие исторического прогресса для Чернышевского и Добролюбова было неразрывно связано с борьбой нового со старым, передовых общественных сил — с реакционными. По сравнению с Белинским и Герценом они углубили проблему борьбы угнетенных с угнетателями как движущей силы исторического процесса и более тесно связали ее с признанием решающей роли народных масс в истории. В советской историографической литературе отмечается, что «Добролюбов и Чернышевский приближались к пониманию классовой борьбы как движущего начала истории».¹ В. И. Ленин писал, что от сочинений Чернышевского «веет духом классовой борьбы».² «Величайший представитель утопического социализма в России»,³ «русский великий социалист домарковского периода»⁴ — так назвал Чернышевского Ленин. В этих ленинских определениях отмечены как сильные, так и слабые стороны взглядов Чернышевского. Чернышевский, как и Добролюбов, полагал, что прогрессивное историческое развитие приведет к торжеству идей социализма, к созданию социалистического общества в России и во всем мире. При этом они считали, что Россия может прийти к социализму, минуя капитализм. Такое развитие событий в их представлении могло иметь место в случае крестьянской революции, которую Чернышевский и Добролюбов ошибочно рассматривали как социалистическую. Крестьянская община в России, по их мнению, открывала возможность для социалистического развития. Причины утопического восприятия Чернышевским и Добролюбовым русской общины коренились в социально-экономической отсталости России, в непонимании роли пролетариата при переходе к социализму. Но утопические построения у Чернышевского и Добролюбова сочетались с революционным демократизмом, что обуславливало их глубоко критический подход к капиталистическому

¹ Историография истории СССР. М., 1971, с. 218.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

³ Там же, т. 24, с. 335.

⁴ Там же, т. 41, с. 55.

строю. И даже идеалистические выводы, к которым приходил Чернышевский в анализе исторического процесса, согласно которым в истории «знание — основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни»,⁵ соседствовали с серьезными рассуждениями о значении экономического фактора в истории, дававшими наиболее глубокое для того времени обоснование этой проблемы.⁶

Чернышевский и Добролюбов критиковали «норманскую теорию», раскрывая сущность социального неравенства на Руси еще в древнейшие времена. Выступая против идеализации допетровской эпохи, присущей славянофилам, они показали крепостнический характер правительственной политики в Русском централизованном государстве. Видное место в революционно-демократической историографии заняла выдвинутая Чернышевским и Добролюбовым трактовка реформ начала XVIII в. Обосновывая закономерность этих реформ, они вместе с тем постепенно преодолевали идеализацию Петра I, характерную для Белинского и Герцена. Обращаясь к истории русского освободительного движения, они соединяли исследование этой острой проблемы с изучением современности.⁷

Наряду с Чернышевским и Добролюбовым в этот период изучением истории России с революционных, демократических позиций занимались Н. В. Шелгунов, Г. З. Елисеев и М. А. Антонович, сотрудничавшие в «Современнике», Д. И. Писарев, М. И. Михайлов. Близок к ним был и историк-демократ А. П. Щапов, единственный из представителей демократического лагеря, имевший некоторое время профессорскую кафедру в Казанской духовной академии.

После смерти Добролюбова и ареста Чернышевского русское революционное подполье и развитие революционной мысли переживают трудный период. Обостряются разногласия между различными группами демократического лагеря. Наиболее ярко они проявились в полемике между двумя самыми значительными демократическими журналами тех лет — «Современником» и «Русским словом», полемике, вошедшей в историю под названием «раскола в нигилистах». Выстрел Д. В. Каракозова в Александра II привел к разгрому революционной организации И. А. Ишутина — И. А. Худякова и послужил сигналом для преследования демократов. На деятельность «Народной расправы» наложила отпечаток присущая ее создателю С. Г. Нечаеву склонность к мистифика-

⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 6.

⁶ См.: Историография СССР, с. 221—222.

⁷ Историческим взглядам Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова посвящены обстоятельные разделы в «Очерках истории СССР» (т. II, М., 1960), в «Историографии истории СССР» (М., 1971) и в исследованиях В. Е. Иллерицкого «История России в освещении революционеров-демократов» (М., 1963) и «Революционная историческая мысль в России» (М., 1974).

ции и неблагоприятным приемам борьбы. Во время процесса «нечаевцев» правительство попыталось использовать это обстоятельство для компрометации революционного движения.

Переходный период от взглядов «шестидесятников» к воззрениям «семидесятников» нашел свое отражение и в демократической историографии. В исторической литературе демократического направления все большее внимание уделяется «самобытности» исторического развития России, возрастает интерес к истории общины. В ней видели средство перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Постепенно складывалась народническая доктрина, элементы которой проскальзывали еще в высказываниях А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Народничество окончательно оформляется на рубеже 60—70-х гг. XIX в. Его главными выразителями становятся М. А. Бакунин, П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев.

Подлинная сущность народничества была вскрыта марксистами — Г. В. Плехановым и особенно В. И. Лениным, который глубоко проанализировал народничество как сложное явление в общественно-политической и социально-экономической жизни России. Ленин указал на характерные особенности взглядов народников, отличавшие их от воззрений их предшественников. Важнейшими отличиями он считал следующие: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом... 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности... 3) Игнорирование связи „интеллигенции“ и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов».⁸

Советские историки проделали большую работу по исследованию народничества и демократического направления в русской историографии и добились несомненных успехов в изучении передовой общественной мысли. Период, связывающий исторические взгляды революционно-демократических деятелей 50-х—начала 60-х гг. и народническую историографию, также достаточно исследован в нашей исторической литературе.⁹ Во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР» были помещены написанная В. Е. Иллерицким глава «Революционно-демократическое направление в русской историографии»¹⁰ и написанная А. М. Станиславской глава «Народническая историография 70—90-х годов».¹¹ Хотя период, связывавший «шестидесятников» и «семидесятников», не был предметом специального рассмотрения, в «Очерках» содержатся принципиально важные высказывания о связи между этапами в развитии демократической историогра-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 528—529.

⁹ См.: Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России, с. 242.

¹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960, с. 7—80.

¹¹ Там же, с. 171—218.

фии, высказывания, имеющие большое значение для дальнейшей разработки этой проблемы. В «Очерках» отмечено, что истоки народничества восходят к концу 40-х гг., что во взглядах Герцена, Чернышевского, Добролюбова были существенные народнические черты. «Неправильно было бы говорить, — подчеркивается в «Очерках», — о какой-то пропасти между представителями русского общественного движения 50-х—начала 60-х гг. и революционными деятелями последующего периода. Революционные народники 70-х гг., так же как и великие русские просветители 60-х гг., принадлежат к лагерю революционной демократии, противостоявшему лагерю реакционного крепостничества и либеральной буржуазии». ¹² В свете ленинских высказываний можно говорить о народническом периоде в русском революционном движении как в широком, так и узком смысле этого слова. «От широкого термина „народнический“, иногда применяемого Лениным ко всему разночинскому революционно-демократическому периоду русского революционного движения (от 1861 до половины 90-х гг.), надо отличать тот этап развития, который можно назвать собственно народническим (с конца 60-х гг.), когда отчетливо проявляется и утверждается в народнической идеологии та система ошибочных взглядов, которая позже вызовет марксизм на острую и последовательную борьбу с народничеством». ¹³

Наряду с постановкой вопроса о связи между историческими взглядами «шестидесятников» и «семидесятников» в «Очерках» отмечено значение исторических работ, написанных с демократических позиций в годы, последовавшие за первой революционной ситуацией и предшествовавшие окончательному оформлению народнической доктрины. Б. П. Козьмин в разделе, посвященном А. П. Щапову, указал на наличие в его взглядах черт, перекликавшихся с народническими идеями. ¹⁴ В. Е. Иллерицкий отметил исторические сочинения Н. В. Шелгунова, Д. И. Писарева, М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева. ¹⁵ В книге «История России в освещении революционеров-демократов», посвященной Белинскому, Герцену, Чернышевскому и Добролюбову, В. Е. Иллерицкий подверг анализу и работы по русской истории Н. В. Шелгунова. ¹⁶ В рецензии на эту книгу Н. Г. Сладкевич подчеркнул необходимость изучения вопроса о соотношении революционно-демократической (40—60-е гг. XIX в.) и народнической исторической мысли. ¹⁷

В нашей книге «Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х гг. XIX в.» разобраны исторические

¹² Там же, с. 172.

¹³ Там же, с. 173.

¹⁴ Там же, с. 77.

¹⁵ Там же, с. 45, 46.

¹⁶ Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов.

¹⁷ Вопросы истории, 1965, № 1, с. 154, 155.

сочинения Г. З. Елисеева, Н. В. Шелгунова, А. П. Шапова, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова, С. С. Шашкова, служившие своего рода ступенью между демократической историографией конца 50-х—начала 60-х гг. и народнической историографией.¹⁸ В монографии В. Е. Иллерицкого «Развитие революционной исторической мысли в России» специальная глава «Проблемы истории в оценке революционных деятелей 60-х годов» посвящена периоду, связывающему «шестидесятников» (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов) и народников, как составной части общего процесса развития демократического направления, как определенной ступени между взглядами Чернышевского и Добролюбова, с одной стороны, и народников — с другой. В ней характеризуются исторические взгляды Н. В. Шелгунова, Д. И. Писарева, А. П. Шапова, Г. З. Елисеева, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова.

Деятельность этих и некоторых других представителей демократического направления была тесно связана с общественно-политической жизнью и революционным движением 60-х гг. Одним из самых талантливых публицистов, критиков и философов этого периода был Д. И. Писарев. Его литературная деятельность началась еще при жизни Добролюбова и до ареста Чернышевского, но наивысшего расцвета достигла в годы, когда первый умер, а второй был сослан. Писарев был главной фигурой в демократическом журнале «Русское слово» до тех пор, пока царское правительство не бросило его в Петропавловскую крепость. Большое влияние на Писарева оказали Чернышевский и Добролюбов, хотя в его взглядах было немало отличий от их воззрений. Это влияние нашло отражение и в его исторических взглядах. Писарев стремился раскрыть объективные законы истории, отстаивал идею о решающей роли народных масс. Исторический прогресс он рассматривал как борьбу нового со старым, угнетенного большинства против угнетающего меньшинства. Главное внимание Писарев обращал на общеисторические проблемы, значительно меньше обращаясь к истории России. Н. В. Шелгунов, выдающийся публицист 60-х гг., наряду с общими вопросами истории занимался и русской историей. Он многое сделал для продолжения традиции Чернышевского и Добролюбова. Некоторое время он находился под воздействием народнических взглядов, но к концу жизни освободился от них. В исторических работах Г. З. Елисеева, И. А. Худякова и И. Г. Прыжова переплетались идеи, которые восходили к концепциям Чернышевского и Добролюбова, и попытки отстаивать мысль о «самобытном развитии» России, ставшую затем составной частью народнической доктрины. Черты народнических воззрений были присущи и А. П. Шапову, особенно в период, когда он выдвигал «земско-об-

¹⁸ Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х гг. XIX в. Л., 1971.

ластную» теорию. Работы этих историков отличали враждебность к самодержавию, интерес к истории народа и народных движений. Их научная деятельность страдала от преследований царского правительства. Щапов был лишен профессорской кафедры и в 1862 г. выслан в Сибирь. В сибирской ссылке преждевременно оборвалась жизнь И. А. Худякова, осужденного по делу Д. В. Каракозова, и И. Г. Прыжова, осужденного на процессе «Народной расправы». Вместе с тем следует отметить, что с точки зрения философского осмысления исторических проблем Писарев, Шелгунов и в еще большей мере Елисеев, Худяков, Прыжов и Щапов стояли ниже Чернышевского и Добролюбова.

Ограничиваясь общей характеристикой демократической историографии 60-х гг., не вызывающей расхождений между исследователями, мы не будем касаться спорных вопросов. Заметим лишь, что В. Е. Иллерицкий, как и В. А. Муравьев в рецензии в «Вопросах истории»,¹⁹ не согласился с нашей оценкой Г. З. Елисеева, тесно сотрудничавшего с Чернышевским в «Современнике», а впоследствии эволюционировавшего в сторону либерализма. Полагая, что В. А. Муравьев прав, когда пишет, что для оценки политических взглядов Елисеева еще нужен «углубленный труд исследователей»,²⁰ напомним о ленинском высказывании, относящемся к статье Г. З. Елисеева «Плутократия и ее основы» в № 2 «Отечественных записок» за 1872 г. В. И. Ленин видел в статье «протест против прикрытого демократизмом плутократизма».²¹ Вскрывая сложность позиции ее автора, Ленин писал, что в статье «Плутократия и ее основы» протест, «характерный для социалиста, и ценен в его рассуждении», что он «противоречит общей теории журнала: они ведь отрицают какие бы то ни было буржуазные моменты, элементы и интересы в крестьянской реформе, отрицают классовый характер русской интеллигенции и русского государства, отрицают существование почвы для капитализма в России — и тем не менее не могут не чувствовать, не осязать капитализма и буржуазности».²² В заключение Ленин писал: «И поскольку „Отечественные записки“, чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазными либерализмом и демократизмом, — постольку они делали дело, общее всем нашим первым социалистам, которые хотя и не умели понять этой антагонистичности, но признавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность; — постольку „Отечественные записки“ были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата)».²³ Высказывание Ленина свидетельствует о сложном переплетении различных элементов во взглядах «семидесятников» и доказывает, что вопрос о без-

¹⁹ Вопросы истории, 1972, № 4, с. 157—160.

²⁰ Там же, с. 159.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 293.

²² Там же.

²³ Там же.

оговорочном отнесении Елисеева к либералам не следует решать с излишней поспешностью.²⁴

В конце 60-х—начале 70-х гг. XIX в. народническая доктрина оформилась в своем окончательном виде. На сцену выступили ее главные теоретики — М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Они выражали взгляды революционного народничества. Это обусловило их интерес к вопросам тактики революционной борьбы, проблемам философии и социологии. Будучи сторонниками крестьянской революции, активной революционной борьбы, они и в истории главное внимание обращали на положение народа и революционные события. Это несколько затушевывало специфически народнические черты в их исторических работах.

По мере развития капиталистических отношений в пореформенной России происходили важнейшие изменения в экономической и в общественно-политической жизни. Формировался пролетариат, усиливалось расслоение крестьянства. Рабочий класс становился гегемоном в русском революционном движении. В этой обстановке мелкобуржуазная сущность народничества выступала все более отчетливо. Народничество постепенно теряло черты крестьянской революционности и свой боевой характер. Шел процесс вырождения народничества в «пошлый мещанский радикализм».²⁵ Если революционные народники, наблюдая раннюю стадию капиталистического развития, не понимали ее сущности и значения, но готовы были вступить в смертельную схватку с самодержавием, то либеральные народники, сознательно затушевывая расслоение крестьянства, трусливо заняли примиренческую позицию по отношению к самодержавию. Постепенно либеральные народники утрачивали и свою былую враждебность к либерализму. Именно это имея в виду, В. И. Ленин писал, что «народничество расплывалось в либерализме».²⁶

В «Очерках истории исторической науки в СССР» отмечены как черты, характерные для народничества в целом, так и особенности, присущие революционному народничеству и народничеству либеральному. Подход революционных народников к русской истории, их понимание исторического процесса были направлены против монархических и буржуазно-либеральных исторических теорий. Народничество 70-х гг. XIX в. сохраняет представление о народных массах как об активной революционной силе, интерес к истории революционного движения и народных восстаний, понимание классовой ограниченности буржуазной ре-

²⁴ В. Р. Лейкина-Свирская обратила внимание на то, что в статьях, авторы которых категорически относят Г. З. Елисеева к либералам, обходится молчанием приведенное высказывание В. И. Ленина (Лейкина-Свирская В. Р. Публицистика Г. З. Елисеева в «Отечественных записках». — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Т. IV. Казань, 1969, с. 80).

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 272.

²⁶ Там же, т. 8, с. 77.

волюции. Оно стремится противопоставить ей крестьянскую революцию, разоблачает роль самодержавия в русской истории, раскрывает революционный характер исторического прошлого русского народа. «Идея революции была стержнем и общетеоретических и исторических построений народничества 70-х годов».²⁷ Революционные народники не оставили значительных работ по русской истории. М. А. Бакунин изредка обращался в своих статьях и выступлениях к отдельным историческим событиям, главным образом к народным восстаниям и событиям Смутного времени. Для этого теоретика анархизма характерно резко враждебное отношение к самодержавию, государству и централизации. Так же смотрели на эти проблемы П. Л. Лавров и В. Н. Фигнер. Наметившийся еще в исторической литературе 60-х гг. отрицательный взгляд на деятельность Петра I получил поддержку П. Л. Лаврова. У некоторых народников своеобразно трансформировались взгляды сторонников федеративного строя (среди которых были такие отличные друг от друга историки, как Шапов и Костомаров). Будучи враждебен всякой централизации, отрицательно оценивал присоединение Украины к России М. А. Бакунин. П. Л. Лавров вслед за А. И. Герценом сетовал по поводу присоединения Новгорода к Москве.²⁸

Воплощая в жизнь идею о создании популярной исторической литературы, зовущей к революционной борьбе, выдвинутую Н. В. Шелгуновым и И. А. Худяковым, революционеры-народники создали ряд предназначенных для народа книг. П. Л. Лавров написал яркую агитационную статью «Счеты русского народа», направленную против российского самодержавия, С. М. Степняк-Кравчинский — книги «Россия под властью царей», «Подпольная Россия», «Русская грозная туча» и «Царь-чурбан и царь-цапля». Подводя итоги деятельности революционеров-народников в области истории, В. Е. Иллерицкий отмечает ее несомненную революционную направленность. Вместе с тем, поскольку «в народнической историографии 70-х годов, опиравшейся на несостоятельные теоретические принципы, познавательные научные возможности, которые заключались в революционно-демократической концепции на предшествующем этапе ее развития, начали иссякать», он справедливо видит в ней «завершающий этап в развитии революционной исторической мысли в России в домарксистский период».²⁹

У либеральных народников меняется тематика исторических сочинений: почти полностью исчезает тема революционной борьбы и народных движений, зато резко возрастает число работ, посвященных русской общине и ее истории. Главным становится

²⁷ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 190.

²⁸ Там же, с. 188.

²⁹ Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России, с. 333.

вопрос об «особом пути» России, о возможности некапиталистического развития, проблема же крестьянской революции постепенно снимается. Изучением такого «особого пути» занялись известные народнические экономисты В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Южаков, Н. А. Карышев и другие. Им удалось собрать богатый фактический материал и сделать немало интересных и ценных наблюдений. Однако предвзятая идея «особого пути» развития России, положенная в основу их концепции, привела к тому, что в своих работах они представили искаженную картину социально-экономического развития России.

Несколько иное положение занимали в либерально-народническом лагере такие историки, как П. А. Соколовский и А. Я. Ефименко, занимавшиеся изучением истории общины, и В. И. Семевский — создатель основательных трудов по истории русского крестьянства.

П. А. Соколовский в книгах «Очерк истории сельской общины на Севере России» (СПб., 1877) и «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом» (СПб., 1878) доказывал, что община в России существовала с древнейших времен первоначально в виде общины-волости, не знавшей экономического неравенства и принуждения, земельных переделов. Внутренняя жизнь общины была построена на основе равного права ее членов. По мнению Соколовского, подобная община-волость «в самый ранний период истории русского народа» господствовала по всей России. В центре России она исчезла задолго до XVI в. и в первоначальном состоянии уцелела в XV—XVI вв. лишь на Севере. Гибель общины-волости Соколовский объяснял победой помещного и вотчинного землевладения, насаждавшегося государством. В результате такого вмешательства извне на смену общине-волости пришла деревенская община с господством принудительных отношений и уравнительными переделами. Соколовский выступал против государственной школы, утверждая, что собранный Б. Н. Чичериным материал, доказывавший отсутствие переделов и свободу распоряжения крестьян земельными участками в XV—XVI вв., не находится в противоречии с народнической теорией об исконности общины. В советской историографической литературе отмечают прогрессивные черты теории Соколовского, но указывается, что «его представления об эволюции формы общины под одним лишь влиянием государственного вмешательства были односторонними».³⁰

С именем А. Я. Ефименко связаны народническая по своему характеру теория трудового начала в обычном праве и теория долевого происхождения общины. Последняя противопоставлялась ею теории извечности и исконности общины. В статье «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере» (1884 г.) Ефименко по-

³⁰ Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 197—198.

лемизировала с взглядами Соколовского. Допуская, что у русских «во времена оны» могли быть поземельные единицы типа общины-волости и германской марки, она отвергала возможность существования общины-волости на Русском Севере в период разложения родового строя. По ее мнению, развитие поземельного строя на Севере России шло сначала по линии дробления нераздельной собственности «большой» родовой семьи — «печища». Разложение «печища» влекло дробление ее владений, причем земля оставалась в общем владении, а каждый отделившийся член семьи получал не отдельный участок, а долю во всех сменах полевой земли и во всех угодьях общего владения (долевое землевладение). В дальнейшем эта «долевая деревня» могла превратиться и в подворно-участковое владение и в общину. Общиной доленая деревня становилась тогда, когда в результате вмешательства государства крестьянин лишался права собственности на землю. Если же крестьянская собственность на землю оказывалась устойчивой, доленая деревня шла по пути участково-подворного владения. В отличие от Соколовского, работы которого были направлены против Чичерина, Ефименко подчеркивала, что община возникла из доленой деревни не по правительственному указу, а как следствие органического развития северодвинской деревни в XVI—XVII вв. Однако в проведении этой точки зрения она не была достаточно последовательной и в другой статье признавала, «что действительное развитие северной деревни шло в направлении к подворно-участковому владению и что переход к общине совершился на Севере в результате прямого вмешательства государства в связи с переходом к подушной подати».³¹ Занявшись происхождением украинской общины, Ефименко пришла к выводам, сходным с теми, которые были сделаны ею на основе двинских материалов. Главная заслуга исследовательницы состояла в изучении возникновения сельской общины из разросшейся семейной общины на материалах Севера России. Что же касается семейно-долевой теории, то она была попыткой «преодолеть антиисторизм народнических представлений о неизменности форм общины и поставить вопрос об общине как результате исторического развития», однако при этом Ефименко, «оторвав эволюцию общины от той социально-экономической обстановки, в которой она происходила, не сумела преодолеть влияния государственной школы, против которой она выступала».³²

Мыслью о крестьянстве — как главной части народа, ее основного трудового слоя, о необходимости изучения его истории были проникнуты первые работы В. И. Семевского. Семевский был старшим среди учеников К. Н. Бестужева-Рюмина. Выходец из разорившейся дворянской семьи, он по своему образу жизни был скорее интеллигентом-разночинцем. Прослушав курс в Медико-

³¹ Там же, с. 200.

³² Там же.

хирургической академии, он перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, который окончил в 1872 г. Еще в студенческие годы Семевский оказался под влиянием народнических идей. Они наложили отпечаток не только на его общественно-политические взгляды, но и на научные интересы. Это сказалось уже в том, что, когда Бестужев-Рюмин предложил ему в качестве кандидатской работы изучение одной из летописей, Семевский ответил отказом. Он предпочел заняться известиями иностранцев о русском крестьянстве XVIII в. Расхождение во взглядах не сразу сказалось на взаимоотношениях Бестужева-Рюмина и Семевского. «Последующая же судьба Семевского была ярким показателем того, как узка была область свободы преподавания в старом университете, и притом не только вследствие давления со стороны министерства, но и под влиянием таких неожиданных блюстителей официальной политической благонадежности, каким теперь, особенно после 1 марта 1881 г., оказался Бестужев-Рюмин», — писал С. Н. Валк,³³ усмотревший в конфликте ученика с учителем знаменательное событие в жизни историко-филологического факультета Петербургского университета 80-х гг. В 1880 г. Семевский начал печатать в «Записках историко-филологического факультета» свою диссертацию «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», которая была написана после многолетних занятий в архивах. Накануне завершения ее публикации Семевский напечатал в «Русской мысли» (1881, № 2) полный текст вступления к ней, озаглавленного «Не пора ли написать историю крестьян в России?». Он писал, «что вера во всемогущество исключительно политических реформ начинает пошатываться в Европе под влиянием печального жизненного опыта и что все сильнее и сильнее слышатся требования важных социальных реформ». В этих словах звучала характерная для народников тех лет мысль о первенстве социального над политическим. Высказав уверенность в том, что «новый фазис в общественном развитии неминуемо отразится и на развитии исторической науки», которая под влиянием новых жизненных требований займется «изучением прошлого юридического и экономического быта народа», Семевский провозглашал: «История русских крестьян есть долг нашей науки народу».

Сопоставляя положение крестьян в XVIII в. и в пореформенные годы, он выступал с прямой критикой реформ 1861 г. Все это вызвало резкую реакцию со стороны Бестужева-Рюмина. Издание диссертации было завершено лишь после того, как многие места, показавшиеся Бестужеву-Рюмину опасными и недопустимыми, были изъяты. Более того, он не допустил защиты диссертации в Петербургском университете. Семевскому удалось защитить ее

³³ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — В кн.: Ленинградский государственный университет. Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948, с. 46.

в 1882 г. в Московском университете, где к ней отнеслись более либерально. В декабре 1882 г. Семевский, вопреки Бестужеву-Рюмину, начал читать спецкурс в Петербургском университете. Однако уже в начале 1884 г. ему пришлось прервать чтение лекций, а в начале 1886 г. они были официально прекращены распоряжением министра народного просвещения. Дальнейшая научная деятельность Семевского протекала уже за пределами Петербургского университета.³⁴

Разрыв Семевского с университетом свидетельствовал о том, что официальная наука не могла терпеть в своей среде ученого, придерживавшегося народнических взглядов, пусть даже и с либеральным оттенком. Позиция же, на которой стоял Семевский, отражала настроения именно либерального народничества. Его труд был важным вкладом в науку, поскольку содержал огромный фактический материал как о положении крестьянства, так и о состоянии крестьянского вопроса в XVIII в. Что же касается трактовки, то она полностью соответствовала либерально-народническим представлениям. Семевский исходил из исторической оправданности общинного устройства русской деревни, отрывал борьбу против самодержавия от борьбы против крепостничества, а иногда и противопоставлял их. На многие вопросы он смотрел с формально-юридической точки зрения, по существу принимал теорию закрепощения, рассматривая отмену крепостного права как подготовленную совместными усилиями правительства и «общества», а не обусловленную потребностями экономического развития страны и классовой борьбой крестьянства.³⁵ Таким образом, во взглядах Семевского при бесспорном их демократизме переплетались элементы, заимствованные им у историков государственной школы, и народнические идеи, в частности субъективно-социологический метод, являвшийся одной из характернейших черт философской системы народничества.

Попытки разобраться в сложной обстановке, возникшей в России после первой революционной ситуации конца 50-х—начала 60-х гг. XIX в., предопределили повышенный интерес народнических теоретиков к вопросам социологии. «Исторические письма» П. Л. Лаврова (1870) и, в несколько меньшей мере, статью Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?» принято считать «программными документами ранней собственно народнической социологии и народнического понимания истории».³⁶ В нашей литературе проанализированы причины, породившие народническую социологию и ее особенности. Она еще была проникнута революционными тенденциями и сочувствием к народным массам, но неудача первого революционного натиска уже вызвала неверие

³⁴ См.: там же, с. 45—47.

³⁵ См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, с. 207—215; Историография истории СССР, с. 290—292.

³⁶ Там же, с. 173.

в революционные возможности народа. Философские представления Лаврова и Михайловского, на которых строились их социологические и исторические взгляды, были в основе своей идеалистическими. Оба они стояли на позициях позитивизма, а в ряде вопросов (прежде всего в оценке границ и возможностей познания) приближались к кантианству и агностицизму, отступив от материалистических традиций «шестидесятников». По мнению народнических социологов, объективный критерий естественных наук неприменим к явлениям общественной жизни, которые лишены общих черт, индивидуальны и неповторимы. Они провозглашали правомерность личной, субъективной оценки общественных явлений с точки зрения «нравственного идеала» самого социолога. Отсюда лежал путь к отрицанию объективной закономерности общественного развития. При этом Михайловский шел дальше Лаврова в отрицании объективного метода. Если Лавров еще признавал, что социология как наука, имеющая дело с явлениями повторяющимися, раскрывает объективные законы, то Михайловский утверждал, что объективный метод «бессилен в социологии». То же можно сказать и о теории «героев и толпы», в которой Михайловский противопоставлял личность и общество в более резкой форме, чем это делал Лавров, рассуждавший о «критически мыслящей личности», о «героях», ведущих за собой толпу.

Советские исследователи, справедливо обращая главное внимание на критику ошибочных положений во взглядах народнических лидеров, указывают и на те стороны их построений, которые были направлены против охранительных и буржуазно-либеральных теорий.³⁷

Демократическая, революционная направленность сочинений народнических теоретиков создавала им большую популярность среди прогрессивно настроенных слоев общества, особенно молодежи, которой не были ясны их ошибки. Очень популярны были «Исторические письма» Лаврова, который участвовал в революционном движении, с большим сочувствием относился к марксизму и даже склонен был считать себя последователем К. Маркса, хотя в действительности конструировал эклектические схемы, где пытался сочетать неправильно понятые им положения марксизма с позитивистскими и анархистскими взглядами.

Михайловский был связан с революционным подпольем 70-х гг. В. И. Засулич писала: «В известном смысле он несомненно составлял нечно единое и нераздельное с этим поколением».³⁸ Деятельность Михайловского тесно переплелась с историей революционного и либерального народничества. При этом нельзя строго отделить революционный период его биографии от либерального.

³⁷ См.: М а л и н и н В. А. Философия революционного народничества. М., 1972.

³⁸ З а с у л и ч В. И. Сборник статей. Т. II. СПб., 1907, с. 441.

«У Михайловского и в 70-е годы звучали порой либерально-народнические ноты, но все же нет оснований оспаривать его идейную связь с движением революционных народников, на которое его творчество оказывало бесспорное влияние. Михайловский одним из первых поставил перед народничеством 70-х годов проблему политической борьбы. Вместе со Щедриным, Шелгуновым и другими писателями-демократами он сыграл значительную роль в противодействии реакции в общественно-литературной жизни 80-х годов». В 90-е гг. Михайловский выступил противником марксизма, в связи с чем его выступления подверглись острой критике со стороны В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Н. Е. Федосеева. «В. И. Ленин показал связь эволюции Михайловского к 90-м годам с общим процессом перерождения народничества; в Михайловском он видел главную фигуру левого фланга легального народничества».³⁹

В 1914 г. в статье «Народники о Н. К. Михайловском» В. И. Ленин дал обобщающую характеристику Михайловского, высоко отозвавшись о его горячем сочувствии крестьянству, о его борьбе с крепостническим и политическим бесправием, помощи революционному подполью. Вместе с тем, отмечая колебания Михайловского в сторону либерализма, Ленин указывал, что его взгляды были буржуазно-демократическими, что в философии он сделал шаг назад по сравнению с Чернышевским.⁴⁰ С середины 90-х гг. Михайловский являлся ведущей фигурой народнической публицистики, возглавляя ее наиболее популярный орган «Русское богатство». Выражая взгляды русской буржуазной демократии, он «с этих позиций возглавил борьбу против марксизма в целом и русских марксистов в частности. Последние, со своей стороны, предприняв решительную атаку на народничество, в первую очередь подвергли разрушительной критике воззрения главаря народнических течений».⁴¹

В работах советских исследователей проанализированы общественно-политические, философские и социологические взгляды Михайловского.⁴² В них отмечается, что в 60-е гг. Михайловский выступил с критикой теории Спенсера об «органическом» развитии общества, которая фактически защищала и прославляла капитализм. Высшим мерилom ценностей Михайловский считал интересы личности. Развитие же современного ему общества шло,

³⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. V. М., 1968, с. 165—166.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 333—337.

⁴¹ Виленская Э. С. Из истории идейной борьбы марксизма и народничества в России в конце XIX в. — В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976, с. 247.

⁴² Обзор литературы, посвященной Н. К. Михайловскому, см.: Сулова Ф. М. Н. К. Михайловский и движение революционного народничества 70-х гг. XIX в. — Исторические записки, [т.] 94, М., 1974, с. 213, 264—265.

как он считал, по пути раздробления целостности личности и приносило интересы личности в жертву интересам «системы наибольшего производства». Нравственное чувство не должно мириться с подобным ходом дела, а тем более не должно признавать такое развитие общества прогрессом. Свое понимание прогресса Михайловский излагал в следующем виде: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми».⁴³ Эта «формула прогресса» носила крайне отвлеченный характер и была в научном отношении бесплодна. Однако в 70-е гг. она имела известный положительный социально-политический смысл, поскольку выдвигала борьбу против существующего строя в качестве необходимого условия практической деятельности. Свою формулу Михайловский пытался обосновать с помощью субъективного метода в социологии, смысл которого состоял в рассмотрении истории с точки зрения «нравственного, справедливого, должного». Право «нравственного суда» Михайловский понимал как «право вмешательства в ход жизни». Общие законы истории определяют лишь порядок, в котором исторические эпохи следуют одна за другой, но не исключают возможности «добиться целей, не согласных с известными законами явлений общественной жизни».⁴⁴ Когда Михайловский, в духе субъективно-социологических построений, призывал к тому, чтобы «живая личность ставила цели в истории и двигала к ним события сквозь препятствия», он призывал передовую интеллигенцию к борьбе, однако в теории шел назад от Чернышевского. Недооценкой роли народных масс в истории страдала и выдвинутая Михайловским теория «героев и толпы». Не останавливаясь подробнее на общественно-политических, философских, социологических и исторических взглядах Михайловского, рассмотрим лишь их отражение в историографической статье «Иван Грозный в русской исторической литературе». Эта статья занимает своеобразное место в исторической литературе, написанной народническими авторами. Она позволяет проследить отношение Михайловского к важнейшим течениям в русской исторической науке XIX в., выражая как его собственные взгляды, так и взгляды некоторых его предшественников. Кроме того, статья позволяет оценить подход Михайловского к историческим явлениям в период, когда уже стали известны труды Маркса и Энгельса и появились первые работы русских марксистов.

Статья «Иван Грозный в русской исторической литературе» была опубликована Михайловским в 1891 г.⁴⁵ Поводом для напи-

⁴³ Михайловский Н. К. Соч., т. 1. СПб., 1896, с. 150.

⁴⁴ Там же, с. 70.

⁴⁵ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1909, стлб. 127—220.

сания этой статьи послужило обсуждение реферата Е. А. Белова «Вопрос о значении царствования Иоанна IV Васильевича Грозного в русской исторической литературе» на заседании Петербургского исторического общества. Михайловский критиковал Белова за попытку выступить с апологией Ивана IV, указав при этом на ряд просчетов, содержащихся в реферате. Он писал, что Белов обошел молчанием взгляды А. С. Хомякова и К. С. Аксакова, вопрос о влиянии К. С. Аксакова на Н. И. Костомарова, не знал, что под псевдонимом М. З. К. скрывается Ю. Ф. Самарин.⁴⁶ Пытаясь разобраться в противоречивых высказываниях об Иване IV, Михайловский пишет, что их трудно систематизировать.⁴⁷ Перебирая историков, он называет М. М. Щербатова, создавшего не бесспорный, но интересный для своего времени психологический портрет Ивана IV, Н. М. Карамзина, шедшего по тому же пути, но не разобравшегося в противоречивых чертах Грозного и составившего своего рода мозаичное изображение.⁴⁸ Все эти историки, замечает Михайловский, подходили к оценке Ивана IV только как личности. В 40-е гг. XIX в. предпринимается попытка взглянуть на Грозного как на известное порождение эпохи. Это делает В. Г. Белинский в рецензии на книгу Н. А. Полевого «Русская история для первоначального чтения». Односторонне толкуя взгляд Белинского, оправдывавшего борьбу Ивана IV с боярами, Михайловский приходит к выводу, что «именно с этих пор мы встречаем ряд величаний Грозного».⁴⁹

Апологетическое отношение к Ивану IV началось, по мнению Михайловского, с Кавелина, который в статье о юридическом быте древней России впервые провел параллель между Иваном IV и Петром I, утверждая, что «Петр Великий глубоко уважал Ивана IV, называл его своим образцом и ставил выше себя». Михайловский считал, что неизвестно, на чем построено «это уверение», повторенное затем К. Н. Бестужевым-Рюминым и другими историками.⁵⁰ К первым апологетам Ивана IV Михайловский относил и Ю. Ф. Самарина, который «мог оспаривать у Кавелина пальму первенства в этом отношении», если бы его магистерская диссертация, появившаяся в полном виде лишь в 1880 г., не была в 1844 г. по цензурным условиям урезана. Самарин, «имея в виду церковные реформы царствования Грозного... со смесью восторга и недоумения останавливается перед его личностью».⁵¹ Михайловский считал, что апологетические отзывы об Иване IV, принадлежавшие Белинскому, Кавелину и Самарину, «столь решительные и категорические, висели, так ска-

⁴⁶ Там же, стлб. 129—130.

⁴⁷ Там же, стлб. 133.

⁴⁸ Там же, стлб. 140—145.

⁴⁹ Там же, стлб. 145—146.

⁵⁰ Там же, стлб. 147.

⁵¹ Там же, стлб. 148.

зять, в воздухе», поскольку такой «поворот мнений отнюдь не основывается на каком-нибудь новом тщательном пересмотре источников». ⁵² При этом он указывает на ряд противоречий у Самарина и Кавелина. Высказывания Самарина, относящиеся к 1844 г., в которых тот «превозносил Иоанна над всей Русской землей», он сравнивает с его же упреками Кавелину в идеализации Грозного в статье о юридическом быте древней России. Кавелин, замечает Михайловский, то противопоставляет Ивана IV окружающей «тупой и бессмысленной среде», то выдвигает «мысль об Иоанне, как о полном и верном выражении нравственной физиономии народа». ⁵³ Он напоминает, что закономерность действий Ивана IV Кавелин доказывал, в частности, словами: «Все то, что защищали современники Иоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищал Иоанн IV, развилось и осуществлено... От ужасов того времени нам осталось дело Иоанна; оно-то показывает, насколько он был выше своих противников». Эту аргументацию Кавелина Михайловский называет «любопытной» и спрашивает: «Если окружавшая Кавелина в 1846 г. действительность вела свое начало от Ивана Грозного, то чем же он был в этой действительности... так доволен?». Такой вопрос явно содержал намек на аналогию между царствованиями Ивана IV и Николая I. Михайловский готов был признать сходство между ними, но иронически спрашивал, стоит ли в этом усматривать достоинства деятельности Ивана IV. ⁵⁴

Михайловский заметил, что взгляд С. М. Соловьева на Ивана IV «тесно связан с его теорией родового быта, в судьбах которого историк видел центральный пункт всей русской истории». В рамках этой схемы «Иван Грозный был, по Соловьеву, представителем государственного начала и во имя его боролся с отживающим началом родовым», и в его царствование родовой и государственный быт «дали друг другу последнюю отчаянную битву». ⁵⁵ По мнению Михайловского, Соловьев, «высоко ценя политическую мудрость Грозного и отыскивая в его жизни следы государственной программы везде, где можно и где даже нельзя их найти, не скрывает многочисленных пятен на его нравственной физиономии». ⁵⁶

Некоторых последователей Соловьева Михайловский называл «подражателями, компрометирующими учителя пересолом». К ним он прежде всего относил А. В. Горского, автора книги «Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского». Горский, используя все средства вплоть до неверного перевода с древнерусского языка, создал «настоящий обвинительный акт

⁵² Там же, стлб. 149.

⁵³ Там же, стлб. 151.

⁵⁴ Там же, стлб. 163.

⁵⁵ Там же, стлб. 152—153.

⁵⁶ Там же, стлб. 157.

против Курбского и апологию Грозного», где Курбский представлен выразителем «старинности», а Иван IV — защитником «новых» начал. Михайловский писал, что «Соловьев старается только объяснить учреждение опричнины, но отнюдь не пытается идеализировать ее», по Горскому же, опричнина — «самое мудрое учреждение Иоанна, обличающее в нем дальновидного, предусмотрительного государя».⁵⁷

Историками, по-разному стремившимися развенчать Ивана IV, Михайловский называет М. П. Погодина и Н. А. Полевого.⁵⁸ Он ставит на первое место Погодина, утверждавшего, что в «Истории России» Соловьева Иван IV «поставлен вверх ногами», и характеризовавшего первого русского царя словами: «Злодей, зверь, ворун-начетчик с подьяческим умом — и только».⁵⁹

Обратившись в рецензии К. С. Аксакова на VI том «Истории России», Михайловский выступил против идущей от Хомякова тенденции объявить Ивана IV «художественной натурой», поскольку тем самым оправдывались все его поступки, включая жестокости.⁶⁰ Он не признавал уничтожение дружины Иваном IV «требовашием истории»⁶¹ и находил объяснение Аксакова опричнины «идеализированным», не соглашаясь с утверждением, что, учредив опричнину, царь и «в 1566 г. призывал землю на совет». Принимал Михайловский мысль Аксакова о том, что организованного сопротивления бояре не оказывали, а «заговоры и замыслы против Иоанна существовали только в его воображении».⁶²

Отмечая значение высказываний Аксакова, Михайловский указывал на влияние, оказанное им на Н. И. Костомарова. Прослеживая эволюцию воззрений Костомарова на Ивана IV, он с удовлетворением писал о том, что от идеализации царя Костомаров перешел к резко отрицательной его оценке.⁶³

Уделив внимание нескольким работам, «в которых Грозный и его эпоха трактуются мимоходом», Михайловский использует их как аргумент в споре с апологетами Ивана IV. В книге Хлебникова «О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории» он выделяет мысль о том, что при всех особенностях своего характера Иван IV был порождением определенного порядка вещей, в данном случае «вотчинного принципа».⁶⁴ Из «Боярской думы древней Руси» В. О. Ключевского Михайловский приводит обширные цитаты с изображением Ивана IV как жестокого и ничтожного государственного деятеля.⁶⁵

⁵⁷ Там же, стлб. 158—159.

⁵⁸ Там же, стлб. 140—145.

⁵⁹ Там же, стлб. 161.

⁶⁰ Там же, стлб. 166.

⁶¹ Там же, стлб. 165.

⁶² Там же, стлб. 164.

⁶³ Там же, стлб. 166, 170.

⁶⁴ Там же, стлб. 172—173.

⁶⁵ Там же, стлб. 173, 174.

Той же цели служат и выдержки из книг Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права», Дьяконова «Власть московских государей» и Латкина «Лекции по внешней истории русского права».⁶⁶

В заключение своего обзора Михайловский приводит отрывок из книги И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси», называя при этом ее автора «специалистом по истории крестьянства»: «Царь Иван Васильевич, давая огромные права общинам, не вводил новостей, а только пользовался старым исконным учреждением на Руси... Но рядом с обширным развитием и законным признанием крестьянской полноправности, XVI век представляет постепенное стеснение материальных средств в крестьянстве. Земля, этот основной капитал землевладельца, незаметно, но быстро ускользает из крестьянских рук. Государь московские, Иоанн III и Иоанн IV, так много сделавшие для развития крестьянской полноправности, едва ли не в больших размерах способствовали постепенному переходу земли из крестьянских рук в руки служилых людей или в непосредственное распоряжение правительства... В царствование царя Ивана Васильевича особенно была развита раздача земель в поместья и вотчины служилым людям».⁶⁷

Далее Михайловский излагает и свой взгляд на «трудное время», которое переживала Русь в XV и XVI столетиях. «Необыкновенно сложные и запутанные обстоятельства исторического момента вызвали вообще брожение, равное которому, по глубине и обширности, редко выпадало на долю человеческих обществ». При этом он выделяет в качестве «важнейшего политического факта» окончательное объединение Руси «под крылом Москвы». Коснувшись этого вопроса, который был предметом спора не только между представителями разных направлений, но и внутри сторонников демократического направления, Михайловский в известной мере обобщает высказывания, содержащиеся в демократической литературе об этой проблеме. Следуя за теми, кто указывал на отрицательные стороны объединительной деятельности московских князей, он выступает против идеализации процесса «собрания Русских земель»,⁶⁸ но признает его неизбежность и закономерность.

«Но процесс настолько уже назрел, что все шло на пользу, — и покорность, и сопротивление, и доблесть, и низость, и события, не имевшие на первый взгляд никакого отношения к московским делам». К последним «событиям» он относил Флорентийский собор и завоевание турками Константинополя. «Неудача Флорентийской унии и падение Царьграда наводили русскую религиозную и патриотическую мысль на то соображение, что только на

⁶⁶ Там же, стлб. 174.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, стлб. 208.

Руси сохранилась истинная вера, истинное православие во всей полноте, чистоте и независимости». В этих условиях «естественным хранителем этой единоспасающей веры» оказывается глава возникающего Русского государства. Подобный ореол вокруг него усиленно создает духовенство. Оно старается придать ему новый блеск, используя победы под Казанью и Астраханью. Одним из проявлений таких восторженных настроений Михайловский считал мистическое пророчество «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть», согласно которому «Москве пророчилась та всемирно-историческая роль, которую играли Рим и Византия».⁶⁹

Но одновременно росли и настроения противоположного характера. Их выражением Михайловский считал другое пророчество — о грядущем Антихристе. Он замечает, что возвышение московского государя, «именно этот самый рост центральной власти, невиданный, небывалый, пугал воображение ... неопытной мысли представлялось, что только разве перед концом мира могла сложиться такая страшная власть». Осторожно заметив, что возникшее самодержавие пугало «неопытную мысль», Михайловский затем показывает, что круг людей, охваченных этим страхом, был весьма широк, включал и самые просвещенные слои Московского государства. Он связывает веру в конец мира «в массах» с многочисленными стихийными бедствиями.⁷⁰ Экономическое положение народа было ужасно. Особые тяготы лежали на крестьянах: «Военная организация была построена на раздаче земель в поместья с обязанностью выходить в поле с соответственным числом ратников, и с этой целью Иван III принимает первые меры против свободного перехода крестьян. Мужик, отдувавшийся за весь государственный блеск и все государственные беды, шел в холопы, то есть продавал свою свободу при Иване III за рубль, при Грозном — за три рубля». Не говоря прямо, Михайловский намекал на то, что тяжелое положение народа, прежде всего крестьян, толкало его на те или иные проявления протеста: «Для многих пребывание в мире, переполненном ежечасными тревогами и бедствиями, было в своем роде не менее страшно, чем конец мира. Кто был поудалее да поглубже, тот шел на большую дорогу, кто был помирнее да потоньше — в монастырь».⁷¹

Обрисовав образованное русское общество того времени как «взбаламученное море сомнений», Михайловский считал это доказательством справедливости слов Соловьева: «Век задавал важные вопросы». Но одновременно и опровержением второй половины той же фразы Соловьева: «А во главе государства стоял человек, по характеру своему способный намеренно приступить к их решению».⁷²

⁶⁹ Там же, стлб. 208—209.

⁷⁰ Там же, стлб. 209.

⁷¹ Там же, стлб. 210.

⁷² Там же, стлб. 211.

Прежде чем обосновать свою точку зрения относительно неспособности Ивана IV решить возникшие перед Россией проблемы, Михайловский останавливается на значении распространенной в исторической литературе схемы. Он называет ее «историко-политической», чем подчеркивает ее связь не только с изучением прошлого, но и с отношением к современным проблемам. Главное в этой схеме то, что «центральная монархическая власть является естественным союзником низших классов, так что совокупным давлением вершины и основания общественного строя сдерживается чрезмерное развитие промежуточных слоев». Под промежуточным слоем имеется в виду «в одних случаях — аристократия, в других — буржуазия, во всяком случае общественный элемент, обладающий корпоративным сознанием, экономически или политически сильный, свободолюбивый, но вместе с тем своекорыстный, то есть эксплуатирующий принцип свободы в свою исключительную пользу». Из этого положения «промежуточных слоев» вытекает их двойственность: «Аристократия, стремясь ограничить монархическую власть во имя свободы, в то же самое время изо всех сил держится за рабство или крепостное право; буржуазия, требуя во имя той же свободы, невмешательства государства в экономические отношения, в то же время держит рабочего в замаскированном рабстве; монархическая же власть стремится в виду собственных интересов к демократическому равенству всех подданных».⁷³

Схема, разбирать которую взялся Михайловский, имела особое значение в 80-е—начале 90-х гг. В царствование Александра III официально-охранительная пропаганда особенно усиленно выдвигала лживую идею «единения» самодержавия и народа. Михайловский не берется отвергнуть ее с порога, но, по существу, показывает ее несостоятельность. Заметив, что «схема эта, без сомнения, имеет... фактическое оправдание в некоторые моменты истории», что «за нее, по-видимому, и самая логика вещей, так как всякому среднему политическому термину естественно бороться с обеими прилегающими сторонами, а им, в свою очередь, естественно вступать, по крайней мере время от времени, в коалицию», он указывает, что «на деле не всегда так бывает». Поэтому «в каждом частном случае надлежит очень и очень вглядываться во взаимное отношение политических элементов прежде, чем располагать их в означенную схему».⁷⁴

В заключение Михайловский старается изложить и собственный взгляд на царствование Ивана IV, а точнее, на его личность. При этом его рассуждения по существу органичиваются рамками психологической характеристики. Не случайно Н. Л. Рубинштейн

⁷³ Там же, стлб. 212.

⁷⁴ Там же.

упрекнул Михайловского в возврате к взглядам, высказывавшимся еще Карамзиным.⁷⁵ Возможно, это суждение слишком резко. Ф. М. Сулова в упомянутой статье отмечает, в частности, что Михайловский «оставался и в 90-х годах сторонником и участником политической борьбы с самодержавием».⁷⁶ Антисамодержавная направленность отчетливо прослеживается и в данной статье. Опубликованная в 1891 г., она в значительной мере посвящена критическому разбору взглядов историков, игравших видную роль в русской исторической науке второй половины XIX в. В ней мы находим резко отрицательное отношение к идеям, выдвигавшимся представителями либерального и официального направлений. Вместе с тем противопоставленные им собственные построения Михайловского не представляют с научной точки зрения достаточно убедительной концепции. В них значительно влияние субъективного метода, сказывающегося в том, что Михайловский смотрит на деятельность Ивана IV с позиций «нравственного суда» над ним. Эта статья, как и другие работы Михайловского, написана с буржуазно-демократических позиций и выглядит крайне отсталой по сравнению с идеями научного социализма, уже утверждавшимися в это время в русской исторической науке. Буржуазно-демократические теории народников оказались в особенно резком противоречии с этими идеями. В столкновении с марксизмом народничество ожидал полный крах.

2. Главные тенденции в развитии либерального и официального направлений

XX—XXIX тома «Истории России» С. М. Соловьева выходили в 70-е гг. и уже не подвергались, как прежде, резкой критике. Этот труд все больше воспринимался как свод огромного количества неизвестных ранее документов, относящихся прежде всего к истории внутренней и внешней политики России XVIII в. Соловьев стал общепризнанным авторитетом. В спокойном тоне пишет о последних томах «Истории России» К. Н. Бестужев-Рюмин, чьи отзывы в 50-е и 60-е гг. отличались постоянной запальчивостью. Теперь он обычно излагает содержание очередного тома и прибавляет от себя лишь тот или иной эпитет: подчеркивает обилие новых сведений из архивов в XXIII томе;⁷⁷ «первую полную и верную оценку царствования Елизаветы, далекую и от панегирика и от памфлета», находит в XXIV томе;⁷⁸ «с какой бы стороны мы ни посмотрели на „Историю России“, мы должны

⁷⁵ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 399.

⁷⁶ Сулова Ф. М. Н. К. Михайловский и движение революционного народничества, с. 263.

⁷⁷ Сборник государственных знаний. 1874, т. I, с. 38.

⁷⁸ Там же, 1875, т. II, с. 172.

будем признать ее явлением важным, знаменующим наступление новой эпохи в русской историографии», — пишет он о томе XXV; ⁷⁹ высоко оценивает и XXVI том. ⁸⁰

В 1877 г. в «Древней и новой России» печатается отчет о чествовании Соловьева в связи с 25-летием его работы над «Историей». Он носит уже чисто юбилейный характер и содержит подробное описание роскошного адреса, преподнесенного Соловьеву. ⁸¹ В 1879 г. вышел XXIX том. Автор с величайшим напряжением сил подготовил его к печати, будучи уже смертельно больным. Накануне нового 1879/1880 академического года он отказался от лекционного курса в Московском университете, который читал на протяжении 35 лет.

Соловьев умер 4 октября 1879 г., а 12 октября было утверждено избрание В. О. Ключевского доцентом Московского университета. Ему предстояло теперь вместо Соловьева читать лекции на историко-филологическом факультете. Согласно традиции, первую лекцию, прочитанную 28 ноября, Ключевский посвятил своему предшественнику.

В некрологе, написанном Ключевским, говорилось, что с 1845 г. Соловьев «работал в одном направлении, которое прямо или косвенно отразилось на ходе всей русской исторической литературы». Ключевский писал, что каждый из историков, которые придут на смену Соловьеву, «чтобы идти прямо и твердо в своей работе, должен начинать с того, что кончил Соловьев... и он, как маяк, еще долго будет служить первым указателем пути даже для тех, кто далеко разойдется с ним в своих последних выводах». ⁸² К высказываниям Ключевского обратится и будет широко их приводить («не ощущая потребности извиняться за цитаты») А. Е. Пресняков на публичном заседании «Союза архивных деятелей» в 1920 г. в речи, посвященной 100-летию со дня рождения Соловьева. ⁸³

Пресняков отмечал, что «сильно было влияние Соловьева на всю русскую историческую литературу подбором, составлением и освещением обильной массы исторических фактов, из которых построена основа его огромного труда... сильно было это влияние и в общей ориентировке исторического внимания и интереса, в самой постановке проблем и вопросов». Воздействие Соловьева сказывалось «на восприятии последующими историками источников, изучаемых ими независимо от Соловьева... при этом нередко внимание их невольно сосредоточивается на тех чертах источ-

⁷⁹ Русская старина, 1876, № 3, с. 686.

⁸⁰ Сборник государственных знаний. 1877, т. IV, с. 39.

⁸¹ Древняя и новая Россия, 1877, № 1; с. 113—115.

⁸² Пресняков А. Е. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 76.

⁸³ Там же, с. 76—86.

ника, тех фактах, которые Соловьевым были использованы, подчеркнуты и выдвинуты как наиболее существенные, а другие, им незатронутые, остаются в тени, внимания не привлекают, не учитываются при выводах и обобщениях».⁸⁴ По мнению Преснякова, Соловьев оставил в наследство своим последователям и свои принципы общих построений: «Историческое мышление Соловьева, мощное и твердое, плод его цельной и крепкой натуры, определенно подчиняло себе как восприятие и сортировку содержания источников, так построение и комбинирование их данных в самом фактическом изложении». В его представлении Соловьев — «признанный основоположник русской истории как особой научной дисциплины, потому что в его трудах на смену „философской“ и литературно-художественной историографии века „просвещения“, завершенной на русской почве „Историей государства Российского“ Н. М. Карамзина, выступила историческая наука с новым конструктивным принципом обобщения изученного материала». Этот принцип Пресняков называл «социологическим», поскольку его смысл состоял «в выяснении смены форм, организующих общество в среде восточного славянства, т. е. русского народа». Соловьев подошел к изучению русского исторического процесса «с готовой схемой, в основе применимой, по его представлению, к истории каждого народа». Он постулировал «родовой быт», как «социологическую предпосылку», как «естественную и необходимую» форму «первоначального быта» восточнославянских племен.⁸⁵ Пресняков подчеркивает, что, следуя своей схеме, Соловьев сосредоточился на изучении явлений политического порядка.⁸⁶ В результате в трудах Соловьева «правительственная сила творит... историю, творит саму нацию из косного этнографического материала».⁸⁷ Он рассматривал «процесс, совершающийся, собственно, в правящей среде; его стадиимоменты в развитии русской государственности; его значение в их влиянии на организацию общественных классов правительственной властью, на внешние и внутренние судьбы страны». Проведя сквозь обобщенное изложение массы фактического материала цельный взгляд на русский исторический процесс, Соловьев «придал ему определяющую силу в постановке очередных вопросов» и глубоко повлиял «на те или иные опыты их разрешения». Пресняков характеризует реакцию ряда историков на труд Соловьева. По его мнению, историки-юристы К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин пошли по пути уточнения тезиса Соловьева о решающем значении политического, государственного элемента в истории. Кавелин «придал соловьевской схеме большую логи-

⁸⁴ Там же, с. 78.

⁸⁵ Там же, с. 79.

⁸⁶ Там же, с. 79, 80.

⁸⁷ Там же, с. 80—81.

ческую стройность», Чичерин еще более «упростил схему»,⁸⁸ В. И. Сергеевич же «примкнул к традициям историко-юридической школы в их чичеринской редакции».⁸⁹ К. С. Аксаков противопоставил соловьевской «теории родового быта» значение «общинных» начал в древнерусском быту. Пресняков находил, что славянофильское направление было «глубоко плодотворно для развития русской исторической науки прежде всего потому, что направляло изучение в область так называемой культурной истории, мало затронутой трудами историко-юридической школы». Вместе с тем он обращал внимание на то, как «ярко сказывалось сильное влияние приемов построения, установленных схем и отдельных выводов историографической традиции, идущей от Соловьева и историко-юридической школы», и на славянофилах, и на трудах «таких самобытных ученых, как И. Е. Забелин, В. И. Сергеевич, В. О. Ключевский».⁹⁰

Наиболее сложным считал Пресняков «вопрос об отношении трудов В. О. Ключевского к наследию С. М. Соловьева». Трудно найти более противоположные натуры, — писал он, — более различные уклады мировоззрения, темперамента и дарования, чем те, коих представители Соловьев и Ключевский.⁹¹

Эта речь Преснякова дает более полное представление об его оценке не только Соловьева, но и Ключевского. М. В. Нечкина, характеризуя отношение Преснякова к Ключевскому, основывается на «Историографическом введении» к книге «Образование великорусского государства»⁹² и на его статье «В. О. Ключевский (1911—1921)».⁹³ В этих работах, полагает Нечкина, Ключевский представлен как историк, у которого «нет личной, им построенной схемы, он лишь овладел старой, которая стесняла его самого», его мышление «не шло по линии научного обобщения, оно было художественно конкретным». Пресняков так и не решил поставленную им задачу, выяснить, что нового внес Ключевский в наше научное понимание. «Чувствуется, — пишет Нечкина, — что скрытое отрицание внесения нового и есть ответ на поставленный Пресняковым вопрос».⁹⁴ В работе «Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии» Пресняков также подчеркивает различие между Соловьевым и Ключевским, но и в этой противоположности видит «источник огромного влияния учителя на ученика: неуклонной силы логичной, схематизирующей мысли на художественную, восприимчивую ко всему конкретному и яркому

⁸⁸ Там же, с. 81.

⁸⁹ Там же, с. 84.

⁹⁰ Там же, с. 83.

⁹¹ Там же, с. 84.

⁹² Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918, с. 19—26.

⁹³ Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 203—224.

⁹⁴ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 31.

в изучаемой старине впечатлительность».⁹⁵ Но далее он пишет о том, что «на деле Ключевский подошел к своим научным заданиям с решительно иными запросами, чем те, которые ставила традиция Соловьева».⁹⁶ Он приводит те слова Ключевского из «Боярской думы», которые «погребены в журнале „Русская мысль“ за 1880 г. и не вошли в отдельное издание». Ключевский там писал, что в истории древних учреждений «остаются в тени общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали», рассмотрена только «лицевая сторона» старого государственного здания, еще остается задача изучить его основания и «социальный материал», из которого оно построено. «Тогда, быть может, — писал Ключевский, — и процесс образования нашего государственного порядка, и значение его правительственных учреждений предстанут перед нами несколько в ином виде, чем как представляются теперь». В наследии историко-юридической школы Ключевский усматривал «диалектическую схему», которая выражала лишь «смену начал, развитие идеи государства, точнее — идеи государственной власти, а не самого государственного порядка». Эти слова Ключевского, по мнению Преснякова, «должны были в свое время произвести впечатление выступления нового исторического мировоззрения, которое идет на смену старому, соловьевскому». Ключевский, как полагал Пресняков, «подходил к русскому прошлому с иными общими воззрениями и с иным настроением». Таким образом, он представлен здесь Пресняковым не только как «историк-художник», который «чуток к действию живых исторических сил, столь часто поддающихся скорее образной характеристике, чем четкому определению», но прежде всего как «историк-социолог», который «по строю своей научной мысли... пристально изучает общественную структуру, определявшую своим строем и смену государственных форм». При всем том Пресняков полагал, что «едва ли Ключевский намеренно преувеличивал свою зависимость от Соловьева», он «ощущал ее, по-видимому, столь же крепко, как признавал на словах». Пересказ Ключевским в статье о Соловьеве «исторической схемы великого учителя», того «ряда мыслей», большая часть которых «стала теперь достоянием нашего общественного сознания», звучит, в представлении Преснякова, «подчас сдержанным протестом, сказывающимся в самой утрировке соловьевских формул». В целом научная работа Ключевского, по его мнению, стояла «в весьма сложном... внутренне противоречивом отношении к наследию С. М. Соловьева»: «В монографических изучениях он идет иными, новыми путями, во всем отношении к „правительственному элементу“, к его роли в русской жизни — он антипод Соловьева; даже принятые Ключевским по-

⁹⁵ Пресняков А. Е. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии, с. 84.

⁹⁶ Там же, с. 84—85.

строения и обобщения Соловьева получают столь иное содержание, что в корень перерождаются в самых основах своего смысла и значения».⁹⁷

Обращаясь к соловьевской схеме в переработке Ключевского, Пресняков полагал, что она «распадается на части, теряет свою стройную законченность и внутреннюю связность».⁹⁸ Но тут же отмечал, что она «все-таки держится», что «ряд ее элементов, и притом основных, сохранен и лишь частично переработан Ключевским», что все это — «элементы соловьевского наследства, обусловленного предпосылками и приемами его общей историко-юридической концепции русского исторического процесса». Все эти элементы у Ключевского «преобразены в ярких конкретных характеристиках», которые он делает главным моментом древнерусской истории, они, однако, стоят вне прямого и глубокого отношения к источникам, столь ценного в его монографических работах и этюдах. «Историк-социолог не сменил схем историко-юридической школы цельной, построенной на обновленной социологической основе, концепцией русского исторического процесса», — писал Пресняков. Он связывал это с тем, что «мощное влияние построений Соловьева остается в силе даже вопреки иным запросам, иным исканиям научной исторической мысли».⁹⁹

Речь Преснякова позволяет не только более полно представить его трактовку особенностей взглядов Ключевского. Она расширяет наши представления о течении, которое, по мнению М. В. Нечкиной, противостояло апологетам Ключевского в 1918—1934 гг. и которое «выявляло научные и политические позиции историков, искавших новых путей и еще колеблющихся между марксизмом и идеалистическим мировоззрением». К этому течению Нечкина, кроме А. Е. Преснякова, относит С. И. Тхоржевского и В. И. Пичету.¹⁰⁰ В свете приведенных высказываний Преснякова можно предположить, что Тхоржевский, рассматривавший Ключевского как социолога, развивал идеи Преснякова. Речь Преснякова была произнесена 1 июня 1920 г., а Тхоржевский прочел свой доклад о Ключевском 2 ноября 1920 г.¹⁰¹ Вполне вероятно, что он был на заседании, посвященном Соловьеву, и слышал речь Преснякова или был знаком с ее содержанием.

Многочисленные работы, посвященные Ключевскому, анализируются в обстоятельном историографическом обзоре в монографии Нечкиной.¹⁰² Следует заметить также, что формирование взглядов Ключевского в гораздо большей мере, чем других историков, рассматривалось в советской историографии именно с по-

⁹⁷ Там же, с. 85.

⁹⁸ Там же, с. 85—86.

⁹⁹ Там же, с. 86.

¹⁰⁰ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский, с. 30.

¹⁰¹ Там же, с. 7—39.

¹⁰² Там же, с. 34—38.

зиций борьбы различных направлений в русской исторической науке. При всей противоречивости оценки Ключевского, данной М. Н. Покровским, ее достоинством была попытка выявить во взглядах Ключевского не только заимствования у Соловьева и Чичерина, но и следы влияния А. П. Щапова и П. Л. Лаврова.¹⁰³ В статье А. А. Зимина на основе серьезного анализа источников выдвигается мысль о том, что формирование мировоззрения Ключевского происходило под влиянием идей революционной демократии (в частности, А. П. Щапова) и таких историков, как С. В. Ешевский и Ф. И. Буслаев. Воздействие на взгляды Ключевского историко-юридической школы Зимин относит к более позднему периоду.¹⁰⁴

М. В. Нечкина, полемизируя с М. Н. Покровским, рассматривавшим раннюю работу Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» как «чисто описательную, не стремящуюся ни к каким обобщениям», приходит к выводу, что «обобщения, конечно, в ней были» и что «прежде всего ими являлись устоявшиеся положения государственной школы, повторенные молодым историком с полным убеждением в их исторической правоте». Вместе с ними «пробивались и новые мысли, еще не включившиеся, однако, в его основную схему, — значение экономических явлений». Нечкина находит также, что «антисамодержавная тенденция слегка сказывается в этом молодом, студенческом произведении».¹⁰⁵ Она обращает внимание на упоминание Ключевским «классов общества», на противопоставление им отсталости России и ее социального строя Западной Европы. Нечкина полагает, что в ранних работах Ключевский сознательно обходил некоторые острые для того времени вопросы, например крепостное право.¹⁰⁶ Перечисляя проблемы, которые не были затронуты в первой работе Ключевского, она пишет, что «народа как темы» еще «просто нет». Идеология «шестидесятников» не «проросла» в первое научное произведение «молодого историка, хорошо знавшего о проблеме народа как таковой и немало думавшего о ней, это видно из его дневников».¹⁰⁷

В результате внимательного изучения разнообразных материалов Нечкина проследила влияние передовых идей «шестидесятников» на мировоззрение Ключевского и отметила следы этого влияния в первых его работах. Выводы Нечкиной могут быть подкреплены рядом косвенных свидетельств. Отмеченная ею тенденция к сопоставлению отсталой России с передовым Западом и «антисамодержавные» ноты встречаются у современников моло-

¹⁰³ Там же, с. 36.

¹⁰⁴ Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. — Исторические записки, [т.] 69, с. 178—196.

¹⁰⁵ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский, с. 113.

¹⁰⁶ Там же, с. 114.

¹⁰⁷ Там же, с. 115.

дого Ключевского — представителей демократического направления. Обличение деспотизма московских самодержцев мы находим у А. П. Шапова, Н. В. Шелгунова, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова. Отрицательная характеристика, данная Ключевским Ивану IV, близка той, которую дал ему Г. З. Елисеев на страницах «Современника» и И. А. Худяков в книге «Древняя Русь». Встречающийся в письмах Ключевского протест против «давящих исторических обстоятельств» созвучен с подобными же высказываниями И. Г. Прыжова. Это сопоставление — лишнее доказательство влияния «шестидесятников» на Ключевского. Вместе с тем отсюда, конечно, не следует, что Ключевский находился под впечатлением прочитанных работ Шелгунова, Шапова, Худякова и Прыжова. Просто многие идеи, что называется, «носились в воздухе».

26 января 1872 г. Ключевский защитил книгу «Древнерусские жития святых как исторический источник» в качестве магистерской диссертации. Но, завершая работу над ней, он уже раздумывает над монографией о Боярской думе. Вскоре молодой магистр начинает читать курс русской истории на женских курсах В. И. Герье в Москве, что благотворно влияет и на работу над книгой. «Сопоставляя „Боярскую думу“, написанную на широком историческом фоне, с текстом курса, мы можем убедиться, что курс непрерывно питал диссертацию, а диссертация поддерживала курс», — пишет Нечкина.¹⁰⁸ Начиная работу, Ключевский озаглавил ее «Боярская дума древней Руси. Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества». Впоследствии он снял подзаголовок, как и название введения к работе, имевшее вид тезиса «В предлагаемом опыте Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе», что подчеркивало «значение авторской мысли».¹⁰⁹ Подобная попытка связать избранную тему с объяснением общей закономерности исторического процесса также характерна для демократической историографии 60-х — начала 70-х гг. Например, книга И. Г. Прыжова называлась «История кабаков в России в связи с историей русского народа».

Нечкина приходит к выводу, что у Ключевского был несомненный интерес к проблеме классов и классового общества. По ее мнению, перед ним вставала «заманчивая задача»: «Широко раскрыть даже проломить ограду государственной темы навстречу истории общественных классов».¹¹⁰

Наблюдения Нечкиной заслуживают внимания. Действительно, к этому времени, в значительной мере благодаря деятельности историков-демократов, стало очевидным несовершенство основных положений государственной школы, ее консерватизм. Ключевский

¹⁰⁸ Там же, с. 174.

¹⁰⁹ Там же, с. 199.

¹¹⁰ Там же, с. 177, 178.

и пошел по пути приспособления общих концепций государственной школы к новым требованиям. Перед ним стояла задача «проломить ограду государственной темы», но отнюдь не сокрушать основы государственной школы. Дополнить ее концепцию проблемой классового общества, впоследствии ввести в общую схему и экономический фактор, но во что бы то ни стало сохранить прежнюю основу. Так можно охарактеризовать цели Ключевского. Историки демократического лагеря стремились сокрушить концепции государственной школы, Ключевский же старался их усовершенствовать и приспособить новую схему к нуждам русского либерализма. Получив в молодости немало уроков от историков-демократов, он постарается использовать извлеченный опыт для укрепления новой школы, для усиления либерального направления в русской историографии, для борьбы против революционных и демократических идей в области исторической науки.

Отмеченная Нечкиной антидворянская направленность в трудах Ключевского интересна и важна не только для изучения взглядов этого историка. Она позволяет проследить особенности эволюции либерального направления. Антидворянские тенденции свидетельствовали об усилении влияния чисто буржуазных элементов, о росте их авторитета в общественно-политических кругах, оппозиционности русской буржуазии по отношению к дворянству. К дворянству, но не к самодержавию. Подобная оппозиционность придавала сочинениям Ключевского налет известного демократизма, но демократизма сугубо буржуазного. Тем не менее это было новым явлением в либеральном направлении русской историографии. Такая эволюция либерального направления, во всяком случае определенной его части, усложняла и задачи, стоявшие перед демократическим направлением, поскольку требовало новых приемов критики. Кроме того, как отметила Нечкина, Ключевский в своих работах впервые в русской историографии, пусть «не прямо», а в затушеванном виде, поставил проблему эксплуатации в классовом обществе. Теперь «она отходила от норм юридической школы и рождала множество новых вопросов, будя движение протестующей мысли, хотя и не обладая возможностью удовлетворить ее».¹¹¹

Затронутые Ключевским вопросы занимали и народнических авторов, и то, что с их стороны в первые десятилетия деятельности этого интересного историка не последовало критических выступлений по поводу его работ, объясняется как тем, что внимание народнических авторов в этот период занимали прежде всего общие вопросы социологии, так и снижением уровня самой демократической критики.

Нечкина пишет, что Ключевский создал «одну из самых ярких концепций» истории России, «противоречивую, недосказанную,

¹¹¹ Там же, с. 228.

но полную проблем»,¹¹² «заставил тысячи голов думать над множеством вопросов, на многие из которых он сам не мог ответить». Это является «научным завоеванием Ключевского и его вкладом в культурную жизнь страны».¹¹³ Вместе с тем Нечкина подчеркивает, что Ключевский не смог выйти за пределы идеалистической методологии. По ее словам, «попытка заново пересмотреть устаревшую методологию исследования кончилась крахом... Осколки ее разбитых устоев, в которые он сам уже не верил, ему пришлось собрать и искусственно слепить в некое целое, выдавая его за „общеизвестное“ во вводных лекциях к „Курсу“. А „Курс“ он называл „делкой с совестью“».¹¹⁴

Этого выдающегося историка второй половины XIX в. сковывала его общественно-политическая позиция. Настроенный оппозиционно к самодержавию, Ключевский не шел дальше идеи некоторого ограничения монархии. Он был сторонником либерально-буржуазного правового государства и считал, что в его рамках можно сохранить «социальный мир». Его пугала перспектива революционных преобразований. Да и в своих либеральных суждениях Ключевский тоже не всегда был последователен. В записных книжках он оставил уничтожающие характеристики русских царей, а в 1894 г. произнес речь памяти Александра III, что вызвало протест со стороны студенчества и передовых кругов. Ключевский разделял убеждения русских либеральных деятелей, которые были подвергнуты уничтожающей критике в ленинских работах. Написанную в 1901 г. работу «Гонители земства и Аннибалы либерализма» В. И. Ленин закончил словами: «Пора бы и либералам нашим освободиться от самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно еще парламентарство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять свою Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага».¹¹⁵

Теоретическая и практическая несостоятельность русских либералов сказывалась и на их исторических построениях. Несмотря на разногласия с историками-охранителями, они все более сближаются с ними. Это сближение, наметившееся еще в годы первой революционной ситуации, — характерная черта русской историографии второй половины XIX в. В трудах по русской историографии¹¹⁶ вскрыта социальная сущность позиции таких официальных историков, как Д. И. Иловайский, Н. Ф. Дубровин и С. С. Тати-

¹¹² Там же, с. 571.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же, с. 572.

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 72.

¹¹⁶ См.: Очерки истории исторической науки, т. II, с. 81—103; Историография истории СССР, 246—256.

щев, защищавших устои самодержавия. Отмечается определенная сложность и противоречивость взглядов К. Н. Бестужева-Рюмина, испытавшего влияние как историков-охранителей, так и историков либерального направления. В конечном счете Бестужев-Рюмин примкнул к официальному направлению.¹¹⁷ Вместе с тем на различных этапах на него оказали воздействие историки, являвшиеся сторонниками разных методов исследования (вопрос о степени влияния на Бестужева-Рюмина различных школ специально рассматривался в статье С. Н. Валка¹¹⁸).

В 50-е гг. Бестужев-Рюмин принадлежал к московской историографической школе. В 1856 г. после выхода в свет VI тома «Истории России» Соловьева он выступил противником монографических работ (их сторонники были сосредоточены в Петербургском университете). Бестужев ратовал за «полные истории» «Ариадныны пити», спорил с «учеными, думающими, что пора общих взглядов не пришла», полагая, что противоположное мнение доказано «блестящею диалектикою г. Кавелина». В том же году в отзыве на статью Чичерина об истории русской общины он восклицал: «Давно ли новое историческое направление должно было отстаивать себя, а теперь, кто не за него, тот против истины». Но уже через несколько лет происходит перелом во взглядах Бестужева-Рюмина. «Бывший сторонник „общих взглядов“ и диалектики», как замечает С. Н. Валк, «громогласно заявляет», что он «не принадлежит к числу почитателей г. Соловьева», у которого господствует «подчинение русской истории и русской жизни гегелевской схеме». Он утверждает, что «будущий исследователь даже и не вспомнит о книге Соловьева, разве только для счета, а вечно будет в руках исследователя труд Карамзина, достоинства которого особенно рельефны, если сравнить с „Историей России“». «Истории государства Российского» он отдавал предпочтение «не по одним достоинствам художественным, но и по системе примечаний, по критике источников». Выступив против школы Соловьева, Бестужев-Рюмин причислял себя к «только что появляющемуся направлению». Обратившись к аргументам, при помощи которых Бестужев старался охарактеризовать содержание нового направления, Валк отмечает частое употребление им в разных сочетаниях распространенного тогда термина «народный», упреки Соловьеву в том, что в его «Истории» «не видать жизни и духа народного». «Переживаемый Бестужевым кризис, как видим, разрушил в его взглядах ту схему русской истории, которой он так был предан ранее, но кризис этот не разрешился таким образом, как это при подобных случаях бывало при иных обстоятельствах, именно заменой одной или другой идеей, в настоящем случае — „народом“», — писал Валк. Термин

¹¹⁷ Историография истории СССР, с. 250—252.

¹¹⁸ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет, с. 40—45.

«народ» в последующих трудах Бестужева-Рюмина «не получил мало-мальски надлежащего места, несмотря на то что Бестужев весьма стал склоняться теперь и позднее к славянофильству и к костомаровским федеративным теориям». По мнению Валка, Бестужев-Рюмин, «несомненно, не чувствовал себя настолько уверенным в новом идейном содержании, чтобы положить его в основу исторических построений и дать стройную теорию развития русской истории с точки зрения „народной жизни и народного духа“». И Валк задает вопрос: «Таким образом, старые идейные основы были разрушены, а новые идеи не овладели настолько Бестужевым, чтобы сделать их руководящим началом построения новой теории русского исторического процесса?».¹¹⁹

В деятельности Бестужева-Рюмина отразился ряд черт, характерных для официальной историографии второй половины XIX в. Часть историков-охранителей признавала невозможность игнорирования достижений либеральной историографии, неизбежность обсуждения злободневных проблем, выдвигавшихся чаще всего их противниками, необходимость изучения источников и методов их критики. В этой сложной для официальной историографии ситуации Бестужев-Рюмин попытался найти выход при помощи теории, согласно которой выдвигаемое им направление «идет не от общей мысли к факту, а от факта к общей мысли». Прежде чем решить главную задачу — «подглядеть законы развития общества», он считал необходимым заняться предварительной работой по критическому изучению источников.

Эту мысль он высказал в своей первой лекции, где, отвергая три «формы исторического изложения» — художественную, субъективную (т. е. оценочную) и философскую, обещал излагать предмет «научным» методом, при котором «воспроизведению прошлого, суду над ним и, тем более, определению общих законов развития должно предшествовать строгое и внимательное изучение источников». Диссертация Бестужева-Рюмина, за которую ему была присуждена докторская степень, минуя магистерскую, была посвящена изучению русских летописей и в этой области для своего времени являлась крупным достижением. Большое место отводил он изучению источников и в своем курсе.¹²⁰ Таким образом, Бестужев-Рюмин не решил главной задачи, возникшей перед официальным направлением, — создать историческую концепцию, убедительно обосновывающую его политическую программу.

По пути, намеченному Бестужевым-Рюминым, пошел один из его учеников С. Ф. Платонов. Занявшись историей Смутного времени, он начал с тщательного изучения источников. Его книга «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» (СПб., 1888) — «образцовый пример

¹¹⁹ Там же, с. 42.

¹²⁰ Там же, с. 43, 44.

изучения таких литературно-политических источников, как повести и сказания». В ней Платонов «дал живую историческую картину возникновения, тенденций и значений этих, сложившихся в пылу политической борьбы взаимных обвинений и самооправданий, документов», показав, «как неразрывно сливается изучение исторического источника с изучением той исторической среды и тех исторических обстоятельств, где и когда возник данный историографический источник».¹²¹ Вместе с тем на диспуте Платонов говорил, что из университета кроме «навыков научной критики» он «вынес стремление к отвлеченным историческим построениям и веру в то, что плодотворна только та историческая работа, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к той же идее».¹²² В книге «Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI—XVII вв.» (СПб., 1899) он значительно расширил разработку избранной темы. В рамках буржуазной исторической науки им был сделан ряд ценных наблюдений. В книге дана картина общего положения Русского государства накануне «Смуты», ярко описана борьба с иностранной интервенцией, затронуты проблемы классовой борьбы и экономического положения страны. Так Платонов следовал призыву Бестужева-Рюмина изучать «историю народа». Однако на все эти события он смотрит с официально-охранительной точки зрения. Завершающие главы, посвященные избранию Михаила Федоровича на царствование, представляют это событие как торжество самодержавия, являющегося оплотом порядка. Это соответствовало общей концепции Платонова, положенной в основу «Очерков», которая «отчетливо отражала его консервативно-монархические взгляды на исторический процесс».¹²³ Платонов в этом смысле был правее Ключевского, чьи взгляды не лишены были антисамодержавных и антидворянских тенденций. Его труды находились в русле консервативного продворянского курса правительства в 80-е гг., когда Платонов работал над своими «Очерками». В. И. Ленин писал, что «в 80-ых годах был „шаг назад“ к дворянству», хотя это и был «шаг назад на ступени пореформенной России, далеко ушедшей от времени николаевской эпохи, когда дворянин-помещик командовал без „плутократии“, без железных дорог, без растущего третьего элемента».¹²⁴

Одной из особенностей этой эпохи было то, что, несмотря на разногласия по ряду вопросов, официальная и либеральная историография, переживая кризис, объединяют свои силы. Их сплачивает страх перед революцией, перед революционными идеями, которые в эти годы получают последовательное выражение в трудах русских марксистов.

¹²¹ Там же, с. 48.

¹²² Там же, с. 47—48.

¹²³ Очерки истории исторической науки. Т. III. М., 1963, с. 317.

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 81.

3. Становление марксистской концепции истории России

В 80-е гг., несмотря на свирепую правительственную реакцию, кризис в народнической среде, смятение в лагере либералов, снижение общественной активности, продолжались процессы, исподволь революционизировавшие обстановку в России. В. И. Ленин писал, что «в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: „наступила очередь мысли и разума“, как про эпоху Александра III!».

«Именно в эту эпоху старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обогатившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России». Определяющее значение, в глазах Ленина, имел тот факт, что в 80-е гг. возникла русская социал-демократия. «Именно в эту эпоху, — писал он, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания». Говоря о том, что революционеры «далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов», Ленин писал: «Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования».¹²⁵

Важнейшим явлением в социально-политическом развитии России в 80-е гг. было выступление на историческую арену рабочего класса, значительный рост его самосознания и зарождение исключительного по своему значению процесса — складывания революционной партии пролетариата.

Выдающуюся роль в распространении марксизма в России, в создании русской социал-демократии сыграла возникшая в 1883 г. в Женеве первая марксистская организация русских революционеров, назвавшая себя группой «Освобождение труда». В ее состав вошли Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов. Все они начали свой революционный путь в народнических организациях. Плеханов, выдающийся деятель «Земли и воли» 70-х гг., после ее раскола стал одним из основателей «Черного передела». Эмигрировав в 1880 г. за границу, усиленно занялся изучением социалистической литературы, близко познакомился с опытом западноевропейского рабочего движения. Процесс окончательного перехода Плеханова и его товарищей на позиции марксизма еще более ускорился после того, как стал очевидным закат «Народной воли». Плеханов сыграл осо-

¹²⁵ Там же, т. 12, с. 331.

бенно важную роль в создании группы «Освобождение труда», в ее теоретической деятельности, заложившей основы социал-демократии в России. В 1914 г. Ленин писал о Плеханове: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников».¹²⁶

Первой практической задачей, которую поставила перед собой группа «Освобождение труда», было распространение в России идей научного социализма. Для этого предполагалось перевести на русский язык важнейшие труды Маркса и Энгельса. Во-вторых, группа планировала развернуть критику утопических теорий, владевших умами русских революционеров, и заняться изучением наиболее важных проблем общественной жизни с позиций научного социализма.

В первом же обращении группы «Освобождение труда» был провозглашен окончательный разрыв со старыми анархистскими традициями народничества, утверждалась необходимость борьбы против абсолютизма, признавалось, что революционная интеллигенция «слишком игнорировала» задачи организации рабочего класса и пропаганды социализма в его рядах. В обращении содержался призыв развернуть деятельность, направленную на организацию русского рабочего класса в «особую партию с определенной социально-политической программой».

В 1883 г. вышел в свет первый выпуск «Библиотеки современного социализма» с работой Плеханова «Социализм и политическая борьба». Свое выступление Плеханов начал с полемики по вопросу об отношении социалистов к политической борьбе. Он утверждал, что развитие освободительного движения в России сделало борьбу за политическую свободу и свержение самодержавия первоочередной задачей революционеров. Плеханов выступил против народников, призывавших к воздержанию от политической борьбы. С марксистских позиций в книге анализировались не только современное положение революционных сил и их задачи, но и история русского революционного движения, критиковались теории, неверно трактовавшие исторические проблемы. В первую очередь Плеханов нанес удар по народнической субъективной социологии. Критически разобрав взгляды народников различных оттенков — бакунистов, лавристов, последователей Ткачева, народовольцев и чернопередельцев, Плеханов противопоставил им изложенные в сжатой форме основы учения Маркса и Энгельса о законах развития общества. Он показал несостоятельность распространенной идеалистической концепции, согласно которой в основе исторического развития лежат идеи, а не условия материальной жизни общества. Плеханов подчеркивал, что на всем протяжении истории человечества происходила борьба за политическое господство, являвшаяся проявлением противоречий

¹²⁶ Там же, т. 25, с. 222.

между антагонистическими классами. Как буржуазия использовала политическую борьбу в качестве средства завоевания господства в своем столкновении с феодалами, так и пролетариат не может осуществить социалистическую революцию, к которой стремится без политической борьбы. Плеханов обращал внимание на необходимость уничтожения буржуазного государства и указывал на диктатуру пролетариата над буржуазией.

Другой теорией, против которой выступил Плеханов в этой работе, была народовольческая теория «захвата власти» для осуществления в России социалистического переворота. Он показал утопичность народнических представлений о возможности сразу совершить социалистическую революцию, обосновал неизбежность буржуазно-демократической революции и необходимость борьбы за достижение политической свободы и демократической Конституции. Плеханов призывал готовиться к созданию в России самостоятельной рабочей партии.

Книга Плеханова была высоко оценена Лениным, который писал: «Первое profession de foi всемирного социализма, „Коммунистический манифест“ установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социал-демократизма, брошюра Плеханова „Социализм и политическая борьба“, вышедшая в 1883 г., подтверждала эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы».¹²⁷

Важной особенностью этой и последующих работ Плеханова было изучение в тесной взаимосвязи вопросов революционной борьбы и проблем исторического материализма. Так одновременно с решением актуальных политических проблем с позиций революционной теории закладывались основы русской марксистской историографии. В той же работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов, обосновывая бесспорность универсального характера марксистского учения, писал: «Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют равно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собой понятно, что ни автор „Капитала“, ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они

¹²⁷ Там же, т. 4, с. 311—312.

только ищут в них объяснения всех ее общественно-политических и умственных движений». ¹²⁸

Отдавая должное прошлым заслугам русского революционного движения, Плеханов вскрывал отсталость старых утопических народнических теорий: «Они уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию...». ¹²⁹ Глубокую критику народнических теорий содержала вышедшая в 1885 г. книга Плеханова «Наши разногласия». Она опровергла одно из основных положений народничества — утверждение о том, что Россия может миновать капиталистический путь развития благодаря сохранившейся в ней сельской общине и якобы присущему русскому крестьянству чувству коллективизма. Плеханов доказывал, что Россия уже вступила на капиталистический путь. Сопоставляя два трудящихся класса России — крестьянство и пролетариат, он писал, что в борьбе за осуществление социалистических идеалов решающую роль должен сыграть рабочий класс. Он призывал русских социалистов приложить все усилия к пробуждению политического сознания этого класса и подчеркивал необходимость создания революционной партии пролетариата в России. В статье «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899) Ленин отметил как большую заслугу Плеханова то, что он в этих работах «указал русским революционерам их задачу: образование революционной партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма». ¹³⁰ Плеханов показал несостоятельность теории «самобытности» русского исторического процесса. На основе большого фактического материала доказал, что Россия идет по общему для всех народов пути от феодализма к капитализму, что товарное производство в России превращается в капиталистическое. Расширение внутреннего рынка и его связи с внешними рынками подрывают общину, которая долго сохранялась в России из-за господства натурального хозяйства. Вслед за Марксом и Энгельсом Плеханов выступил с разоблачением народнических утверждений о бесклассовости русского общества, наглядно показал необоснованность главных принципов, положенных в основу многочисленных исторических сочинений народников, в которых идеализировалась русская община. Наиболее сильной стороной первых работ Плеханова была именно критика народнической теории «самобытности» исторического развития России. Имели они и свои слабые стороны. Так, Плеханов недооценивал значение остатков крепостничества в России.

В целом же деятельность группы «Освобождение труда» имела огромное значение для утверждения марксистских идей в России.

¹²⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. I. Пг., 1920, с. 120.

¹²⁹ Там же, т. II, [б. г.], с. 105.

¹³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 251.

Ленин писал, что «литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма, которые, как показал опыт всего мира, одни только выражают правильно сущность рабочего движения и его задачи».¹³¹ Благодаря энергичным усилиям Плеханова и его товарищей в 80—90-е гг. ряд произведений Маркса и Энгельса был переведен на русский язык и стал достоянием значительного круга революционной молодежи.

Деятельность группы получила одобрение Энгельса. Весьма положительно оценил он книгу Плеханова «Наши разногласия». По поводу нее он писал В. И. Засулич в 1885 г.: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России».¹³²

В декабре 1894 г. в Петербурге легально был издан знаменитый философский труд Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Вскоре власти спохватились и запретили книгу, но она уже получила широкую известность в революционных кругах. Работа Плеханова — выдающееся произведение в русской и международной марксистской литературе. Она была неопределимым вкладом и в создававшуюся марксистскую историографию в России. В ней Плеханов впервые после Маркса и Энгельса предпринял попытку систематического марксистского анализа и критики домарксовской философии, социологии и историографии. Он с большой глубиной и четкостью изложил марксистское понимание законов общественного развития, движущих сил исторического процесса, выступил против различных сознательных и бессознательных искажений марксизма.

Анализируя в первых главах домарксову философию, социологию и историографию, Плеханов проследил, с одной стороны, преемственность учения Маркса по отношению ко всей предшествовавшей истории передовой науки и культуры, а с другой — классовую ограниченность домарксовской социологии и историографии. Он доказывал, что Маркс и Энгельс явились создателями подлинной науки об обществе.

В труде Плеханова были систематически изложены и критически рассмотрены в свете учения Маркса исторические взгляды французских материалистов XVIII в. Гольбаха и Гельвеция, французских историков периода реставрации О. Тьерри, Ф. Гизо и Ф. Минье, теории социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье и

¹³¹ Там же, т. 25, с. 95.

¹³² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 260.

Оуэна. Один из разделов книги был посвящен критике немецкой идеалистической философии Канта и Гегеля. С большим мастерством, продемонстрировав исключительную образованность и глубокое понимание трудов основоположников научного коммунизма, он систематически изложил важнейшие положения учения Маркса о законах общественного развития и движущих силах исторического процесса. Показав, что Маркс и Энгельс раскрыли основные на материалистическом понимании истории законы исторического развития, Плеханов писал: «Собственно говоря, до Маркса общественная наука была гораздо более лишена твердой основы, чем астрономия до Коперника...».¹³³ Уничтожающей критике были подвергнуты в книге выступления народников против диалектики Маркса, в первую очередь взгляды Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева, В. Н. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона. Плеханов показал несостоятельность «теории факторов», теории «героев» и «толпы», методов «субъективной социологии». Он отстаивал и развивал марксистское положение о первенствующей роли материальной жизни общества, прослеживал связь и взаимодействие экономики и идеологии, раскрывал решающую роль народа в истории. Он отмечал, что роль выдающихся личностей определяется ходом исторического развития и отвергал домыслы народников, утверждавших, что марксисты отрицают роль этих личностей вообще.

Книга Плеханова была пронизана мыслью о революционном характере марксизма. По словам Ленина, на этой книге «воспиталось целое поколение русских марксистов».¹³⁴ Многие русские революционеры впоследствии вспоминали, какое огромное впечатление на них она произвела. «Это блестящее полемическое произведение как кипятком ошпарило всех торжествующих на вольном просторе легальной печати народников во главе с их „властителем дум“ Н. К. Михайловским. На меня, совершенно оторванного от живой жизни на воле, в особенности от столичной жизни, этот „Бельтов“ произвел впечатление внезапно разорвавшейся бомбы среди полной тюремной тишины», — писал И. Лалаянц.¹³⁵

Наряду с общими проблемами, связанными прежде всего с разработкой вопросов исторического материализма, Плеханов в своих ранних работах осветил и ряд проблем истории России. Особенно большое внимание он уделил истории освободительного движения в России, истории революционного народничества, передовым представителям русской общественно-политической мысли — В. Г. Белинскому, А. И. Герцену и Н. Г. Чернышевскому, проблемам, связанным с экономическим развитием России, в первую очередь с реформой 1861 г. и развитием капитализма. Некоторые

¹³³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956, с. 636.

¹³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 313.

¹³⁵ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956, с. 108.

оценки Плеханова не были до конца последовательными с точки зрения марксистской методологии. Примером может служить преувеличение им влияния славянофильских идей на народничество, его взгляд на «мужичка» как на политического антипода пролетариата. Эти ошибочные положения впоследствии подверглись критике со стороны В. И. Ленина.

Плеханов внес выдающийся вклад в становление марксистской историографии в России, с его деятельностью связан ее начальный период. Дальнейшее развитие марксистской исторической мысли уже неразрывно связано с именем В. И. Ленина.¹³⁶

Труды В. И. Ленина, связанные с проблемами историографии, открывают принципиально новый период в истории марксистской исторической науки. Они связаны и с новым периодом истории России — периодом империализма, который уже выходит за рамки нашего исследования. Поэтому мы ограничимся общей характеристикой ленинских трудов 90-х гг., которая позволит отчетливо представить значение переворота, совершенного марксизмом в русской историографии.

Первые работы Ленина свидетельствовали, что он внимательно изучал с марксистских позиций проблемы социально-экономического развития России, являвшиеся предметом горячей дискуссии, в которой участвовали представители различных направлений. Первая сохранившаяся работа Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» была написана еще в 1893 г. и предназначалась для легальной печати, но опубликована не была. Она содержала разбор книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство». В ней Ленин дал марксистскую характеристику положения в деревне, рассмотрел процессы развития в ней капиталистических отношений и решительно выступил против народнической теории, гласившей, что капитализм якобы не затронул «общинное» крестьянство. Эти выводы Ленина имели большое значение не только для оценки-положения в деревне, но и служили важным аргументом в полемике с народниками, пытавшимися в своих исторических трудах обосновать «исконность» русской общины и связанную с ней теорию «самобытности» исторического развития России. Осенью 1893 г., уже переселившись в Петербург, Ленин подготавливает реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках», с которым выступает среди петербургских марксистов. В этой работе он вскрывал ошибочность народнической теории, согласно которой капитализм в России не имел под собой почвы, и доказывал, что капитализм уже стал главной чертой хозяйственной жизни России. К названным работам по своей основной направленности, по-видимому, близко примыкала не разысканная до сих пор статья,

¹³⁶ См.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965, с. 27—34.

написанная по поводу книги Воронцова «Судьбы капитализма в России».

Следующий труд Ленина — книга «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» — развивал положения его ранних работ. В книге было отведено значительное место экономическим проблемам. Вместе с тем, полемизируя с народниками, которые были главным объектом критики, Ленин одновременно намечал пути развития революционного марксизма в России и борьбы русского пролетариата за свое освобождение. Эта работа отчетливо показывала, что в лице Ленина читатель имеет дело с автором, который отнюдь не замыкается в рамках изучения экономических вопросов. Он обращается к их изучению для того, чтобы получить возможно более точное представление о социально-экономическом строе России, необходимое для выработки плана революционного преобразования страны. Труды Ленина были присущи и глубокий историзм. Он рассматривал все явления в развитии, стремясь дать им возможно более полное историческое обоснование. Ленин вносит существенный вклад в разработку с марксистских позиций ряда вопросов философии и истории, ставит и решает важнейшие проблемы исторического материализма в теснейшей связи с вопросами теории и практики русского революционного движения. Наряду с сокрушительной критикой народничества в книге содержалось изложение марксистской теории применительно к российским условиям. Следует иметь в виду, что ленинский труд был написан до того, как появились книги Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» и Плеханова «О развитии монистического взгляда на историю». Он написан на основании самостоятельного изучения работ Маркса и современного политического и экономического положения России и свидетельствует о том, что уже в это время Ленин являлся крупнейшим теоретиком марксизма. Обобщая опыт революционной практики, он творчески развивал учение Маркса. Историческое значение имели указания Ленина на руководящую роль, которую предстояло сыграть в грядущих революционных битвах пролетариату, на необходимость создания пролетарской партии. Он выдвигал и такие важные и еще не разработанные проблемы, как вопрос о союзниках пролетариата в предстоящей революции, переплетавшийся с вопросом об отношении к крестьянству, заложив тем самым основы учения о союзе пролетариата и крестьянства.

Разработка Лениным в этой работе вопроса об общественно-экономических формациях явилась выдающимся вкладом в развитие материалистического понимания истории и серьезным ударом по идеалистической социологии. Ленин писал, что «Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на на-

учную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс».¹³⁷ Подчеркивая, что производственные отношения составляют основу развития общества, Ленин одновременно опроверг обвинения народников, будто для марксистов экономика является единственной силой этого развития. Решительно отвергал он и обвинения в том, что марксисты якобы пытаются решать проблемы социологии при помощи абстрактных схем, заимствованных у Гегеля. Так, Михайловский утверждал, что «знаменитая триада» Гегеля лежит в основе доказательств теории Маркса и Энгельса о развитии обществ.¹³⁸ «Обобществленный на развалинах капитализма пролетариат... держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи», — писал он,¹³⁹ стараясь в карикатурном виде представить марксистское толкование роли пролетариата в свержении капиталистического строя. Искажая взгляды русских марксистов, Михайловский утверждал, будто бы учение о неизбежности для России капиталистического пути развития они строят на механическом перенесении в Россию марксовой схемы, игнорируя российскую действительность.¹⁴⁰

Опровергая утверждения Михайловского, Ленин писал, что «ни один из марксистов пигде и никогда не аргументировал таким образом, что в России „должен быть“ капитализм, „потому что“ он был на Западе».¹⁴¹ Он отмечал также «шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса».¹⁴² Ленин показал, что Михайловский опустил все практическое содержание теории Маркса и свел ее к одному слову «необходимость». Еще раз напомнив, что Маркс смотрел на развитие общества как на естественно-исторический процесс, он доказал, что Михайловский, будучи субъективным социологом, вместо того чтобы объяснить действительную общественную эволюцию, дал «утопию, сочиненную из бессмысленнейшего выдергивания отдельных элементов из разных общественных формаций»,¹⁴³ желая «„взять“ хорошее от туда-то да еще оттуда».¹⁴⁴

В 90-е гг. усилиями русских социал-демократов, прежде всего Ленина и Плеханова, был нанесен сокрушительный удар народническими концепциями, подорвано их влияние среди значительной части демократической интеллигенции. Написанный Лениным

¹³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

¹³⁸ Михайловский Н. К. Литература и жизнь. — Русское богатство, 1894, № 2, с. 150—151.

¹³⁹ Там же, с. 166.

¹⁴⁰ Там же, № 1, с. 119, 120.

¹⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 195.

¹⁴² Там же, с. 163.

¹⁴³ Там же, с. 193.

¹⁴⁴ Там же, с. 191.

в ссылке и опубликованный в 1899 г. труд «Развитие капитализма в России» знаменовал полный разгром народнической теории о «самобытном» пути развития России и открывал новый этап в изучении ее капиталистического развития. Если ранние работы Ленина содержали анализ выборочных конкретных данных, касавшихся экономики страны, то в этом труде он собрал и исследовал всю совокупность статистических сведений, относящихся к данной проблеме. На основе анализа громадного фактического материала Ленин показал идущий быстрыми темпами процесс развития капиталистических отношений в городе и деревне. Работа «Развитие капитализма в России» явилась фундаментальной основой для дальнейшего изучения с марксистских позиций всех сторон развития пореформенной России.

Содержавшаяся в работах Ленина критика народнических теорий, связанных с идеализацией докапиталистических отношений, вскрыла не только несостоятельность народнической трактовки пореформенного развития России, но и народнической концепции русской истории в целом. Последняя была тесно связана с идеализацией древнерусской общины, с отрицанием феодализма в России в IX—XV вв., с утверждением, что в докапиталистический период непосредственные производители обладали собственностью на средства производства. «Когда народник говорит, что принадлежность производителю средств производства — исконное начало русского быта, он просто-напросто извращает историю в угоду своей утопии», — писал Ленин.¹⁴⁵ Он считал лишенной исторического смысла народническую дилемму — «община или капитализм», так как та или иная форма землевладения не является препятствием для развития капитализма.¹⁴⁶ По мнению Ленина, народнические экономисты и историки слишком большое значение придавали изучению общины как юридического института. По его словам, народники «за деревьями не видят леса, за формой землевладения отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства».¹⁴⁷ Отдавая должное большой работе народнических авторов по сбору фактических данных, Ленин отмечал вместе с тем, что «этот материал, касающийся преимущественно формы землевладения, совершенно загромоздил от исследователей *экономику деревни*».¹⁴⁸

Ленин высказал и очень важные положения, касающиеся истории народничества. В литературе по этому вопросу, появившейся в конце XIX в., широкое распространение получила точка зрения, согласно которой существовала идейная связь между народничеством и славянофильством. Этой теории отдавал дань и Плеханов.

¹⁴⁵ Там же, с. 473.

¹⁴⁶ См.: там же, т. 3, с. 321—322.

¹⁴⁷ Там же, т. 1, с. 355.

¹⁴⁸ Там же, с. 285.

В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин вступил в полемику со Струве, не только писавшим об исторической связи между славянофильством и народничеством, но и утверждавшим, что спор марксистов с народниками является продолжением спора западников со славянофилами. Признавая наличие «квасного патриотизма самого низкого разбора» у таких народников, как С. Н. Южаков, Ленин вместе с тем считал, что «лучшие из народников» «не имели ничего общего с славянофильством... С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться», — писал он.¹⁴⁹ Сущность народничества — «в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя... Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и *капитала*. Оно отразило этот факт через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя...».¹⁵⁰

Эта работа Ленина имела большое значение не только для опровержения взглядов Струве на сущность русского народничества и изложения марксистского понимания этой проблемы. Она содержала обстоятельный разбор искажений марксизма, которые были присущи Струве и «легальным марксистам». Показывая несостоятельность абстрактного подхода Струве к вопросу об определении экономической сущности народничества, Ленин вскрыл коренной порок его книги — объективизм, отказ от подхода к оценке важнейших социально-экономических явлений с позиций классовой борьбы, замалчивание антагонистических противоречий в классовом обществе. Отвергая утверждения «легальных марксистов» о том, что необходимо отказаться от присущей марксистскому учению «полемичности», «тенденциозности», Ленин доказывал, что марксизм, изучающий общество, объективные законы классовой борьбы и антагонистических противоречий при капитализме с позиций пролетариата, с позиций совершенно определенной партийности, добивается при этом наибольшей объективности. Он писал, что «абстрактность критики г. Струве составляет отличительное свойство *всей* его книги... Нуждается в исправлении у него больше всего именно *постановка вопросов*».¹⁵¹ Ленин показывал, что под маской внеклассовой позиции, объективности, а по существу объективистского подхода, в работах «легальных марксистов» скрывались буржуазные взгляды. «Это покушение подняться выше классов приводит к крайней туманности положений автора, туманности, доходящей до того, что из них могут быть сделаны

¹⁴⁹ Там же, с. 422.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же, с. 464.

буржуазные выводы...»¹⁵² Противопоставляя объективистскому подходу оценку событий и явлений с позиций пролетариата, интересы которого защищают марксисты, он писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях“; материалист говорит о том классе, который „заведует“ данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость».¹⁵³ Ленин подчеркивал, что подлинному последователю учения Маркса должна быть присуща партийность. «С другой стороны, материализм включает в себя, — писал он, — так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».¹⁵⁴

Ленин показал, что именно следствием объективистского подхода «легальных марксистов» была их оценка капитализма. Poleмизируя с народниками, идеализировавшими отживающий экономический строй, «легальные марксисты» впали в другую крайность и принялись превозносить достоинства капитализма, видя в нем самый рациональный строй. Не касаясь классовых противоречий при капитализме, Струве обратился к рассмотрению вопросов «прогресса» и «культуры». Он предлагал признать «нашу некультурность» и пойти «на выучку к капитализму».¹⁵⁵ Струве вторил и Туган-Барановский, писавший: «Если бы требовалось ответить на этот вопрос в двух словах, я бы ответил: русская некультурность. Капитализм несет с собой культуру...».¹⁵⁶

Ленин на конкретных фактах показал, что капиталистический строй отнюдь не является благодетельным для народных масс. Он писал, что развитие крупной обрабатывающей промышленности означает и выражает развитие капитализма, «а что разоряет

¹⁵² Там же, с. 496.

¹⁵³ Там же, с. 418.

¹⁵⁴ Там же, с. 419.

¹⁵⁵ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894, с. 288.

¹⁵⁶ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в ее прошлом и настоящем. Изд. 7-е. Т. 1. М., 1938, с. 15.

крестьянина именно капитализм, это — краеугольное положение совсем не народничества, а *марксизма*». ¹⁵⁷

Уделив большое внимание истории революционного народничества, Ленин остановился и на общих проблемах истории освободительного движения в России. В его работах 90-х гг. была дана высокая оценка деятельности Н. Г. Чернышевского. Говоря о поре «общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое», Ленин называл ее эпохой Чернышевского. ¹⁵⁸ Указывая на связь русской передовой мысли с западной, он ставил рядом с Н. Г. Чернышевским и А. И. Герцена. ¹⁵⁹ Важную роль в разработке марксистской концепции истории русского революционного движения сыграла ленинская работа «От какого наследства мы отказываемся». В 90-е гг. Ленин выдвинул ряд принципиально важных положений и по другим разделам истории России. Он указал на существование на Руси крепостнических форм эксплуатации еще в древнейшие времена. ¹⁶⁰ Обратившись к родовым отношениям, о которых так много писали русские историки в XIX в., Ленин писал: «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало...». ¹⁶¹ Примерно с XVII в. он намечал новый период в русской истории. Слияние всех русских земель воедино произошло, по мнению Ленина, не родовыми связями, а «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных». ¹⁶²

Ленинские высказывания тогда не стали достоянием широкого круга историков. Тем не менее в общем процессе развития русской историографии ленинские работы сыграли огромную роль. Ленин сформулировал важнейшие положения, связанные с применением к русской истории марксистского диалектического метода и принципа партийности. Дальнейшее развитие исторической науки показало, что работы либеральных и официальных историков все более отражали черты кризиса, который постиг буржуазную историческую науку в целом. Подлинно научное изучение истории России стало возможно лишь на основе марксистско-ленинской теории.

¹⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 513.

¹⁵⁸ Там же, с. 280.

¹⁵⁹ Там же, с. 271.

¹⁶⁰ Там же, т. 3, с. 199.

¹⁶¹ Там же, т. 1, с. 153.

¹⁶² Там же, с. 154.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В борьбе течений в русской историографии во второй половине XIX в. особенно большую роль сыграло революционно-демократическое направление в русской исторической науке. Историки других школ и направлений не могли не реагировать на выступления представителей революционно-демократической мысли, хотя и пытались их замалчивать. Эти выступления сказались на развитии одной из наиболее влиятельных школ либерального направления в русской историографии — государственной школы.

Первый этап развития государственной школы относится к концу 40-х—началу 50-х гг. XIX в. В предпринятый еще декабристами критический пересмотр официально-охранительного направления оказались вовлечены и чуждые революционным симпатиям историки либерального направления, видевшие свою задачу в обосновании реформ «сверху» при сохранении самодержавия. Предприняв с этих позиций попытки философского осмысления исторического развития России, К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев создали концепцию, которая позволила им связать воедино историю России, представить ее в развитии. Эта концепция стала основой взглядов историков государственной школы. Большую роль в этой концепции играла теория родового быта, смены родовых отношений государственными. Рассматривая взаимоотношения между Новгородом и великими князьями, Соловьев выдвинул эту проблему, на которую обратили внимание еще декабристы, затем В. Г. Белинский и А. И. Герцен.

Концепция государственной школы складывалась в полемике с официально-охранительным и славянофильским направлениями. К. Д. Кавелин показал несостоятельность теоретических взглядов и источниковедческих приемов М. П. Погодина, главного представителя официальной историографии, склонного объяснять развитие русской истории волею случая и отрицавшего наличие каких бы то ни было исторических закономерностей. Не возражая против призывов Погодина писать монографии на отдельные темы, Кавелин считал эту задачу ограниченной и ставил вопрос о создании трудов, позволяющих раскрыть общие законы исторического развития России.

К. Д. Кавелин положил начало длительной полемике историков государственной школы со славянофилами. Он составил критический разбор статьи Д. А. Валуева, содержащей основные элементы славянофильской концепции истории России. Однако главное место в этих спорах заняла полемика Ю. Ф. Самарина

с К. Д. Кавелиным. Ю. Ф. Самарин впервые наиболее полно изложил основные черты концепции славянофилов, в том числе и ее теософическую суть, согласно которой в основе исторического развития России лежали христианство и церковь. Направленные против охранителей и славянофилов ранние работы Кавелина и Соловьева были одобрительно встречены представителями революционно-демократического направления. Ряд трудов Кавелина и Соловьева был напечатан в «Современнике» и «Отечественных записках», редактировавшихся В. Г. Белинским. Положительно оценивал впоследствии их борьбу с Погодиным Н. Г. Чернышевский. Это не исключало принципиальных разногласий во взглядах между революционными демократами и либеральными историками.

Историки, вслед за Кавелиным и Соловьевым, принявшие теорию родового быта, шли разными путями. М. М. Михайлов, отстаивая эту теорию как основу для изучения истории России, строго держался в рамках исследования историко-правовых тем. А. Ф. Тюрин и П. В. Павлов попытались придать родовой теории более широкое толкование, стремились наряду с историей правовых норм и юридических учреждений изучать историю народной жизни. Кавелин сочувственно отнесся к Тюрину и Павлову, видя в них своих последователей, но достаточно твердо высказался против своеобразной демократизации теории родового быта. Выдающимся событием в русской историографии второй половины XIX в. явился труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен». Используя огромное количество источников, Соловьев постарался эту массу фактов представить в логической последовательности на основе теории развития родовых отношений и их постепенного перерастания в отношения государственные. Вместе с тем он ввел и новые элементы — теорию борьбы «леса со степью», теорию колонизации, не только признав влияние географического фактора на историческое развитие, но и преувеличив его значение. В «Истории России с древнейших времен» был поднят ряд важных вопросов русской истории. Являясь своеобразным воплощением теорий государственной школы, эта работа вместе с тем была ответом на критику государственной школы за увлечение только историей государства. Поэтому Соловьев, сохраняя связь с государственной школой, занял в русской историографии особое положение. Многотомный труд Соловьева послужил толчком к новым дискуссиям по русской истории. В многочисленных откликах на него можно проследить борьбу основных направлений в русской историографии. Рассмотренные рецензии хорошо это иллюстрируют. Но Соловьев, как отмечали представители демократического направления, так и не написал историю, в которой бы русский народ занял достойное место. Как своеобразную реакцию на полемику вокруг идей, выдвинутых государственной школой, и споры вокруг «Истории России» Соловьева можно рассматривать труды Н. И. Костомарова. Пони-

мая, что историю России нельзя ограничивать историей государства, Костомаров искал ответа на волновавшие историков вопросы за рамками историко-правовых проблем, широко используя данные этнографии, историю народного быта, историю торговли и некоторых других сторон экономической жизни. В этом смысле его можно считать предшественником В. О. Ключевского. Другая важная особенность Костомарова — враждебное отношение к самодержавной власти московских князей и царей, сочувственное отношение к народным выступлениям и движениям. Это придавало взглядам Костомарова известную оппозиционность, обусловившую поддержку в некоторых случаях представителей революционно-демократического направления. Однако, взявшись за изучение народных движений, Костомаров в своих оценках остался на либеральных позициях. Принимая некоторые идеи славянофилов, Костомаров никогда не был сторонником демократических, и тем более революционных, кругов. Его взгляды — попытка с либеральных позиций истолковать острые проблемы русской истории, необходимость изучения которых подчеркивалась в революционно-демократической историографии.

Важную роль в ходе борьбы между направлениями в русской историографии сыграл Б. Н. Чичерин. С его деятельностью связан второй этап в истории государственной школы. В отличие от Соловьева Чичерин не пытался выйти за рамки изучения истории юридических институтов и правовых норм. Движущую силу и основу исторического развития России он видел в самодержавном государстве. Политические взгляды Чичерина эволюционируют от критики николаевских порядков и требований основных свобод к апологии самодержавия и к утверждениям, что Россия исторически не подготовлена к свободным формам государственного устройства. Представитель крайне правого крыла русского либерализма Чичерин отрицательно влиял на развитие государственной школы. Крайняя апология государственной власти первоначально встретила возражения со стороны Кавелина, но затем он по существу пошел за Чичериным. Н. Г. Чернышевский в нескольких рецензиях на сочинения Чичерина показал его политическую физиономию, вскрыл непримиримость противоречий между либеральным и революционным лагерями, принципиально разный их подход к истории России.

В страхе перед революцией эволюционировал вправо и Кавелин. Анализируя труды Устрялова и Соловьева о подготовке и проведении реформ начала XVIII в., Кавелин не противопоставляет позиции Устрялова позиции Соловьева. Его концепция исторического развития России во второй половине XVII—начале XVIII в. направлена против революционно-демократической трактовки, изложенной в трудах Н. А. Добролюбова.

К 1866 г. относится конец второго периода в деятельности государственной школы. Она окончательно вступает на путь компромисса с самодержавием и непримиримой вражды к рево-

люции. Третий, последний период в истории государственной школы связан с именами ее младших представителей, среди которых наиболее значительное место занимал В. И. Сергеевич. Если его политические симпатии в начальный период деятельности склонялись к конституционной монархии, то в дальнейшем он прямо выступает на защиту самодержавия. Историки государственной школы в этот период не только боролись против революционно-демократических тенденций в исторической науке, но и выступали с резкими нападками на тех либеральных историков, которые пытались стать на путь более широких обобщений, способствовать поступательному процессу в развитии исторической науки. В этом отношении весьма характерна резкая реакция Сергеевича на малоизвестную, но весьма своеобразную книгу историка М. Д. Затыркевича «О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование Русского государства в домонгольский период». М. Д. Затыркевич, выдвигая ряд оригинальных для того времени идей, считал борьбу между сословиями одной из главных движущих сил исторического развития. Большое внимание он уделял изучению различных социальных групп и их столкновений между собой. Одновременно он искал в древней Руси общие черты с существовавшими в Европе феодальными отношениями. Последнему периоду в истории государственной школы наиболее соответствует другое ее название — историко-юридическая, когда ее представители окончательно замыкаются в узком кругу историко-правовых понятий.

Развитие славянофильского направления, как и государственной школы, можно подразделить на три этапа. К первому относятся работы Д. А. Валуева и Ю. Ф. Самарина. Вторым этапом связан с именем Д. И. Аксакова, который в спорах с С. М. Соловьевым дополнил славянофильскую концепцию теорией Земли и Государства и трактовкой реформ начала XVIII в. как насильственного переворота, осуществленного Петром I. В работах Аксакова эта концепция получила законченную форму. Его рассуждения о значении земских соборов соответствовали умеренно-либеральным тенденциям, входившим в систему славянофильских взглядов наряду с охранительными идеями. Вместе с тем критические высказывания славянофилов, направленные против преувеличения роли государства в истории, способствовали повышению интереса к истории народного быта. Среди конкретно-исторических исследований, написанных под влиянием славянофильских идей, на первое место следует поставить труд И. Д. Беляева по истории крестьян и работы И. Е. Забелина на историко-бытовые темы. Позднее славянофильство 70—80-х гг. характеризуется переходом таких славянофильских авторов, как Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев, на реакционные, охранительные позиции.

Споры между славянофилами и западниками выражали разногласия внутри буржуазно-помещичьего лагеря и постепенно утрачивали прежнюю запальчивость. Да и во времена наибольших рас-

хождений у представителей обоих лагерей можно было встретить сходные суждения: некоторые западники признавали своеобразие исторического развития России, а славянофилы, выступая против увлечения политической историей, в ряде случаев признавали важную роль государства в жизни страны. Были общие черты, которые связывали тех и других с историками официального направления, поскольку теоретические настроения всех трех течений направлены против революционной трактовки истории России. На концепции представителей всех названных направлений постоянное влияние оказывало социально-экономическое развитие страны во второй половине XIX в. Определяя эволюцию России в сторону буржуазной монархии как главную тенденцию в развитии русской государственности, В. И. Ленин писал: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии». ¹ Самодержавие, «вынужденное „сверху“ освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии», к началу XX в. изжило себя. ²

Страх перед революцией все более сближал славянофилов и либеральных историков. Вместе с тем под влиянием критики со стороны представителей революционно-демократического направления они все чаще вынуждены были обращаться не только к выходящим за пределы политической истории этнографическим и историко-бытовым темам, но и к истории экономики и народных движений. Во второй половине XIX в. растет число публикаций исторических документов, развивается источниковедение, становятся более совершенными методы критического изучения источников. Рост масштабов исторических исследований ведет к определенному «разделению труда». Одни занимаются изучением экономической истории, другие — истории политической, третьи — изучают и публикуют источники.

В. И. Ленин писал, что «при Александре II русский царизм начинал превращаться в „плутократическую“ монархию, *начала* выражать классовые интересы буржуазии». ³ Рост влияния буржуазных элементов сказался и на усилении антидворянских тенденций в работах некоторых либеральных историков. Особенно отчетливо они выступают в трудах В. О. Ключевского. Его творчество отразило сложное переплетение разнообразных процессов, происходивших в русской историографии второй половины

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 121.

² Там же, с. 17, с. 346.

³ Там же, с. 411.

XIX в.: первые шаги в науке он делает под влиянием демократических идей 60-х гг.; вместе с тем сильное влияние на формирование взглядов Ключевского оказал С. М. Соловьев; находят отражение в его взглядах и позитивистские идеи. Человек недюжинных дарований, наделенный бесспорным художественным даром, Ключевский старался откликаться на многочисленные задачи, ставившиеся жизнью перед русской исторической наукой. Он знаток источников и мастер их критического истолкования. Ему принадлежат обстоятельные монографии и курс русской истории, который получил широкую популярность и представлял собой попытку дать общую картину исторического развития России. Ключевский попытался приспособить общие концепции государственной школы к новым требованиям. Он дополнил их географическим фактором, затем проблемой классового общества и наконец экономическим фактором. Тем не менее его построения в силу их эклектизма уже содержали те элементы кризисных явлений, которые затем все быстрее развиваются в концепциях историков либерального направления. Во второй половине XIX в. основные направления русской исторической науки, несмотря на определенные успехи в накоплении и изучении исторических источников, столкнулись с невозможностью создать подлинно научную концепцию истории России.

Революционно-демократическое направление, оказавшее в 40—60-е гг. XIX в. решающее влияние на развитие прогрессивных тенденций в русской исторической науке, в конце 60-х гг. вступает в полосу сложной эволюции. Идеи революционного просветительства, характерные для конца 50-х—начала 60-х гг., постепенно уступают место народническим взглядам. Этот процесс оказывается сопряжен с отказом от ряда положений революционно-демократической мысли, что нашло отражение и в трактовке исторических проблем. Народничество как явление было мелкобуржуазным по своему характеру. Эта мелкобуржуазность особенно сказывается при перерождении народничества из революционного в либеральное. Продолжая отстаивать демократические идеалы, народники выступают против официальных и либеральных историков. Они высказывают немало верных критических замечаний, но не могут противопоставить своим оппонентам подлинно прогрессивные идеи. Пойдя по пути субъективной социологии, народнические авторы, не только либеральные, но и революционно настроенные, оказываются в замкнутом кругу. Обращение к традиционным историческим сюжетам становится на страницах народнических изданий все более редким явлением. Но и тогда сказываются слабые стороны их субъективного метода. Мелкобуржуазная сущность народнической идеологии, проповедь идей субъективного идеализма привели их носителей, русских народников, в лагерь противников марксизма — подлинно революционного учения, впервые позволившего с позиций исторического материализма понять законы истории. Труды русских марксистов, работы Г. В. Плеханова и особенно первые труды

В. И. Ленин содержали глубокую критику народнических и других идеалистических теорий исторического развития, давали подлинно научный анализ истории.

Теория и метод марксизма позволили воссоздать и изучить с подлинно научных позиций историю человеческого общества на всех этапах его развития. Важнейшее значение для исследования русской истории с позиций учения Маркса и Энгельса имело возникновение в России первой марксистской организации — группы «Освобождение труда». Ее деятельность не только способствовала распространению марксизма в России, но и положила начало становлению марксистского направления в русской историографии. Выдающуюся роль в этом сыграл Г. В. Плеханов. Его книги «Наши разногласия», «К вопросу о монистическом взгляде на историю» и другие работы 80-х гг. содержали обстоятельную критику народнических теорий. Одновременно в них давалось изложение важнейших положений исторического материализма, раскрывалась роль марксизма в развитии исторической науки. В трудах Плеханова нашли освещение с марксистских позиций и многие конкретные вопросы истории России.

Новый этап в развитии марксистского направления в русской историографии знаменовали вышедшие в 90-х гг. XIX в. первые работы В. И. Ленина, завершившие идейный разгром народничества. Ленин подверг уничтожающей критике субъективную социологию как метод исторического исследования, господствовавший в народнической литературе. Вместе с тем такие труды Ленина, как «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России», по своему существу были глубочайшими историческими исследованиями. Наряду с дальнейшим развитием важнейших проблем исторического материализма, в них рассматривался широкий круг вопросов русской истории. Анализ исторического развития России был дан Лениным в неразрывной связи с разработкой вопросов революционной теории и практики. Изучение капиталистических отношений в России он тесно связал с вопросом о роли русского пролетариата в грядущей социалистической революции, подчеркнув необходимость создания марксистской революционной рабочей партии. Отстаивая принцип партийности, Ленин показал ложность буржуазного объективизма. Исследуя проблемы общего характера, Ленин высказал также важные суждения, касавшиеся ряда проблем истории России различных эпох.

Марксистское направление в русской историографии дало решение проблем, которое на всем протяжении второй половины XIX в. искала русская революционная мысль. На основе марксистской методологии открывалась возможность критически пересмотреть достижения русской исторической науки предшествующего периода, отбросить ошибочные концепции, наметить пути развития науки на основе революционной теории марксизма, обеспечившей подлинно научное изучение истории России.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аксаков И. С. 66, 67, 109, 170
Аксаков К. С. 16, 40, 61—63, 72, 110, 119—125, 132, 141, 170, 188, 213, 215, 222, 248
Аксельрод П. Б. 232
Александр Невский 53
Александр II 199, 249
Александр III 218, 228, 232
Александров А. В. 13
Алексей Михайлович 58, 95, 130, 176
Алексей Петрович 167
Анастасия Романовна 23
Андрей Боголюбский 169
Анна Иоанновна 93
Анненков П. В. 141
Антонович М. А. 191, 199, 201
Аристов Н. Я. 190
Аристотель 141
Арцыбашев Н. С. 6
Афанасьев А. Н. 114
- Бакунин М. А. 200, 204, 205
Барсуков Н. П. 11, 19, 49, 103—105
Бахрушин С. В. 142
Белинский В. Г. 9, 14—17, 41, 55, 57, 61, 75, 132, 161, 171, 197—199, 213, 237, 245, 246
Белов Е. А. 213
Бельские 94
Бельский С. И. 183
Бельтов *см.* Плеханов Г. В.
Беляев И. Д. 104, 105, 114, 117, 156, 216, 248
Бестужев А. А. 49
Бестужев Н. А. 48, 49, 132
Бестужев-Рюмин К. Н. 10, 124, 125, 207—209, 213, 219, 229, 230
Блудов Д. Н. 166
Бокль Г. Т. 194
Болховитинов Е. А. (митрополит Евгений) 30, 48
- Борис Федорович Годунов 88—92, 94—96
Буслаев Ф. И. 114, 225
- Валк С. Н. 45, 207, 208, 229, 230
Валуев Д. А. 16, 34—40, 245, 248
Василий Иванович Шуйский 183
Василий III Иванович 54, 89, 91
Венгеров С. А. 62
Веселовский С. Б. 8
Вико Д. 18
Виленская Э. С. 211
Виленский Н. А. 40
Владимир Всеволодович Мономах 47
Владимир I Святославович 30, 46
Владимирский-Буданов М. Ф. 216
Волк С. С. 5, 49, 129
Воронцов В. П. (В. В.) 206, 237, 239
Всеволод III Большое Гнездо 169
- Гегель Г. В. Ф. 9, 16, 18, 139, 141, 237, 240
Гедимин 183
Гельвеций К. А. 236
Герцен А. И. 3, 4, 9, 49, 52, 132, 138, 146, 158, 159, 161, 181, 187, 197—201, 205, 237, 244, 245
Герье В. И. 226
Гете И. 37
Гиббон Э. 18
Гизо Ф. 236
Гоголь Н. В. 35
Голиков И. И. 64
Голицын Д. А. 67
Гольбах П. 236
Горский А. В. 214, 215
Градовский А. Д. 67
Грановский Т. Н. 16, 18, 20, 21, 39, 141, 142, 155
Грыцько *см.* Елисеев Г. З.
Губе Г. 39

- Давыдов И. И. 20, 105
 Даниельсон Н. Ф. (Николай-он) 206, 237
 Даниил Заточник 30
 Данилевский Н. Я. 248
 Дарвин Ч. Р. 194
 Дейч Л. Г. 232
 Де-Пуло М. Ф. 134, 135
 Дмитриев-Мамонов М. А. 49
 Дмитрий Иванович 25, 88, 90, 94
 Добровский И. 92
 Добролюбов Н. А. 3, 4, 9, 12, 125, 171, 184, 197—199, 201, 203, 247
 Драгоманов М. П. 146
 Дубровин Н. Ф. 228
 Духинский Ф. 170
 Дьяконов М. А. 216
- Екатерина II 59, 93, 159, 208
 Елагин В. А. 16
 Елагин Н. А. 16
 Елагина А. П. 16
 Елена Глинская 117
 Елизавета Петровна 59, 93, 219
 Елисеев Г. З. (Грыцько) 125, 131, 190, 191, 199, 201—204, 226
 Ермак Тимофеевич 71
 Ефименко А. Я. 206, 207
 Ешевский С. В. 225
- Жижка Я. 69
 Жорж Санд 65, 68, 69
- Забелин И. Е. 116, 142, 222, 248
 Засулич В. И. 210, 232, 236
 Затыркевич М. Д. 191—196, 248
 Зимин А. А. 13, 225
- Иван Калита 53
 Иван III 19—21, 53, 56, 89, 150, 173, 176, 216, 217
 Иван IV (Грозный) 23, 55—57, 64, 73, 89, 91, 93—96, 100, 116—122, 132, 133, 150, 151, 176, 178, 182, 183, 212—219, 226
 Игнатов В. Н. 232
 Игорь 29, 31, 44
 Иллерицкий В. Е. 9, 49, 55, 114, 126—128, 139, 159, 160, 199—203, 205
 Иловайский Д. И. 228
 Иштут Н. А. 199
- Кавелин К. Д. 4, 8—10, 12, 14—18, 20—47, 50—61, 65—77, 80, 81, 86—100, 110—114, 125, 126, 137, 140—142, 146, 148, 158, 161—186, 197, 213, 214, 221, 229, 245, 246, 248
 Калачев Н. В. 76, 77, 110, 114, 117, 163
- Кант И. 237
 Каракозов Д. В. 199, 203
 Карамзин Н. М. 4—8, 10, 11, 18, 21, 24, 28, 30, 46, 48, 49, 63, 88, 90—93, 102, 108, 111, 117, 119, 123—125, 129, 155, 213, 219, 221, 229
 Кареев Н. И. 237
 Карышев Н. А. 206
 Касаткин В. И. 166
 Катков М. Н. 146, 154, 163
 Каченовский М. Т. 6—8, 27, 28, 30
 Каштанов С. М. 13, 139
 Кеппен П. И. 8
 Кизельштейн Г. Б. 140
 Кийко Е. И. 55
 Киреева Р. А. 13
 Киреевский И. В. 16, 61, 62
 Киреевский П. В. 16, 61, 62
 Китаев В. А. 140, 148, 153, 154
 Ключевский В. О. 11—13, 32, 121, 133, 134, 139, 215, 220, 222—228, 247, 249
 Козьмин Б. П. 200
 Константин Багрянородный 31
 Коперник Н. 237
 Корсаков Д. А. 11, 16
 Коссович К. А. 39
 Костомаров Н. И. 13, 14, 61, 62, 121, 126—135, 187, 197, 205, 213, 215, 246, 247
 Котошихин Г. 94, 183
 Коялович М. О. 10, 130, 137
 Крылов Н. И. 16, 141
 Куницын А. П. 48, 76, 77, 79
 Курбский А. М. 93, 183, 214, 215
 Куторга М. С. 170
 Кюхельбекер В. К. 49
- Лавров П. Л. 138, 200, 204, 205, 209, 210, 225
 Лалаянц И. Х. 237
 Латкин В. Н. 216
 Левин Ш. М. 140, 142—145
 Лейкина-Свирская В. Р. 204
 Ленин В. И. 3, 11, 12, 14, 134, 138, 140, 198, 200, 203, 204, 211, 228, 231—244, 249, 251
 Леонтьев К. Н. 248
 Лунин М. С. 49, 132
 Людовик XIV 155
- Маврикий 83
 Макиавелли Н. 67
 Малинин В. А. 210
 Маркс К. 11, 210, 212, 233—237, 239, 240, 243, 251
 Миллер О. Ф. 135
 Милюков П. Н. 10, 11, 137, 158
 Милютин Д. А. 138
 Миних К. 152

- Минье Ф. 236
 Михаил Федорович 88—90, 183, 231
 Михайлов М. И. 199
 Михайлов М. М. 76—81, 97, 108
 Михайловский Н. К. 209—219, 237, 240
 Мордовченко Н. И. 55
 Мстислав Великий 47
 Муравьев В. А. 33, 203
 Муравьев Н. М. 5, 6, 132
- Нагие 94
 Наполеон I 59
 Нестор 30
 Нечаев С. Г. 199
 Нечкина М. В. 13, 134, 222, 224—228
 Никитенко А. В. 61
 Николай I 9, 161, 214
 Николай II 195
 Никон 176
- Огарев Н. П. 3
 Окрейц С. С. 132
 Октавиан Август 11
 Олег 29, 44
 Оуэн Р. 237
- Павлов Н. Ф. 141
 Павлов П. В. 14, 76, 88—97, 246
 Павлов-Сильванский Н. П. 32, 33, 45, 192
 Пашуто В. Т. 13, 102, 103
 Пестель П. И. 132
 Петр I 17, 25, 26, 32, 34, 37, 38, 42, 52, 55, 58, 59, 61, 64, 73, 81, 89, 109, 122, 133, 135, 136, 163—168, 177, 183, 184, 199, 205, 213, 248
 Петр II 93
 Писарев Д. И. 199, 201, 202
 Пичета В. И. 224
 Платон 141
 Платонов И. В. 8
 Платонов С. Ф. 230, 231
 Плеханов Г. В. (Бельтов) 14, 200, 211, 232—241, 250, 251
 Погодин М. П. 4, 7, 8, 10, 12, 14, 18—21, 23—34, 64, 71, 88—90, 92—96, 102—108, 111, 112, 117, 119, 125, 131, 161—163, 197, 215, 245, 246
 Пожарский Д. М. 152
 Покровский М. Н. 7, 12, 225
 Полевой К. П. 106, 117
 Полевой Н. А. 6, 8, 45, 106, 111, 213, 215
 Попов А. Н. 39
 Попов Н. А. 71, 118
 Посошков И. Т. 64
 Постников В. Е. 238
 Пресняков А. Е. 136, 220—224
- Прокопович Ф. 63
 Прыжов И. Г. 202, 203, 226
 Пушкин А. С. 35, 88
 Пыпин А. Н. 61, 62
- Радищев А. Н. 48
 Разин С. Т. 128—130, 135
 Редкин П. Г. 16, 141
 Рейц А. 39, 93
 Рогвольд 44
 Розен А. Е. 49
 Розенкамф Г. А. 30
 Розенталь В. Н. 15
 Романовы 58, 89, 151
 Рубинштейн Н. Л. 8, 12, 15, 19, 127, 139, 184—186, 218, 219
 Руссо Ж. Ж. 67
 Рюрик 31, 90
 Рюриковичи 25, 187
- Салтыков-Щедрин М. Е. 211
 Самарин Ю. Ф. 14, 40, 61—75, 88, 155, 158, 213, 214, 245, 248
 Сахаров А. М. 13, 135, 136
 Святослав 29
 Семейский В. И. 206, 207, 209
 Сенковский О. И. 170
 Сен-Симон А. К. 236
 Сергеевич В. И. 14, 15, 184—191, 193—196, 222, 248
 Сисмонди Ж. Ш. Л. 18
 Сладкевич Н. Г. 126, 140, 201
 Снегирев И. М. 39
 Соколовский П. А. 206—209
 Соловьев С. М. 4, 7—10, 12—23, 25, 39, 51, 62, 63, 71, 76, 81, 86, 88, 93, 97—126, 129, 130, 133—137, 139, 148, 156—158, 163—168, 170—172, 184—186, 190, 197, 214, 215, 217, 219—225, 229, 246—248, 250
 Спенсер Г. 211
 Срезневский И. И. 116
 Станиславская А. М. 127, 200
 Станкевич А. В. 15
 Степняк-Кравчинский С. М. 205
 Строганов С. Г. 18
 Струве П. Б. 239, 242, 243
 Сулова Ф. М. 211, 219
 Сухоруков В. Д. 129
- Татищев С. С. 228—229
 Ткачев П. Н. 200, 204
 Токвиль А. 154
 Толстой Д. А. 104
 Троицкий С. М. 13
 Туган-Барановский М. И. 243
 Тур 44
 Тургенев И. С. 141, 146
 Тургенев Н. И. 49, 132

- Тхоржевский С. И. 224
Тьерри О. 236
Тюрин А. Ф. 14, 76, 81—87, 89, 97, 125, 246
- Уваров С. С. 5
Устрялов Н. Г. 4, 108, 164—168, 184, 197, 247
- Федор Алексеевич 58, 93
Федор Иоаннович 88, 90, 94, 95
Федосеев Н. Е. 211
Фигнер В. Н. 205
Флетчер Д. 183
Фонвизин М. А. 49
Фурье Ш. 236
- Хлебников Н. И. 215
Хмельницкий Б. 128—132
Хомяков А. С. 213, 215
Худяков И. А. 199, 202, 203, 205, 226
- Цамутали А. Н. 5, 14, 131, 136
Цшоппе 39
- Чаадаев П. Я. 5, 6, 16, 17, 171
Черепнин Л. В. 18, 97, 101—103, 136
Чернышевский Н. Г. 3, 4, 9, 12, 125, 131, 132, 138, 146, 159—161, 171, 181, 194, 197—209, 211, 212, 237, 244, 246, 247
- Чичерин Б. Н. 4, 10, 12, 14, 15, 96, 137—150, 152—160, 168, 174—177, 180, 185—187, 198, 207, 221, 222, 247
- Чумаченко Э. Г. 13
- Шашков С. С. 136, 202
Шевырев С. П. 117, 141
Шелгунов Н. В. 131, 136, 187, 199, 201, 202, 205, 211, 226
Шикло А. Е. 6
Шлецер А. Л. 86, 117
Штецель Г. Я. Г. 39
Шуйские 94
- Щапов А. П. 12, 112, 130, 135, 194, 199, 201—203, 205, 225, 226
Щебальский П. К. 135
Щербатов М. М. 117, 124, 213
- Эверс И. Ф. Г. 8, 9, 18, 19, 42, 76, 77, 86, 90, 93, 125
Энгельс Ф. II, 212, 233, 235—237, 240, 251
- Южаков С. Н. 201, 242
- Яворский С. 63
Ярослав 19, 20, 27, 30, 45, 46
Яхонтов С. Д. 116, 117

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I	
Возникновение государственной школы. Poleмика с охранителями и славянофилами	
1. Первые шаги историков государственной школы	15
2. К. Д. Кавелин против М. П. Погодина	23
3. Валуевский сборник	34
4. Статья К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России»	41
5. Ю. Ф. Самарин и славянофильская концепция истории России	61
Глава II	
«История России с древнейших времен»	
С. М. Соловьева и ее значение для изучения русской истории	
1. Теория родовых отношений в работах М. М. Михайлова, А. Ф. Тюринина и П. В. Павлова	76
2. Первый том «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева и его критики	97
3. Poleмика вокруг последующих томов труда С. М. Соловьева	115
4. Н. И. Костомаров	127
Глава III	
Государственная школа в пореформенный период	
1. Б. Н. Чичерин и окончательное оформление концепций государственной школы	137
2. Исторические взгляды К. Д. Кавелина в 60-е годы	161
3. В. И. Сергеевич	184
Глава IV	
Основные направления в русской историографии в конце XIX века. Распространение марксизма в России	
1. Эволюция демократического направления от просветительства к народничеству	197
2. Главные тенденции в развитии либерального и официального направлений	219
3. Становление марксистской концепции истории России	232
Заключение	245
Указатель имен	252

1p.001